

**ВОЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА,**

СЪ

ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ПОСВЯЩЕННАЯ

РОССІЙСКОЙ АРМІИ.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1838.

ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

СЪ

ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ПОСВЯЩЕННАЯ

РОССІЙСКОЙ АРМІИ.

ИЗДАВАЕМАЯ, ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ ГЕНЕРАЛА БАРОНА

Н. В. МЕДЕМА И О. И. СЕНКОВСКАГО,

Н. И. Глазуновымъ

НА 1838 ГОДЪ.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И К^О.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1838 года, ноября 28-го дня.

Ценсоръ А. Крыловъ.

Войны средних вѣковъ.

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРИИ

ВОЕННАГО ИСКУССТВА

ВЪ СРЕДНИХЪ ВѢКАХЪ.

Сочиненіе Брандта.

=

ПЕРЕВОДЪ КАПИТАНА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

Л. Л. ШТЮРМЕРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1838.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Предисловіе автора.	
I.	
Народное состояніе германскихъ племень послѣ паденія западной Римской Имперіи. — Аллодіальное устройство. — Начало и постепенное развитіе ленной системы	1
II.	
Наслѣдственность леновъ. — Времена рыцарства, и цвѣтушее состояніе феодальной системы. — Первые наемныя войска. — Войска городскихъ общинъ (<i>troupes des Communes</i>)..	45

III.	
Состояніе военнаго искусства на Востокѣ	Стран. 111
IV.	
О Сарацинахъ, Туркахъ, и крестовыхъ походахъ	157
V.	
Войны Эдуарда III и Геприха V, королей английскихъ, противъ французскихъ королей изъ дому Валоа. — Борьба Швейцарцевъ съ Австріицами и Бургундцами	207
VI.	
Нѣмцы въ XIV и въ первой половинѣ XV столѣтія	297
VII.	
Состояніе военнаго искусства у Венгерцевъ.....	321
VIII.	
Турки Оттоманскіе въ Европѣ.....	343
=	
Примѣчанія.....	351.

ПРЕДИСЛОВІИ

АВТОРА.

Исторія военного искусства средних вѣковъ до сихъ-поръ не была ни кѣмъ составлена съ достаточною полнотою: слѣдственно отъ перваго опыта по этому предмету и не возможно требовать совершенства. Авторъ представляетъ военной публикѣ свое сочиненіе въ той только увѣренности, что оно будетъ принято снисходительно. Пусть другіе постепенно исправятъ его недостатки; пусть каждый способствуетъ къ этому по мѣрѣ своей возможности: только такимъ образомъ, общими силами, можно будетъ достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ.

Т. П. — Исторія В. Иск. среди вѣковъ.

1

При составленіи этого сочиненія, авторъ придерживался тѣхъ же самыхъ началъ, которыя прежде были приняты маіоромъ фонъ Сиріаси, къ сожалѣнію столь рано умершимъ для пользы наукъ. Не имѣющіе военныхъ познаній найдутъ въ этой книгѣ пріятное чтеніе, а можетъ быть и поучительное руководство; знакомые съ военнымъ искусствомъ, читая ее съ надлежащимъ вниманіемъ, должны бы найти въ ней по крайней-мѣрѣ общій сводъ того, что принадлежитъ къ исторіи совокупнаго употребленія отдѣльныхъ оружій; тѣ и другіе увидятъ цѣль автора: пособить хоть въ нѣкоторой мѣрѣ, чувствительному недостатку по этой части исторіи военного искусства.

==

ИСТОРИЯ

ВОЕННОГО ИСКУССТВА

СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

I.

Народное состояніе германскихъ племенъ послѣ паденія западной римской имперіи. — Людскіе устройство. — Начало и постепенное развитіе ленной системы.

Съ паденіемъ западной римской имперіи, исчезли послѣдніе слѣды военной науки и военного искусства, цѣлое столѣтіе уже находившихся въ совершенномъ пренебреженіи.

Отъ Чернаго моря до береговъ Тага, отъ Вислы, Балтійскаго и Сѣвернаго морей, до Тибра и Сѣверной Африки историческій міръ лежалъ какъ-бы въ развалинахъ. На мѣстахъ, гдѣ Цезарь стяжалъ лавры, гдѣ Аннибалъ и противники его, Фабій и Маркелъ, исторгали другъ у друга побѣду, гдѣ впервые прославились, Сципіонъ и знаменитый его соперникъ; наконецъ тамъ, гдѣ послѣдняя встрѣча ихъ на бранномъ

*

поприщѣ рѣшила судьбу древняго міра, — киѣли потомъ сонмы варваровъ, поправшихъ въ непродолжительное время все, что геніи и трудолюбіе творили втеченіи вѣковъ.

Даже то, что уцѣлѣло, пришло форму грубую, соотвѣтственную невѣжеству побѣдителей, и прошло цѣлое столѣтіе, пока военное искусство приняло снова дидактическій характеръ. Не входя въ подробное изложенеіе причинъ, побудившихъ германскія племена вооруженною рукою искать для себя новаго жилища, не опредѣляя въ какой мѣрѣ переселенія средне-азиатскихъ и другихъ народовъ имѣли связь съ темною исторіею Востока, и были ли они слѣдствіемъ мѣстныхъ обстоятельствъ, внутреннихъ переворотовъ, или напора другихъ племенъ², мы ограничимся только тѣми фактами, которые даютъ понятіе о военномъ искусствѣ сѣвера извѣстной тогда Европы.

Со времени нашествія Кимвровъ, столь же смѣло какъ и счастливо отраженнаго Маріемъ², сѣверные народы находились въ безпрерывномъ волненіи. Набѣги, большею частію безуспѣшные, не приводили ихъ въ уныніе. Напротивъ того, эти неудачи, вмѣстѣ съ природною ихъ предприимчивостію, воспитаніемъ, занятіями, гражданскими отношеніями и жаждою добычи, были первою причиною великаго движенія народовъ, долженствовавшаго впоследствии измѣнить политическую форму міра. Масштабомъ такихъ нашествій были, вѣроятно, личныя качества предводителя, и отъ окончанія предпріятія зависѣла въ свою очередь будущая судьба вождя. Счастіе умножало его дружину³ (*comitatus*, какъ назывались всѣ сподвижники вождя или герцога), увеличивало повиновеніе и преданность къ нему, и воспламеняло ратниковъ къ новымъ подвигамъ. Напротивъ, неудача, которую тогда приписывали недостатку искусства предводителя, разсѣвала его толпу, и самъ онъ впадалъ въ прежнюю ничтожность. Превосходная военная организація лучше всего защищала римскихъ подданныхъ отъ Варваровъ,

и пока она существовала въ полной силѣ ⁴, набѣги Германцевъ не могли имѣть значительной важности. Но разстройство ея, всегда неразлучное съ ослабленіемъ государства, должно было обнаружиться чувствительнымъ образомъ сперва въ отдаленныхъ областяхъ, грозно оцѣпленныхъ храбрыми и воинственными народами. По мѣрѣ того какъ изнеможеніе Рима становилось болѣе ощутительнымъ, набѣги ихъ повторялись, и производились чаще. Въ дремучихъ и дикихъ лѣсахъ Германіи ⁵ носилась молва объ удачныхъ грабительствахъ, о чудномъ небѣ Италіи, ея богатствѣ, великолѣпіи городовъ, и изнѣженности ихъ защитниковъ. Не принимая безусловно мнѣнія одного изъ современныхъ французскихъ военныхъ писателей ⁶, что главными дѣйствующими лицами при этихъ набѣгахъ были самые римскіе подданные, можно однако утвердительно сказать, что частныя возстанія туземцевъ облегчали предпріятія Варваровъ; что наконецъ Римляне и автохтоны, выпущенные притѣсненіями, соединились съ иноплеменниками и начали дѣйствовать противъ своихъ соотечественниковъ ⁷. Но воспоминанія, прежняго могущества и славы одушевляли иногда къ столь сильному отпору, молва о могуществѣ имперіи была еще столь всеобщая, что всѣ предпріятія Варваровъ ограничивались вначалѣ одними набѣгами и грабительствами. Борьба съ ними имѣла дѣйствительно тотъ кровопролитный характеръ, который ей придаютъ писатели того времени, и удержала его до окончательнаго паденія имперіи ⁸.

Варвары, уводя въ плѣнъ тѣхъ, которые давали имъ отпоръ, захватывали ихъ имущество, съ неистовствомъ проливали потоки крови, грабили и разоряли все на пути. Естественно, что, при такомъ родѣ военныхъ дѣйствій (если они заслуживаютъ этого названія), во всякомъ новомъ набѣгѣ приходилось совершать большее разстояніе чѣмъ въ предъидущемъ. Это повело къ учрежденію пунктовъ привала и походныхъ лагерей. Такія мѣста превращались мало-по-малу въ по-

стоянныя жилища, и образовали родъ поселеній въ неприятельской странѣ. Наконецъ, когда постоянныя успѣхи частныхъ предводителей воспламенили всѣхъ надеждою богатой добычи, и самыя предпріятія приняли обширѣйшій размѣръ; цѣлыя орды, по примѣру тѣхъ, которыя нѣкогда потрясли могущество республики при Хорен и озерѣ Леманѣ, съ яростію устремились на дряхлую имперію. Подрываемая въ своихъ основаніяхъ впродолженіи болѣе чѣмъ двухъ вѣковъ она пала подъ ихъ ударами. И могло ли иначе случиться? Въ то же самое время, когда Римъ изнемогалъ, съ одной стороны въ бою съ возрожденною, мурдыми царями управляемою Парсіею, а съ другой стороны въ непрерывной борьбѣ съ азіатскими народами, внутри государства волновались релігіозныя партіи, легіоны фанатиковъ многочисленнѣе солдатъ, которые отстаивали границы, бродили по всѣмъ областямъ и довершили разстройство, начатое безразсуднымъ и слабымъ правительствомъ.

Сомнительно, чтобы свѣтъ исторіи могъ когда либо озарить эти времена, во мракѣ которыхъ мелькають только одинокіе исполинскіе образы. Поэтому мы скажемъ, въ нѣсколькихъ словахъ, что раньше исхода V-го вѣка, германскіе народы, при всемъ различіи въ правахъ и образованіи соединенные другъ съ другомъ общимъ происхожденіемъ, пользуясь притомъ числительнымъ превосходствомъ, тѣлесною силою и природною храбростію, одолѣли наконецъ вѣковую всемірную монархію. Вандалы водворились въ Африкѣ, Свевы и Весть-Готы въ Испаніи и частію въ Галліи, Салическіе Франки заняли остальныя римско-галлическія области, а Ость-Готы самую Италію. Какъ въ наше время, всякая новая система набора войскъ влечетъ за собою существенныя перемѣны въ главнѣйшихъ отношеніяхъ гражданской жизни, такъ обратно военное устройство, существовавшее у германскихъ народовъ, должно было опредѣлить общественное ихъ состояніе. Всѣ племена одного корня, не от-

личавшіяся одни отъ другихъ ни жизнию, ни образованіемъ, удержали въ первоначальномъ своемъ политическомъ устройствѣ родъ фамильнаго сходства, съ одинаковыми достоинствами и недостатками. Со всѣмъ тѣмъ, обстоятельства, сопровождавшія образованіе новыхъ государствъ, имѣли важнѣйшее вліяніе на начала ихъ первыхъ постановленій.

Пришельцы, утвердившись въ завоеванной странѣ, приступали къ ея раздѣленію. Члены воинственной орды сдѣлались владѣльцами. Бургунды и Весть-Готы назначили собственно для себя двѣ трети, Вандалы всѣ лучшія области, а Лонгобарды въ Италиі, по примѣру своихъ предшественниковъ Геруловъ, третью часть дохода, и такъ далѣе, и въ возмездіе за это, сколько намъ извѣстно, побѣдители не приняли на себя другихъ обязанностей, кромѣ защиты государства. Франки, побуждаемые къ завоеваніямъ одною жадностію добычи, назначили для себя въ областяхъ и городахъ столько земли и домовъ, сколько имъ было угодно. По-крайней-мѣрѣ, ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей не упоминается о какомънибудь правильномъ раздѣленіи страны⁹. Кловисъ далъ этому народу столь значительный перевѣсъ надъ другими племенами, что цѣлыя столѣтія политической исторіи Германцевъ наполнены почти исключительно однимъ описаніемъ распростраенія его могущества. Притомъ же, свѣдѣнія о другихъ германскихъ народахъ имѣютъ столь тѣсную связь съ исторіею Франковъ, что военныя учрежденія послѣднихъ можно считать въ нѣкоторой мѣрѣ образцомъ, къ которому приближались всѣ прочія. По этимъ причинамъ мы полагаемъ вполне достаточнымъ рассмотретьъ состояніе военнаго дѣла у однихъ только Франковъ. У нихъ участокъ земли, полученной во владѣніе, назывался Аллодіумъ (Odalgut, Allodium). Это слово выводятъ отъ Loos-Aller (жребіиі всѣхъ), полагая, что оно значило участокъ земли, полученной по жребію, — sors¹⁰. Землю эту они считали въ полномъ смыслѣ своею собственностію,

которая послѣ смерти владѣльца могла наследственнымъ порядкомъ переходить къ его дѣтямъ, или если ихъ не было, къ ближайшимъ его родственникамъ. Однако у нѣкоторыхъ Германскихъ племенъ женщины не имѣли права на наследство такого рода, или по тому, что они считались неспособными къ выполнению главнѣйшаго условія аллодіальныхъ владѣній, то есть, къ защитѣ государства, или по другимъ отношеніямъ, зависѣвшимъ отъ степени образованности народа.

Какимъ порядкомъ было произведено раздѣленіе земель, не извѣстно, и, подобно многому изъ этихъ вѣковъ анархій, обстоятельство это не можетъ быть подведено ни подъ какую систему. Со всѣмъ тѣмъ почти несомнѣнно, что въ самомъ началѣ уже существовало неравенство паевъ. Быть можетъ, что участки соответствовали пожертвованіямъ каждаго лица для войны; возможно также, что это зависѣло отъ одной благоклонности полководца.

Между королемъ и его сподвижниками, кажется, первоначально, не было ни какого замѣчательнаго различія. Король не имѣлъ другихъ преимуществъ кромѣ большей доли добычи, дохода отъ нѣкоторыхъ денежныхъ пеней, и незначительныхъ подарковъ, подносимыхъ ему подданными въ народныхъ собраніяхъ. По образу жизни отличаясь не многимъ отъ зажиточнаго селянина, царь въ эти времена ѣздилъ отъ одного имѣнія къ другому въ телѣжкѣ, запряженной волами, собственною рукою садилъ деревья и выжималъ медъ изъ ульевъ. При такомъ образѣ царствованія, личныя доблести были ему необходимы для приданія себѣ надлежащей важности; а какъ весь государственный составъ основывался тогда на народномъ ополченіи, то изъ всѣхъ качествъ храбрость и воинскія дарованія были для него самыми необходимыми условіями. Не подчиненные никому, уповавшіе исключительно на свое оружіе, аллодіальные владѣльцы жили на пріобрѣтенныхъ земляхъ столь же независимо, какъ нѣкогда свободные защитники древней Германіи. Разбросанные

ихъ зámки составляли, такъ сказать, малыя государства, населенныя частью свободными, а частью зависимыми жителями, составлявшими ихъ армію и дворъ. Все, что находилось въ кругѣ дѣятельности ихъ меча, они считали своею собственностію, занимаясь еще долгое время одними разбоями и грабежами. На нѣкоторыхъ общихъ собраніяхъ, называемыхъ мартовскими полями (champs de mars), а послѣ 755 года майскими полями (champs de mai), разбирались государственныя дѣла ¹¹ и вмѣстѣ производились военныя игры. Если какое либо нападеніе враговъ требовало отпора, то все народонаселеніе, имѣющее право носить оружіе, отправлялось въ походъ подъ личнымъ предводительствомъ короля. Каждый свободный гражданинъ, безъ изъятія, былъ къ этому обязанъ, и за то освобождался отъ всѣхъ другихъ повинностей. Въ это время даже священники должны были вооружаться. Такъ образовались ландверъ, гербанъ (ban, argière ban), германней и ариманія ¹², — однимъ словомъ общее ополченіе для защиты границъ противъ непріятеля ¹³. Въ противоположность этому, ополченія, называемыя герфартъ, имѣли характеръ болѣе наступательный; когда они казались нужными, то король предлагалъ свое намѣреніе народному собранію. Если предлагаемое нашествіе получало общее одобреніе и было признаваемо государственнымъ дѣломъ, то согласіе собранія изъяснялось шумомъ оружія. Собственныя дѣла, — Fehde, Faida, — рѣшалъ король, рѣшали частныя лица съ своими дружинами, или съ тѣми, кого они могли привлечь на свою сторону. Въ обоихъ однако случаяхъ король назначалъ день начатія непріязненныхъ дѣйствій. Этотъ вызовъ гражданъ, обязанныхъ къ военной службѣ, даже въ ту пору, когда походъ былъ предварительно уже рѣшенъ, назывался «требованіемъ въ армію», mannitio. Весь край былъ раздѣленъ на округи (дистрикты), управляемые *старостами*, или графами ¹⁴ (comites), которыхъ обязанностию было наблюдать за правосудіемъ, взимать казенные доходы, и ве-

сти въ походъ свободныхъ владѣтелей недвижимыхъ имѣній. Герцогъ, — *dux*¹⁵, имѣлъ въ своемъ управленіи нѣсколько такихъ старость, или графствъ. Оба эти чина первоначально зависѣли отъ одной воли короля. Король былъ избираемъ наследственнымъ порядкомъ изъ одной династіи.

Несмотря на эти учрежденія, государство все еще сохраняло видъ и характеръ военной колоніи¹⁶. Варварскій духъ самоуправства владычествовалъ въ покоренной странѣ: всюду можно было видѣть мечъ побѣдителя на вѣсахъ правосудія; справедливость была на сторонѣ сильнѣйшаго, который гордо и съ самоуправностью попиралъ побѣжденнаго въ прахъ. При продолжительномъ смѣшеніи побѣдителей съ народомъ богатымъ и просвѣщеннымъ, отношенія такого рода не могли удержаться. Короли, сдѣлавшись богатыми и сильными владѣльцами, по закону первоначальнаго уже раздѣла покоренной страны, въ послѣдствіи постоянно увеличивали свое могущество новыми завоеваніями и непрерывнымъ присвоиваніемъ себѣ фискальныхъ земель¹⁷. Они постепенно сосредоточили въ своихъ рукахъ всю власть короля Галловъ и, пользуясь всѣми правами величества, назначали судей и правителей въ областяхъ, взымали подати, и прочая. Достигнувъ такой степени власти, короли, которыхъ остроумный Белламъ представляетъ намъ простыми предводителями Варваровъ, не смѣвшими ни противиться страсти ихъ къ грабежу, ни наказывать своевольства своихъ приверженцевъ¹⁸, начали гнушаться тягостными отношеніями къ сподвижникамъ первыхъ своихъ завоеваній. Они ждали только удобнаго случая разорвать эти узы, и первое спокойствіе, послѣдовавшее за покореніемъ страны, было удобнѣйшимъ для этого временемъ. Короли, не имѣя уже надобности держать своихъ сподвижниковъ въ сборѣ, старались не прибѣгать къ этому и впредь.

По старинному германскому обыкновенію, обязаннымъ службою гражданамъ, въ воздаяніе дѣйстви-

тельныхъ заслугъ, отдавались участки недвижимаго имѣнія во временную собственность. Примѣненіе этого обыкновенія оказалось весьма полезнымъ для королей, тѣмъ болѣе что счастливое окончаніе всѣхъ предпріятій ослабило въ народѣ первоначальную жадность къ добычѣ, и случаи къ грабительству сдѣлались болѣе рѣдкими. Но зато съ тѣхъ поръ начали проявляться честолюбивые виды на верховную власть, и короли, чтобы пріобрѣсть приверженность важнѣйшихъ лицъ, дарили имъ участки земель съ находящимися на нихъ владѣльцами и крѣпостными людьми. Выѣтъ съ тѣмъ они искусно пользовались отношеніями своими къ новымъ подданнымъ, и богатыми подарками умѣли привязать себѣ духовенство. Туземцы, пощаженные при покореніи страны, были уравнены съ Франками.

Судьба обоихъ народовъ соединилась тѣснѣйшими узами, и этимъ было, такъ сказать, довершено полное завоеваніе страны ¹⁹. Для вознагражденія дѣйствительныхъ заслугъ своихъ приверженцевъ, короли дарили имъ участки этихъ казенныхъ, или фискальныхъ, земель со всѣми строеніями, людьми, скотомъ, полями и лѣсами, въ вѣчное и потомственное владѣніе. Эти помѣстія, называемыя въ тогдашнемъ юридическомъ нарѣчій *бенефиціями*, были освобождены отъ всѣхъ податей, и вначалѣ, кажется, ни какія, даже воинскія, обязанности не были къ нимъ присоединяемы. Получавшій ихъ долженъ былъ только присягнуть на вѣрноподданство. Впослѣдствіи каждый изъ поступившихъ въ число «людей», *l'jndi*, или въ дружину короля, обязанъ былъ военной службою, со всѣми домашними своими войсками, съ своею германнею, или арманею. Получавшіе на такихъ условіяхъ недвижимое имѣніе *ленъ* ²⁰, *feodum* или *feudum* ²¹, принадлежали къ «королевскимъ людямъ» и именовались его вѣрными (*fideles*), вассалами, министррелями ²². Свободные аллодіальные владѣльцы вступили поэтому въ службу (*in verbum*) господина (*dominus, senior*);

часто такимъ ленамъ присвоены были доходы съ другихъ королевскихъ земель, мелкой торговли, и нѣкоторыя особенныя права. Но еще чаще, королѣ, дая землю, жаловали вмѣстѣ и какой нибудь придворный чинъ: принявъ его, люди ихъ, или вассалы, входили нѣкоторымъ образомъ въ частную подчиненность ²³.

Принявъ ту точку зрѣнія, съ которой мы смотримъ на предметъ, можно съ одинаковою удобностью считать эти мѣры результатомъ политики королей ²⁴ или слѣдствіемъ древней германской системы владѣнія землями. Мы ограничимся замѣчаніемъ, что государи весьма искусно пользовались тѣмъ и другимъ, чтобы сдѣлаться независимыми отъ сподвижниковъ первоначальнаго завоеванія страны и утвердить свою династію на престолѣ. Вездѣ, гдѣ владычествовали германскія племена, на этой мысли было основано преобразование прежняго ихъ политическаго устройства. Преобразование это въ послѣдующее время, кровавымъ путемъ, послѣ продолжительнаго боя, достигло единодержавія, — прочнѣйшаго и благоразумнѣйшаго образа правленія. Весьма естественно, что, посредствомъ даримыхъ беневфиціи, частное могущество королей возрастало соотвѣтственно числу лицъ, ими надѣляемыхъ. Противъ разнородныхъ милостей монарха устояло весьма незначительное число первыхъ завоевателей страны. Кто изъ нихъ не заботился о распространеніи своего помѣстья, тотъ желалъ чина или власти въ провинціи. Кто отвергалъ и то и другое, того прельщала надежда быть въ короткихъ и постоянныхъ отношеніяхъ съ государемъ. Тѣ, которые по закоренѣлымъ народнымъ предразсудкамъ оставались при своихъ буйныхъ мечтахъ о свободѣ, теряли общественное уваженіе и сами собою дѣлались ничтожными. Эти гордые владѣльцы богатыхъ аллодовъ (Ackerfürsten), не вступившіе въ ленную зависимость, преданные забвѣнію, безъ связи другъ съ другомъ, разсѣянные по цѣлой Франціи, въ короткое время стали и не-

нужными и неопасными для королей. Между тѣмъ въ непродолжительное время богатые и сильные вассалы окружили короля, и составили важнѣйшую часть народа. Сдѣлавшись знатнѣйшимъ сословіемъ, изъ котораго потомъ образовалось дворянство, они занимали первыя мѣста въ народныхъ собраніяхъ, гдѣ между прочимъ, при распространившихся предѣлахъ государства, не являлись уже, какъ прежде, всѣ свободные граждане; даже между разрядами гражданскихъ сословій, *люди*, леоды (*leudes*), сколько можно судить изъ итога вносимыхъ податныхъ денегъ, стояли выше свободныхъ гражданъ. Черезъ своихъ леодовъ, или «людей», король сдѣлался независимымъ отъ воли народа, аллодіальные владѣльцы исчезли въ массѣ богатыхъ вассаловъ, а вскорѣ за этимъ, съ постепеннымъ упадкомъ аллодіальныхъ владѣльцевъ, уничтожилось также первобытное гражданское устройство Германцевъ и уступило мѣсто новому порядку вещей. Воля и повелѣнія короля замѣнили съ тѣхъ поръ прежнія народныя собранія. Старинные обычаи были вытѣснены новыми, всюду проявлявшимися, формами.

Тогда народъ вооружался по вызову короля. Тунгины и центенары слѣдовали за своими графами или герцогами, а грозный *антрустіо*, котораго вся дѣятельность и сила были посвящены кровавому бравному поприщу, устремлялъ опытныхъ своихъ аримановъ въ полѣ и составлялъ зерно арміи. Они были расположены во всемъ государствѣ, какъ нынѣ постоянныя войска размѣщаются на кантониръ-квартирахъ, и при малѣйшемъ востребованіи могли выступить въ походъ.

Обоюдная надобность, казалось, соединяла тѣснѣйшими узами короля и ленниковъ, общая опредѣленнымъ между ими отношеніямъ продолжительное существованіе. Однако же, именно изъ этихъ отношеній, должна была произойти гибель дома Меровинговъ. Въ народѣ, гдѣ каждый гражданинъ былъ воиномъ, гдѣ старинная страсть къ грабежу и корыстолюбію,

не только не потухла, но даже усилилась съ полученіемъ ленныхъ владѣній, наконецъ, гдѣ одна только сила оружія поддерживала прочность правительства, необходимо было, чтобы короли обладали превосходными личными качествами, этимъ только могли они въ своей особѣ сосредоточить всѣ частныя виды, согласить ихъ между собою, слить въ одно цѣлое всѣ отдѣльныя части, и столь же смѣлою какъ и вѣрною рукою управлять кормиломъ государства. Въмѣсто того, слабость Меровинговъ въ скорое время дала начало совершенной анархіи и сдѣлала ненадежными всѣ права, какъ частныя, такъ и въ особенности королевскія.

Многочисленныя пожалованія фискальныхъ (казенныхъ) земель и освобожденіе ихъ отъ всякой гражданской зависимости имѣли весьма важныя послѣдствія. Королевскіе судіи и управители, со времени пожалованія помѣстія, теряли надъ нимъ всякую власть, и даже не имѣли къ нему доступу. Владѣльцы такихъ земель сдѣлались вмѣстѣ неограниченными владыками людей, къ нимъ принадлежавшихъ, и, слѣдовательно, они и каждый изъ свободныхъ Франковъ могли подобно королю повелѣвать своими дворовыми и крѣпостными людьми. Между тѣмъ, когда короли, раздаривъ всѣ земли, лишились средства удовлетворять дальнѣйшимъ требованіямъ своихъ леодовъ, и приверженность ихъ къ владыкамъ начала ослабѣвать. Сперва они отказались отъ условій, на которыхъ имъ даны были земли; потомъ присвоили себѣ право подавать голосъ въ государственныхъ дѣлахъ; впоследствии начали оказывать явное неповиновеніе; а наконецъ вооружились противъ королей даже оптиматы, ими благодѣтельствованные. Во всякой области явились грозныя антрустіоны, и, пользуясь благопріятствующими обстоятельствами, вооруженною рукою пріобрѣтали независимость. Слабѣйшіе собирались къ сильнѣйшимъ, а тѣ къ какомунибудь мужественному начальнику, подъ предводительствомъ котораго или отражали притѣсненія частныхъ лицъ, или мятежнымъ образомъ противились королю.

Епископы и аббаты послѣдовали ихъ примѣру. Государство сдѣлалось ареною, на которой свирѣствовали страсти леодовъ, не имѣвшихъ другой цѣли кромѣ личныхъ выгодъ. Анделотскій трактатъ (590) лучше всего доказываетъ, до какой степени доходило ихъ вѣроломство, какъ они продавали свою приверженность и свое содѣйствіе. Они вооружались только въ томъ случаѣ, когда надѣялись получить новыя выгоды, или когда надобно было отстоять подтвержденіе правъ, незаконнымъ образомъ присвоенныхъ. Такъ въ силу Анделотскаго трактата всѣ лены, законнымъ и незаконнымъ порядкомъ пріобрѣтенныя ими при короляхъ Гонтрамѣ, Зигибертѣ и Шильдебертѣ, признаны ихъ собственностію²⁵. Впослѣдствіи увидимъ, какъ, за исключеніемъ небольшихъ перерывовъ, отношенія эти постоянно болѣе и болѣе развивались ко вреду правительства, и какъ они сдѣлались главнѣйшею причиною тѣхъ смятеній, которыя придаютъ столь мрачный характеръ исторіи слѣдующихъ вѣковъ. Изъ этого видно, что тѣ же самыя леоды и вассалы, съ помощію которыхъ короли, разрушивъ аллодіальную систему, совершили первое преобразование въ государственномъ и военномъ устройствѣ, произвели впослѣдствіи переворотъ въ томъ и другомъ. Какъ въ предъидущемъ періодѣ проявляется вездѣ демократическое, такъ въ этомъ видно аристократическое начало. Первое соотвѣтствовало духу народа, природнымъ его свойствамъ, его нуждамъ и степени просвѣщенія; второе, основанное на поземельномъ владѣніи, нѣсколько вѣковъ составляло въ Европѣ отличительную черту политической системы и существенное различіе ея какъ отъ азіатскаго деспотизма, такъ отъ равенства республиканскихъ правленій²⁶. Тщетно короли, награждая духовенство щедрою рукою, пытались изъ него составить противувѣсъ аристократіи. Послѣ первыхъ непродолжительныхъ успѣховъ, мѣра эта обратилась потомъ даже въ пользу оптиматовъ, которые отняли у духовенства всѣ новыя его пріобрѣтенія. Послѣ

этого опыта, сдѣлавшись съ одной стороны осторожнѣе, съ другой положительно удостовѣряться, что впредь величайшія даже милости королей ни къ чему не поведутъ, аристократія начала дѣйствовать съ большею рѣшительностію противъ верховной власти: она старалась однако, какъ дѣйствуютъ мятежники во всѣ времена, облекать свои замыслы въ законную форму.

Въ седьмомъ вѣкѣ, съ возвышеніемъ палатныхъ меровъ (*major domus*), аристократія получила постояннаго предводителя²⁷. Вначалѣ они были ничто болѣе какъ старосты надъ придворными людьми, старшіе между слугами, и получали это званіе по произволу короля. Потомъ, выбираемые самими «людьми», они постепенно сдѣлались главными инспекторами войскъ и областей, членами государственнаго суда и первыми королевскими совѣтниками. Смотря по личнымъ своимъ выгодамъ, они иногда были совершенно преданы монарху; въ другой разъ становились въ головѣ гордой и мятежной аристократіи. Власть ихъ и личная безопасность зависѣли вообще отъ труднаго искусства умѣть постоянно пользоваться полною довѣренностію обѣихъ сторонъ въ государствѣ.

Довѣренность леодовъ, при весьма ограниченной силѣ короля, ручалась имъ за удержаніе разъ захваченной власти, между тѣмъ какъ званіе ихъ позволяло имъ въ свою очередь имѣть надъ леодами родъ верховнаго начальства. Быстрая переменна шести несовершеннолѣтнихъ королей на престолѣ должна была столько же усилить могущество меровъ, сколько она ослабила власть монарховъ. Король, сохранившій одинъ только титулъ, жилъ наконецъ въ указанной себѣ виллѣ, изъ весьма ограниченныхъ доходовъ. Если присутствіе его нужно было при какомъ либо публичномъ актѣ, онъ, по востребованію, садился въ телѣгу, запряженную волами; погонщикъ шелъ пѣшкомъ и везъ его въ городъ. Тамъ, сидя на престолѣ, король, которому стригли бороду, и оставляли длинные локоны, принималъ подарки графовъ, и на во-

просы ихъ давалъ предварительно назначенные себѣ и выученные наизусть отвѣты. Когда все было кончено, онъ садился опять въ телѣжку, отправлялся на свою виллу, и жилъ тамъ спокойно до тѣхъ поръ, пока его слова не потребуютъ для подобной случая. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было, что короли, лишенные уже всей власти, потеряли потомъ и уваженіе народа.

Но дойдя до этой точки выгодъ, палатные меры и аристократія стали противорѣчить другъ другу, и обѣ стороны вступили въ открытую борьбу. Замѣтимъ, что могущественная аристократія была еще тогда сильнѣе меровъ, что она всѣ чины оставляла доступными для заслугъ, и что во мнѣніи ея личныя качества пользовались вообще большимъ уваженіемъ чѣмъ знатность породы. Однако жъ послѣ почти пятидесятилѣтняго боя и перемѣннаго счастья обѣихъ сторонъ, она была подавлена на нѣкоторое время, а съ нею рѣшилась и судьба Меровинговъ. Карлъ Мартель, храбрый и искусный преемникъ нѣсколькихъ столь же знаменитыхъ меровъ, первый сбросилъ маску. Послѣ блистательной побѣды между Поатіе и Туромъ, спасшей все христіанство отъ грознаго нашествія Аравитянъ и положившей предѣлъ возрастающему ихъ могуществу, онъ началъ въ 739 году жаловать помѣстія отъ своего имени, оговаривая положительнымъ образомъ, что получающіе такіе участки земель обязаны военной службою въ арміи его, какъ герцога Австразіи. Онъ окружилъ себя толпою храбрыхъ удалцовъ, стекшихся къ нему съ разныхъ странъ свѣта и служившихъ за деньги. Зная, что личная его безопасность зависѣла отъ ихъ преданности, онъ щедрою рукою жаловалъ имъ богатыя бенефіціи. Когда не стало земель, захваченныхъ у вельможъ, онъ употребилъ въ свою пользу владѣнія духовенства, и многіе свирѣпыя войны, посвящая себя богослуженію, получали богатыя аббатства и епископства, а между тѣмъ не перемѣняли прежняго образа жизни. Святой Эухерусъ Орлеанскій утверждалъ, что Карла Мартеля будутъ

за это жарить въ препноднемъ царствѣ. Однако жъ, несмотря на подобный соблазъ, Карль образоваль себя изъ этихъ людей родъ постоянной арміи, которая была разбросана по частямъ во всей Франціи и по справедливости можетъ быть принята за первое начало наемныхъ войскъ, извѣстныхъ потомъ въ феодальныхъ войнахъ среднихъ вѣковъ²⁸. Удивительное его поприще представляло переходъ изъ темницы къ верховной власти могущественнѣйшаго государства того времени. Непобѣдимый мечъ его покорилъ мятежныхъ жителей Австразіи, Фрисландіи, Невстріи, Саксоніи, Аквитаніи, Баваріи, также Аллемановъ, Сарациновъ и Бургундцевъ. Во всѣхъ опасныхъ случаяхъ дѣятельной жизни Карла наемныя войска мужественно, и съ величайшею преданностію, отстаивали его судьбу. Поэтому не удивительно, что онъ не только оставилъ въ пренебреженіи прежнюю германскую систему, но даже подрылъ ее въ основаніяхъ и ввелъ новую. Первая не соотвѣтствовала уже ни обстоятельствамъ ни его цѣли, между тѣмъ какъ вторая, которой онъ былъ уже обязанъ всѣми своими побѣдами и славою, была ему вѣрною порукою успѣховъ и на будущее время. Послѣ побѣдъ подъ Тестри и Винзи, общія ополченія, по словамъ современныхъ писателей *innumera biles*, по настоящему бывшія только *vulgari commixta plebe*, начали исчезать, стали рѣже, постепенно испытали совершенное преобразование, и уступили мѣсто дружинамъ оптиматовъ, составляемыхъ изъ *pauciori agmine, sed probatis simul ad certamen viris*. Коль скоро, такимъ образомъ, было сдѣлано начало, дальнѣйшее развитіе новаго порядка вещей совершилось уже весьма быстро.

Чтобы избѣжать того неудобства, которое погубило Меровинговъ, новая династія Карловинговъ не жаловала земель въ воздаяніе заслугъ и преданности, подъ условіемъ одного вассальства, но всегда съ обязанностию нести военную службу. Карль Великій сдѣлалъ еще болѣе. Онъ запретилъ всѣмъ дворянамъ, не за-

нимавшимъ ни какихъ должностей, держать дружину, и это право предоставилъ одному только королю и его чиновникамъ (*seniores, majores*). Мѣра эта, во всякомъ случаѣ, казалось, обезпечивала государство отъ ужасовъ новой анархїи; но при этомъ не былъ принятъ въ соображеніе твердый характеръ людей такихъ какъ Карлъ Мартель, Пенингъ и Карлъ Великій. Столь опасные для королей леоды, конечно, истребились, но только по названію; сущность же осталась подъ другимъ наименованіемъ, и въ формахъ еще болѣе многообразныхъ, какъ увидимъ впоследствии. Безъ сильнаго подкрѣпленія со стороны верховной власти, безъ средствъ, обезпечивающихъ дѣйствительность всякой мѣры, такой порядокъ вещей не могъ существовать. Поэтому онъ не только вскорѣ рушился, но и кромѣ того впоследствии онъ же болѣе всего способствовалъ быстрому развитію ленной системы. Карлъ Великій, для удобства гражданскаго и военнаго управленія, раздѣлилъ все государство на епископства, графства и округа. Онъ, большею частію, оставилъ незанятыми ненадежныя должности герцоговъ, и вообще уменьшилъ число высшихъ государственныхъ сановниковъ, опасныхъ для верховной власти. Графамъ онъ противопоставилъ епископовъ, а тѣмъ и другимъ придалъ ландграфовъ *missi dominici*, которые, на ежегодныхъ сеймахъ и областныхъ собраніяхъ, обязаны были наблюдать за духовными и свѣтскими чинами. Геэрбанъ, древнее германское учрежденіе, изъ опасенія многихъ неудобствъ не только оставленныя въ пренебреженіи, при предшественникахъ Карла, но даже гонимый и подрываемый въ основаніяхъ, получилъ при немъ новую форму. Онъ былъ раздѣленъ на графства (что, судя по наименованію и потомъ удержалось), подчиненъ графамъ, которые выступали въ походъ, подъ предводительствомъ императорскаго полководца (герцога). Предводители дворянства (*Edelvögte*), вѣроятно заступившіе мѣсто старинныхъ германскихъ десятниковъ, сотниковъ, приводили людей, назначенныхъ въ импе-

*

раторскія войска, и предводительствовали меньшими частями Геэрбана. Весь народъ вооружался, кажется, такимъ порядкомъ, и состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ императора и его сановниковъ. Все, что могло приводить въ память прежнее германское устройство, было выброшено изъ новой системы; изъ народной старины осталось только то, что ни въ какомъ отношеніи не ограничивало власти императора и не могло затруднять исполненія предначертаній его плановъ. Запрещеніе Карла, относительно дружинъ частныхъ лицъ, нанесло Геэрбану рѣшительный ударъ, за которымъ долженъ былъ раньше или позже послѣдовать его упадокъ. Оно явно показывало со стороны правительства не только безмолвное дозволеніе, но даже положительную волю, чтобы храбрые воины оставили эту службу, и, слѣдовательно всякой, кто хотѣлъ отличиться, пересталъ даже думать о Геэрбанѣ и опредѣлялся въ дружину какого нибудь государственнаго сановника. То же самое должны были дѣлать богатые владѣльцы земель, притѣсняемые графами и дворянскими предводителями, несмотря на строжайшія даже мѣры Карла Великаго. Слѣдовательно, въ Геэрбанѣ вступали только лица, которымъ терять было нечего, или такіе, которые при отсутствіи сильныхъ страстей считали покой величайшимъ благомъ. Въ послѣдствіи времени Геэрбанъ собирался весьма рѣдко, былъ употребляемъ только для постройки укрѣпленій и для препровожденія транспортовъ, мало-по-малу предавъ забвенію, и наконецъ распался при возрожденіи военнаго искусства.

Власть императорскихъ чиновниковъ, ограниченная при Карлѣ Великомъ желѣзною его волею и строгостію, усилилась послѣ кончины Карла и, при отсутствіи личныхъ качествъ его характера въ послѣдующихъ короляхъ, имѣла тѣ же самыя слѣдствія, которыя при Меровингахъ произошли отъ обширной власти леодовъ. Карлъ, окруженный воинственными народами, долженъ былъ по-необходимости, для управленія пограничны-

ми областями, посылать туда графовъ съ высокою степенью гражданской и военной власти, которые, пользуясь разнообразными выгодами своего положенія, начали потомъ управлять этими землями почти самодержавно. Имѣя притомъ безпредѣльную власть надъ войскомъ, ввѣреннымъ себѣ для защиты границъ, они во время постепеннаго упадка могущества Карловинговъ должны были сдѣлаться опаснѣйшими врагами королей, потому что отдаленность давала имъ средство безопасно и рѣшительно приводить въ исполненіе всѣ свои замыслы. Профессоръ Штенцель, написавшій цѣлое сочиненіе о происхожденіи маркграфовъ и герцоговъ²⁹, говоритъ, что маркграфства простирались отъ Сѣвернаго Моря до Голштиніи, потомъ вверхъ по Эльбѣ до устья Саалы, вверхъ по ней до Богемскихъ горъ, вдоль сѣверныхъ областей (Nordgau) до самаго Дуная, оттоль внизъ по этой рѣкѣ до устья Энсы, по Энсѣ до ея истоковъ черезъ Каринтію, Штирію, Крайнъ, Истрию до Средиземнаго Моря, черезъ Италію, Курфиршескую Рецію, и наконецъ по-ту-сторонѣ Пириней. Они составляли какъ-бы великую оборонительную линію, которой слѣды со временъ Карла Великаго сдѣлались постоянно болѣе и болѣе явственными. Въ нихъ собрались тучи, которыхъ громъ разразился надъ домомъ Карловинговъ, когда не стало геніяльнаго ума Карла Великаго. Всѣ явленія минувшаго времени повторились снова, еще въ ужаснѣйшей формѣ. Все, чего не успѣлъ рѣшить Анделотскій трактатъ, созрѣло въ этомъ періодѣ анархій. Въ отдаленныхъ областяхъ обнаружилось сперва неповиновеніе, потомъ началось противодѣйствіе верховной власти, и наконецъ вспыхнули бунты. Примѣру маркграфовъ послѣдовали герцоги, ландграфы и графы. Обширная власть, ввѣряемая маркграфамъ, доставляла имъ наибольшую возможность отторгнуть свои области, превратить ихъ въ малыя государства и присвоить себѣ всѣ права вѣнценосцевъ. Такимъ путемъ образовались въ 843 году пожизненные ленныя амт-

манства, а въ 877 году существовали уже наследственные права герцоговъ, графовъ и франкскихъ родовыхъ леновъ. Съ ними начинается новый періодъ въ отношеніи къ военному искусству, который, по довольно странному стеченію обстоятельствъ, сливается со временемъ великаго развращенія нравовъ и со всѣми происшедшими отъ того послѣдствіями. Аллодіальные владѣльцы (Allodial Eigenthümer — Wehren — Freie), при усиленіи могущества частныхъ лицъ и упадкѣ королевской власти раньше, или позже должны были попасть въ зависимость обладателей обширныхъ земель. Положеніе ихъ было весьма затруднительно. Притѣсяемые корыстолюбивыми правителями во всякомъ случаѣ, когда повиновеніе королю могло служить благовидною причиною, безъ защиты въ борьбѣ съ мощными, которые въ своихъ владѣніяхъ строили уже въ это время замки, обеспечивавшіе ихъ отъ нападений непріятеля, лишенные покровительства законовъ и всякой надежды на возмездіе за претерпѣнныя обиды, покинутые верховною властію, неимѣвшею довольно силы для охраненія законовъ и удержанія общаго порядка, и наконецъ изнемогая подъ деспотизмомъ тѣхъ, которые обязаны были ихъ защищать, аллодіальные владѣльцы для удержанія родовыхъ имѣній принуждены были принимать на себя обязанности, лишавшія ихъ личной независимости. Свободный владѣлецъ, участвовавшій нѣкогда въ законодательствѣ своего отечества, независимый, неограниченный владыка въ своемъ аллодѣ, вынужденный потомъ служить королевскимъ правителямъ, долженъ былъ по необходимости уступать свое имѣніе сильному, чтобы имѣть возможность изъ рукъ его получить имѣніе это обратно по-крайней-мѣрѣ какъ бенефицію или какъ ленъ. Церковныя даже земли не составляли въ этомъ отношеніи ни какого изъятія, и значительная часть ихъ перешла такимъ образомъ въ руки королевскихъ министровъ и епископовъ. Въ это время безпорядка и анархіи, не много лицъ успѣло спасти свою независимость. Разбросанныя по всей

Франціи, отчужденныя, безъ общей связи, а слѣдовательно безъ силы, они оставались какъ развалины величественной старины, какъ памятники независимости своихъ предковъ, или какъ уцѣлѣвшіе отъ разрушенія слѣды древняго гражданскаго устройства Германцевъ.

Ленная система образовала два главныя сословія, духовное и свѣтское, которыя долгое время были равны между собою по могуществу, алчности къ грабежу и по безнравственности. Хотя духовенство только съ 692 года приобрѣло право участвовать въ государственныхъ дѣлахъ, однако оно гораздо раньше того времени было уже весьма богато³⁰. Франки, которые во время язычества имѣли величайшее уваженіе къ жрецамъ, сохранили его, обратясь въ христіанскую вѣру, къ проповѣдниковъ слова Божія, и всячески старались надѣлать ихъ земными благами. Священники, просвѣщеннѣйшіе и ученѣйшіе люди того времени, вскорѣ сдѣлались одинаково полезными для всѣхъ сословій. Необходимые для престола, они были осыпаны его милостями; вновь обращенные въ христіанскую вѣру сдѣлались для нихъ новымъ источникомъ богатства. Наконецъ корыстолюбивое духовенство непозволительными средствами пользовалось для своихъ выгодъ привязанностію народа къ вѣрѣ³¹. Послѣ этого не удивительно, что оно, обладая несмѣтными богатствами и, что важнѣе, пользуясь общимъ уваженіемъ народа, составило со временемъ явную противъ верховной власти оппозицію, которая нѣсколько столѣтій волновала общество и противодѣйствовала всякому развитію умственной дѣятельности. Оно вмѣстѣ съ дворянствомъ считало себя исключительнымъ представителемъ всѣхъ отношеній общественнаго порядка, а сражаясь сверхъ того наравнѣ съ другими сословіями на полѣ брани, имѣло также нѣкоторое вліяніе и на военную систему того періода.

При отсутствіи спокойствія, мира и свободы въ государствахъ, не существовало въ немъ также ни лич-

ной безопасности гражданъ, ни неприкосновенности ихъ имущества. Народонаселеніе состояло изъ повелителей и рабовъ. Система эта представляла въ главныхъ своихъ основаніяхъ зародышъ борьбы двухъ партій, одной, желающей власти, другой, употребляющей свою во зло. Она вела къ разстройству, и отнюдь не ручалась за самостоятельность государства.

Съ превращеніемъ аллодіального устройства въ ленную систему упали вмѣстѣ, и прежняя оборонительная система, обязывавшая каждого, въ особенности же владѣльца недвижимаго имѣнія вооружаться для защиты отечества, и самыя первобытныя начала обороны государства. Въ замѣну этого не было ни какой системы, равно обширной и при искусномъ употребленіи равно удовлетворительной. Всѣ усилія Карла Великаго распространить между Германцами, и сдѣлать ихъ доступными, здравыя понятія о началахъ государственнаго устройства остались тщетными. По этой причинѣ вездѣ усматривается стремленіе къ раздѣльности, вездѣ борьба части противъ цѣлаго. Принявъ это въ соображеніе, не удивительно, что варвары проходили тогда Европу и монархію Карла Великаго по всѣмъ направленіямъ, оставляя за собою слѣды грабительства и разоренія. Венгры и Норманны терзали внутренность Германіи, Аравитяне овладѣли Испаніею и Сициліею, Саксы Британніею, а Норманны сѣверною Франціею и южною Италіею.

Послѣ этого краткаго очерка различныхъ гражданскихъ системъ, какъ то, лепной, аллодіальной, обратимся къ чисто военнымъ отношеніямъ того времени. По этому предмету встрѣчается первый вопросъ: на какой ногѣ находилось военное искусство при Меровингахъ и Карлоvingгахъ? Не подвержено ни какому сомнѣнію, что первобытныя военныя обыкновенія Германцевъ не испытали ни какой перемѣны въ борьбѣ съ Римлянами. Боевой порядокъ ихъ ландвера, по семействамъ, въ видѣ свиного рыла, и употребленіе въ гелейтахъ пѣхоты, перемѣшанной съ конни-

цею, по всей вѣроятности были постепенно замѣнены другими родами строя. По-крайней-мѣрѣ мы встрѣчаемъ, что Франки весьма давно знали строй по рядамъ (*posse ordines*). Въ линіи они различали центръ и крыла, или фланги. Грекъ Агатиасъ, послѣ востшествія Франковъ въ Галлію, отзываясь объ нихъ слѣдующимъ образомъ: «Оружіе этого народа дурно, оно изготовлено безъ всякаго искусства, и въ случаѣ надобности легко можетъ быть исправлено каждымъ ратникомъ. Грудныя и ножныя латы имъ не извѣстны, болѣшая часть ихъ ходитъ съ открытою головою, а нѣкоторые только носятъ шляпы. Груды и спины до поясицы они не покрываютъ ни какою одеждою, оттоль же до колѣнъ носятъ широкія холщевыя или кожаныя брюки. По старинному своему обычаю, сражаясь, большею частію, пѣшкомъ, они имѣютъ мало лошадей. У бедра ихъ виситъ прямой мечъ, а съ лѣваго плеча щитъ. Луковъ, пращъ и другихъ метательныхъ оружіи не употребляютъ, имѣя вмѣсто того обоюдоострыя сѣкиры, *Francisca*, и особенный, собственно имъ принадлежащій родъ копій, *angones*; копье это имѣетъ среднюю длину, оно почти все окановано желѣзомъ, снабжено на оконечности усами, или крючками, обращенными въ противную сторону, и употребляется съ одинаковою удобностію какъ рукопашное или какъ метательное оружіе. Человѣка, пораженнаго этимъ копьемъ, спасти не возможно, онъ гибнетъ; потому что усы, входя весьма далеко въ тѣло, препятствуютъ выдернуть смертоносное оружіе. Если оно попадетъ въ щитъ противника, то равномѣрно нѣтъ средства ни отрубить его ни выдернуть. Тогда Франкъ обыкновенно, вскочивъ на древко ногою, срываетъ щитъ въ низъ и убиваетъ беззащитнаго врага». Этотъ ангонъ есть вѣроятно древняя фрема, лучше и искуснѣе приспособленная; впоследствии же отъ него можетъ быть произошла галебарда.

Но лѣтописи доказываютъ, что Франки вскорѣ отста-

ли отъ прежнихъ своихъ обыкновеній. Уже въ царствованіе сыновей Кловиса встрѣчаются у нихъ шлемы и панцири, сперва кожаные, а потомъ металлическіе. Кромѣ мечей, копій (angones) и сѣкирь, постоянно вошли въ употребленіе длинныя щиты (Herschild) и луки большой досягаемости. Въ войскахъ введено раздѣленіе на части по сто человѣкъ (Hundreda), командуемыхъ капитаномъ: (Centgraf, Tungin, Centurio), которые въ свою очередь состояли изъ отдѣленій въ десять человѣкъ (Zenta), управляемыхъ десятниками (Tiphade, Decanus). Физическая сила и ловкость дѣйствовать оружіемъ, смѣлость и мужество въ бою, были въ это время первыми и необходимыми качествами какъ для простыхъ ратниковъ, такъ и для военачальниковъ. По этой причинѣ и военное воспитаніе начиналось съ самаго ранняго возраста³². Военное искусство находилось еще на низкой степени и носило отпечатокъ своего младенчества. Всею арміею предводительствовалъ король, а воинствомъ каждой области графъ.

Описаніе сраженій при Казиллумѣ, Поатіе и Фонтеноа, можетъ дать нѣкоторое, впрочемъ весьма неудовлетворительное понятіе, о тактикѣ того времени. При Казиллумѣ (нынѣ Сариа нова) въ 523 году Франки, подъ начальствомъ Буцеллина, одного изъ лучшихъ полководцевъ того періода невѣжества, сражались противъ Нарсеса. Совокупность ихъ дѣйствій представляетъ уже нѣчто систематическое, но, какъ приготовленіе къ бою, такъ и самый боевой порядокъ, носятъ еще отпечатокъ варварства. Тридцать шесть тысячъ Франковъ заняли укрѣпленный лагерь противъ осмнадцати тысячъ римской арміи. Неуспѣшная стычка малозначительнаго отряда съ Римлянами вдругъ побудила предводителя Франковъ, дать генеральное сраженіе. Не дождавшись возвращенія своего брата, отправленнаго съ значительною частію войскъ для отдѣльныхъ дѣйствій, онъ устроилъ наличныя силы свои къ бою. Фланги его линій были примкнуты къ двумъ лѣ-

самъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ предварительно осмотрѣнъ; армія расположилась въ колоннахъ, имѣвшихъ осемдесятъ человекъ во фронтѣ, а осемнадцать въ глубину. Центръ ея, съ которымъ Буцеллинъ предполагалъ произвести рѣшительный ударъ, имѣлъ видъ клина, или греческой буквы А. Крылья этого строя расходились, по словамъ Агатиаса, какъ ноги человека; середина его была пуста⁵⁵, такъ, что ратники обоихъ фланговъ стояли спинами другъ къ другу (*nuda virorum terga scrietim appaerent*). Клинь этотъ устремился съ неистовствомъ на центръ Римлянъ, который либо не устоявъ противъ напора, либо съ намѣреніемъ отступилъ назадъ. Тогда Франки бросились грабить непріятельскій лагерь; но, вдругъ явился передъ ними римскій резервъ, состоявшій изъ Геруловъ. Удерживаемые съ фронта, и въ то же самое время атакованные римскою пѣхотою съ фланговъ, а кавалеріею, вышедшею изъ лѣсовъ, неожиданно взятые въ тылъ, они претерпѣли ужаснѣйшее пораженіе. Изъ всей ихъ арміи спаслось весьма немного, между тѣмъ какъ Римляне потеряли не болѣе осемдесяти человекъ. Въ тотъ разъ звѣрская неустрашимость Франковъ не устояла противъ тактики и дисциплины Римлянъ.

Въ періодъ времени, предшествовавшемъ царствованію Карла Великаго, военныя дѣйствія Франковъ отличаются гораздо большимъ искусствомъ и предусмотрительностію. Уже въ сраженіи подъ Тестри 687 года Пепинъ, независимо отъ другихъ его дѣяній, стоитъ несравненно выше Буцеллина. Вблизи города Веромандовъ (*Saint-Quentin*), недалеко отъ деревни Текстриціумъ (*Testri*), войска Австрійцевъ и Невстрійцевъ были расположены по обоимъ берегамъ рѣки Далманни (нынѣ *Daumignon*). Пепинъ предлагалъ непріятелю миръ, но желаніе его было отвергнуто, и потому онъ, одушевивъ начальниковъ своихъ войскъ рѣчью, приказалъ арміи съ молитвою приготовиться къ бою. Послѣ того онъ тщательно осмотрѣлъ мѣстность, оглядѣлъ дороги, ведущія къ непріятельскому расположе-

нію, и указалъ высшимъ военачальникамъ, какъ направленіе предполагаемыхъ имъ движеній, такъ и пункты, которые слѣдовало занять войсками. Ночью, неожиданно снялась вдругъ вся армія, перешла рѣку Далманнію и заняла новое расположеніе восторонѣ отъ дороги, ведущей къ прежнему лагерю. По сигналу, зажженные шатры исчезли въ облакахъ дыму и пламени. Тогда Теодорикъ и Берхаръ, предводители Невстрійцевъ, полагая, что непріятель обратился въ бѣгство, съ полною увѣренностію въ побѣдѣ быстро устремились его преслѣдовать. Неустроенныя густыя массы ихъ прошли въ безпорядкѣ мимо арміи Пепина, но были, неожиданно, атакованы съ фланга. Не имѣя возможности устроиться, они защищались еще нѣкоторое время, а потомъ, видя всѣ усилія свои тщетными, обратились въ совершенное бѣгство. Такимъ образомъ блистательную побѣду Пепина должно въ полной мѣрѣ приписать распоряженіямъ его, основаннымъ на характерѣ противника.

Карлъ Мартель, сынъ Пепина, стоитъ еще выше въ ряду полководцевъ. Противъ юнаго героя въ одно время возстали три могущественныхъ врага, изъ которыхъ каждый имѣлъ на своей сторонѣ превосходство силъ. Несмотря на то, онъ смѣло пошелъ имъ на встрѣчу, и съ быстротою молніи устремился сперва противъ Радбода, князя Фрисландскаго (716). Хотя не разбитый въ бою, онъ претерпѣлъ однако весьма значительную потерю въ людяхъ, вслѣдствіе которой, по необходимости, рѣшился оставить поле сраженія и даже распустилъ небольшую свою армію. Вѣрныя его ратники разсѣявшись по всѣмъ направленіямъ, окружили непріятеля со всѣхъ сторонъ и весьма успѣшно открыли дѣйствія малой войны. Они являлись всюду, гдѣ бой или разореніе обѣщали имъ какія-нибудь выгоды, но никогда тамъ, гдѣ ожидалъ ихъ противникъ. Этотъ образъ войны доставлялъ Карлу важныя преимущества даже тогда, когда Невстрійцы и Фрисландцы соединяли свои силы для совокупнаго дѣйствія.

Впослѣдствіи нечаянное нападеніе на карбонарскіи лѣсъ (близъ Amblef, въ Арденнахъ, недалеко нынѣшняго Статбло и Мальмеди), искусно соображенное, и по оплошности Невстрійцевъ имѣвшее особенный успѣхъ, рѣшило поверхность его надъ непріателемъ въ полѣ, и побѣда съ тѣхъ поръ постоянно уже оставалась на его сторонѣ. При Винціакумѣ (Vinci, въ области Cambray, 21 марта 717), въ дѣйствіяхъ его видно менѣе искусства. На этотъ разъ, какъ два человѣка передъ поединкомъ, такъ онъ передъ сраженіемъ съ арміею Хильперика условился съ противникомъ относительно мѣста и времени. Это обстоятельство можетъ быть и было причиною великой потери, кторой ему стоила одержанная здѣсь побѣда надъ Невстрійцами. Но двѣнадцать послѣдующихъ походовъ, совершенныхъ въ короткое время противъ Саксонцевъ, Аквитанцевъ, Невстрійцевъ, Фрисландцевъ, Аллемановъ, и другихъ, вѣроятно доставили ему довольно случаевъ пріобрѣсти основательныя познанія въ военномъ искусствѣ, въ слѣдствіе чего онъ является потомъ превосходнымъ полководцемъ въ битвахъ своихъ противъ Сарациновъ. Сарацины впервые перешагнули черезъ Пиренси, подъ предводительствомъ Аль-Горра (715 — 718), и, имѣвъ блестящіе успѣхи при многократныхъ своихъ набѣгахъ, рѣшились наконецъ, вмѣсто частныхъ предпріятій, сдѣлать общее нашествіе и всею массою силъ ринутся на Францію. Армія ихъ, походившая на подвижную колонію, готовая поселиться въ завоеванной странѣ силою, по дошедшимъ до насъ преданіямъ около четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ, взявъ съ собою женъ и дѣтей, выступила черезъ Периге и Сентъ, превратила въ пепель городъ Поатіе, и дошла до Тура, гдѣ нагроможденныя сокровища Св. Мартина еще болѣе заманивали Мусульманъ къ наступательному движенію впередъ. Карлъ отправился съ своими Австрійцами и Невстрійцами на помощь Эду. На югъ отъ Тура, но гдѣ именно не извѣстно, обѣ противныя арміи очутились другъ противъ друга. Христіане и Сарацины

провели семь дней въ бездѣйствіи, разсматривая одинъ другихъ; на осьмой день началось сраженіе. Говорятъ, что Карлъ весьма искусно двинулъ свою армію въ атаку, воспользовавшись рядомъ холмовъ, которые скрывали ея слѣдованіе отъ взоровъ непріятеля. Пѣхота его подъ начальствомъ Хильдебранда бросилась первая на Мусульманъ, устроенныхъ въ видѣ полумѣсяца, а Карлъ между тѣмъ лично повелъ въ атаку всю кавалерію. Лѣтописи утверждаютъ, что горсть Христіанъ, такъ сказать, исчезла на время въ сонмахъ окружившихъ ее невѣрныхъ, и всякое наблюденіе за боевыми эволюціями сдѣлалось невозможнымъ; извѣстно только, что неожиданное нападеніе Эвда на непріятельскій лагерь рѣшило наконецъ долго колебавшуюся на обѣ стороны побѣду. Вотъ какимъ образомъ отзываются объ этомъ сраженіи современные писатели; но изъ всего этого достовѣрными можно считать одинъ только послѣдствія боя, а именно, что Мавры претерпѣли совершенное пораженіе и оставили около трехъ сотъ семидесяти пяти тысячъ убитыми (!) на полѣ сраженія. Должно полагать, что⁵⁴ Аравитяне были расположены въ предмѣстьяхъ Поатіе и впереди ихъ, что бой продолжался цѣлый день, и что наконецъ смерть Абдеррахмана рѣшила побѣду въ пользу Христіанъ. На другое утро шатры невѣрныхъ стояли на прежнемъ мѣстѣ; Карлъ готовился возобновить бой, но вдругъ лазутчики извѣстили его о бѣгствѣ непріятелей. Узнавъ это, побѣдители бросились грабить оставшійся лагерь и дѣлить добычу. О преслѣдованіи непріятеля нигдѣ не упоминается; одна только легкая конница Эвда была послана за ними въ погоню.

Ныне, сравнивая все, что до насъ дошло объ этомъ сраженіи, и принимая во вниманіе противоположность частныхъ свѣдѣній, трудно и даже невозможно военному челоѣку составить себѣ объ этой битвѣ какое нибудь удовлетворительное понятіе. Мезере распространяется объ удивительной быстротѣ движеній Сарациновъ, объ употребляемыхъ ими проволочныхъ ру-

башкахъ, о выгодахъ, полученныхъ ими въ началѣ боя, о стрѣлахъ, загаяхъ и копьяхъ, не имѣвшихъ ни какого успѣха противъ густыхъ массъ Франковъ, о великихъ и длинныхъ щитахъ и глубокихъ, сомкнутыхъ кучахъ, въ которыхъ Австрійцы и Невстрійцы держались противъ Аравитянъ. Если къ тому прибавить, что Сарацины сражались большею частію верхомъ, что атаки ихъ всегда были мгновеннымъ ударомъ (сhoc), послѣ котораго слѣдовало изступленное разсыпное дѣйствіе всей массы, то хоть бы и предположить, что фанатизмъ вознаграждалъ имъ въ нѣкоторой степени недостатокъ тактики, все еще невозможно объяснить неизвѣстной имъ потери въ этомъ сраженіи. Искусство укрѣплять лагери было извѣстно въ это время какъ Сарацинамъ, такъ и Франкамъ. По всей вѣроятности войска обѣихъ сторонъ стояли нѣкоторое время въ укрѣпленныхъ лагеряхъ между Туромъ и Поатіе. Обоюдный недостатокъ продовольственныхъ запасовъ можетъ быть принудилъ ихъ искать развязки въ сраженіи. На походѣ они неожиданно наткнулись другъ на друга, слѣдствіемъ чего было обоюдное незнаніе мѣстности, бывшей позорищемъ боя, и первоначальные успѣхи Сарациновъ, происходившіе отъ быстроты ихъ движеній. Но неожиданность не могла взять верхъ надъ мужествомъ закаленныхъ въ бою войскъ Карла, которыя, построившись въ густыя массы, отстояли всѣ атаки непріятелей. Сарацины, разсыпавшись, окружили вѣроятно ихъ со всѣхъ сторонъ, и это естественнымъ образомъ повело къ самому кровопролитному бою. Можетъ-быть еще и не было ничего рѣшительнаго; но уже начинало смеркаться, а между тѣмъ къ вечеру смерть Абдеррахмана ускорила развязку и принудила Мавровъ къ отступленію. Ночь, недостатокъ дисциплины, смѣшеніе различныхъ арабскихъ племенъ, превратили отступленіе въ совершенное бѣгство. На разсвѣтѣ остались только пустыя, покинутыя ими шатры. Сомнѣніе самого Карла въ своей побѣдѣ, въ которой онъ удостовѣрился только послѣ возвращенія лазутчиковъ, удивленіе Франковъ при этой

вѣсти, безпрепятственное отступление Аравитянъ, все это доказываетъ, что смерть Абдеррахмана была главнѣйшею причиною побѣды Франковъ, и что мы не увлеклись нашими предположеніями. Безъ смерти вождя, вѣроятно не было бы столь поспѣшнаго отступленія. Со всѣмъ тѣмъ Карлъ, оцѣнивъ съ удивительною проникательностію образъ дѣйствія въ бою своихъ противниковъ, одолѣвъ ихъ примѣненіемъ правилъ, которыя относительно пѣхоты соблюдаются и донинѣ съ малыми лишь измѣненіями, и онъ неоспоримо стоитъ выше своего вѣка. Впрочемъ, самъ онъ, по обыкновенію древнихъ германскихъ полководцевъ, принималъ личное участіе въ бою, что и доказываетъ знаменитое прозваніе *молота* (*martellus, tudites*), данное ему современниками ³⁶.

Вниманіе война останавливается съ удовольствіемъ и на слѣдующихъ его походахъ противъ Мусульманъ. Послѣ взятія сильнаго, какъ по мѣстности, такъ и по укрѣпленіямъ, Авениса (Авиньона), мы видимъ его подъ стѣнами грозной Нарбонны, бывшей тогда главнымъ городомъ Мавровъ по-ту-сторону Пиреней. Здѣсь Карлъ развилъ многообразныя военныя свои дарованія. Онъ весьма искусно отрѣзалъ осажденныхъ, которыми предводительствовалъ храбрый и опытный Атима, отъ всякаго сообщенія съ Испаніею; онъ окружилъ городъ укрѣпленіями, и воспользовался въ особенности рѣкою Атаксъ (*L'Aude*), изъ которой на случай неудачи сдѣлалъ для себя сильную защиту. Между тѣмъ съ юга приближался для освобожденія осажденныхъ Аморгъ-эбнъ-Айметъ съ многочисленною арміею. Карлъ поступилъ въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ спустя тысячу лѣтъ Бонапарте подъ Мантуей. Не уступая ему ни въ рѣшимости, ни въ смѣлости предпріятій, онъ двинулся съ одною частію арміи на встрѣчу непріятелю, а другую оставилъ для продолженія осады. При рѣкѣ Бирра (Вегге между Нарбонною и Леукате) въ долинѣ Корборія, семь миль отъ Нарбонны, вблизи дворца, выстроеннаго за три вѣка готскимъ царемъ

Атаулфомъ въ 637 году, произошло рѣшительное сраженіе. Къ сожалѣнію, подробности его до насъ не дошли. На этотъ разъ Карлъ не удовольствовался, какъ при Поатіе, однимъ удержаніемъ поля сраженія. Непрiятель былъ преслѣдуемъ съ неутомимою дѣятельностію, море даже и корабли не могли спасти его отъ оружія побѣдителя. Карлъ, собравъ съ поспѣшностію большее количество метательныхъ орудій, повредилъ корабли, на которые въ полномъ упованіи спасались Сарацины, и причинилъ имъ значительный уронъ; однако Нарбонна счастливо устояла противъ героя. Раздѣливъ добычу между войсками, онъ отправился съ ними во-свояси. Описаніе послѣдующихъ его походовъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ цѣли, и потому мы замѣтимъ только, что умѣнье примѣнять военныя дѣйствія къ обстоятельствамъ, равно какъ и одержанныя побѣды, свидѣтельствуютъ о великихъ военныхъ дарованіяхъ Карла Мартеля и ставятъ его неоспоримо въ главѣ вонтелей того времени.

Въ отношеніи къ Карлу Великому можно усомниться, заслуживаетъ ли онъ столько же военной славы, сколько Карлъ Мартель. Хотя онъ провелъ жизнь въ походахъ, не менѣе важныхъ и не менѣе кровавыхъ, воевалъ въ Пиренеяхъ, на Эльбѣ, на берегахъ Сѣвернаго Моря, и по-ту-сторону Альпъ, однако въ дѣйствіяхъ его, какъ полководца, не видно нигдѣ особенныхъ дарованій. Замѣтимъ сверхъ того, что Карлъ Мартель во всѣхъ войнахъ распорядился только собственными дружинами и полками охотниковъ, стекавшихся къ нему въ надеждѣ на добычу, особенно въ походахъ противъ Сарациновъ, между тѣмъ какъ Карлъ Великій въ подобныхъ же обстоятельствахъ устремлялъ противъ непріятеля всю совокупность вооруженныхъ силъ своего государства. Бывъ императоромъ и неограниченнымъ владыкою своей державы, онъ имѣлъ несравненно болѣе средствъ, чѣмъ Карлъ Мартель въ началѣ политическаго своего поприща. Однимъ словомъ, Карлъ Великій заслуживаетъ гораздо болѣе

славы какъ государь и какъ законодатель, чѣмъ какъ полководецъ.

Борьба съ Саксонцами, продолжавшаяся тридцать три года, носитъ на себѣ отпечатокъ разбойничей войны. Оставляя всторонѣ дѣйствія духовныя, имѣвшія цѣлію обращеніе язычниковъ въ христіанскую вѣру; самая война состояла большею частію изъ набѣговъ, въ родѣ германскихъ и галлическихъ, которыхъ важнѣйшимъ послѣдствіемъ было постепенное водвореніе побѣдителей на завоеванныхъ земляхъ. Противъ этихъ враговъ Карлъ сражался лично только два раза при Титмелле (Uetmold) и при рѣкѣ Газа⁵⁷ (783). Къ сожалѣнію, подробности этихъ сраженій, свидѣтельствующія можетъ быть о военныхъ дарованіяхъ Карла, до насъ не дошли. Мы знаемъ только, что первое изъ нихъ не имѣло рѣшительной развязки; но какъ Карлъ вскорѣ отступилъ съ намѣреніемъ соединиться съ шедшими къ нему подкрѣпленіями, то и побѣда его нѣсколько сомнительна. Второе сраженіе продолжалось три дня⁵⁸, но и тутъ Карлъ не достигнулъ своей цѣли, то есть, мира, соотвѣтствовавшаго ожиданіямъ его воинства. Италіанская война рѣшилась измѣною въ Павіи. Вторженіе въ эту страну облегчилъ ему мудрымъ своимъ совѣтомъ архіепископъ равенскій и даже провелъ его войска лѣсными, проселочными дорогами, въ то время какъ въ другой сторонѣ проходы, суецкій и нова-лезскій были атакуемы. Должно согласиться однако, что переходъ черезъ Монъ-Сенисъ и Сенъ-Бернаръ доказываетъ предприимчивый духъ въ Карлѣ Великомъ. Война съ Баярами (Баварцами) кончилась въ короткое время. Она болѣе чѣмъ другія войны могла доставить ему случай обнаружить военныя свои дарованія. Подобно Франкамъ, храбрые и опытные въ военномъ дѣлѣ, могущественные и по собственнымъ силамъ и по содѣйствію союзниковъ, Баяры, тѣснимые нѣкогда сынами Карла Мартеля, отстаивали поле съ успѣхомъ, укрѣпясь на берегахъ Леха, и сдѣлали тщетными всѣ покушенія соединенныхъ силъ Франковъ;

одна только хитрость противниковъ и собственная оплошность были тогда причиною ихъ пораженія; но впоследствии измѣна вельможъ и малодушіе владыки довершили покореніе этого воинственнаго народа. Слава походовъ противъ Аваровъ, по справедливости, принадлежитъ болѣе Пепину чѣмъ Карлу. Пепинъ дошелъ до самой рѣки Тисаги (Тейссъ), взялъ и уничтожилъ укрѣпленные ихъ лагеря (Ringe), окруженные дугообразными стѣнами, имѣвшими двадцать футовъ вышины и столько же ширины. Въ серединѣ этихъ лагерей находились усадьбы князей въ незначительномъ другъ отъ друга разстояніи, гдѣ хранились накопленные плоды грабительства, нѣсколько столѣтій безнаказанно производимыхъ во всѣхъ окрестныхъ странахъ. Походъ противъ Сарациновъ имѣлъ весьма невыгодныя послѣдствія для славы оружія Карла Великаго. Долины Ронсевальскія (или Ivagnete), въ которыхъ онъ претерпѣлъ нѣсколько поражений, доказываютъ, что Карлъ въ этомъ предпріятіи не отличался предусмотрительностію. Если принять въ соображеніе, сколько случаевъ, перевѣсъ числительной силы, лучшее вооруженіе войскъ, превосходнѣйшая организація, единство воли и другія важныя обстоятельства, благоприятствовали его успѣхамъ, то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ знаменитаго историка Гиббона³⁹, который отзывается о Карлѣ Великомъ слѣдующимъ образомъ: «Два героя, бывшіе его предшественниками на поприщѣ государственномъ и военномъ, оставили ему свое имя, свой примѣръ и сподвижниковъ своихъ побѣдъ. Предводительствуя опытнѣйшими и многочисленнѣйшими арміями чѣмъ его противники, онъ превосходствомъ физической силы сокрушалъ порознь дикіе народы, которые по ограниченности политическихъ понятій и по другимъ обстоятельствамъ не образовали ни одного сильнаго союза для защиты общей своей безопасности. Онъ ни разу не состязался съ противникомъ равнымъ себѣ по числительной силѣ, по устройству и вооруженію войскъ⁴⁰. Военное искусство возродилось при Карлѣ,

*

но походы его не представляют ни одной осады, ни одного сраженія, которое было бы усиленъ или по блестящимъ послѣдствіямъ могло украсить листокъ исторіи. Онъ далеко отсталъ отъ той славы, которую дѣдъ его приобрѣлъ въ войнахъ противъ Сарациновъ. При отступленіи изъ Испаніи, арріергардъ его претерпѣлъ даже важное пораженіе, и тѣни храбрыхъ воиновъ, истребленныхъ между горными ущеліями, справедливо могли негодовать на неискуснаго и непредусмотрительнаго полководца.»

Однако же Гиббонъ упустилъ изъ вниманія одно обстоятельство, которое доказываетъ, что Карлъ имѣлъ обширныя познанія въ военномъ дѣлѣ, а именно, постоянную его систему дѣйствовать въ одно время нѣсколькими арміями, окружать ими своихъ противниковъ и держать ихъ постоянно въ недоумѣніи и страхѣ. Такъ, при вторженіи въ Испанію одна армія подъ личнымъ его предводительствомъ двигалась черезъ Пампелуну, съ другою полководцы его слѣдовали черезъ Септиманію, а обѣ онѣ соединились потомъ въ Сарагосѣ. Вторгаясь въ Италію, онъ лично велъ одну армію черезъ Сенисъ, между тѣмъ какъ другая подъ предводительствомъ дяди его Беригарда слѣдовала черезъ снѣжныя высоты Ювисберга (*per montem Jovis*). Противъ Тассило онъ устремилъ вдругъ три арміи, первую, которою самъ предводительствовалъ, къ Аугсбургу, вторую къ Фарингѣ (*Phöging*) на Дунаѣ, третію черезъ Трирскія Альпы къ Ботцену. Противъ Аваровъ онъ также двинулъ три арміи; одна изъ нихъ, пройдя черезъ Богемію, дѣйствовала на сѣверномъ берегу Дуная, потомъ шли главныя силы подъ личнымъ его предводительствомъ на южномъ берегу этой же рѣки, а третія армія пришла на театръ войны изъ Италіи. Слѣдственно нельзя не согласиться, что Карлъ искусно умѣлъ пользоваться превосходствомъ своихъ силъ и достигать великихъ результатовъ. Въ этомъ отношеніи онъ не только превзошелъ всѣхъ владыкъ среднихъ вѣковъ, но и самихъ Римлянъ, которыхъ лѣтописи, даже во время славы ихъ

оружія, не представляютъ ни одного примѣра значительныхъ военныхъ дѣйствій въ этомъ родѣ. Можетъ быть, что обширный размѣръ, въ какомъ онъ велъ всѣ войны, воспрепятствовалъ ему достигнуть такой же степени искусства въ полевыхъ сраженіяхъ, потому что непріятель бывалъ всегда подавленъ, прежде чѣмъ доходило до рѣшенія борьбы мечемъ.

Изъ битвъ того времени упомянемъ еще о сраженіи подъ Фонтеноа, 25 іюня 841 года. Въ немъ мы усматриваемъ въ тактическихъ дѣйствіяхъ всю прежнюю неповоротливость, тѣ же густыя массы, тотъ же самый образъ атаки и обороны. Однако жъ, судя по движеніямъ обѣихъ армій передъ сраженіемъ, можно видѣть, что военное искусство совершенствовалось даже въ это время общаго волненія и разстройства. Замѣтимъ, что Лотарій отказался отъ одного сраженія, прежде котораго по обыкновению того вѣка предлагали ему условиться насчетъ времени и мѣста. Обстоятельство это доказываетъ, что онъ имѣлъ о духѣ военнаго искусства лучшія понятія чѣмъ его современники. Армія его была расположена у города Озерра на Юнѣ (Yonne), имѣя рѣку передъ своимъ фронтомъ и занимая легкими войсками близъ-лежащія высоты. Непріятельскія силы, состоявшія подъ начальствомъ его братьевъ, стояли при Аппоаньи, Шарбюи, Нантонѣ и Пурсенѣ, за рѣчкою, имѣвшею болотистые и поросшіе берега. Впереди лежавшія высоты скрывали часть ихъ боеваго расположенія; Лотарій, узнавъ о приближеніи, отъ береговъ Лоары, вспомогательныхъ къ нему войскъ, оставилъ Озерръ, и пошелъ имъ на встрѣчу къ Нидгарду (lucus fontaneus), но братья слѣдовали за движеніемъ его съ фланга, и, занявъ хорошую, искусно выбранную позицію, отрѣзалъ его отъ ожидаемыхъ подкрѣпленій. Не смотря на это, обѣ арміи Лотарія успѣли соединиться, и бой долженъ былъ рѣшить дѣло. Дѣйствительно, сраженіе произошло на равнинахъ между Дрюй (Druye) и горою des Alouettes⁴¹. Боевая линія баварско-французской арміи имѣла около одной мили

въ длину. Правый флангъ подъ начальствомъ Карла простирался до Фагитъ (нынѣ Fay), центръ, подъ командою Людовика, стоялъ близъ Бриттасъ (нынѣ Bretignelles), а лѣвый флангъ, ввѣренный графу Адельгарду, близъ Соллената (нынѣ Coulénée). Армія Лотарія была раздѣлена также на три массы; самъ онъ съ надежнѣйшими войсками стоялъ противъ непріятельскаго центра. Изъ хода сраженія видно, что на этомъ пунктѣ рѣшилась побѣда, между тѣмъ какъ на обоихъ флангахъ впродолженіи цѣлаго дня ни одна сторона не одержала рѣшительныхъ успѣховъ⁴². Говорятъ, будто сто тысячъ убитыхъ покрыло поле сраженія, и большая часть ихъ были оптиматы, какъ обыкновенно случалось въ междоусобныхъ войнахъ.

Тактическія правила въ этомъ періодѣ, вѣроятно, были тѣ же самыя какъ и при Карлѣ Мартелѣ. Если можно безусловно повѣрить словамъ Турпина, то agmen 'quadratum, изъ котораго можетъ быть произошелъ впослѣдствіи глубокой строй, былъ уже извѣстенъ при Карлѣ. Въ это время все военное искусство заключалось въ томъ, чтобы до-поры держать войска въ совокупности, сжимать ихъ въ кучи, а потомъ быстро устремляться противъ непріятеля, разсыпаться и одиночнымъ боемъ, то есть, рядомъ поединковъ рѣшать дѣло. Полководцы не имѣли еще средствъ управлять всѣми частями глубокихъ боевыхъ массъ и согласовать всѣ частныя дѣйствія съ общою цѣлью. По этой причинѣ они были принуждены являться всюду и лично вводить войска въ бой. Дѣйствія Карла Мартеля въ многихъ случаяхъ служатъ этому подтвержденіемъ. Онъ всегда лично участвовалъ въ походахъ, и даже не за долго до своей кончины онъ явился еще разъ въ полѣ съ копьемъ и мечемъ. Въ одномъ письмѣ къ своей супругѣ Фастрадѣ, онъ самъ упоминаетъ о какомъ-то епископѣ, который возлѣ него мужественно сражался. Старинная лѣтопись говоритъ, что Деэидерій, увидѣвъ его подъ стѣнами Павіи въ полномъ вооруженіи, съ копьемъ въ рукѣ и на бранномъ конѣ,

испугался такъ сильно, что почти полу-мертвый упалъ на землю. Если сверхъ того принять въ уваженіе данное ему Норманнами прозваніе Молота, и то, что Эгингардъ говоритъ объ его верховой ѣздѣ и страсти къ охотѣ, въ чемъ ни одинъ народъ не могъ состязаться съ Франками, то должно полагать, что Карлъ по древнему германскому обычаю любилъ бранную пыль и являлся всегда на опаснѣйшихъ пунктахъ поля сраженія. Въ подобныхъ случаяхъ, онъ вѣроятно становился въ головѣ дружины своихъ Франковъ, своихъ скареманновъ (scarasi, scarmani). Войско это, составлявшее родъ его тѣлохранителей, образовалось изъ васаловъ, въ видѣ ратныхъ слугъ, которые получали известное количество денегъ, платья и жизненныхъ запасовъ, и находились постоянно при главной квартирѣ, во всегдашней притомъ готовности къ безостановочному исполненію приказаній короля.

Прежде было упомянуто, съ какимъ искусствомъ Карлъ отдѣлялъ гражданскую власть отъ военной, и какъ онъ устроилъ обширное свое государство. Остается еще бросить взглядъ на распоряженія его, относящіяся исключительно къ военному дѣлу. Ничто не могло быть проще ихъ, и вмѣстѣ удовлетворительнѣе требованіямъ того времени. Но какъ, для владѣнія саблею Скандербега, нужно было имѣть его руку, такъ и для пользы ихъ необходимо было, чтобы наслѣдники Карла обладали его умомъ и желѣзною волею. Уже при первыхъ его пріемникахъ обнаружилось важное вліяніе личныхъ качествъ монарха. Удовольствіе опытомъ многихъ походовъ въ неудобствахъ Геэробана, Карлъ далъ ему другое, болѣе сообразное съ обстоятельствами, устройство, и въ особенности опредѣлилъ всѣ воинскія повинности, соотвѣтственно имуществу частныхъ лицъ. Каждый владѣлецъ недвижимой собственности состоялъ въ вѣдѣніи приказа для набора войскъ. Каждому набору предшествовало предварительное опредѣленіе основаній для его исполненія. По закону, каждый свободный гражданинъ обязанъ

былъ стать въ ряды при первомъ востребованіи и служить первые три мѣсяца на собственномъ иждивеніи. Имѣвшіе по двѣнадцати собственныхъ дворовъ, или такой ленъ, должны были являться въ полныхъ латахъ, въ бронѣ, съ мечемъ и пикою, въ шлемѣ, со щитомъ, на лошади. Имъ сопутствовали всѣ, которые либо имѣли, либо могли имѣть, лошадь (*qui caballos habent et habere possunt*). Слѣдственно Карлъ началъ первый приучать Франковъ къ службѣ въ кавалеріи, которой они до того времени почти вовсе не знали, а вскорѣ потомъ при Карлѣ Лысомъ конница, какъ видно изъ описанія битвы противъ Роберта, герцога Бретаніи, играла уже важнѣйшую роль. Кто при востребованіи къ службѣ не приносилъ съ собою брони, терялъ свою бенефицію. Кто имѣлъ отъ трехъ до пяти населенныхъ гуфовъ (полевыхъ мѣръ населенной земли, *mansos vestitos*), долженъ былъ также лично выступать въ походъ; изъ трехъ имѣвшихъ по три гуфы являлось два человѣка; изъ двухъ имѣвшихъ по двѣ гуфы одинъ, изъ четырехъ имѣвшихъ по одной гуфѣ одинъ человѣкъ. Многія другія условія набора зависѣли отъ мѣстныхъ обстоятельствъ⁴³. Пѣшіе ратники являлись съ длинными четырехугольными щитами, палицами, съ копьемъ и мечемъ. Стрѣлки обязаны были запастись для своего лука двумя тетивами и по-крайней-мѣрѣ двѣнадцатью стрѣлами. Леоды, въ это время уже вассалы, собирались къ графамъ, второстепенные вассалы къ своимъ сеніорамъ. Свободные владѣльцы сражались подъ знаменами графовъ, а фохты предводительствовали второстепенными вассалами Церкви. Смотря по обстоятельствамъ, давшимъ начало войнѣ, вооружались для похода либо цѣлыя области въ государствѣ, либо одни только вассалы. Кто вопреки своей обязанности не являлся въ армію, наказывался 60-ю шиллингами пени⁴⁴, и если не могъ уплатить этой суммы, то до вырученія ея отдавался въ рабство королю. Кто являлся поздно, тотъ долженъ былъ поститься столько же времени, сколько онъ

опоздалъ; кто безъ позволенія оставлялъ ряды (Hegischlitz)⁴⁵, подвергался смертной казни; а со стороны всякаго военачальника оставленіе людей на родинѣ считалось оскорбленіемъ величества⁴⁶. Люди, которыхъ графы, епископы, аббаты и сеніоры законнымъ порядкомъ оставляли на мѣстѣ, для службы государственной и домашнихъ работъ, назывались *casati*. Вообще, кто только оставался на родинѣ, долженъ былъ нести внутреннюю службу, строить дороги, ходить въ карауль (*wactam facere*).

Вмѣстѣ съ этимъ Карлъ возстановилъ воинскую дисциплину. Каждый свободный гражданинъ, замѣченный въ грабительствѣ съѣстныхъ припасовъ во время похода, или разорившій страну, платилъ шестьдесятъ солидовъ пени, а со слуги въ томъ случаѣ кромѣ тѣлеснаго наказанія взыскивалось въ три раза столько, на сколько причинилъ онъ вреда; кто ослабленіемъ дисциплины или недостаточнымъ надзоромъ былъ причиною безпорядковъ, терялъ чинъ. Каждый свободный гражданинъ или дворянинъ, замѣченный въ воровствѣ, наказывался стременими ремнями. Кто въ бою покинулъ товарища, долженъ былъ ему, если онъ остался въ живыхъ, заплатить сто шестьдесятъ шиллинговъ, обыкновенную пеню за убійство свободного гражданина.

Въ этомъ періодѣ, на продовольствованіе армій было также обращено вниманіе, по-крайней-мѣрѣ правительство старалось положить предѣлы злоупотребленіямъ, и избѣжать случаевъ, гдѣ недостатокъ въ продовольствіи былъ часто причиною гибели значительнаго числа войскъ. Каждый графъ въ случаѣ слѣдованія какаго либо отряда черезъ его область долженъ былъ запастись для него двѣ трети продовольственныхъ запасовъ, а крѣпостныя лодки доставляли независимо отъ того хлѣбъ и подводы. Багажи и продовольственные запасы двора, графовъ, аббатовъ и чиновниковъ (*optimatum regis*), слѣдовали за арміею на возахъ (*in carna ducatur*). Повинность доставлять для Геэрбаха продовольствіе называлось *annona militaris*, фу-

ражъ fodrum, упряжныя лошади veredi или paravedi, подводы angariae, квартиры для ночлега mansiones и наконецъ приварка, mensionatici. Крестьяне каждаго лица, обязаннаго военной службою, должны были нести эти повинности соотвѣтственно своимъ средствамъ, и на такихъ же началахъ были основаны всѣ постановленія, относящіяся къ устройству и содержанию арміи. На пограничныхъ постахъ, каждый ратникъ обязанъ былъ запастись продовольствіемъ на три мѣсяца, считая со дня прибытія къ своему назначенію. Были случаи, въ которыхъ сила этого закона распространялась также на оружіе, срокомъ на шесть мѣсяцевъ. Въ пограничныхъ городахъ, въ особенности противъ Сарациновъ и Басковъ, содержались сильныя гарнизоны. Состояли ли они изъ отборныхъ войскъ Геэбана, неизвѣстно; но они довольствовались жалованіемъ и провіантомъ отъ казны, и находились подъ начальствомъ лицъ, совершенно преданныхъ престолу. Это были въ точномъ смыслѣ царскія войска, которыя, привыкнувъ къ военной службѣ какъ къ ремеслу, со-временемъ теряли даже охоту возвратиться на родину.

Подъ сѣнью глубокаго даже мира, жители были обременены безчисленными военными повинностями и требованіями. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что полный итогъ подобныхъ обязанностей частныхъ лицъ въ Англіи — ничто въ сравненіе съ тѣмъ, что въ старину доставляли Нѣмцы при Карлѣ Великомъ. Всѣ постановленія Карла имѣли цѣлью придавить строптивость народа и принудить его къ безусловному повиновенію. Проклятіе Церкви и карательный мечъ императора приводили все къ смиренію и являлись при малѣйшемъ ослушаніи вельніямъ верховной власти. Могущество императора было основано на преданности чиновниковъ: потому и не удивительно, что съ ослабленіемъ преданности рушилось зданіе, построенное мощною рукою Карла; даже предосторожность его, жаловать въ чины не вельможъ, но людей средняго сосло-

вія, на которыхъ можно болѣе положиться, только замедлила зло на время, но не предохранила государства отъ разстройства. Послѣ кончины Карла, преемники его сдѣлали нѣкоторыя усовершенствованія въ военномъ искусствѣ и въ военной организаціи. Учрежденіемъ военныхъ игръ они старались удержать воинственный духъ въ народѣ и заставить его упражняться въ дѣйствіи оружіемъ. Предметомъ особенной заботливости была кавалерія. Она часто играла уже значительную роль, между прочимъ одинъ весьма любопытный случай сохранился въ лѣтописяхъ города Меца.

Карлъ Лысый для покоренія герцога Бретанскаго собралъ многочисленную армію; въ составъ ея вошла Саксонская кавалерія, присланная въ помощь братомъ его, Людовикомъ Германскимъ. Онъ расположилъ ее передъ своими войсками въ одну линію, считая такой боевой порядокъ удобнѣйшимъ для выдержанія перваго удара бретанской конницы. Между тѣмъ кавалерія противника поступила не совершенно по предположенію Карла. Вооруженная легкими копьями, она раздѣляясь на небольшія кучи, окружила неприятеля, забросала его копьями, и умчалась назадъ, не переставая даже при отступленіи пользоваться метательнымъ своимъ оружіемъ. Саксонская и французская кавалеріи были совершенно разстроены этою атакою, въ особенности послѣдняя, которая въ это время была уже вооружена тяжелыми пиками и мечами⁴⁷. Въ отношеніи къ продовольствованію лагернаго расположенія войскъ, были также изданы весьма полезныя постановленія⁴⁸, но со всѣмъ тѣмъ, рассматривая безпристрастно этотъ періодъ времени, легко убѣдимся, что военное искусство, начавшее процвѣтать при Карлѣ Мартелѣ, Пепинѣ и Карлѣ Великомъ, ощутительнымъ образомъ пришло въ упадокъ при послѣднихъ Карловингахъ. Хотя обстоятельства стали многосложнѣе, а войны и битвы чаще, хотя Западъ пришелъ въ сопротивленіе съ Востокомъ, гдѣ хранились еще сла-

бые остатки прежняго военнаго искусства Римлянъ, однако жъ въ войнахъ того времени не усматривается ни какого важнаго преобразованія военнаго искусства. Старинныя обычаи преобладали во всемъ; усовершенствованія считались не нужнымъ; всѣ преобразованія, Карломъ Мартеломъ и Карломъ Великимъ сдѣланныя въ военномъ искусствѣ, были постепенно забыты, и оно оставалось въ такомъ положеніи, то есть на самой низкой степени, въ продолженіи почти трехъ сотъ лѣтъ, тогда какъ возраждались всѣ другія искусства.

Для полноты обзора этого періода, бросимъ взглядъ и на поліорцетику, хотя объ ней можно сказать весьма не много. Естественно, что всѣ укрѣпленія, построенныя императоромъ, и самими городскими и муниципальными властями, доставляли завоевателямъ весьма важныя выгоды. частію противъ коренныхъ жителей страны, а частію противъ вѣдшихъ враговъ. Состояніе, въ какомъ они нашли подобныя укрѣпленія, заставило ихъ сохранить и начала, на которыхъ основывались прежнія атака и оборона крѣпостей: отсюда и въ описаніи осадъ этого времени встрѣчаемъ тотъ же образъ дѣйствій, тѣ же машины и искусственныя постройки, какія существовали у Грековъ и Римлянъ⁴⁹. Но рѣдкость такихъ предпріятій доказываетъ, что къ нимъ прибѣгали весьма не охотно. Притомъ же дошедшія до насъ свѣдѣнія такъ ограничены и кратки, что они не даютъ ни какого понятія о подробностяхъ предмета. Все, что осталось отъ этихъ временъ, суть старинныя названія, встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ, и нѣсколько частныхъ правилъ для употребленія машинъ. Машины, занимаемыя отъ древнихъ, были — баллиста (petragia?), мускулусъ⁵⁰, таранъ (потомъ названный каркамузою), виenea, катапульта, таранъ съ острою окопечностію (terebra, также terebrus, по-французски tarière), маугана, вѣроятно метательная машина, похожая на баллисту или катапульту, зажигательныя стрѣлы малаго (malleoli) и большаго размѣра (falatica)⁵¹. Обо всѣхъ этихъ машинахъ аббатъ Аббо отчасти упоминаетъ въ описа-

ни осады Парижа Норманнами. Необыкновенные подвиги физической силы при осадѣ Парижа, Мо и Сауса (Sens), напоминаютъ намъ неутомимость Римляпъ въ этомъ отношеніи, но въ дѣйствіяхъ обѣихъ сторонъ совершенно не видно искусства. Впрочемъ, всѣ описанія осадъ неполны, не исключая даже сочиненія аббата Аббо, *de Bellis Parisianae urbis*, которое написано и не краснорѣчиво и не поучительно. Прежде уже было сказано, что царствованіе Карла Великаго не представляетъ ни одной замѣчательной осады, но въ описаніи его походовъ встрѣчаются частыя намѣтки на укрѣпленія и крѣпостцы, выстроенныя имъ въ разныхъ мѣстахъ для обезпеченія своихъ дѣйствій. Можно даже полагать, что армія его укрѣпляла свой станъ всякой разъ, когда ей предстояло оставаться нѣкоторое время на-мѣстѣ. Вообще, полевая укрѣпленія и прежде того были уже въ общемъ употребленіи. Такъ напримѣръ, въ 640 году Радульфъ на берегахъ рѣки Унструтъ, въ деревянныхъ, построенныхъ на высотѣ укрѣпленіяхъ, удерживался противъ непріятели, и, замѣтивъ его нерѣшимость и колебаніе, вышелъ изъ лагеря, напалъ на противника врасплохъ, разбилъ его, и едва не взялъ въ плѣнъ самаго Зигиберта. Въ походахъ же Карла находимъ слѣдующее: въ 775 году при Лидбехи, въ то время, когда Франки возвращались съ фуражировки, Саксоны вмѣшались въ ихъ толпу, тайкомъ вошли въ лагерь, — *ac sic fragorum castro ingressi*, какъ говоритъ лѣтопись Эгингарда, и умертвили множество спавшихъ или пьяныхъ безъ-памяти Франковъ. Въ 789 году Карлъ, перешедъ Эльбу при Габола, построилъ для обороны одного изъ своихъ мостовъ двойной тетъ-де-понъ, состоявшій изъ деревянныхъ и земляныхъ брустверовъ *castella ex ligno et terra*. Впослѣдствіи, въ 839 году, во время войны Лотарія съ Людовикомъ Баварскимъ, укрѣпленія, построенныя послѣднимъ на берегахъ Рейна, воспрепятствовали императору переправиться черезъ эту рѣку и играли весьма важную роль. Вообще, въ среднихъ

вѣкахъ мы увидимъ весьма много подобныхъ примѣровъ. Впрочемъ, въ жизнеописаніяхъ Карла Великаго и въ современныхъ лѣтописяхъ часто упоминается, что онъ имѣлъ мысль, всю систему обороны государства отъ набѣговъ сосѣдственныхъ народовъ основать на построеніи замковъ близъ границъ и содержаніи въ нихъ многочисленныхъ гарнизоновъ. При Карлѣ Лысомъ, и вельможи, слѣдуя примѣру правительства, начали строить твердыни въ своихъ владѣніяхъ. При этомъ, они имѣли въ виду не только обезпечить себя отъ набѣговъ Норманновъ, но и намѣреніе сдѣлаться современемъ независимыми. Изъ одного указа Карла видно, что онъ строго запретилъ всѣмъ своимъ подданнымъ строить *castellas et firmitates et hayas*, и графамъ своимъ приказалъ къ опредѣленному сроку срыть тѣ, которые уже существовали. Впослѣдствіи увидимъ, какъ поліорцетика постепенно отставала отъ усовершенствованій военнаго искусства, пока, наконецъ, новое, важное, изобрѣтеніе не дало ей совершенно другаго направленія и вмѣстѣ съ тѣмъ не способствовало скорѣе прочихъ отраслей военнаго дѣла достигнуть высокой степени совершенства.

=

II.

**Наслѣдственность леновъ. — Времена рыцарства, и
цвѣтущее состояніе феодальной системы. — Первые
наемныя войска. — Войска городскихъ общинъ
(Troupes des Communes).**

Никогда индивидуальность частныхъ лицъ не обнаруживалась въ народахъ явственнѣе какъ въ это время. Европейскій Западъ представлялъ странную картину большихъ государствъ безъ централизаціи, и множества военныхъ аристократій безъ общественной связи, внутренняго сцѣпленія, и достаточной прочности противъ внѣшнихъ враговъ. Семейное сходство различныхъ германскихъ племенъ не испытало почти ни какого измѣненія отъ остатковъ римской образованности и случайнаго сосѣдства Германцевъ съ Греками Восточной Имперіи. Поэтому и не удивительно, если мы встрѣчаемъ въ отдаленнѣйшихъ отъ себя странахъ

Европы, какъ то, въ Сициліи, въ Бретаніи, на берегахъ Дуная, Эйдера, Эбро и Эльбы, то же самое гражданское устройство и тѣ же права, которые существовали у Германцевъ во время ихъ невѣжества и дикой независимости. Шиллеръ говоритъ, что въ этомъ періодѣ многое носило на себѣ характеръ противорѣчія: короли, предводители варварскихъ ордъ, и вмѣстѣ римскіе императоры, прицѣпившіе титло прежнихъ владыкъ вселенной, но неимѣвшіе ихъ самодержавной власти. Вельможи, несмотря на различіе въ устройствѣ государствъ, сходствовавшее во всѣхъ странахъ, какъ по могуществу, такъ и по главному стремленію. Богослужители, повелѣвавшіе съ мечемъ въ рукѣ. Миліція государства, не зависѣвшая отъ него и не содержимая на его жалованьѣ. Крестьяне, принадлежавшіе къ землѣ, и не имѣвшіе защитника въ ея владѣльцѣ. Вотъ общія, отличительныя черты тогдашняго устройства государствъ. Такъ какъ народы находились все въ одинаковомъ политическомъ состояніи, то мы рассмотримъ ихъ вмѣстѣ, по-крайней-мѣрѣ до того времени, когда каждый изъ нихъ началъ принимать особенную фізіономію.

Мы видѣли прежде, какой переворотъ произошелъ въ общественныхъ отношеніяхъ, въ первыя столѣтія, послѣ водворенія Германцевъ въ завоеванныхъ ими странахъ; какъ свободные граждане, мало-по-малу исчезли, какъ могущественные бароны, жалуемые королями въ чины, присвоили себѣ потомъ всю власть и какъ они сдѣлались въ одно время, и вассалами престола, и удѣльными владѣльцами своихъ собственныхъ вассаловъ. Пользуясь въ аллюдіяльныхъ своихъ владѣніяхъ неограниченною властью, а въ ленныхъ помѣстіяхъ завися отъ монарха, они вскорѣ начали помышлять о приобрѣтеніи и въ послѣднихъ полной самостоятельности. Слабость монархической власти, домашніе раздоры, внѣшнія войны, способствовали ихъ намѣреніямъ, и не только облегчили имъ достиженіе цѣли, но и сверхъ того, при постепенномъ

развитіи послѣдствій, образовали изъ нихъ цѣлую систему и облекли ее въ законную форму.

Было уже сказано, какъ свободные владѣльцы сдѣлались оптиматами, процерами и сеніорами, какъ они потомъ превратились въ вассаловъ, какія понятія были къ этому привязаны, и наконецъ, какимъ образомъ Карль Мартель, Пепинъ и Карль Великій воспользовались этими условіями для достиженія цѣли исключительно военной. При постепенномъ развитіи ленной системы, сильные вассалы поставили другихъ въ такую же отъ себя зависимость, въ какой процеры первоначально находились отъ своего удѣльнаго владѣльца, короля. Богатые оптиматы, владѣвшіе обширными, непосредственно отъ короля полученными ленами (*vassus major, vassus fortior*, у Французовъ *grand vavasseur*), отдавали отъ себя приверженцамъ своимъ отдѣльныя помѣстія, за что тѣ обязывались быть постоянно готовыми къ ихъ услугамъ. Оптиматы, бывшіе королевскими сановниками, пользуясь своею властью, не рѣдко къ землямъ присорокупляли и другія милости. Такъ образовались *vassi minores, vassalli*, у Французовъ *les vavasseurs*. Эти вассалы, желая пріобрѣсти надежныхъ приверженцевъ, отдавали въ свою очередь части помученнаго имѣнія другимъ лицамъ, и это ленное подраздѣленіе земель простиралось почти до безконечности, такъ, что если кто нибудь отдавалъ хоть нѣсколько десятинъ другому, то онъ былъ сеніоръ, а тотъ вассаль, обязанный при всякомъ востребованіи своего леннаго господина явиться на его услуги въ полномъ вооруженіи. Одни только не свободные жители, или колонны, не имѣли права отдавать леннымъ порядкомъ земли. Естественно, что, пріобрѣвъ имущество и званіе, каждый хотѣлъ ихъ передать своимъ дѣтямъ, а безпокойное время совершенно тому способствовало. Монархъ, въ большей части случаевъ, принужденъ былъ довольствоваться отъ вассаловъ наружными признаками покорности, и потому утверждалъ за ними лены, которые они мо-

гли защищать вооруженною силою. Обстоятельство это не могло долго оставаться загадочнымъ: вассалы чувствовали, что безъ положительнаго рѣшенія дѣла всякій король, одаренный твердымъ характеромъ, можетъ возстановить въ полной силѣ первоначальныя условія ленной системы. Оно дѣйствительно было причиною безпрестанныхъ волненій и раздоровъ, вслѣдствіе которыхъ наконецъ Карлъ Лысый, въ 877 году, и Конрадъ II, въ 1037, утвердили въ своихъ владѣніяхъ законнымъ образомъ то, чему нельзя было уже воспрепятствовать¹. Наслѣдственность леновъ была ими признана; это нововведеніе распространило общее ослушаніе королевской власти, и мятежному направленію умовъ придало законную форму. Каждый вельможа, для увеличенія своего могущества, старался сдѣлаться независимымъ отъ престола, и это стремленіе составляетъ отличительную черту политической и военной системы народовъ въ это время. Пока лены возвращались къ королю послѣ смерти того, кому они были пожалованы и отдавались снова другому, до тѣхъ поръ бѣольшая часть народа видѣла дѣйствительную власть правительства; но, съ утвержденіемъ наследственности леновъ, исчезла даже и эта зависимость подданныхъ отъ государя. Ближайшая власть есть всегда самая дѣйствительная. Мелкіе владѣльцы, не ожидая ни какой защиты отъ короля, а между тѣмъ опасаясь и ожидая всего отъ своихъ могущественныхъ сосѣдей, предали себя въ совершенную отъ нихъ зависимость. И власть герцоговъ и графовъ надъ мелкими владѣльцами, основанная на страхѣ и на надеждѣ, возростала по мѣрѣ того, какъ уменьшалась зависимость сильныхъ вассаловъ отъ главы государства.

Въ то время, когда изъ аллодіальной образовалась ленная система, каждый вассалъ, а гассаломъ былъ вообще тотъ, кто облывался кому нибудь содѣйствовать съ оружіемъ въ рукахъ, каждый долженъ былъ явиться къ своему властителю для выраженія предан-

ности (*hommagium*). Съ открытою головою, снявъ поясъ, мечъ и шпоры, онъ клялся вѣрно и честно ему служить, тѣломъ, животомъ и вѣрою. Присяга на вѣрность (*juramentum fidelitatis*), различествовала не многимъ отъ этого обряда, но заключала въ себѣ менѣе наружныхъ формъ. Ивеститура, или настоящая передача леннаго владѣнія, была такъ различна и многообразна, что лѣтописцы считаютъ около девяноста осьми ея родовъ. Къ обязанностямъ вѣрности и военной службы присовокуплялись еще и другія повинности, опега, напимѣръ денежныя пособія, пени за частныя преступленія и нѣкоторыя подати.

Обыкновеніе служить въ дружинѣ какого нибудь могущественнаго лица подъ извѣстными условіями, въ послѣдствіи при Карлѣ Лысомъ сдѣлалось столь общимъ, что государь этотъ повелѣлъ, чтобы каждый, подъ опасеніемъ конфискаціи родоваго имѣнія, выбиралъ себѣ покровителемъ короля или кого нибудь изъ его вассаловъ. Подъ знаменами своего покровителя онъ долженъ былъ выступать въ поле. Черезъ это, могущественные уже вассалы пріобрѣли права властителей надъ подчиненными себѣ ленниками. Вмѣстѣ со своими *вѣрными*, они въ скорое время образовали государство въ государствѣ. Число свободныхъ гражданъ, составлявшихъ надежнѣйшую опору королевской власти, значительно уменьшилось, а въ десятомъ вѣкѣ вельможи стѣснили ихъ до такой степени, что даже подданные, вольные арендаторы (*Zinsleute*), сдѣлались крѣпостными людьми. Они превратились постепенно въ слугъ (*ministerele*) своихъ притѣснителей, которымъ никогда не были равными, и должны были подчиниться ихъ суду. Богатое дворянство, естественнымъ образомъ, становилось болѣе и болѣе независимымъ отъ короля, котораго власть ослабѣла съ другой стороны и потому, что слѣдствіемъ возростаго могущества вельможъ было совершенное обезоруженіе низшаго класса народа.

При постепенномъ развитіи подобныхъ отношеній,

*

различіе сословіи обнаруживалось гораздо явственнѣе. Вскорѣ, въ народѣ существовало только два разряда людей: *притъсляющіе*, вельможи, предоставившіе себѣ одну только государственную службу, и *притъсняемые*, вассалы первыхъ и ратники. Малое число лицъ, не принадлежавшихъ ни къ тому ни къ другому разряду, пользовалось только частію тѣхъ правъ, которыя первоначально были присвоены военной службѣ. Такимъ образомъ произошли *почти вольные* (*semper höchst-freien*), то есть, князья и вельможи, имѣвшіе вассаловъ, и *полу-вольные люди* (*Höchst-freien*). Съ распаденіемъ древнихъ герцогствъ, высшій разрядъ спасъ государственную свою самостоятельность, между тѣмъ какъ всѣ другіе свободные большею частію ее потеряли.

Изъ духа ленной системы, основанной на условіяхъ, опредѣленныхъ поземельною собственностью, проистекли въ это время начала какъ военного, такъ и гражданскаго устройства. Владѣніе какимъ нибудь леномъ давало право носить оружіе и воевать, а простой народъ, не пользуясь этимъ преимуществомъ, обязанъ былъ нести государственныя повинности. Даже обыкновенному разряду вольныхъ едва дозволялось съ оружіемъ въ рукахъ сражаться за своего государя.

При подобныхъ учрежденіяхъ различіе состояній должно было имѣть важныя въ военномъ отношеніи послѣдствія. И дѣйствительно, кавалерійская служба въ скорое время пріобрѣла особенное уваженіе, и къ усовершенствованію ея способствовали въ равной мѣрѣ какъ внутреннія, такъ и внѣшнія обстоятельства. Съ одной стороны дороговизна лошадей² льстила вельможамъ при выборѣ этого рода службы, съ другой стороны государи, для противодѣйствія набѣгамъ Венгерцевъ и Поляковъ, старались преимущественно имѣть многочисленную и надежную конницу. Слѣдствіемъ этого было, что втеченіи цѣлаго вѣка вооруженныя силы всей Германіи состояли почти исключительно изъ одной кавалеріи, отличавшейся своею храбростью.

Даже гораздо раньше того времени видно изъ лѣто-

писей, что князья и вельможи охотиѣ сражалсь на лошади чѣмъ пѣшкомъ, что они сперва желали, а потомъ и требовали того же отъ своихъ приближенныхъ. Король Кловисъ въ кровопролитной и рѣшительной битвѣ съ Вестгофами спасъ своего брашнаго коня; король Теодорикъ въ войнѣ съ Тюрингенцами имѣлъ уже подѣ своимъ начальствомъ конные отряды, а по словамъ лѣтописей полководцы короля Гонтрама напали съ одною кавалеріею на армію короля Гондебальда, разбили ее и заставили спастись бѣгствомъ⁵. Конскіе заводы, какъ королевскіе, находившіеся въ вѣденіи маршаловъ, такъ и частныя⁴, доказываютъ, что уже тогда въ кавалеріи дорожили хорошими лошадьми. Желаніе находится вблизи короля или полководца заставляло вообще многихъ сражаться на лошади, и оттого дворяне, служившіе прежде въ пѣхотѣ, начали конную службу считать исключительнымъ правомъ своего сословія. Наконецъ при безпрестанномъ умноженіи числа дворянъ, служившихъ конно, образовалась постепенно мысль нѣкотораго рода *корпорации*, которой главнѣйшія начала встрѣчаются уже въ древнихъ германскихъ учрежденіяхъ; развитіе же ея должно было впослѣдствіи произвести рѣшительный переворотъ во всемъ военномъ искусствѣ⁵.

Старинное германское обыкновение, торжественно вооружать совершеннолѣтнихъ юношей, было важнымъ и блистательнымъ актомъ какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни этого воинственнаго народа. Нѣкоторые писатели полагаютъ, что совершеннолѣтіе считалось съ тридцати, а другіе что съ двадцати одного года возраста. Это обыкновение, вслѣдствіе бурныхъ обстоятельствъ продолжавшееся до временъ Карла, имѣло существенное вліяніе на дальнѣйшее развитіе понятія о *корпорации*. За подобными актами слѣдовали всегда празднества, и современные писатели съ восторгомъ отзываются о великолѣпіи, съ какимъ Карлъ Великій, Людовикъ Благочестивый, Фридрихъ I, и другіе государи, надѣвали вооруженіе на своихъ сыно-

вей. При этих случаях молодым принцам придавались щитоносцы и оруженосцы из самого высшего сословия, обыкновение, которое существовало также с самых древних временъ. Впоследствии знатнѣйшіе князья ставили себя въ честь подавать королю щитъ и сопутствовать ему съ цѣлою своею дружиною. Изъ этого между военными людьми естественнымъ образомъ развилось понятіе о братствѣ по оружію, и произошли опредѣленныя отношенія между его членами. Неограниченная преданность къ государю, вѣрность и самоотверженіе, отличительныя черты германскаго характера, проявлялись тогда во всѣхъ дѣйствіяхъ воина. Остроумный авторъ «Опыта исторіи военнаго искусства Германцевъ въ средніе вѣки» говоритъ, что всѣ добродѣтели и недостатки народнаго характера вмѣстѣ съ христіанскою кротостью были душою этихъ истинно воинственныхъ дружинъ рыцарства. Въ этомъ вѣкѣ фантазіи и подвиговъ, любовь религиозная, христіанская, слилась вскорѣ съ любовью къ прекрасному полу, осяятила ее какимъ-то благоговѣніемъ, и сама отъ этой примѣси земныхъ чувствъ приняла характеръ кротости и нѣжной чувствительности. Угодничество однако у Германцевъ никогда не находилось на такой степени какъ у Англичанъ, и еще болѣе у Французовъ. Храбрость, мужество и благородная гордость, основанная на великихъ дѣяніяхъ предковъ, проявлялись нѣсколько романтическимъ образомъ во всѣхъ военныхъ дѣлахъ, чему весьма много способствовалъ духъ народныхъ ополченій и самое внутреннее устройство государствъ. Такъ постепенно и незамѣтно, изъ существенныхъ элементовъ германо-христіанской жизни, образовалось рыцарство, развилось быстро и вскорѣ приобрѣло прочность настоящаго ордена благородныхъ людей. Рыцарство въ свое время имѣло важное вліяніе на наружную форму военнаго дѣла, а впоследствии времени оно сдѣлалось еще важнѣе, образовавъ въ обществѣ особенный классъ военныхъ людей. Наконецъ въ дружинахъ рыцарства развились

понятія о безкорыстной славѣ и чести, сдѣлавшіяся общемою цѣлью всѣхъ и каждаго, и много способствовавшія тому, что военное ремесло заслужило со-временемъ названіе искусства.

Для полученія рыцарскаго достоинства требовалось преимущественно непорочное дворянское происхожденіе, съ третьяго притомъ рода, что называлось быть *gentilhomme de nom et d'armes, d'armoiries*. Одно только самодержавіе императора или короля могло въ этомъ отношеніи отступать отъ общаго правила, но Французы считали это недостойнымъ народа, — *quod Gallia foedum judicat*; позднѣйшее постановленіе, что никто не могъ имѣть рыцарскаго коня (собственнаго коня), кто не былъ чьимъ нибудь товарищемъ по оружію, было причиною введенія гербовъ въ Германіи, сперва на щитахъ, а потомъ на печатахъ рыцарей. Чтобы получить рыцарское достоинство, благородный, рожденный отъ щита и меча недоросль, долженъ былъ съ семи-лѣтняго возраста изучать военную службу (*lucrosinium militare*), быть пажемъ или юнкеромъ (*page, valet, damoiseau*). Потомъ, когда онъ при какомъ нибудь рыцарѣ долгодѣтнею службою удостоился носить оружіе (*famulus, armiger, serviens, écuyer*), ему ввѣряли вооруженіе рыцаря и его лошадь. Онъ водилъ рыцарскаго коня (*destrier*), носилъ за рыцаремъ щитъ и копье, вязалъ и препровождалъ плѣнныхъ. Черезъ это онъ дѣлался благороднымъ слугою (*Edelknecht-militaris*). По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, не раньше однако двадцать-перваго года своей жизни, при усердномъ исполненіи своихъ обязанностей, и опытности въ употребленіи оружія, онъ могъ надѣяться получить наконецъ рыцарское достоинство. Одни только сыновья государей не подлежали этому правилу. Рыцаремъ онъ дѣлался посредствомъ удара мечемъ, который каждый бывшій уже рыцаремъ имѣлъ право давать благородному юношѣ^а. Этотъ ударъ мечемъ производился съ многими торжественными обрядами, описанными подробно во Французскихъ *Céramoniaux*, и которые во всѣ времена были почти оди-

наковы въ Испаніи, Англіи, Германіи, Италіи, и даже на сѣверѣ. Исключая того случая, когда обрядъ производился въ военное время, на полѣ сраженія, и прочая, знатныя лица получали рыцарское достоинство обыкновенно въ присутствіи королевскаго или герцогскаго двора. Приготовившись къ этому постомъ и исповѣдью кандидаты, въ простой, темной и длинной одеждѣ, становились на мѣстѣ праздника безъ всякаго великолѣпія. Даже кони ихъ не имѣли на себѣ ни какихъ украшеній. Окончивъ купаніе, они являлись въ бѣлой туникѣ, однако все еще безъ шпоръ и шляпы передъ королемъ, герцогомъ или другимъ лицомъ; послѣ чего всѣ торжественно отправлялись въ церковь. За молебномъ слѣдовало пиршество, на которомъ новый рыцарь, сидя за отдѣльнымъ маленькимъ столомъ, не долженъ былъ ничего ѣсть, не говорить и не смѣяться. По окончаніи этого, торжественно вводили ихъ опять въ церковь, гдѣ они въ вооруженіи оставались всю ночь на стражѣ, что называлось *la veille d'armes*. На слѣдующее утро ихъ смѣняли, и, давъ имъ отдохнуть нѣсколько, опять торжественно вводили въ церковь. При этомъ шестви, оруженосцы (*escuyers*) несли обнаженные мечи для новыхъ рыцарей, ефесами вверхъ, и на нихъ были положены позолоченныя шпоры. Сопровождаемые нѣсколькими старыми рыцарями, неся мечъ на шею, они являлись передъ алтаремъ, гдѣ долженъ былъ совершиться обрядъ, падали на колѣна и просили рыцарскаго удара. Тотъ, кто его давалъ, дотрогивался ихъ три раза обнаженнымъ мечемъ, во имя Бога, Святаго Михаила и Святаго Георгія, и давалъ имъ потомъ братскій поцѣлуй. Послѣ того они клялись, всегда быть готовыми для защиты короля отечества, и дамъ (*damoiselles*), жертвовать всѣми земными благами для обороны Церкви, и исполнять всѣ добродѣтели, въ особенности религіозныя. Тогда имъ препоясывали мечъ, старые рыцари накладывали имъ шпоры, и прочее вооруженіе, подавали имъ перчатки ⁷, и такъ далѣе, а епископъ благословилъ ихъ.

Въ стройныхъ рядахъ всѣ выходили изъ церкви, и начинались празднества, пиршества и турниры, на которыхъ молодые рыцари могли уже состязаться съ другими. Для простаго народа при этихъ случаяхъ давались особенныя увеселенія.

При осадѣ крѣпости или въ открытомъ полѣ, въ виду непріятели, рыцари занимали караулы въ подкопахъ или на какомъ нибудь важномъ постѣ: слѣдственно если посвященіе благородныхъ юношей производилось въ военное время, то, приобрѣтя почетное званіе рыцарей, они на другой день удостоивались чести охранять опаснѣйшіе посты.

Званіе рыцарей раздѣлялось по всей вѣроятности на различныя разряды, — *hauts et bas chevaliers*; неизвѣстно однако, на чемъ различіе было основано. Неравенство это вѣроятно обнаруживалось наиболѣе въ военное время, и состояло преимущественно въ томъ, что обыкновенный рыцарь (*bachelier, bas chevalier*) сражался тогда подъ знаменемъ баннерета, баннергера,⁸. Впрочемъ, соединеніе рыцарей въ одно сословіе было только подражаніе существовавшимъ тогда духовнымъ орденамъ, и это подтверждается образованіемъ впоследствии собственно рыцарскихъ орденовъ.

Лепныя и рыцарскія учрежденія получили начало въ Германіи, но точнѣйшія ихъ формы образовались и развились во Франціи, въ Англіи и Иерусалимскомъ Королевствѣ.

Рыцарскій орденъ, это осуществленное понятіе о чести, образовался, существовалъ и отцвѣлъ въ тревожное время, въ эпоху непрочности всѣхъ правъ человѣчества, и поддерживался однимъ лишь пламенемъ благородныхъ чувствъ. Хотя онъ не былъ политическимъ обществомъ, однако жъ послѣдствія его, благодѣтельныя и вредныя, обнаруживавшіяся втеченіи вѣковъ почти во всѣхъ странахъ Европы, проявляются еще донинѣ въ различныхъ видахъ и формахъ. Военная дисциплина, чистѣйшее самоотверженіе, повиновеніе, покорность и не-

обыкновенный героизмъ, отличали рыцарей во всѣхъ періодахъ, хотя впрочемъ эти добродѣтели были часто смѣшаны съ столь же важными пороками. Духъ ордена, въ первое время послѣ его образованія замѣчательный по простотѣ нравовъ, измѣнился впослѣдствіи, и быстро началъ клониться къ упадку, который еще болѣе ускорили внѣшнія обстоятельства. Но все же орденъ рыцарей оставался доказательствомъ того, что одно только преобладаніе разума надъ страстями дѣлаетъ человѣка дѣйствительно достойнымъ самого себя.

Бросивъ взглядъ на общія отношенія того времени, перейдемъ теперь къ чисто военнымъ замѣчаніямъ⁹.

Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ законами, въ случаѣ войны, на различные роды вассаловъ; но можно принять, что они нѣкоторое время оставались еще въ томъ же самомъ состояніи какъ при первыхъ Карловингахъ. Въ Германіи, вассалъ, увѣдомляемый за шесть недѣль и три дня до срока, являлся съ опредѣленною дружиною на сборномъ мѣстѣ, въ полномъ вооруженіи, и даже съ запасомъ продовольствія на первое время похода. Для этого однако, во всѣ времена надобно было и сильныхъ побужденій и личнаго убѣжденія. Кратчайшій срокъ службы въ арміи полагался въ шесть недѣль, но мы видимъ, что вскорѣ вассалы начали дѣлать всѣ усилія, чтобы сократить этотъ срокъ, и нерѣдко успѣвали въ своемъ желаніи. Изъ множества примѣровъ въ этомъ отношеніи можно удостовѣриться, что нѣкоторымъ удавалось сократить срокъ даже до пяти дней. Обстоятельство это, по своей многосторонности, вѣроятно зависѣло весьма много отъ мѣстныхъ причинъ. Напримѣръ, Филиппъ-Августъ, въ походѣ противъ Ричарда (1194), вслѣдствіе нечаяннаго нападенія непріятеля потерялъ весь архивъ, который короли тогда возили съ собою, чтобы рѣшать споры между вассалами и знать всегда съ точностью, чего отъ нихъ можно было требовать. Эта потеря была

королю весьма чувствительна, и лишила его средств дѣлать дальнѣйшія требованія своимъ вассаламъ. Ричардъ же столько обрадовался своей добычею, что ничто не могло склонить его къ возвращенію драгоцѣннаго архива своему противнику. Обстоятельство это доказываетъ, какъ ослабѣла уже тогда зависимость вассаловъ отъ короля.

Собранное такимъ образомъ воинство составляло надежнѣйшее ядро арміи и сражалось большею частью верхомъ. Всѣ бѣдные, обыкновенно дурно вооруженные, ратники рыцарскихъ дружинъ служили пѣхотинцами. Герцоги въ областяхъ, и подчиненные имъ баннереты, графы и бароны, — въ послѣдствіи также города, — ставили свое знамя на опредѣленныхъ сборныхъ пунктахъ. Рыцари и люди ихъ собирались обыкновенно къ государю. Въ государственныхъ войнахъ, которыя одни только подлежатъ нашему разбору, Нѣмцы раздѣляли все воинство на семь частей (Heerschilde). Первое мѣсто (Heerschild) въ арміи принадлежало королю; второе духовнымъ князьямъ, потому что они были слугами короля; третіе свѣтскимъ князьямъ, потому что они могли быть слугами духовныхъ князей; четвертое занимали графы и вольные, какъ слуги князей; пятое баннереты и полу-вольные, то есть, не бароны и не простые вольные; шестое обыкновенные рыцари, то есть, слуги баннеретовъ. Наконецъ, седьмое всѣ вольные, не рыцарскаго однако жъ благороднаго происхожденія: сюда же причислялись мѣщане городовъ, но ихъ впрочемъ рыцари никогда не признавали вполне этого достойными.

Когда армія была уже собрана, развертывали главное государственное знамя, послѣ чего всѣ другія, частныя, знамена свертывались и складывались. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ народъ или провинція могли получить позволеніе сохранить свое знамя. Честь носить государственное знамя принадлежала первымъ въ государствѣ сановникамъ. Символомъ такого знамени Генрихъ I и Отто I приняли ангела. При Фри-

дрвѣхъ I устрѣбили для этой цѣли орла; но эти знаки состояли изъ рѣзбы, а не изъ писанныхъ картинъ. Въ войскахъ италіянскихъ городовъ, такое знамя называлось *Согоссіо*: оно было укрѣплено на длинномъ шестѣ, стоящемъ на телѣгѣ, и такимъ образомъ перевозилось съ мѣста на мѣсто. Нѣмцы послѣдовали этому примѣру послѣ битвы подъ Бувинь; у Французовъ такое знамя называлось *огіflamme*¹⁰.

Если предпріятіе по своему характеру требовало, чтобы вассалы оставались въ полѣ болѣе узаконеннаго срока, то государи были принуждены, всякаго рода жертвоваціями покупать ихъ согласіе. Вслѣдствіе этого покорность вассаловъ болѣе и болѣе ослабѣвала. Государи теряли надъ ними власть, и дѣлались зависимыми отъ ихъ строптивости.

Послѣ востребованія на службу, вассалы обязаны были снабдить свои дружины продовольствіемъ и деньгами на время похода. Для сокращенія расчетовъ и заботъ, обыкновенно все отпускалось деньгами. Кроме того нѣкоторые мѣстныя власти были обязаны доставлять для арміи продовольствіе, скотъ и подводы подъ багажи, и другія военныя принадлежности. У Французовъ доставка скота называлась *sommeaire, sommaris*, и была опредѣлена положительнымъ образомъ. У Римлянъ, для собранія продовольствія и фуража (*foedum*), предварительно высылались люди къ мѣстнымъ властямъ. Однако жъ, несмотря на строжайшія мѣры, принимаемыя по-временамъ для отвращенія грабительства, обыкновенно при сборѣ пропадала большая часть продовольствія.

Во Франціи, въ Англіи и въ другихъ, прежде римскихъ, а потомъ Германцами занятыхъ, странахъ, можно полагать, что военныя учрежденія сохранили тѣ же неудобства. Кажется, однако, что ленная система скорѣе рушилась бы во Франціи чѣмъ въ Германіи, если бы твердый характеръ нѣкоторыхъ государей не возстаивалъ ея по-временамъ насильственными средствами. Такъ напримѣръ, все дворянство Поату

(Poitou) самовольно присвоило себѣ право въ 1271 году оставаться на мѣстѣ, когда всѣ выходили въ походъ, довольствуясь охраненіемъ нѣкоторыхъ крепкихъ пунктовъ въ провинціи. Нѣкоторые другіе оккупались весьма незначительными денежными суммами, а многіе законнымъ даже порядкомъ были освобождены отъ всякой военной службы. Несмотря на подобныя затрудненія, именно изъ этого источника произошло совершенное преобразование военной системы.

Феодальныя арміи, состоящія изъ ленныхъ властителей и вассаловъ, могли бы быть весьма многочисленны. Элементы ихъ состава дѣлали ихъ даже опасными въ день битвы. Однако жъ разнородныя страсти частныхъ лицъ были причиною того, что подобныя войска отличались только пылкостью, мгновенною, проходящею, которую постепеннымъ отступленіемъ и удерживаніемъ ихъ напора легко было уничтожить. Для исполненія обширныхъ военныхъ плановъ, они были совершенно неудобны. Предпріятія, для которыхъ ратники оставляли свою родину чтобы защищать чужое имущество, можно было уподобить переселеніямъ народовъ, которыя безъ колонизаціи завоеванной страны никогда не вели къ важнымъ послѣдствіямъ. Слѣдственно, всякій государь, приготовлявшійся начать какое нибудь важное военное предпріятіе, долженъ былъ заботиться о болѣе устроенныхъ войскахъ, которыя бы подъ какимъ бы то ни было названіемъ, служили удобнѣе для достиженія предположенной цѣли; потому не удивительно, что въ этомъ періодѣ являются уже постоянныя войска во всѣхъ странахъ, а въ особенности въ Германіи.

Первый примѣръ такихъ войскъ встрѣчается уже при Карлѣ Великомъ, въ дружинѣ его скареманновъ (Scargarii, Scaremanni). Послѣ того, хотя и въ другомъ видѣ, постоянными войсками можно считать мерзбургскій легіонъ, родъ милиціи, пріобрѣтшей при Оттонѣ I громкую знаменитость по своей храбрости и опытности въ военномъ дѣлѣ. Генрихъ I, вынужден-

ный защищать границы государства противъ набѣговъ дикихъ сосѣдственныхъ народовъ, образовалъ для этой цѣли совершенно отдѣльный корпусъ. Шайки разбойниковъ, бродившія тогда по всей Германіи, разоряли всю страну, и королевскія войска нерѣдко должны были дѣйствовать противъ нихъ оружіемъ. Генрихъ повелѣлъ изъ пойманныхъ бродягъ выбирать храбрѣйшихъ, дарилъ имъ жизнь, давалъ оружіе, и селилъ въ предмѣстіяхъ Мерзбурга. Въ скорое время онъ набралъ ихъ столько, что можно было изъ нихъ образовать цѣлый легіонъ. Чтобы воинственному ихъ духу дать полезное для государства направленіе, онъ позволилъ имъ производить разбойничіе набѣги въ чужія владѣнія, приказавъ только щадить иѣмецкія области. Приученные къ грабежу и кровопролитію, они, какъ говорятъ современныя лѣтописи, сдѣлались ужасомъ сосѣдей. Составъ этого легіона былъ единственною причиною, по которой преемники Генриха не прибѣгали болѣе къ подобнымъ мѣрамъ.

Первые опыты содержанія войскъ на жалованьѣ, встрѣчаются на сѣверѣ Европы. Альфредъ, Гарольдъ и Кануть Великій содержали большія арміи на жалованьѣ. При послѣднемъ, кажется, постоянная эта милиція должна была уже имѣть значительную важность, потому что король, убивъ въ припадкѣ гнѣва одного изъ ратниковъ этой дружины (*huscarles*), принужденъ былъ унижительнымъ образомъ просить у нихъ извиненія⁴¹. Изъ военныхъ его законовъ (*leges castreuses Canuti*) даже видно, что гускарлы отличались отъ простаго народа одеждою и золотыми украшеніями. Обращеніе ихъ другъ съ другомъ, и рѣшеніе взаимныхъ между ими споровъ, были опредѣлены особенными постановленіями. Споры даже рѣшались собственнымъ ихъ судомъ.

Со всѣмъ тѣмъ первая армія, отъ которой можно считать новую эпоху въ устройствѣ войскъ, была та, съ которой Вильгельмъ Завоеватель покорилъ Англію. Большое жалованье и надежда на богатую добычу,

обѣщанныя волнамъ, являвшимся съ пикою, мечемъ или лукомъ, привлекли подъ его знамена множество удалцевъ¹², не только изъ тогдашней Франціи, Мена, Анжу, Поату, Бретаніи, но даже изъ Фландріи, Аквинаніи, Бургундіи, Піемонта и съ береговъ Рейна. Нѣкоторые являлись къ нему съ дружинами, другіе одни. Нѣкоторые брались служить за деньги, другіе довольствовались одною надеждою на добычу; иные наконецъ просили вакантныхъ леновъ или богатой невѣсты, а щедрый Вильгельмъ обнадеживалъ всѣхъ, и пикому не отказывалъ въ его желаніи.

Во Франціи и въ Германіи вскорѣ послѣдовали этому примѣру. Въ ленной системѣ находился уже зародышъ войскъ, содержимыхъ на жалованьѣ, но алчность вассаловъ болѣе всего заставила государей прибѣгнуть къ этому средству. Всякое содѣйствіе ихъ стоило государямъ новыхъ пожертвованій. Вначалѣ ленники довольствовались награжденіемъ за многократныя услуги, но потомъ начали требовать возмездія за всякое содѣйствіе. Наконецъ, когда они стали вносить въ счеты даже лошадей¹³ и вещи, потеряныя на войнѣ, государи увѣрились, что имъ легче содержать особую дружину на жалованьѣ чѣмъ ленную армію, которой собраніе стоило всегда неимоверныхъ трудовъ, и которая сверхъ того при первомъ удобномъ случаѣ разсѣбалась, предоставляя ихъ собственной судьбѣ.

Германскіе императоры, во время италіянскихъ войнъ, удостовѣрились вполне въ неудобствахъ такой военной системы. По этой причинѣ, уже Фридрихъ I содержалъ на жалованьѣ дружину брабансоновъ, получившую это названіе вѣроятно отъ того, что они набирались въ Брабантѣ. Другіе государи не отстали отъ его примѣра. Ротты (*ruptae, rotte*), которыхъ архіепископъ кельнскій имѣлъ въ походѣ противъ Генриха Льва, и о которыхъ упоминается въ описаніи всѣхъ великихъ военныхъ событій того времени, были не что иное какъ люди, опредѣлявшіеся на службу

подъ разными условіями. По мѣрѣ того какъ государи точнѣе осуждали свое положеніе, возрастало и число этихъ войскъ. При Гогенштауфенахъ они назывались саріентами (*servientes*) и составляли уже нѣсколько тысячъ человекъ. Они служили пѣшкомъ, на лошади, какъ конные стрѣлки, и прочая, и законнымъ порядкомъ давали присягу повиноваться назначенному надъ собой начальнику. Нѣсколько выше того стоялъ классъ солдатъ (*soludarii*), которыхъ государи, графы и вельможи, подъ особенными условіями принимали на жаловань, но при употребленіи своемъ они не имѣли ни какого преимущества предъ брабансонами.

Довольно странно, что современно съ этими переворотами въ военномъ устройствѣ сбраговалась городскія общины. Уже старинныя постановленія вмѣняли горожанамъ въ обязанность служить въ арміи. Для того ли, что содѣйствіе ихъ въ военныхъ предпріятіяхъ, казалось слишкомъ незначительнымъ и не стоило упоминанія, или потому что гордое дворянство не могло терпѣть ни какихъ соперниковъ, но долгое время лѣтописи ничего не говорятъ о городахъ, и вдругъ города, будто желая вознаградить себя за вѣковыя притязанія на ленную систему, соединились вдругъ съ намѣреніемъ отторгнуться отъ леновъ и сдѣлаться независимыми.

Развитіе этой независимости началось въ Ломбардіи. Подъ защитою императорской власти общины постепенно усовершенствовали свое управленіе. *Foderum*, то есть, повинность доставлять разныя потребности въ походахъ противъ Рима, содержаніе и исправленіе дорогъ и постовъ (*paraticum*), и продовольствованіе королевской свиты, мало-по-малу превратились въ родъ *don gratuit*, и всѣ ожидали только случая явно обнаружить сопротивленіе при ихъ доставкѣ. Случай этотъ представился весьма скоро, и далъ начало событіямъ, прославившимъ нѣсколько столѣтій. Общины вольныхъ италіянскихъ городовъ состояли изъ разнородныхъ

элементовъ. Прежде всего надобно упомянуть рыцарскихъ слугъ, вступавшихъ въ общины частью какъ высшее (capitanei), частью какъ низшее дворянство: они надѣялись на свою силу и воинскій опытъ, и стремились обыкновенно захватить власть въ свои руки. Противовѣсь ихъ составляли вольные (agimannei), которые, происходя нѣкогда изъ дворянскаго сословія, либо оставили его, либо въ торговлѣ желали найтти отдыхъ и богатство. Последній классъ горожанъ составляли ремесленники, которые, послѣ уничтоженія приходскаго правленія, состоя подъ властью старшинъ, образовали цехи, и входили также въ составъ полка. Они обыкновенно весьма равнодушно предоставляли дворянству высшіе военные и гражданскіе чины.

При возрастающемъ благосостояніи городовъ, увеличивалась ихъ самоувѣренность; съ нею возвышался и воинственный духъ, и военное искусство быстро развивалось. Строжайшими мѣрами на всякаго взрослого мужчину налагалась обязанность служить войномъ. Войска раздѣлялись по знаменамъ, на части, изъ которыхъ всякая имѣла своего капитана и знаменщика (gonfalonier). Верховную надъ ними власть имѣли высшіе городскіе сановники или особенные народныя капитаны (capitanei del popolo). Главное городское знамя (coroccio) стояло на телѣгѣ, окованной желѣзомъ, останавливавшейся во время боя въ центрѣ позиціи, и защищаемой отборными войсками. Нѣмецкіе города послѣдовали примѣру италіянскихъ, и гражданственность развилась въ нихъ весьма быстро. Въ борьбѣ между Церковью и государствомъ, они, частью собственною силою, частью благосклонностью и политикою императоровъ, получили не только освобожденіе отъ поземельныхъ повинностей, но и образовали себѣ собственныя мѣстныя власти. Еще прежде того времени они часто по-необходимости должны были защищаться противъ алчности дворянства, и потому всѣ городскіе жители были вооружены. Патрици и богатое купечество сражались вер-

хомъ какъ констабли (шталмейстеры), имѣя часто дружину всадниковъ на жалованьѣ. Бѣднѣйшіе жители были вооружены луками, сѣкирами, копьями, арбалетами. Легко вооруженные слѣдовали передъ кавалеріею, а самые бѣдные граждане употреблялись для постройки укрѣпленій. Каждый цехъ имѣлъ свое depot оружія. Бургомистръ предводительствовалъ войскомъ; большая часть жителей располагалась по цехамъ, а какой нибудь почетный ратманъ несъ городовое знамя. Безпрестанныя смуты питали воинственный духъ, и ежегодные маневры, раздачи наградъ, и различныя военныя игры, удерживали порядокъ въ войскахъ. Рыцарство, называвшее войска городскихъ общинъ кошачьими рыцарями, Katzenritter, нашло въ нихъ достойныхъ соперниковъ, а челоуѣчество мстителей вѣковыхъ обидъ.

Во Франціи эти обстоятельства приняли совершенно другой оборотъ. Между тѣмъ какъ въ Италиіи и Германіи города только посредственно способствовали утвержденію монархической власти, во Франціи они нарочно были употреблены для этой цѣли. Съ давнихъ уже поръ они составляли противовѣсъ безпорядкамъ, производимымъ дворянами, разбойниками, и прочая. Людовикъ VI первый воспользовался войсками городскихъ общинъ (*troupes des communes*). Въ головѣ ихъ выступали священники прихода и аббаты со своими вассалами. Священники однако жъ не сражались лично, но ободряли войска, исповѣдывали ратниковъ, и приготавливали ихъ къ смерти,

Это распоряженіе не было новое. Прежде этого, хотя законы и не запрещали горожанамъ служить въ арміи, обыкновение на-дѣлѣ пользовалось безмолвнымъ согласіемъ правительства. Ежели такія войска собирались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то надъ ними начальствовали графы и баннереты. Важнѣйшее, однако, обстоятельство было то, что войска городскихъ общинъ, подъ предводительствомъ своихъ собственныхъ властей и священниковъ, начали съ тѣхъ поръ быть

употребляемы на войнѣ: такимъ образомъ, какъ города, такъ и государи сдѣлались менѣе зависимыми отъ дворянства.

Народонаселеніе вольныхъ французскихъ городовъ состояло изъ вольныхъ людей, изъ ремесленниковъ, лицъ духовнаго званія, мѣстныхъ властей и крѣпостныхъ людей, *gens de main morte*, *gens de poëste*, *gens de corps*, совершенно зависящихъ отъ своихъ господъ, не имѣвшихъ права передать своего имущества по наслѣдству дѣтямъ, и трудившихся всю жизнь не для себя.

Чтобы городскимъ общинамъ доставить право сражаться въ полѣ, короли, для управленія городами, посылали туда своихъ чиновниковъ, которые были въ нихъ важнѣйшими лицами. Въ большихъ городахъ, они составляли особенное общество подъ названіемъ Эшевиновъ (*scabini*), которое, по своимъ привилегіямъ и по уваженію гражданъ, вскорѣ сдѣлалось предметомъ зависти дворянства. Но какъ города пользовались особеннымъ покровительствомъ престола, то дворянство должно было терпѣть эту новую власть. Впослѣдствіи оно даже искало, какъ особенной милости, права жить въ городахъ и управлять городскія должности. Главою всего городского управленія былъ маіоръ (*maire*) ежегодно избираемый.

Эти распоряженія впервые были сдѣланы въ однихъ только королевскихъ владѣніяхъ; потомъ послѣдовали примѣру знатнѣйшіе вассалы, какъ то, графы Шампаніи и Фландріи, герцоги Гиенскіи, Норманскіи, и другіе, все однако же по предварительному соизволенію короля. Даже у сосѣдей, въ Савоіи, Англіи и въ другихъ странахъ начали подражать Франціи. Филиппъ-Августъ издалъ постановленіе о городахъ на случай войны, и можно принять что подобныя, съ малыми измѣненіями существовали до временъ Карла VII, при которомъ началась новая эпоха въ военномъ искусствѣ. Точнѣйшимъ образомъ было опредѣлено, въ какой мѣрѣ каждый приходъ

*

долженъ содѣйствовать достиженію цѣли войны, сколько ставитъ людей въ общую армію, и прочая. Значительнымъ отрядамъ такихъ войскъ, кажется, было присвоено названіе легионовъ, потому что это слово часто встрѣчается въ современныхъ лѣтописяхъ (*legiones communiarum, legio Troim*). Изъ многихъ примѣровъ можно догадываться, что надъ ними начальствовали опытные воины и знаменитые рыцари.

Кромѣ этихъ распоряженій, Филиппъ-Августъ сдѣлалъ еще много другихъ по военному вѣдомству. Царствованіе его обильно образованіемъ различныхъ родовъ войскъ, къ которымъ относятся и нѣкоторыя новыя понятія. Войска эти назывались *servientes, clientes, satellites, ribaldi* и *requiquini*.

Servientes, или какъ обыкновенно переводятъ *sergens*, означало, кажется, всѣхъ тѣхъ, которые не были рыцарями (*milites*). Такъ приходскіе отряды въ спискахъ называются часто *sergens de pied*. Выраженіе *sergenterie* имѣло совершенно другой смыслъ, и означало по всей вѣроятности нѣкоторыя лены въ Нормандіи и Бретани. Отъ *sergens* должно также отличать *servientes armorum* (*sergens à maces*), которые составляли королевскую стражу, шли впереди его вооруженные сѣкирами, луками и стрѣлами, въ полныхъ латахъ, и пользовались значительными по службѣ преимуществами.

Clientes, о которыхъ упоминается въ описаніи битвы при Бувинъ, назывались вѣроятно дворяне, не бывшіе еще рыцарями. Они носили это названіе можетъ быть потому, что служба подъ знаменами какого нибудь вельможи, почитали его своимъ патрономъ.

Что касается до названія *satellites*, то современные даже писатели не понимали его съ точностью. Даниель, собравшій всѣ существовавшіе объ этомъ матеріалы, полагаетъ, что эта была дружина удалцовъ, выбранныхъ изъ среды рыцарей, и употребляемыхъ въ особенныхъ случаяхъ. Они могли съ одинаковою удобностью сражаться на лошади и пѣшкомъ. Можетъ быть, они

были перемѣшаны съ нѣкоторымъ числомъ ратниковъ изъ войскъ городскихъ общинъ, изъ чего потомъ произошло мнѣніе, что они составляли отборную часть коммунальныхъ войскъ. Первое предположеніе способствуетъ по-крайней мѣрѣ объясненію ихъ названія.

Рибальды, о которыхъ часто упоминается въ описаніяхъ военныхъ предпріятій Филиппа-Августа, вѣроятно были смѣлые и проворные пѣшіе ратники. Они именно составляли охотниковъ при атакахъ городовъ, укрѣпленныхъ постовъ и лагерей, какъ впоследствии въ *les enfans perdus*. Они имѣли своего *roi des ribauds*, какъ равно былъ *rex arcatorum, arbalariorum*. Но послѣ Карла VI названіе ихъ болѣе не встрѣчается. Современные писатели называютъ рибальдовъ часто невооруженнымъ отрядомъ, *armes légères*, изъ чего можно полагать, что они были легко вооружены. Впоследствии этотъ родъ войска по безпорядкамъ, простиавшимъ отъ ослабленія дисциплины, впалъ въ пренебреженіе. Уже при Людовикѣ-Святомъ названіе *ribaud* было оскорбительно, и означаетъ донинѣ челоуѣка, предавашагося неумѣренности и порокамъ.

Requiquini, requechins, были вѣроятно легкія войска, вооруженныя луками и стрѣлами, и употреблялись только для охраненія лагеря и форпостной службы.

Надежнѣйшую часть арміи Филиппа-Августа составляли войска его, содержимыя на жалованьѣ, *soldats* или *soudoyers*. Первоначально они состояли вѣроятно изъ бродягъ и бандитовъ, которыхъ шайки грабили и разоряли государство. Они образовались подобно такимъ же войскамъ въ Германіи при Генрихѣ I и въ Англіи при Генрихѣ II, и были во Франціи извѣстны также подъ названіемъ *cottreaux, cotterelle, routiers, rupertarii* и *rutarii*, брабансоны, наименованія, которыя одни выводятъ отъ длинныхъ ножей, ими носимыхъ, другіе отъ слова *cotterie, espèce de société de gens qui se soutiennent les uns les autres*. — *Les troupes des routes*

были вѣроятно то же самое, что Германскіе рогины, о которыхъ уже было говорено ¹⁴.

Разсматривая вооруженіе войскъ въ этомъ періодѣ, не трудно замѣтить, что оно совершенно соотвѣтствовало духу тогдашней тактики, то есть, наступательное и оборонительное оружіе было принаровлено исключительно къ удобному дѣйствію въ одиночномъ бою или въ поединкѣ. Главнѣйшею частью вооруженія считали въ это время грудныя латы, или панцырь (*haubert, cotte de maille, brugne*, по-латыни *brunia, rancera, lorica*, по-нѣмецки *Harnisch, Halsberg, Brunne*). Какую важность къ нимъ привязывали, достаточно видно изъ того, что *Brüne* (*броня*) или *Halsberg* метонимически значить то же самое, что воинъ въ латахъ. Собственная гальсберга (*Alsbergum, Halsbrüne, Halsroste*) покрывала шею и грудь. Она состояла большею частью изъ маленькихъ кусковъ желѣза, четверугольной формы. Подъ нею рыцари носили обыкновенно еще фуфайку или кожаное платье (*gobisson*), для ослабленія ударовъ сабли и пикн и предохраненія себя отъ контузіи при ушибахъ ¹⁵. Впослѣдствіи обѣ эти части вооруженія были замѣнены кирассомъ, по введеніи котораго даже щиты сдѣлались лишними. Но кирассы въ Германию вошли въ употребленіе не раньше 1389 года ¹⁶. Сверхъ панцыря богатые рыцари надѣвали еще *cotte d'arme*, платье изъ тонкаго сукна, съ шитьемъ и мѣхомъ, котораго длина зависѣла отъ моды. Для удержанія его, рыцари перепоясывались шарфомъ; цвѣтъ его означалъ страну, народъ, или просто любимый цвѣтъ рыцаря. Такъ напримѣръ, Французы носили бѣлый, Фламандцы темно-зеленый, Шампанцы голубой, Лотарингцы желтый, а Бретанцы черный съ бѣлымъ. Наплечники и брюки носились кожаные съ желѣзными пуговицами. Особенные приборы (*espanlières, genouillères*) закрывали плечи и колѣна отъ ударовъ. На голову рыцарь надѣвалъ шлемъ (*elme, heaulme, bourguignons, armeis, salades*), смотря по своему званію, вызолоченный, высеребранный, стальной или желѣзный, но всегда доволь-

но прочный для ударовъ сѣкиръ и палицъ. Забрало (visière и vertaille, vue et vent) шлема состояло изъ рѣшетки, которая, соотвѣтственно надобности, могла подыматься и опускаться. Она соединялась съ надбородникомъ, который примыкалъ къ части, прикрывавшей шею (haussecol). Шейная металлическая повязка соединяла всѣ три первыя части, и опускалась даже по плечамъ. Открытые шлемы были весьма рѣдки, особенно въ Германіи. Въ послѣдующее время, встрѣчаются часто желѣзныя шляпы, и чешуйчатыя шапки изъ малыхъ металлическихъ пластинокъ. Рыцари прибавляли къ своимъ шлемамъ какое нибудь украшеніе съ верху (cimier), на примѣръ короли корону, а другіе рыцари орлиныя крылья, рога, и прочія эмблемы. Къ этому впослѣдствіи придавалась еще покрывка, lambrequin, разныя полосы, стягивавшія шлемъ и покрывку (charapon). Наконецъ желѣзныя перчатки (gantelets, Manifet) защищали руку и дѣлались довольно искусно, чтобы не мѣшать ея движеніямъ. Шпоры дополняли вооруженіе воина, и, какъ прежде было сказано, оба эти предмета имѣли символистическое значеніе. Послѣднюю часть предохранительнаго оружія составлялъ щитъ (scutum), круглой, овальной, или другой произвольной фигуры. Въ пѣхотѣ онъ часто закрывалъ все тѣло и назывался тарчею (targe), которая дѣлалась обыкновенно изъ кожи, взятой со спины (à tergo) быка и, вѣроятно, отъ этого получила свое названіе. Она большею частью имѣла металлическій ободъ, а иногда вся была окована желѣзомъ. Отъ возвышенія въ серединѣ (bosse или boucle) она называлась у Французовъ также bouclier ¹⁷.

Нападательное оружіе рыцарей состояло изъ мечей, пикъ, палицъ и кинжаловъ. Мечъ (espadon) имѣлъ обыкновенно около трехъ футовъ и нѣсколькихъ дюймовъ длины, при есесѣ около трехъ дюймовъ, а на оконечности около полтора дюйма ширины. Онъ часто бывалъ обоюдоострый, удобный для того чтобы рубить и колоть. Преданія лѣтописцевъ объ ударахъ мечемъ кажутся нынѣ

че невѣроятными; такъ на примѣръ, императоръ Конрадъ ударомъ между шеи и плеча разрубилъ по поламъ Турка, покрытаго латами. Пика дѣлалась обыкновенно изъ легкаго, сухаго дерева, липоваго, буковаго, особенно ясеневаго, и имѣла острое стальное копьё, возлѣ котораго былъ прикрѣпленъ маленькій флюгеръ (penon, по-латыни *pendo*), показывавшій, служилъ ли рыцарь какъ ленникъ вельможъ, или какъ независимый баннеретъ (*chevalier banneret, bannerius, vexillifer, vexillarius*). Палица (*massue*) была родъ дубины, снабженной въ толстой оконечности длинными желѣзными шипами, вѣсомъ перѣдко до двадцати пяти и до тридцати фунтовъ, къ которой иногда посредствомъ цѣпей были привѣшены желѣзные ядра. Сѣкира (*hache d'arme*) состояла изъ тонкаго древка и желѣзнаго лезвья, имѣвшаго съ одной стороны видъ обыкновеннаго топора, а съ другой стороны форму полумѣсяца. Часто она бывала обоюдоострая (*bisaguë, bisacuta*), и тогда считалась опаснѣйшимъ оружіемъ у рыцарей. Молотъ (*marteau d'arme*) состоялъ изъ небольшого желѣзнаго или вообще металлическаго шара, иногда тремя цѣпями укрѣпленнаго на палкѣ (*masse d'arme*), и тогда рыцари перѣдко носили его на цѣпи черезъ плечо. Всѣ рыцари имѣли кинжалы (*dague*). Если имъ случалось выбросить противника изъ сѣдла, то они соскакивали съ лошади и черезъ складки панцыря убивали его кинжаломъ. Французы называли это оружіе *glaive de merci*, или *de misericorde*, потому что побѣжденному для спасенія себя не оставалось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ великодушію побѣдителя. Особенное оружіе составляла еще булава, которая была употребляема равно у западныхъ, какъ и у восточныхъ народовъ. Филиппъ-Августъ вооружилъ такими булавами своихъ тѣлохранителей, а въ сраженіи при Аскалонѣ три тысячи Эѳіоплянъ сражались ими противъ Христіанъ. Впрочемъ объ ней упоминается часто въ германскихъ и италіянскихъ лѣтописяхъ. Полагаютъ, что она была желѣзная.

Для пораженія непріятеля на дальнемъ разстояніи

рыцари употребляли луки и стрѣлы. Въ половинѣ XI вѣка, въ подражаніе древнимъ катапультамъ, были введены арбалеты (*arcus ballistarius, balista manualis, arballée*), но въ Германіи оставались еще луки. Дѣйствительность арбалеты была весьма велика, но не менѣе значительны были и злоупотребленія лицъ, имъ вооруженныхъ. Уже на Латеранскомъ Соборѣ въ 1139 году было запрещено употреблять его противъ Христіанъ, подъ опасеніемъ отлученія отъ Церкви (*adversus christianos et catholicos*). Иннокентій III повторилъ это запрещеніе, но арбалеты тѣмъ не менѣе до самаго XVI вѣка остались въ употребленіи во Франціи, въ Англіи и въ Германіи, до временъ Гѣца фонъ Берлихингенъ. Снаряды, служившіе для стрѣльбы изъ этого оружія, были снабжены усами, и потому раны, ими причиняемыя, были весьма опасны. Форма ихъ была иногда четырехугольная съ острою желѣзною оконечностью (*quarreau, garro*). Особенный родъ ихъ составляли *viretous*, которые посредствомъ прикрѣпленныхъ къ нимъ перьевъ могли быть удерживаемы въ равновѣсіи. Но сильнѣйшій родъ ихъ кажется былъ *matras (matura, matoris)*, своею плоскою оконечностью пробивавшій шлемъ, щитъ и панцырь.

Кони рыцарей были столь же тщательно вооружены какъ и они сами. Лобъ и грудь ихъ закрывались крѣпкими, часто желѣзомъ окованными, кожами. Такія же кожи накладывались на спину и оба бока. Рыцари употребляли этихъ коней только для боя (*destriers, — monter les grands chevaux*), а во время похода отдавали ихъ вести своимъ пажамъ или слугамъ.

Пѣхоту этого періода лѣтописцы представляютъ обыкновенно какъ толпу бѣдныхъ и дурно вооруженныхъ ратниковъ, дѣйствовавшихъ одними только луками и пращами. Она находилась въ одинаковомъ состояніи на Западѣ и на Востокѣ. Далѣе увидимъ, однако, что необходимость заставила крестоносцевъ дать пѣхотѣ болѣе правильное устройство, и съ большею

точною опредѣлить ея движенія. Важнѣе прочихъ можно считать стрѣлковъ. О вооруженіи ихъ не дошло до насъ ни какихъ подробностей; однако, сколько можно судить изъ отдѣльныхъ описаній и изъ изображеній, оставшихся на памятникахъ, кажется, что изъ предохранительнаго оружія, они имѣли родъ желѣзной шапки (*capelline*), чешуйчатое платье (*jacquets*), и легкій щитъ, закрывавшій почти все ихъ тѣло (*panier*). Изъ наступательнаго оружія арбалеты составляли единственное ихъ средство для боя.

Чтобы сдѣлаться достойнымъ рыцарскаго званія, надобно было, начиная съ самаго юнаго возраста, цѣлую жизнь упражняться въ военномъ ремеслѣ. Независимо отъ походовъ и сраженій, никогда не прерывавшихся въ эти времена, рыцари упражнялись въ фехтованіи, бросаніи копій (*jouïtes, joustes*), въ атакѣ замковъ, башенъ (*castilles*), нападеніи и оборонѣ по всѣмъ правиламъ военного искусства, и наконецъ въ самомъ механизмѣ сраженій, въ которыхъ для примѣрнаго боя (*Vuhurdiren, combats à foule*), большія толпы дѣйствовали съ обѣихъ сторонъ. По словамъ лучшихъ писателей, даже турниры, окончивавшіеся не рѣдко кровопролитными стычками¹⁸, считались только второстепеннымъ средствомъ для пріобрѣтенія военного опыта. Впрочемъ на турнирахъ рыцари употребляли, или по-крайней-мѣрѣ должны были употреблять, невредоносное оружіе, — *d'épées rabatues, les taillan's et poinctes rompues, et de bastons (lances) tels que à tourney appartient; et devaient frapper de haut en bas, sans tirer ne sans saquier.*

Относительно тактическаго устройства подобныхъ войскъ, къ сожалѣнію, не осталось ни какихъ подробностей. Все, что извѣстно, заключается въ томъ, что полководцы того времени раздѣляли свои арміи на нѣсколько большихъ массъ (у Французовъ, называемыхъ *batailles*), вѣроятно по племенамъ, а тѣ дѣлились еще на меньшія части¹⁹. Весьма часто все искусство сраженія состояло въ томъ, чтобы солнце имѣть

въ тылу. Изъ описанія отдѣльныхъ битвъ можно заключить слѣдующее: арміи двигались въ атаку параллельно одна другой; конные стрѣлки завязывали бой; за ними непосредственно слѣдовали сателлиты (домашнія войска вельможъ). Если на какомъ нибудь пунктѣ дѣло принимало рѣшительный оборотъ, то рыцари спѣшили туда съ пиками на перевѣсъ (*les lances en aggrêt*). Сраженіе превращалось въ тысячу поединковъ, и всякій рыцарь выбиралъ себѣ противника, — *vir virum elegit*. Когда сраженіе было рѣшено, то пѣхота двигалась впередъ, частью для того чтобы добивать и грабить павшихъ и раненыхъ, а частью для могущей встрѣтиться надобности въ ея содѣйствіи при преслѣдованіи.

Описаніе нѣсколькихъ сраженій этого времени можетъ дать хотя нѣкоторое понятіе объ отгѣнкахъ тактическаго искусства у различныхъ народовъ.

Вильгельмъ Нормандскій собралъ многочисленную армію (о составѣ которой было говорено прежде) близъ устья Дивы, въ томъ мѣстѣ между Сеною и Орною, гдѣ она изливаетъ свои воды въ океанъ. Прождавъ напрасно цѣлый мѣсяцъ попутнаго вѣтру, онъ отправился наконецъ въ море, на четырехъ стахъ большихъ и тысячѣ транспортныхъ судахъ, и 28 сентября 1066 года высадилъ свои войска на берегъ при Пивенси, не далеко отъ Гестингса. Дессантъ начали стрѣлки изъ лука, въ короткой одеждѣ и съ коротко обстриженными волосами; за ними слѣдовали рыцари въ желѣзныхъ шлемахъ и панцыряхъ, вооруженные длинными, прямыми, обоюдоострыми мечами, имѣвшіе овальнаго виду щиты съ изображеніями орловъ, львовъ, драконовъ, и другими фигурами. Всѣ они имѣли пики, удобныя болѣе для метательнаго чѣмъ для рукопашнаго боя²⁰. Вконцѣ вышли на берегъ работники и ремесленники арміи, перетащивъ туда съ кораблей привезенные съ собою три замка, разобранные по частямъ, построенные и совершенно отдѣльные во Франціи. Вильгельмъ послѣдній вступилъ на берегъ, и

случаемъ споткнулся. Суевѣрное воинство сочло это дурнымъ предвѣщаніемъ, въ рядахъ открылось колебаніе и перѣшительность, но Вильгельмъ умѣлъ это обстоятельство обратить даже въ свою пользу. «Для чести Господней, сказалъ онъ, эту землю, какъ она ни есть обширна, я беру для себя и для васъ во владѣніе». Одушевленная этими словами армія двинулась къ Гестингеу. Тутъ Вильгельмъ велѣлъ сперва построить два деревянные замка, привезенные съ собою, сложить въ нихъ продовольствіе, и разбить потомъ лагерь. Алчное его воинство, стекшееся къ знаменамъ большею частью для того чтобы разбогатѣть, — *qui vouloit geaigner*, — для перваго опыта разграбило до-чиста всю окрестную страну.

Король Гарольдъ, разбившій не задолго Норвежцевъ, лечился въ Йоркѣ отъ полученныхъ въ этомъ походѣ ранъ, когда его извѣстили вдругъ о высадкѣ, произведенной Вильгельмомъ. Несмотря на свою болѣзнь, онъ приказалъ всей арміи собираться немедленно къ Гестингеу. Желая какъ-можно скорѣе кончить дѣло, онъ поступилъ въ этомъ случаѣ болѣе смѣло чѣмъ благоразумно. Онъ съ негодованіемъ отвергнулъ совѣтъ предлагавшихъ ему, разоривъ окрестную страну, отступать къ Лондону²¹. Обѣ стороны, удерживаемыя нѣкоторое время бесполезными переговорами, желали скорѣе сразиться. Рѣшительная битва произошла 13-го октября. Англо-саксы тщательно укрѣпились на хребтѣ высотъ, къ сѣверо-востоку отъ Гестингса, на мѣстѣ, которое донынѣ носитъ названіе *Bataille, Bateyl, Battle*. Всю длину гребня окружалъ земляной валъ, усиленный палисадами и обшитый плетнемъ. Армія ихъ была расположена въ укрѣпленномъ лагерѣ, большими массами, около своихъ знаменъ. Ночью передъ битвою въ станѣ раздавались народныя пѣсни, и полныя чаши чинно ходили вокругъ. Коль-скоро въ лагерѣ Вильгельма разошлась вѣсть о близкой битвѣ, ратники поспѣшили къ оружію; священники, проходя ряды, благословляли воиновъ, и дарили имъ отпущеніе

грѣховъ. На разсвѣтѣ епископъ Байёскій (Bayeux), родственникъ Вильгельма, накинувъ ризу поверхъ шапцыря, служилъ торжественный молебенъ, по окончаніи котораго сѣлъ на брашнаго коня и принялъ начальство надъ своею дружиною.

Вся армія была раздѣлена на три части. Въ первой находились рыцари графствъ Булонскаго и Понтіс и всѣ служившіе за жалованье въ войскахъ Вильгельма. Вторую часть составляли воины изъ Бретани и Поату, а третія состояла почти изъ однихъ Нормандцевъ, и находилась подъ личнымъ предводительствомъ Вильгельма. Впереди каждой изъ этихъ массъ слѣдовала линія легкой пѣхоты, одѣтой въ кафтанахъ, вооруженной большими, почти въ ростъ челоуѣка, луками или, лучше сказать, арбалетами. За нею слѣдовала вторая линія пѣхоты, только лучше вооруженной. Третію линію составляла кавалерія, надежнѣйшее войско всей арміи. Самъ герцогъ, опустивъ забрало, въ полномъ вооруженіи, ѣхалъ на брашномъ конѣ испанской породы, котораго ему привелъ одинъ богатый Нормандецъ изъ Сенъ-Яго-ди-Компостелла. Возлѣ него находился молодой рыцарь со знаменемъ (gonfalon), посвященнымъ папоу. Передъ самымъ начатіемъ атаки Вильгельмъ держалъ къ своей арміи слѣдующую рѣчь: «Сражайтесь храбро; рубите всѣхъ. Если побѣда останется за нами, то всѣ будемъ богаты. Что я пріобрѣту, принадлежитъ вамъ; что я завоюю, ваше; если я покорю государство, то оно для васъ. Я не пришелъ сюда требовать законнаго наслѣдства; нѣтъ, я хочу только отмстить Англичанамъ за ихъ вѣроломство, измѣну и причиненныя мнѣ обиды. За вины ихъ противъ Датчанъ, за грѣхи противъ Альфреда, за все хочу имъ отплатить, и съ помощію Божіею надѣюсь, что они не избѣгутъ наказанія».

Вскорѣ армія приблизилась къ лагерю Саксовъ; монахи, слѣдовавшіе съ войсками, оставили ихъ и отправились на близлежащее возвышеніе молить Господа о побѣдѣ. вмѣстѣ съ этимъ одинъ нормандскій

рыцарь запѣлъ пѣснь Роланда, воинство громкимъ голосомъ вторило ему, прибавляя къ тому крикъ : « Богъ помощь! Богъ помощь! (Dieu aide!) ». На разстояніи досягаемости лука стрѣлки и арбалетники открыли бой, но выстрѣлы ихъ (quadrelli) не имѣли ни какого дѣйствія противъ высокихъ земляныхъ валовъ. Тогда линія пѣхоты, и за нею рыцари, подступили къ воротамъ верковъ, но, претерпѣвъ тутъ весьма много отъ сѣкирь обороняющагося врага, были принуждены отступить въ безпорядкѣ къ той части войскъ, которую Вильгельмъ лично велъ въ атаку.

Герцогъ собралъ стрѣлковъ, приказалъ имъ повторить наступленіе и стрѣлять изъ луковъ навѣсно, чтобы стрѣлы могли, по-крайней-мѣрѣ падая, поражать густыя массы непріятелей, расположенныя за валами. Вслѣдствіе новой атаки много Англичанъ было ранено и самъ Гарольдъ потерялъ одинъ глазъ, но онъ не уступилъ съ мѣста и продолжалъ отдавать приказанія. Нормандцы съ яростью бросились опять на укрѣпленія, съ крикомъ : « Матерь Божія помощи! помощи! » Но снова атакка ихъ была тщетна, и они, обратясь въ бѣгство, столпились въ одномъ оврагѣ, отъ чего множество пѣшихъ и конныхъ ратниковъ было истоптано и подавлено. При вѣсти, что самъ герцогъ даже погибъ, бѣгство сдѣлалось общимъ; но Вильгельмъ поскакалъ имъ на встрѣчу, съ открытою головою, и частью ласками, частью строгостью, возвратилъ порядокъ. « Я здѣсь, кричалъ онъ : я здѣсь, здоровъ и цѣлъ, и съ помощью Господнею останусь побѣдителемъ! » При немъ находился вѣрный его епископъ байёскій. Хотя рыцари и пошли снова въ атаку, усилія ихъ взять окопы были однако жъ напрасны. Тогда Вильгельмъ прибѣгнулъ къ хитрости, которая наконецъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Устроивъ во время самаго боя засаду, онъ устремилъ тысячу отборныхъ рыцарей на новый приступъ къ укрѣпленіямъ. Отрядъ этотъ, претерпѣвъ значительный уронъ, обращается въ бѣгство. Саксы, увѣренные въ побѣду, выходятъ изъ

своихъ укрѣпленій, имѣя сѣкиры перевѣшанныя черезъ плечо, и быстро преслѣдуютъ непріятеля. Но въ это время засада вдругъ устремляется противъ нихъ съ тылу, они оборачиваются, начинается кровопролитнѣйшій бой. Въ толпѣ сражавшихся Саксы не могутъ употребить главнѣйшаго своего оружія, сѣкиры; они обращаются въ бѣгство, Нормандцы преслѣдуютъ ихъ по пятамъ, и, вмѣстѣ съ ними ворвавшись въ укрѣпленія, начинаютъ снова ужаснѣйшій бой. Вильгельмъ потерялъ здѣсь своего коня; король Гарольдъ и его братія пали подъ ударами Нормандцевъ, защищая главное знамя. Но, несмотря на смерть вождя, Саксы до поздней ночи продолжали сражаться; наконецъ мечъ побѣдителя истребилъ всю ихъ армію, пощадивъ только тѣхъ, которые говорили по-нормански.

Относительно тактическихъ подробностей, какъ ни темны свѣдѣнія объ этомъ сраженіи, видно однако жъ, что побѣда не была слѣдствіемъ простой фронтальной атаки. Быть можетъ, что храбрость имѣла важное вліяніе на успѣхъ; при всемъ томъ изъ описанія историковъ видно, что Вильгельмъ во время сраженія гораздо болѣе былъ занятъ распоряженіемъ общаго порядка дѣйствій, чѣмъ личнымъ участіемъ въ бою, которое онъ принималъ только въ то время, когда оно было необходимо или неизбежно.

Хотя битва подъ Бувинъ (Bouvines) и несправедливо принята нѣкоторыми писателями за эпоху въ военномъ искусствѣ, однако жъ она довольно замѣчательна, и мы опишемъ ее: она происходила между народами чисто германскаго корня.

Оттонъ, императоръ нѣмецкій, и Феррандъ, графъ Фландріи, поддержанныя Англичанами, Брабантцами и другими, готовились вторгнуться во Францію съ арміею, считавшею около ста пятидесяти тысячъ человѣкъ въ строю. Филиппъ-Августъ не могъ противъ нихъ поставить болѣе семидесяти пяти тысячъ человѣкъ, армію, въ составъ которой, кромѣ королевскихъ войскъ, входили войска городскихъ общинъ, изъ областей Artois, Sois-

sons, Champagne, изъ окрестностей Лаона и другихъ мѣстъ. Замѣтимъ, что войска городскія являлись въ первый разъ, въ большихъ массахъ, на театрѣ народной войны. Филиппъ-Августъ рѣшился съ этими силами идти на встрѣчу своимъ противникамъ и искать развязки въ сраженіи. Мѣра эта впрочемъ была почти необходимою, если взять въ соображеніе составъ тогдашнихъ армій. Онъ дошелъ до Турнè; непріятель, расположенный близъ Валансиеннъ, узнавъ объ его движеніи, отступилъ къ Мортани, отстоявшей почти на осемь французскихъ миль отъ лагеря Филиппа-Августа; но тутъ онъ вдругъ остановился, построилъ укрѣпленія и, казалось, хотѣлъ замедлить рѣшительную битву. Филиппъ, не видѣлъ ни какой причины желать боя съ непріятелемъ, по словамъ французскихъ писателей имѣвшемъ вдвое противъ него пѣхоты, «*très bonne et faite à combattre en plaine, même contre la cavallerie*», и къ лагерю котораго можно было подойти только по узкимъ дорогамъ, и черезъ тѣсницы; онъ обратился назадъ и началъ отступать къ Лилю. Императоръ, узнавъ объ этомъ, приказалъ всей своей арміи сняться тотчасъ съ позиціи и, въ боевомъ порядкѣ, преслѣдовалъ Французовъ. Въ воскресенье, 27 іюля 1214 года, въ десять часовъ утра онъ вступилъ на равнину около Бувинъ. Французы, прибывшіе туда двумя часами раньше, готовились въ это время къ переправѣ черезъ рѣку Марку. Авангардъ ихъ, состоявшій изъ коммуниальныхъ войскъ, при которыхъ находилась и орифламма, перешелъ уже на другой берегъ рѣки, когда распространилось извѣстіе о прибытіи Имперцевъ, и даже о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ ими для начатія атаки. Рыцарь Геренъ (Guegin, Gagin), титулярный епископъ санлисскій, пользовавшійся полною довѣренностью короля²³ и всей арміи, поспѣшилъ лично удостовѣриться въ присутствіи непріятелей, и, возвратясь, донесъ королю о необходимости готовиться къ сраженію. Филиппъ, однако, послушавшись мнѣнія толпы рыцарей, приказалъ продолжать начатую переправу черезъ рѣку, а самъ между

тѣмъ расположился отдохнуть подъ деревомъ. Въ это время Имперцы вдругъ начали атаку. Король, пробужденный отъ сна, велѣлъ тотчасъ воротить переправившіяся уже войска городскихъ общинъ, и всей арміи построиться въ боевой порядокъ. Геренъ исполнилъ это приказаніе. Король, выслушавъ молебенъ и положивъ на алтарѣ свою корону, обратился къ воинству съ слѣдующею рѣчью: «Храбрые Французы! ежели вы кого нибудь изъ среди васъ считаете достойнѣе меня носить эту корону, то повинуйтесь ему, сдѣлайте его королемъ, я охотно уступлю ему мое достоинство; но если вы признаете меня достойнымъ престола, то защитайте сегодня мою корону и преданностью подтвердите вашъ выборъ». Громкое *vive le roi* грянуло подъ небеса, многіе упали къ стопамъ любимаго монарха, и просили у него благословенія, въ которомъ онъ не отказалъ никому. Послѣ того, Филиппъ надѣлъ полное вооруженіе, и проѣхалъ ряды воинства, чтобы еще разъ увѣрить всѣхъ въ несправедливости распространившихся слуховъ, будто-бы онъ отправился на другой берегъ Марки. Окончивъ это, онъ приказалъ сломать мостъ на рѣкѣ, съ намѣреніемъ воспрепятствовать всякому покушенію къ бѣгству и сдѣлать его совершенно невозможнымъ. Духовенство, воспѣвая двадцатый, шестьдесятъ-седьмой и сто-сорокъ-третій псалмы, молило небо о побѣдѣ, а между тѣмъ Геренъ оканчивалъ построеніе арміи, — *exercitus linealiter protensus*, какъ говоритъ Ригортъ. Лѣвымъ крыломъ, состоявшимъ изъ коммуниальныхъ войскъ, начальствовали принцы крови, и при нихъ находилась орифламма; правымъ крыломъ Сенъ-Поль, одинъ изъ лучшихъ военачальниковъ того времени: подъ его начальствомъ находился цвѣтъ дворянства. Наконецъ центромъ предводительствовалъ лично король, за которымъ слѣдовалъ рыцарь съ бѣлымъ королевскимъ штандартомъ, богато вышитымъ лиліями, и означавшимъ присутствіе монарха при арміи²⁵. Богатѣйшее дворянство окружало его особу. Епископъ бовезскій явился также въ латахъ, и вооружился булавою

для того, чтобы не запятнать своей руки кровію ближняго.

Императоръ раздѣлилъ свою армію также на три массы. Правый флангъ, состоящій изъ Брабантцевъ и Англичанъ, находился подъ начальствомъ Гугона Бовезъ, Вильгельма Селисбури и графа Булоньскаго. Лѣвымъ флангомъ командовалъ графъ Фландрскій. Наконецъ центромъ лично предводительствовалъ императоръ, окруженный всѣмъ высшимъ дворянствомъ. Позади его можно было видѣть государственное знамя золотого орла, державшаго въ когтяхъ дракона: оно находилось на телѣгѣ, по примѣру ломбардскаго сагоссіо, и охранялось особеннымъ отрядомъ. Центръ раздѣлялся еще на три части, примѣрно около десяти тысячъ каждая, и имѣлъ приказаніе наблюдать исключительно за всѣми движеніями французскаго короля и за его особою. Полтора ста человекъ легкой конницы коммуниальныхъ войскъ начали атаку, бросившись съ яростью на Фламандцевъ, расположенныхъ на лѣвомъ флангѣ противника. Претерпѣвая большой уронъ, особенно въ лошадяхъ, они все двигались впередъ, но когда потомъ Фламандцы въ свою очередь пошли въ атаку, то коммуниальные всадники почти всѣ были перебиты. Сень-Поль поспѣшилъ имъ въ помощь, и такимъ образомъ на этомъ мѣстѣ завязался бой весьма упорный, очень долго поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ.

Между тѣмъ непріятельскій центръ подъ предводительствомъ Оттона атаковалъ въ трехъ колоннахъ средину французскаго расположенія; двѣ первыя колонны были отражены графомъ Дрѹ (Dreux) и Шампанскими рыцарями, но третья подъ начальствомъ императора, поддерживаемая графомъ Булонскимъ, бросилась съ неистовствомъ на непріятеля, опрокинула его и устремилась на королевскую свиту. Въ бою, завязавшемся на этомъ пунктѣ, король былъ раненъ и сброшенъ съ коня, но знаменщикъ его, подымая и опуская знамя для показанія опасности, въ коей на-

ходилъся король, привлекъ туда храбрѣйшихъ рыцарей со всѣхъ сторонъ, и они успѣли посадить его опять на лошадь. Сраженіе закипѣло съ новою яростью, и вскорѣ Нѣмцы въ свою очередь бывъ опрокинуты, обратились въ бѣгство. Самъ императоръ спасся отъ плѣна только тѣмъ, что раненная въ бою лошадь унесла его съ поля сраженія²⁴. Это обстоятельство сдѣлалось сигналомъ общаго бѣгства въ центрѣ. На правомъ флангѣ судьба равно благопріятствовала Французамъ, и только на лѣвомъ флангѣ побѣда не была еще рѣшена: хотя епископъ бовезскій ударомъ булавы свалилъ съ лошади и взялъ въ плѣнъ одного изъ непріятельскихъ полководцевъ, именно графа Селисбури, однако жъ другой начальникъ, графъ Булонскій, придумалъ совершенно особое средство преклонить побѣду на свою сторону. Образовавъ изъ своей пѣхоты пустой треугольникъ, онъ оставался внутри его съ шестью отважными рыцарями, и съ ними дѣлалъ безпрестанныя вылазки противъ Французовъ. Если онъ былъ принужденъ отступать, то, въ этомъ, такъ сказать, живомъ укрѣпленіи находилъ всегда спасеніе и даже свѣжихъ лошадей. Новость этого маневра подѣйствовала въ началѣ на Французовъ, но потомъ они ворвались наконецъ въ треугольникъ и напали на графа Булонскаго. Онъ защищался весьма храбро и сдася непріятелю въ то время, когда убили подъ нимъ лошадь и придавленнаго ею связали.

Со взятіемъ его въ плѣнъ и истребленіемъ отряда семи сотъ Брабантцевъ, отступавшихъ еще въ порядкѣ, сраженіе было окончено. Оно продолжалось около шести часовъ. По словамъ французскихъ писателей, четверть непріятельской арміи, или по меньшей мѣрѣ тридцать тысячъ человекъ, осталось на полѣ сраженія; пять графовъ, двадцать пять баннеретовъ и три тысячи солдатъ попались въ плѣнъ. По описаніямъ нѣмецкихъ историковъ, потеря въ этомъ сраженіи, хотя оно было одно изъ кровопролитнѣйшихъ въ теченіе цѣлаго вѣка, простиралась убитыми до тысячи пѣшихъ и семидесяти кон-

*

ныхъ, а пѣшими до двухъ сотъ тридцати пѣшихъ и двухъ сотъ двадцати конныхъ ратниковъ²⁵.

Дошедшія до насъ свѣдѣнія объ этомъ сраженіи такъ общи, что изъ нихъ невозможно судить о подробностяхъ тактическихъ распоряженій. Во всякомъ случаѣ однако жъ оба противные полководца уступали, въ отношеніи къ искусству, Вильгельму Завоевателю. Ригордъ, современный писатель, бывшій при королѣ во время боя, не находитъ словъ для представленія уорства, съ какимъ дрались обѣ стороны. Сколько мы понимаемъ описанную имъ битву, кажется, что французская армія была построена въ нѣсколько линій (sinees), съ надлежащими интервалами. Кромѣ того обращено было особенное вниманіе, чтобы боевой линіи дать достаточное протяженіе, которое бы препятствовало многочисленной непріятельской арміи охватить фланги. Солнце находилось въ тылу Французовъ, и эту важную въ то время выгоду приписывали всѣ искусству рыцаря-епископа Гарина. Впереди праваго фланга онъ поставилъ еще линію рыцарей, совершенно покрытыхъ латами, чтобы они могли удержатъ напоръ фламандскихъ рыцарей. Съ начатіемъ сраженія прекращаются всѣ замѣчанія. Изъ множества частныхъ поединковъ, изъ образа, какимъ сражались полководцы обѣихъ сторонъ, и наконецъ изъ дѣйствій графа Булоньскаго видно, что вожди этого времени болѣе старались личною храбростью подавать войскамъ примѣръ, чѣмъ искусно управлять ходомъ сраженія.

Разсматривая военныя событія того времени въ Италіи, бывшей нѣкогда колыбелью военнаго искусства, встрѣчаемъ мы и въ этой странѣ весьма мало примѣровъ, доказывающихъ какое нибудь усовершенствованіе военнаго дѣла. Однако жъ, тамъ кипѣлъ бой, продолжительный и упорный, которому не много подобныхъ представляетъ исторія. Чтобы читателю доставить возможность судить по своимъ понятіямъ, мы опишемъ нѣсколько военныхъ событій того времени.

Какъ ни искусны были движенія Фридриха передъ битвою подъ Кортеновою, какъ ни хороши марши Карла Анжуйскаго передъ сраженіемъ при Беневентѣ, однако жъ въ походахъ того времени, нельзя усмотрѣть ни одной общей мысли, руководившей ходомъ всей кампаніи. По этой причинѣ, знаменитыя, и наиболѣе рѣшительныя, битвы того времени, должно по необходимости принять за масштабъ для оцѣнки военнаго искусства обѣихъ сторонъ. Изъ всѣхъ битвъ славнаго вѣка Гогенштауфеновъ сраженія при Лепяно, Кортенова, Беневентѣ и Талякоццо (*scurcola*), наиболѣе замѣчательны, какъ по своему вліянію на политическія событія, такъ и по блестящимъ военнымъ послѣдствіямъ. Сраженіе при Лепяно, 25-го мая 1176 года, было первымъ великимъ полевымъ сраженіемъ, начавшимъ столѣтнюю брань на Аппенинскомъ Полуостровѣ. Оно произошло послѣ неудачнаго покушенія Фридриха противъ Александріи, вскорѣ послѣ непріятныхъ сценъ съ Генрихомъ Львомъ въ Кіевеннѣ, и по возвращеніи его въ Германію. Военственныя дружины, спѣшившія на помощь императору Фридриху I въ Германію, весьма искусно воспользовались ошибкою Ломбардовъ, оставившихъ незанятыми Граубинденъ и Кіевенну, и прибыли въ Комо. Слѣдуя вверхъ по теченію рѣки Тичино, они соединились съ войсками Фридриха, находившимися въ Италіи. Императоръ предполагалъ сперва на помощь войскамъ своимъ, расположеннымъ въ Павіи и другихъ мѣстахъ, подъ нача ѡствомъ Христіана, архіепископа майнцскаго, а потомъ уже совокупными силами двинуться на встрѣчу Ломбардскому Союзу. Но Ломбарды, зная, что тогда имъ будетъ гораздо труднѣе устоять, рѣшились сразиться съ Нѣмцами прежде, чѣмъ они отдохнутъ отъ утомительнаго похода, и потому, выступивъ въ поле, расположились они лагеремъ между Лепяно и рѣкою Тичино. Въ императорской арміи, какъ обыкновенно, мнѣнія относительно дальнѣйшихъ дѣйствій были несогласны. Тѣ, которые знали хорошо образъ дѣйствія

Италянцевъ, совѣтовали императору искуснымъ движеніемъ соединиться съ Христіаномъ Майнцскимъ, а потомъ идти противъ арміи Ломбардовъ, которой сила простиралась до ста тысячъ человѣкъ. Напротивъ того, смѣлые, но непредусмотрительные воины желали сраженія, безъ всякаго притомъ отлагательства. По всей вѣроятности императоръ ни на что еще не рѣшался, когда случай ускорилъ развязку, столь же неожиданную, сколько кровопролитную. Партія Ломбардовъ, силою около семи сотъ человѣкъ, наткнулась между Бустомъ, Арриціо и Борцано на отрядъ трехъ сотъ Нѣмцевъ, производившихъ рекогносцировку. Неизвѣстно, какимъ образомъ этимъ тремъ стамъ Нѣмцамъ явилась въ помощь вся армія, которая въ первое время опрокинула все, что только двигалось къ ней на встрѣчу. Императоръ, находившійся въ головѣ, неожиданно очутился передъ главными непріятельскими силами и увидѣлъ передъ собою Карочіо, окруженнаго всѣмъ дворянствомъ Союза. Ломбарды, считая сраженіе проиграннымъ, начали большею частью спасаться бѣгствомъ, когда вдругъ явились на выручку, состоявшія подъ начальствомъ Альберта Гюссано, прозваннаго Исполномъ, дружины «Главнаго знамени» и «Смерти», составлявшія послѣдній резервъ Италянцевъ, и бросились на побѣдоносныя войска Нѣмцевъ. Вслѣдствіе первоначальныхъ успѣховъ и безпорядка, сопутствующаго каждой побѣдѣ, а можетъ быть и собственною храбростію, Ломбарды опрокинули непріятеля, а засада, устроенная Брешіянами, и своевременно употребленная, довершила его разстройство. Государственное знамя Нѣмцевъ затерялось въ толпѣ, и даже носилась молва, что императоръ убитъ. Вѣсть эта вредно подѣйствовала на духъ арміи; возвратившіеся отъ преслѣдованія Нѣмцы увеличили еще замѣшательство, и вскорѣ вся армія превратилась въ нестройную толпу, съ ужасомъ бѣгущую къ лагерю. Но и тамъ настигъ ихъ мечъ побѣдителя, который въ этотъ день получилъ въ добычу весь ла-

геръ Нѣмцевъ, со всѣми военными потребностями, казну императора, его знамя и щитъ.

Такимъ образомъ лѣтописцы отзываются объ этомъ сраженіи. Бюнау, въ жизнеописаніи Фридриха I, говоритъ, что Ломбарды прежде своей атаки выкопали большой ровъ позади боевой линіи, чтобы войскамъ отнять всякую возможность къ бѣгству. Нельзя положительно сказать, что семь сотъ Миланцевъ, о которыхъ выше было говорено, составляли авангардъ италіанской арміи, но по характеру самой войны это весьма вѣроятно. Наконецъ, императоръ надѣялся только личною храбростью поправить дѣло и уменьшить позоръ и гибельныя слѣдствія своего пораженія.

О дальнѣйшемъ преслѣдованіи и плодахъ побѣды исторія умалчиваетъ: Ломбарды въ восторгѣ отъ одержанной надъ непріателемъ поверхности, думали только о томъ, чтобы блестящіе свои подвиги торжественно отпраздновать на родинѣ.

Гораздо болѣе понятны для насъ событія передъ сраженіемъ подъ Кортеновой, и самый бой 27-го ноября 1237. Ломбарды, весьма хорошо пощивавшіе недостатки состава ленной арміи, вознамѣрились рѣшить этотъ походъ замедленіемъ дѣйствій и пассивною обороною. Они хотѣли безъ боя уничтожить императорскую армію. Напротивъ того императоръ долженъ былъ по-возможности ускорить развязку. Ломбардская армія, не превосходившая двадцати тысячъ человекъ, заняла лагерь на рѣкѣ Олью, съ цѣлью воспрепятствованія императору двинуться къ Милацу. Фридрихъ, съ своей стороны, послѣ взятія Монтекиро, подступилъ къ Брешии, вѣроятно съ намѣреніемъ осадить ее, но, дойдя до Понтевиго на рѣкѣ Олью, замѣтилъ непріятеля, расположеннаго на другомъ берегу въ крѣпкой позиціи. Имѣя не болѣе двадцати пяти тысячъ человекъ, онъ не рѣшался атаковать непріятеля, а между тѣмъ не хотѣлъ оставить его въ покоѣ. Одинъ италіанскій писатель говоритъ, что въ такой нерѣшительности прошло три мѣсяца

безъ всякаго дѣйствія. Ноябрь обѣщаль Ломбардамъ конецъ всѣхъ усилій, тѣмъ болѣе что носилась молва, будто бы Нѣмцы большею частью разошлись уже по домамъ. Полагаясь на эти извѣстія, Италіянцы толпами начали уходить изъ лагеря. Императоръ узналъ объ этомъ, и отправилъ тотчасъ значительный отрядъ Сарациновъ и Италіянцевъ вверхъ по рѣкѣ, приказавъ имъ переправиться у Сонцино и расположиться въ засадѣ. Медіоланцы вскорѣ снялись совершенно съ лагеря у Кортеновы²⁶, и въ безпорядкѣ начали возвращаться во-свои. Засада мужественно устремилась противъ нихъ, но она могла бы быть разбита, если бы императоръ не поспѣшилъ ей на помощь. Увидѣвъ, что Ломбарды оставили лагерь, онъ тотчасъ, на томъ же мѣстѣ, перешелъ черезъ рѣку и отправился вслѣдъ за ними. Непрiятель, атакованный въ одно время съ фронта и съ тылу, защищался весьма храбро, и, потерявъ надежду на побѣду, сражался потомъ уже только за свою жизнь и за Карочію. Въ близи лежащій замокъ первоначально способствовалъ его оборонѣ, но наконецъ Италіянцы увидѣли невозможность устоять противъ стрѣлъ Сарациновъ²⁷ и мечей Нѣмецкихъ. Гаярды²⁸, защищавшіе главное знамя Союза, были почти всѣ истреблены и остались на томъ же мѣстѣ, котораго при всѣхъ усиліяхъ не могли удержать. Предводитель арміи ломбардскихъ союзныхъ городовъ Петро Тіеноло, попался въ плѣнъ; около пяти сотъ рыцарей и шести до десяти тысячъ непріятельскихъ ратниковъ лишились жизни, частію на полѣ битвы, а частію во время бѣгства.

Это сраженіе есть знаменитѣйшее изъ всѣхъ, данныхъ Гогенштауфенами въ Италіи для удержанія своихъ правъ надъ этою странюю. Императоръ былъ одолженъ побѣдою не слѣпому случаю, но собственному искусству. Уже годомъ раньше императоръ навелъ ужасъ на храбрыхъ Ломбардовъ своею военною опытностью. Въ 1236 году, во время пребыванія въ Кремонѣ онъ узналъ, что маркграфъ д'Эсте, подеста Ви-

ченскій, считая его въ отсутствіи, выступилъ вдругъ изъ Виченцы, обратился къ Ривальтѣ, въ веронской области, и осадилъ ее. Императоръ, немедленно выступивъ въ походъ, въ двадцать четыре часа достигнулъ замка Бонифаціо на рѣкѣ Эчъ, и еще съ большою быстротою обратился противъ маркграфа д'Эсте. Какъ вихорь, какъ ласточка летѣлъ онъ туда, говорятъ италіянскія лѣтописи. Присоединивъ къ себѣ сколько можно было пѣхоты изъ Ривальты, онъ пошелъ къ Виченцѣ и взялъ ее приступомъ. Одинъ только безпокойствія, начавшіяся въ Германіи, остановили дальнѣйшіе успѣхи его оружія на этомъ мѣстѣ.

Оба эти предпріятія принадлежатъ къ блистательнѣйшимъ подвигамъ этого времени, и, свидѣтельствуя о военныхъ дарованіяхъ Фридриха II, доказываютъ неоспоримо, что въ отношеніи къ искусству онъ стоялъ гораздо выше своихъ предшественниковъ.

Битва подъ Беневентомъ не представляетъ ни столь удачныхъ распоряженій, ни столь искуснаго плана, какъ предъидущія дѣйствія, но въ исторіи военнаго искусства она замѣчательна по образу и распредѣленію боя. Недостатокъ продовольствія принудилъ армию Карла Анжуйскаго оставить Римъ. Въ 1266 году онъ выступилъ изъ столицы своего феодальнаго властелина и направился къ Неаполю. Именно въ это время онъ только что прервалъ переговоры съ Манфредомъ, сказавъ, «что онъ пошлетъ къ чорту султана Ночерскаго или поѣдетъ на немъ въ рай». Манфредъ ожидалъ ужаснаго врага своего позади цѣли горъ, идущихъ отъ Адриатическаго Моря до Террачина и Понтинскихъ Болотъ, отдѣлявшихъ Неаполь отъ римскихъ владѣній. Съ особеннымъ искусствомъ онъ занялъ главные проходы черезъ Тиволи и Виковаро къ Таліакоццо, и черезъ Фрозиноне къ Чиперано до самой рѣки Гарильяно, но къ сожалѣнію слишкомъ положился на вѣрность своихъ подчиненныхъ. Надежнѣйшіе его родственники и отборныя войска охраняли мостъ на рѣкѣ Гарилья-

но. Горный замокъ Арче и весьма важный постъ Санъ-Джермано были снабжены на два года всякаго рода запасами, а нарочно построенные оплоты и укрѣпленія возвышали природную силу этихъ постовъ. Наконецъ за этимъ кордономъ Манфредъ расположилъ всѣ силы, какія только позволили ему собрать вѣроломные вельможи. Въ этой позиціи, имѣя возможность наблюдать и прикрывать дороги изъ Фонди, обеспеченнѣй на счетъ продовольствія богатою капуанскою областью, простиравшеюся сзади его расположенія, Манфредъ ожидалъ непріятеля.

Измѣна открыла противнику его дорогу черезъ Капреано. Графъ Казерта шурина Манфреда, обвиняемый въ вѣроломствѣ и подлости еще при Фридрихѣ II, уговорилъ графа Ланчія, дядю короля, позволить нѣсколькимъ Французамъ переправиться черезъ рѣку, чтобы потомъ легче атаковать ихъ и истребить. Графъ Ланчія согласился на это предложеніе; но когда онъ хотѣлъ напасть на первое отдѣленіе Франгузовъ, переправившееся на другой берегъ, то Казерта началъ увѣрять, что ихъ уже слишкомъ много, не совѣтовалъ ихъ атаковать, и наконецъ самъ убѣждалъ.

Съ свойственною себѣ быстротою, Франгузы двинулись до самаго Аквино, напали въ распахъ на Арче и столь же скоро прибыли къ Санъ-Джермано. Неожиданныя перебранки фуражировъ обѣихъ армій, встрѣтившихся подъ стѣнами крѣпости, повели постепенно къ кровопролитнѣйшему бою между Франгузами и гарнизономъ, во время котораго Франгузы овладѣли одними воротами, оставшимися безъ защиты, и водрузили свое знамя на вершинѣ крѣпостной стѣны. Ободренная этимъ успѣхомъ, армія устремила всю массу на приступъ, ворвалась въ городъ, истребила болѣе тысячи челоуѣкъ гарнизона (большая часть), и овладѣла крѣпостью.

Эти обстоятельства принудили Манфреда измѣнить совершенно первоначальный планъ обороны. Онъ сосредоточилъ армію близъ Капуи; рѣка Вольтурно

быстрая и въ это время поднявшая свои воды, доставила ему природную, весьма сильную оборонительную линію. Французы, не рѣшаясь атаковать ее съ фронта, по-необходимости хотѣли обойти источники рѣки и обратиться потомъ къ Таливерно, чтобы черезъ графство Молизи, черезъ Алифе и Телерио, если возможно, опередить противника на равнину Беневентскую.

Это искусное, достойное лучшей цѣли предпріятіе увѣнчалось совершеннымъ успѣхомъ. Хотя каменистыя дороги, глубокиіи снѣгъ, вліяніе воздуха, недостатокъ въ продовольствіи, и другія мѣстныя обстоятельства весьма много препятствовали быстротѣ движенія, однако жъ, послѣ десяти дней усиленнаго похода, утомленное воинство Карла увидѣло наконецъ равнину Беневентскую, по которой стояла лагеремъ готовая къ бою армія Манфреда.

Рыцари Карла, увидѣвъ непріятеля, просили позволенія вступить въ бой. Нѣкоторые были того мнѣнія чтобы дождаться слѣдующаго утра, но французскій коветабль грозно сказалъ имъ: «Дѣлайте, какъ вамъ кажется; что касается меня, то я готовъ даже одинъ напасть на еретиковъ, и съ помощью Господнею надѣюсь ихъ побѣдить». Краткая рѣчь короля, въ которой онъ объявилъ воинству, что одна только побѣда можетъ ихъ спасти, воспламенила всѣхъ мужествомъ. За этимъ послѣдовали рыцарскій ударъ и общее отпущеніе грѣховъ папскимъ легатомъ. Боевой порядокъ арміи былъ слѣдующій: въ первой линіи находилась тысяча французскихъ рыцарей подъ начальствомъ графовъ де Монфоръ и Мирепоа; во второй девять сотъ прованскихъ рыцарей подъ начальствомъ Анжу и Гвидона де Монфоръ; въ третьей семь сотъ всадниковъ фламандскихъ, брабантскихъ и савойскихъ подъ предводительствомъ графа Фландріи; наконецъ четвертую линію составляли четыреста гвельфовъ изъ Тосканы. По повелѣнію Карла во всякой линіи находилась часть пѣхоты, назначенной для того чтобы поддерживать кавалерію, когда она устанетъ отъ боя. Не-

известно однако, какимъ образомъ и въ какой пропорціи пѣхота была перемѣшана съ конницею. Нѣкоторые писатели полагаютъ, что обоихъ родовъ войскъ въ первой линіи находилось около десяти тысячъ человекъ; армія Манфреда раздѣлялась также на три линіи. Тысяча двѣсти Нѣмцевъ, отважнѣйшихъ и надежнѣйшихъ ратниковъ, составляли первую линію, подъ начальствомъ графа Лапчія. Тысяча Итальянцевъ, командуемыхъ также однимъ изъ родственниковъ короля, заняли вторую линію. Наконецъ тысяча четыреста апулійскихъ и сарацинскихъ всадниковъ, подъ личнымъ предводительствомъ короля, образовали третью линію, бывшую вмѣстѣ и резервомъ арміи. Подобно какъ у Французовъ, въ арміи Манфреда всякая линія состояла изъ пѣхоты, перемѣшанной съ конницею. Все число войскъ Манфреда не превосходило пятнадцати тысячъ, считая пять тысячъ всадниковъ и десять тысячъ Сарациновъ. Французская армія имѣла на своей сторонѣ не только перевѣсъ числительной, но и нравственной силы, потому что у Итальянцевъ вѣроломство и неповиновеніе выказывались еще до пачатія боя. Сраженіе происходило на равнищѣ около Беневента; Манфредъ въ тылу своемъ имѣлъ рѣку Калоре, съ праваго фланга ручей Темморо, съ лѣваго равнину Розето до самой дороги, ведущей въ Санъ-Джермано.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ тактическихъ подробностей, лѣтописцы довольно соглашаются въ описаніяхъ распоряженій, предшествовавшихъ бою; но съ началомъ сраженія исчезаетъ всякая точность и рассказы ихъ заключаютъ большею частью однѣ только одиночныя сшибки. Впрочемъ и эта битва была вѣроятно рядъ частныхъ поединковъ.

Сраженіе началось, нѣсколько раньше полдня, нападеніемъ французской пѣхоты на Сарациновъ. Пѣхота была опрокинута, первая линія конницы поспѣшила къ ней на помощь, а между тѣмъ нѣмецкіе всадники подъ начальствомъ графа Гальвана, не дожидаясь приказанія, бросились поддерживать Сарациновъ. Фран-

цузы не устояли противъ нѣмецкихъ мечей и булавъ, и Анжу со своею дружиною долженъ былъ двинуться имъ въ помощь. Громкимъ голосомъ приказывалъ онъ своимъ воинамъ обращать удары преимущественно на лошадей, убивать ихъ, а людей колоть мечемъ подъ плечо и черезъ складки панциря. Это громкое, твердымъ голосомъ среди бранной пыли отданное приказаніе имѣло такое вліяніе на успѣхъ боя, что вскорѣ храбрѣйшіе нѣмецкіе рыцари потеряли уже пріобрѣтенную поверхность надъ непріателемъ. Манфредъ, замѣтивъ, что сраженіе принимаетъ опасный для него оборотъ, ввелъ послѣднія свои войска въ дѣло, и Французы послѣдовали также его примѣру. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ битвы не дошло до насъ ни какихъ свѣдѣній: историкъ исключительно описываютъ только жалкую кончину Манфреда, послѣ мужественной защиты павшаго въ кровопролитномъ бою. Съ нимъ вмѣстѣ въ этотъ день лишились жизни три тысячи человекъ, большею частью Сарациновъ, которые вѣрностью, преданностью, самоотверженіемъ, превзошли христіанъ.

Разсматривая внимательно эти событія, легко усмотрѣть, что до пачатія сраженія, Карла Анжуйскаго нельзя ни въ чемъ упрекнуть. Но во время боя многія изъ его распоряженій показываютъ еще варварскій, грубый, образъ военныхъ дѣйствій. То же самое можно сказать о распоряженіяхъ Манфреда передъ сраженіемъ и во время боя. Мѣры обоихъ полководцевъ можно считать образцовыми до тѣхъ поръ, пока не открылось сраженіе, по коль скоро мечъ былъ обнаженъ, они являются обыкновенными ратниками. Коннетабль доказалъ въ этотъ день, что личная храбрость бываетъ главнокомандующему иногда нужнѣе глубокихъ военныхъ соображеній.

Въ описаніи послѣдней битвы этого театра войны мы увидимъ на сторонѣ неаполитанской арміи, состоявшей однако большею частію изъ Французовъ, ошутительное превосходство въ распредѣленіи хода дѣйствій.

Конрадинъ довольно искусно дошелъ до самой палентинской равнины. Имѣя на своей сторонѣ перевѣсъ числительной силы (почти все писатели считаютъ у него девять тысячъ, а у Карла Анжуйскаго только пять тысячъ всадниковъ), онъ могъ надѣяться возвратить себѣ наследство предковъ; но вступивъ на свои родовыя владѣнія, онъ будто лишился вдругъ той предусмотрительности, которая отличала до тѣхъ поръ его дѣйствія. Въ виду хитраго непріятели, съ высотъ своей позиціи слѣдившаго каждое его движеніе, онъ расположился лагеремъ, имѣя передъ фронтомъ болотистую рѣчку Сальто, на которой находились одинъ только мостъ и нѣсколько бродовъ, ведущихъ къ трясинѣ, прорѣзанной одною только дорогою. У Карла былъ храбрый и весьма опытный совѣтникъ, рыцарь Эрраръ де Валери, не задолго передъ тѣмъ возвратившійся изъ Палестины. На вопросъ Карла, какой принять боевой порядокъ, Эрраръ отвѣчалъ, что, по причинѣ многочисленности и храбрости Нѣмцевъ, победы можно ожидать единственно отъ какой нибудь военной хитрости; и потому при наступленіи противной арміи Карлъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: онъ раздѣлилъ свою армію па три дружины; первая, состоявшая изъ Провансаловъ, Ломбардовъ и нѣкотораго числа Римлянъ, командуемая Яковомъ Госельмомъ (Gaucelme) и Вильгельмомъ Летандаромъ (l'Etendart), получила приказаніе слѣдовать къ рѣкѣ Сальто и удерживать первый напоръ Нѣмцевъ; вторая, подъ начальствомъ Генриха де Кузансъ (de Cousanse), возложившаго на себя знаки королевскаго сана, должна была защищать покатоности высотъ лагернаго расположенія и поддерживать первую дружину; наконецъ третья дружина, состоявшая изъ осьми сотъ отборныхъ рыцарей подъ предводительствомъ короля и Валери, расположилась совершенно скрытно въ оврагѣ у подошвы горы Феличе (Felice). Построившись такимъ образомъ къ бою, армія ожидала непріятели въ разстояніи около четверти мили отъ его войскъ. Между тѣмъ въ нѣмецкомъ лагерѣ были сдѣланы слѣдующія

распоряженія: армія была раздѣлена на двѣ главныя части; первая, состоявшая изъ Испанцевъ и Ломбардовъ, была отдана подъ начальство Генриху Кастильскому и двумъ итальянскимъ полководцамъ, графамъ Ланчіо и Доноретико; второю частью арміи, состоявшею изъ Нѣмцевъ, и бывшею безъ сомнѣнія отборнымъ войскомъ, предводительствовалъ самъ Конрадинъ Швабскій и Фридрихъ Австрійскій.

До самаго расположенія Карла Анжуйскаго простиралась равнина, имѣвшая ширины около четверти мили и ограниченная съ запада рѣкою Сальто, съ юга горою Феличе, съ востока горою Альба, съ сѣвера горнымъ рубежемъ Веліно. Армія Карла стояла въ описанномъ уже порядкѣ на западной отлогости горы Альба. Къ ея расположенію вела одна только дорога, пролежавшая по мѣстности пересѣченной, на которой находилось много рѣчекъ съ мостами. Окрестность эта, вѣроятно, потому и называется Sette Ponti.

Первая линія Конрадина мужественно перешла черезъ рѣку Сальто, и противъ ней устремилась первая дружина Карла. Нападеніе Генриха Кастильскаго было столь стремительно, что отрядъ Провансаловъ и Ломбардовъ, не выдержавъ его, былъ опрокинутъ и совершенно разсѣянъ. Прибывшая ему на помощь вторая дружина Карла испытала такую же участь, и Кузансъ, одѣтый въ королевскомъ парадѣ, палъ подъ мечами Нѣмцевъ. Въ восторгѣ отъ побѣды, армія Конрадина преслѣдовала бѣгущихъ Провансаловъ по направленіи на Антрозіано, гдѣ добычею ея сдѣлались даже лагерь Карла и его боевые запасы. Исключая дружины Генриха Кастильскаго, всѣ бродили по полю сраженія за добычею. Конрадинъ и вся его армія предалися совершенной безпечности; нѣкоторые воины, утомленные боемъ, беззаботно даже купались въ рѣкѣ Сальто. Въ это время опытный рыцарь Эрраръ де Валери, едва удерживавшій нетерпѣніе Карла Анжуйскаго, сказалъ наконецъ: «Теперь пора», и отборная

дружи́на вса́дниковъ стрѣлою бросилась на непріятеля изъ засады. Въ самое короткое время Нѣмцы были опрокинуты и разсѣяны; Французы переходятъ черезъ мосты Sette Ponti; даже рѣка Сальто не останавливаетъ ихъ; они врываются въ станъ Конрадина, убиваютъ и опрокидываютъ всѣхъ, и наконецъ разсѣиваютъ всю непріятельскую армію. Самъ Конрадинъ видитъ необходимость, въ постыдномъ бѣгствѣ искать спасенія. Но Валери, одержавъ столько успѣховъ, не увлекся ими, и, остановивъ преслѣдованіе, устроилъ свой отрядъ вновь для боя. Незначительная лишь часть войскъ была отправлена за непріятелемъ, а прочія силы остались подъ его начальствомъ въ совершенномъ порядкѣ. Французы удостовѣрились въ пользѣ этой предосторожности тогда только, когда побѣдоносная дружина Генриха Кастильскаго возвратилась отъ преслѣдованія, къ сожалѣнію уже поздно. Онъ самъ и воины его приближались къ лагерю Конрадина въ полной увѣренности въ побѣдѣ, и Французовъ, находившихся на этомъ мѣстѣ, приняли за бранныхъ товарищей, дожидавшихся ихъ возвращенія, чтобы праздновать торжество этого дня. Но какъ горько было ихъ разочарованіе, когда они увидѣли, что Французы устремляются противъ нихъ въ атаку. Однако жъ опытный военачальникъ, посѣдѣвшій въ опасностяхъ междоусобныхъ войнъ и безпрестанныхъ битвъ, не упалъ и въ этотъ разъ духомъ, и мужественно двинулся непріятелю на встрѣчу. По всей вѣроятности онъ и въ этомъ бою могъ бы одержать поверхность, если бы хитрость Эррара не сдѣлала тщетнымъ его мужества. Притворнымъ бѣгствомъ онъ вовлекъ Испанцевъ и Ломбардовъ въ преслѣдованіе, и когда, въ упоеніи отъ успѣха, густые ряды ихъ разстроились при движеніи, Эрраръ со своими Французами обратился вдругъ назадъ, и началъ снова атаку, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. На поляхъ Скурколы, гдѣ незадолго передъ тѣмъ находился лагерь Конрадина, и гдѣ несчастный принцъ обратился потомъ въ бѣгство, по-

сѣдняя гореть его войскъ была истреблена: послѣ того дѣло Гогенштауфеновъ было *навсегда* потеряно.

Не одно сраженіе было проиграно по тѣмъ же самымъ причинамъ. Хотя эта битва, вѣроятно, какъ и другія того времени, состояла изъ ряда частныхъ поединковъ, однако жъ Французамъ нельзя отказать въ великой военной предусмотрительности, которая была слѣдствіемъ опыта, пріобрѣтеннаго рыцаремъ Эрраромъ де Валери на Востокѣ. Онъ видѣлъ тамъ, что Турки и Сарацины сражались такимъ образомъ противъ сомкнутыхъ массъ Французовъ, и потому, изучивъ предварительно образъ дѣйствія Нѣмцевъ, полагалъ возможнымъ побѣдить ихъ подобными тактическими распоряженіями.

Прежде чѣмъ окончимъ обзоръ этого періода, бросимъ взглядъ еще на одну битву въ Германіи, въ которой Нѣмцы дѣйствовали противъ Нѣмцевъ, поддерживаемыхъ однако славянскими народами. Мы говоримъ о сраженіи на Марховомъ Полѣ, 26 августа 1278 года, происшедшемъ послѣ продолжительной борьбы. Рудольфъ и Оттокаръ состязались за корону и жизнь, сражались оба съ тѣмъ мужествомъ и ожесточеніемъ, которыя свойственны всякой долговременной брани. Рудольфъ, служившій нѣкогда въ Италіи подъ знаменами Гогенштауфеновъ, предводительствовавшій арміями на Рейнѣ, въ Швейцаріи, и даже противъ Оттокара, переплывшій разъ озеро Муртенъ въ полномъ вооруженіи, вполне обладалъ военнымъ искусствомъ того времени, и въ борьбѣ со своимъ противникомъ могъ вознаградить основательностью соображеній и силою характера недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ.

Оттокаръ началъ войну смѣло и рѣшительно. Но собравъ свои силы (около тридцати тысячъ человекъ), онъ выступилъ изъ Праги только въ июнѣ мѣсяцѣ, потерялъ много времени на взятіе Дрозендорфа, двинулся потомъ вдоль Тен и остановился снова для взятія крѣпости Лаа. Рудольфъ съ безпокойствомъ наблюдалъ за его дѣйствіями, потому что вассалы собира-

лись къ нему весьма медленно и преданность большей части ихъ начала ослабѣвать. Въ августѣ, получивъ наконецъ возможность начать военныя дѣйствія, онъ двинулся по правому берегу Дуная къ Гаймбургу, перешелъ въ этомъ мѣстѣ черезъ рѣку и достигъ до Марх-эггъ-объ-деръ-Мархъ, гдѣ остановился въ ожиданіи новыхъ подкрѣпленій. Послѣ нѣкотораго времени стеклись къ нему каринтійскіе, стирійскіе и краинскіе его вассалы, и венгерскія союзныя войска, что позволило ему идти рѣшительно на встрѣчу противнику, о движеніяхъ котораго онъ зналъ обстоятельно, посредствомъ легкой венгерской конницы. Наконецъ обѣ арміи сошлись между Еденсбергомъ и Вейдендорфомъ. На разсвѣтѣ Рудольфъ раздѣлилъ свою армію на четыре дружины и перешелъ черезъ рѣку при Вейдендорфѣ. Построивъ войска въ видѣ полу-мѣсяца, онъ началъ атаку, и приказалъ напасть на непріятели съ фронта и съ обоихъ фланговъ. Оттокаръ ждалъ удара, расположившись въ шести массахъ; но какъ они были построены, объ этомъ умалчиваютъ всѣ современныя лѣтописи. Каждый изъ главнокомандующихъ имѣлъ резервъ.

Между тѣмъ какъ Бессые Монахи, проходя ряды Оттокаровой арміи, старались вселить въ воиновъ увѣренность, что всѣ храбрые, павшіе въ бою, будутъ радостно приняты на лоно Авраама, исповѣдникъ и другъ Рудольфа Генрихъ, епископъ базельскій, привелъ ему не задолго передъ тѣмъ тысячу отборныхъ всадниковъ и отрядъ стрѣлковъ изъ лука, одушевлялъ его войска рѣчью, обѣщая христіанскимъ воинамъ непосредственное участіе въ благахъ будущей жизни, въ раѣ. Наконецъ, когда онъ занялъ бранную пѣсню, испуганная лошадь Генриха Шорлинса, рыцаря швабскаго, шарахнулась и понесла его въ самую середину Богемцевъ. Этотъ случай завлекъ туда всю боевую линію. Рудольфъ лично повелъ Швабовъ противъ Саксонцевъ, подъ предводительствомъ Оттона Бранденбургскаго: они-то и составляли надежнѣйшую часть бо-

гемской арміи. Бѣгство ихъ, казалось, рѣшило участь того дня, но въ это время многіе богемскіе рыцари, поклявшіеся убить нѣмецкаго короля, устремились съ яростью въ атаку, подъ начальствомъ Генриха фонъ Фюленштейна. Рудольфъ успѣлъ опрокинуть Фюленштейна, но самъ онъ едва спасся отъ его дружины. Лишась лошади, онъ долженъ былъ прикрывать себя щитомъ, чтобы не быть истоптаннымъ скакавшими мимо и черезъ него рыцарями. Но вскорѣ привели ему новаго коня, а между тѣмъ подоспѣлъ Бертольд Капплеръ съ резервомъ и избавилъ его отъ гибели. Послѣ прибытія Капплера, непріятельскій резервъ, подъ предводительствомъ какого-то Милоты, вмѣсто того чтобы идти въ атаку, бросилъ Оттокара на произволь судьбы и обратился въ бѣгство. Это обстоятельство рѣшило побѣду въ пользу Рудольфа. Самъ Оттокаръ палъ во время бѣгства, получивъ семнадцать ранъ. Четырнадцать тысячъ человѣкъ изъ его арміи частью были убиты на полѣ сраженія, частью утонули въ Мархѣ. Согласно обыкновенію того времени, Рудольфъ остался три дня на полѣ битвы, и это обстоятельство вовлекло его вскорѣ въ новый бой.

Разбирая по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ это сраженіе, легко замѣтить, что оно ни чѣмъ не отличается отъ другихъ сраженій того времени. За необходимыми распоряженіями для самаго начала дѣйствія послѣдовалъ тотчасъ бой, который раздробился на столько поединковъ, сколько было отважныхъ рыцарей. Подобныя поединки, въ нарѣчій того времени, назывались «тіостами». Когда побѣда была рѣшена разбитіемъ мужественнѣйшихъ рыцарей, рыцари-побѣдители отдыхали и радовались своимъ подвигамъ; слуги ловили лошадей, оставшихся безъ всадниковъ; пѣхота грабила мертвыхъ и раненыхъ, а о преслѣдованіи никогда и не думали, или по-крайней-мѣрѣ чрезвычайно рѣдко. Рудольфъ любилъ опасности брачной жизни, потому что исполинское тѣлосложеніе (онъ имѣлъ около семи футовъ росту) при тогдашнемъ образѣ веденія вой-

*

ны доставляло ему многіе случаи къ блестящимъ подвигамъ. Онъ сражался лично, и отъ меча своего ожидалъ болѣе, какъ славы, такъ и пользы, чѣмъ отъ предшествующихъ началу битвы распоряженій.

О военномъ устройствѣ, тактикѣ, организаціи и продовольствованіи арміи было говорено прежде. Здѣсь при-совокупимъ нѣсколько словъ о томъ, какъ эти части развивались втеченіи времени, въ особенности у Нѣмцевъ, не придерживаясь однако строгаго хронологическаго порядка, котораго въ этомъ предметѣ соблюсти совершенно не возможно. Ленная система въ Германіи, какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, была источникомъ всѣхъ военныхъ учрежденій. Еще долгое время поземельная собственность оставалась масштабомъ при опредѣленіи всѣхъ военныхъ обязанностей. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ писателей весьма справедливо рассматриваютъ военную систему того времени, какъ *общую конскрипцію, основанную на количествѣ имущества частныхъ лицъ*. При различныхъ однако же переворотахъ и измѣненіяхъ въ ленной системѣ, простой народъ менѣе и менѣе подлежалъ набору: слѣдствіемъ этого было значительное уменьшеніе числительной силы тогдашнихъ арміи, повсемѣстное употребленіе конницы вмѣсто пѣхоты, и важность рыцарскаго сословія. Какимъ образомъ подобныя войска превратились въ наемныя дружины, сказать трудно, потому что не только во всякомъ государствѣ, но и во великой области эта перемѣна имѣла другую форму.

Въ арміяхъ столь разнороднаго состава, въ которыхъ каждый воинъ считалъ себя самостоятельнымъ лицомъ, конечно не много могло быть дисциплины и порядка. Только иногда, подъ управленіемъ полководцевъ, одаренныхъ необыкновеннымъ характеромъ, военные законы имѣли дѣйствительную силу и перѣдко даже были писаны кровью. Напримѣръ, въ Вецелайскомъ Лагерномъ Уставѣ (1190) сказано: «Кто рапитъ другаго вредоноснымъ оружіемъ, лишается руки; кто

убить пилгрима на сушѣ, будетъ живою закопанъ въ землю; а если на морѣ, то привязанъ къ мертвому и брошенъ въ волны,» и такъ далѣе.

Весьма замѣчательны въ этомъ отношеніи лагерные законы, изданные Фридрихомъ I въ 1155 году. Въ нихъ строжайше запрещалось начинать брань, вздорить съ товарищами и рѣшать споръ мечемъ. Говорить, что для этого было позволено драться на палкахъ, однако жъ не иначе какъ въ лагерь.

Провинившагося противъ этихъ законовъ, если онъ былъ рыцарь (miles), лишали оружія и прогоняли изъ лагеря; несвободнаго долженъ былъ выкупить его господинъ: въ противномъ случаѣ, ему брили голову, клеймили щеку и наказывали тѣлесно. Кто ранилъ другаго, тотъ терялъ руку. За убійство полагалась смертная казнь. За грабежъ, рыцарь платилъ вдвое противъ учиненнаго вреда, а несвободный подвергался такому же наказанію какъ и за мѣтежъ. Всякій гражданинъ былъ обязанъ препятствовать грабительству и извѣщать объ этомъ мѣстное начальство. Кто принималъ въ свой домъ распутныхъ женщинъ, терялъ право носить оружіе, а имъ отрѣзывали посылы. Слугу за первое воровство наказывали тѣлесно, брили голову и клеймили; за второе его вѣшали. Подозрѣваемый въ покражѣ имѣлъ однако жъ право доказать свою невинность испытаніемъ посредствомъ огня (Feuerprobe), или господинъ его долженъ былъ клятвою поручиться за его честность. Обвинитель обязанъ былъ съ своей стороны дать присягу въ томъ, что онъ имѣлъ на него только одно подозрѣніе. Принятіе въ службу чужихъ людей, и изуродованіе лошадей съ намѣреніемъ чтобы ихъ нельзя было узнать, строго запрещалось. За ругательства полагалось пенн десять фунтовъ ходячей въ лагерь монеты. Даже для фуражировокъ и позволяемаго войскамъ грабежа существовали особенныя постановленія: напримѣръ, полныя бочки вѣдно было хорошо шпиуновать, чтобы вино изъ нихъ не вытекало. Послѣ приступа грабежъ городовъ и

зѣмокъ не запрещался, но зажиганіе ихъ строго наказывалось. Лагерныя постановленія относились также къ охотѣ. Но всего замѣчательнѣе законъ, запрещавшій каждому, подъ опасеніемъ быть сочтеннымъ разрушителемъ общаго спокойствія, нападать на непріятельскаго рыцаря, если онъ являлся въ лагерь безъ оружія, щита, и не на боевой лошади, а на клепперѣ. Это запрещеніе во всякомъ случаѣ имѣло цѣль похвальную, но не показывало глубокаго знанія человѣческаго сердца.

Во время похода, арміи раздѣлялись на нѣсколько массъ, обыкновенно по народамъ, или по ленамъ, а въ контингентахъ городовъ по воротамъ и кварталамъ. Каждая дружина или отдѣленіе имѣло своего особеннаго предводителя, которому для удобнѣйшаго управленія придавалось въ помощь нѣсколько рыцарей. Вдали отъ непріятели вголовѣ арміи шли рабочіе съ шанцевымъ инструментомъ и квартиргерры, а въ другихъ случаяхъ авангардъ изъ легкихъ войскъ, предшествуя арміи, производилъ рекогносцировку. Въ XII-мъ и XIII-мъ столѣтіяхъ это называлось *Woldau*, въ особенности же тогда, когда имѣло цѣлью грабежъ. При знаменахъ находились музыканты, которые подавали сигналъ къ походу. Въ концѣ XII-го и въ XIII-мъ вѣкѣ, маршалъ заботился одинъ о продовольствіи арміи, о порядкѣ во время похода, и о правильномъ разставленіи постовъ. До начатія боя онъ строилъ войска и смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы никто не оставался, чтобы при отступленіи никто не скидывалъ латы, чтобы не было грабежа, и прочая. Къ его должности принадлежало также наблюденіе за порядкомъ въ лагерѣ. Войска въ лагерѣ располагались обыкновенно по колѣнамъ. «Павилуны», то есть, шатры вельможъ, стояли рядомъ съ «фейнами», или шалашами слугъ и оруженосцевъ, вѣроятно по причинамъ, простекавшимъ изъ состава тогдашнихъ армій. Сзади войскъ находился обыкновенно рядъ разныхъ осадныхъ машинъ, извѣстныхъ у Нѣмцевъ подъ назва-

ніями Bleiden, Trummeren, Rutten, Katzen, Ebenhoch, Pettern, Mangel, Igelswehr, Antwerk, и прочая.

О способѣ продовольствованія войскъ въ чужихъ странахъ умалчиваютъ всѣ лѣтописцы; извѣстно однако жъ, что не рѣдко гибли цѣлыя арміи отъ недостатка въ жизненныхъ запасахъ. Весьма вѣроятно, что войска брали все у жителей подъ обѣщаніемъ денежнаго возмездія, потому что государи этого времени, при неправильной системѣ финансовъ, не имѣли средствъ передъ походомъ дѣлать большія закупки продовольствія для армій. Со всѣмъ тѣмъ, и тогда уже существовали нѣкоторыя понятія о теоріи продовольствованія войскъ; по-крайней-мѣрѣ въ исторіи Гогенштауфеновъ упоминается объ одномъ писателѣ, Sanutus, который составилъ весьма поучительный очеркъ этого предмета и исчислилъ примѣрно издержки содержанія арміи. На пищу солдата онъ полагаетъ полтора фунта хлѣба, порцію вина и три раза въ недѣлю мясо, а для перемѣны иногда сыръ, бобы, и прочая. Слѣдственно безпорядокъ, усматриваемый повсемѣстно, вѣроятно происходилъ гораздо болѣе отъ недостатка въ денежныхъ средствахъ, чѣмъ отъ незнанія этой отрасли полеваго воинскаго управленія.

Мы видѣли, что въ этомъ столѣтіи, личная храбрость была важнѣе всѣхъ военныхъ соображеній. Храбро драться и защищаться упорно, считалось единственною обязанностью рыцаря. Этимъ, конечно, можно было довольствоваться противъ людей, но стѣны и валовъ крѣпостныхъ нельзя было одною храбростью опрокидывать: слѣдственно военные люди относительно осадъ по необходимости должны были сообразить, что безотчетная храбрость и физическая сила входятъ въ расчетъ только какъ *средства*, или какъ предметы условной важности. Главнѣйшую часть укрѣпленій въ этомъ періодѣ составляли каменные стѣны, башни и рвы. Стѣны нерѣдко можно было видѣть двойныя, а внутри городовъ, въ особенности въ Италіи, находились замки, служившіе вмѣсто редюи-

товъ, во время приступа или печальнаго нападенія неприятеля. Башни составляли существенную часть укрѣпленій: онѣ были сверху плоскія, подобно вершицѣ крѣпостныхъ стѣнъ, снабженныя зубцами, стрѣльницами и брустверомъ.

Въ XII и XIII столѣтіи они имѣли видъ круглообразный, иногда съ заслонами. Армія, приближавшаяся для осады какого либо укрѣпленнаго города, старалась предварительно овладѣть всею окрестною страню. Если это удавалось, то крѣпость либо окружали со всѣхъ сторонъ, либо атаковывали ее съ одной только стороны, стараясь отдѣльными партіями различнои силы отрѣзать ей всякое сообщеніе со вспомогательною арміею или съ центромъ государства²⁹. Не рѣдко также окружали городъ контра и циркумвалационными линіями. Въ такихъ линіяхъ, для доставленія имъ фланговой обороны, устраивались иногда башни (bristega, tristega, benfrois), деревянныя, на приличномъ одна отъ другой разстояніи. Подобныя башни закладывались также противъ городскихъ воротъ, и когда они были заняты войсками, то осаждающій считалъ себя въ безопасности. Напримѣръ, при осадѣ Ангіохіи, Готфридъ, обезпечиваемый вылазками осажденныхъ изъ однихъ воротъ, заперъ имъ выходъ изъ города, высыпавъ на этомъ мѣстѣ цѣлую искусственную гору и поставивъ на ней нѣсколько машинъ.

Въ описаніи крестовыхъ походовъ встрѣчаются частые примѣры, что христіане располагались вокругъ осажденнаго города во столькихъ массахъ, сколько было различныхъ народовъ въ арміи. Такъ, напримѣръ, Фульшѣ-де-Шартръ говоритъ, что въ лагерѣ подъ Никесіей находилось девятнадцать различныхъ по правамъ и языку народовъ, изъ которыхъ каждый расположенъ былъ въ особомъ, стѣнами и палисадами окруженномъ станѣ, и что наконецъ, когда не стало матеріаловъ для постройки стѣнъ, осаждающіе употребили вмѣстѣ ихъ кости нѣкогда павшихъ на этомъ полѣ христіанъ. Такимъ образомъ, по словамъ

Ашпы Комнино, мавзолеи, построенные умершимъ, сдѣлались домами живыхъ.

Осаждающій, укрѣпившись вокругъ города, старался потомъ осажденныхъ лишить воды для питія, и уравнивалъ мѣстность впереди фронта, выбраннаго для атаки, чтобы машины можно было двинуть туда съ меньшимъ затрудненіемъ. Осажденный съ своей стороны старался тому воспрепятствовать, и это взаимное противодѣйствіе обѣихъ сторонъ бывало поводомъ частыхъ ошибокъ между пращниками и стрѣлками изъ лука.

Осаждающій, достигнувъ цѣли, старался потомъ приблизиться къ городскимъ стѣнамъ посредствомъ двойныхъ, деревянныхъ, досками и плетнемъ покрытыхъ ходовъ (*ravois, targes; tallevas; Vineen, Sturmdächer; musculi*). Ходы эти покрывались снаружи сырыми кожами для предохраненія ихъ отъ огня, а позади ихъ стояли стрѣлки, и выстрѣлами изъ луковъ прогоняли осажденнаго съ городскихъ стѣнъ. Если удавалось засыпать ровъ и дойти до самаго подножія стѣны, то въ ней производили обвалъ, какъ и въ древности, посредствомъ тарана³⁰. Для этой цѣли изъ машинъ употреблялись также либо кошки (*Katzen*), то есть, родъ покрытыхъ сарасвъ съ тараномъ внутри, либо родъ башенъ (*Ebenhoch*), снабженныхъ метательными машинами и довольно высокихъ, чтобы съ вершины ихъ можно было обзрѣвать и поражать городъ.

Подобныя предпріятія были обыкновенно сопряжены съ великими затрудненіями и опасностью, такъ что почти всегда надобно было прибѣгать къ другимъ средствамъ, а именно, если таранъ не производилъ ожидаемаго дѣйствія, то употребляли военныя машины, особенно въ Италіи и на Востокѣ. Вообще Италіяны, а между ними павболѣ Пизацы и Генуезцы, отличались искусствомъ оборонять города и изготовлять машины. Подвижныя башни употреблялись въ совершенной необходимости, обыкновенно на тѣхъ пунктахъ, гдѣ осаждающій встрѣчалъ наибольшее со-

противленіе, то есть, преимущественно противъ башенъ городской стѣны. Онѣ были всегда выше стѣнъ осажденнаго города, имѣли часто пятьдесятъ, осемдесятъ, до ста двадцати футовъ высоты, и раздѣлялись на три до шести этажей. Онѣ обыкновенно строились четырехъугольныя, перекатывались на колесахъ, или перетаскиваемы были на полозьяхъ. Однако жъ иногда, имъ давали и другую форму: папримѣръ въ описаніи осады Іерусалима упоминается объ одной яйцеобразной башнѣ изъ дерева, на колесахъ (*pluteus, phala*); въ первомъ этажѣ работники и архитекторы управляли движеніями башни; второй этажъ имѣлъ высоту, равную крепостной стѣнѣ, а третій выдавался надъ нею. Второй и третій этажъ имѣли покрытыеходы, изъ которыхъ можно было сражаться. Наконецъ на самомъ верху находился мостъ, который въ случаѣ надобности могъ быть опущенъ. Башня покрывалась снаружи сырыми кожами, а на вершинѣ ея ставили золотой крестъ. Осаждающіе старались спуститься съ башенъ въ городъ посредствомъ мостовъ. Большею частію цѣлая осада заключала въ себѣ одни только дѣйствія какой либо башни, имѣвшей четыреста до пяти сотъ человѣкъ, подъ предводительствомъ смѣлаго начальника, и дѣйствія эти обыкновенно весьма подробно описываются въ современныхъ лѣтописяхъ. Во многихъ случаяхъ подвиги частныхъ лицъ при атакѣ и оборонѣ башенъ напоминаютъ дѣянія древнихъ героев. Вильгельмъ Тирскій говоритъ, въ третьей книгѣ, что при осадѣ Никеи одинъ Сарацинъ обратилъ на себя особенное вниманіе христіанъ, какъ по исполнинскому тѣлосложенію, такъ и по храбрости: выстрѣлъ его былъ всегда смертоносенъ; въ недостатокъ стрѣлъ онъ бросалъ огромные обломки скалъ въ неприятельскіе ряды. Однажды, послѣ продолжительнаго и безуспѣшнаго приступа христіанъ къ одной башнѣ, онъ остался въ ней одинъ противъ Раймунда. Осыпанный градомъ выстрѣловъ, онъ не измѣнилъ себѣ, и вызывалъ даже христіанъ усилить нападеніе. Вскорѣ возо-

ры и оружіе всѣхъ обратились на него: покрытый радами, поражаемый безпрестанно новыми выстрѣлами, онъ защищался еще долго, но наконецъ сраженный стрѣлою Готфрида, прекратившею его геройскую жизнь, онъ упалъ въ ровъ. Христіане громкимъ крикомъ торжествовали побѣду; между тѣмъ глубокое молчаніе въ рядахъ невѣрныхъ ясно показывало упадокъ ихъ духа. Подобные подвиги случались при многихъ осадахъ и нерѣдко рѣшали судьбу непріятельскаго города.

Изъ лѣтописей видно, что для усиленія осады иногда употреблялись и мины. Напримѣръ, Филиппъ-Августъ прибѣгнулъ къ этому средству при осадѣ Шато-Гальяра. Но заложеніе ихъ различествовало отъ методы Римлянъ тѣмъ, что они производились съ наружи во внутрь земли, при чемъ наружный край состоялъ изъ стѣны и защищался стрѣлками.

Въ то самое время, когда съ одной стороны атаквали городъ посредствомъ вицеевъ, тарановъ и башень, съ другой стороны старались употребить противъ осажденныхъ метательные снаряды и мины.

Посредствомъ катапультъ, балистъ и онагеровъ, блейдовъ, марги, петреровъ, и прочая⁵¹, бросали въ городъ огромные камни, вѣсомъ иногда въ нѣсколько центнеровъ. За ними слѣдовали часто горящія бревна, сѣрный огонь, большія огненные стрѣлы, и другія тяжести. Туда же бросали бочки, наполненныя нечистотою, мертвые тѣла, стерво животныхъ, и прочее, чтобы испортить воздухъ и произвести въ городѣ болѣзни.

Потомъ пытались подрывать стѣну въ ея основаніяхъ, и для достиженія этого приближались къ ней издали широкими подземными ходами. Обрушенію земли препятствовали бревнами и досками. Дойдя до опредѣленнаго мѣста, наполняли ходъ различными горючими веществами, зажигали ихъ и ожидали обрушенія стѣны. Нерѣдко такіе ходы прокапывались даже подъ

стѣною внутри города, чтобы непосредственно можно было туда ворваться ⁵².

Впрочемъ осаждающіе, по примѣру Римлянъ, не щадили ни трудовъ ни работы въ своихъ предпріятіяхъ. Напримѣръ, при осадѣ Аккона, Христіане построили плотину, и продолжали ее непрерывно, пока не приблизились къ городу. При осадѣ Никен, суда изъ Пропонтиды были перенесены въ озеро Аскапіево черезъ два хребта горъ, ихъ раздѣляющіе; и такъ далѣе. Вообще воинственный духъ торжествовалъ часто надъ опасностью, голодомъ, жаждою и всякаго роду бѣдствіями.

Но и осажденные защищались съ такимъ же искусствомъ, мужествомъ, и съ такою же рѣшимостью, какъ ихъ противники. Оборонѣ предшествовало обыкновенно приготовленіе и собраніе всякаго роду военныхъ запасовъ, чтобы можно было долго и мужественно противодѣйствовать усиліямъ непріятели. Такъ какъ жители принимали всегда весьма живое участіе въ бою, то и не было надобности воспалять ихъ къ оборонѣ. Коль скоро борьба была начата, мужественная оборона становилась единственнымъ средствомъ принудить непріятели отказаться отъ своихъ требованій. Всѣ переговоры въ это время мало приносили пользы.

Узнавъ о приближеніи противника, обороняющійся старался уничтожить въ окрестностяхъ все, что только могло облегчить ему атаку. Срубали деревья на большомъ пространствѣ, лишая этимъ противника средствъ къ постройкѣ машинъ; производили наводненія; прорѣзывали мѣстность небольшими рвами, затруднявшими движеніе машинъ; однимъ словомъ, старались всѣми мѣрами озаботить непріятели. Кроме того, часто заваливали старыя ворота, или обезпечивали ихъ небольшими башнями и желѣзною опускающею рѣшеткою (Fallgatter). Иногда такими же башнями укрѣплялось сборное въ городѣ мѣсто, окруженное обыкновенно высокою каменною стѣною. Въ другихъ случаяхъ проламывали въ стѣнѣ новыя ворота,

и производили нечаянную вылазку; возвышали стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности на фронтѣ атаки, для лучшей защиты отъ машинъ осаждающаго.

Наконецъ, когда непріятель подступалъ уже къ самому городу, легкія войска выходили ему на встрѣчу, старались завлечь его гдѣ нибудь въ засаду, или подъ городскія стѣны, и неожиданно потомъ осыпывали его градомъ стрѣлъ. Если, несмотря на все эти мѣры, противникъ приблизился къ крѣпости, то осажденный поражалъ его выстрѣлами изъ машинъ, расположенныхъ на стѣнѣ, и стрѣлковъ стоявшихъ за зубцами. Угадавъ фронтъ атаки по распоряженіямъ непріятеля, старались, посредствомъ тюфяковъ, сырыхъ кожъ и плетня, уменьшить силу ударовъ тарана, а на выходящихъ углахъ располагали навѣсы для обезпеченія себя отъ снарядовъ осаждающаго. Въ стѣнѣ съ этимъ заготовлялись огромныя обломки скалъ, которыми потомъ сокрушали непріятельскія машины, ломали навѣсы, отбивали головы у тарановъ. Въ отношеніи къ послѣднимъ, были кромѣ того въ готовности крюки для захватыванія ихъ, встаскиванія на верхъ, или ослабленія ихъ ударовъ. Часто подкапывали то мѣсто, на которомъ непріятельскія машины были расположены, и надолго вдругъ прекращали ихъ дѣйствіе. Между тѣмъ метательныя машины осыпывали противника всякаго рода снарядами; изъ марги, металн большіе обломки скалъ; изъ мапговъ и петреровъ мелкіе камни. Большія бревна, бросаема горизонтально съ вершины башень, сокрушали непріятельскія машины, которыя, разрушаясь, нерѣдко погребали подъ собою дѣйствовавшія изъ нихъ войска осаждающаго. Когда непріятель приблизился къ самой стѣнѣ, то съ вершины ихъ осажденныя, посредствомъ желѣзныхъ крючьевъ, ловили отважнѣйшихъ ратниковъ, встаскивали ихъ на верхъ, или, удерживая на воздухѣ, подвергали выстрѣламъ обѣихъ сторонъ. На осаждающихъ лили сверху кипящее масло, смолу, и другія

горючія вещества; сбрасывали на нихъ зажженныя связки, бочки съ известью, и другіе предметы, а посредствомъ штурмовыхъ косъ умерщвляли ворвавшихся на стѣну.

Если непріятелю удалось дойти до башень городской стѣны, то для осажденныхъ опасность конечно уже была велика; но они рѣдко теряли присутствіе духа. Усилія ихъ обращались въ особенности на воспрепятствованіе опущенію мостовъ, — самбуковъ, — что часто имѣло успѣхъ. При осадѣ Іерусалима, бревно, искусно выдвинутое противъ опускаемаго моста, разстроило цѣлый одинъ приступъ. Во время знаменитой осады Кремы, нѣсколько смѣлыхъ нѣмецкихъ рыцарей спустились на городскую стѣну посредствомъ подъемнаго моста одной башни. Съ неустрашимостью они врывались уже внутрь города, когда осажденному удалось вдругъ уничтожить мостъ брошенными изъ машинъ обломками скалъ. Гарнизонъ, упавшій духомъ, ободрился снова, и наконецъ восторжествовалъ въ бою, котораго начало готовило ему вѣрную гибель.

Пробивъ брешь въ городской стѣнѣ, осаждающій обыкновенно находилъ за нею еще другую стѣну. Бывали также примѣры, что поврежденная стѣна приводилась въ исправность въ самое короткое время и заставляла непріятеля употребить новыя усилія для сдѣланія въ ней обвала. Если осажденный догадывался, что противникъ закладываетъ гдѣ нибудь мину, то онъ миною же шелъ ему на встрѣчу, и въ подобныхъ случаяхъ подъ землею нерѣдко доходило до самаго кровопролитнаго боя. Часто близъ пункта, который по всей вѣроятности непріятель долженъ былъ атаковать, прокапывали поперечные рвы, и, когда противникъ приблизился къ нимъ неосторожно, вдругъ производили на него нападеніе.

Вообще, невозможно исчислить всѣхъ средствъ, къ которымъ прибѣгалъ осажденный для уничтоженія замысловъ противника. Понятіе объ нихъ лучше всего пріобрѣтается въ описаніяхъ частныхъ случаевъ, при из-

вѣстнѣйшихъ осадахъ. На Востокѣ оборона усиливалась еще греческимъ огнемъ; кромѣ того, самое искусство находилось тамъ на высшей степени чѣмъ у западныхъ народовъ. Греки были лучшими строителями машинъ въ этомъ періодѣ. Обладая, хотя только по теоріи, оставшейся въ сочиненіяхъ древнихъ, остатками прежняго военнаго искусства Римлянъ, они занимались весьма много поліорцетикою. Впрочемъ успѣхи ихъ въ этой отрасли военнаго искусства неудивительны, потому что изнѣженныя греческія дружины только за стѣнами, при защитѣ которыхъ искусство болѣе нужно чѣмъ храбрость, могли надѣяться устоять противъ сабель Арабовъ и Турокъ.

Продолжительность осады давала въ это время лучшее понятіе о характерѣ атаки и обороны. Нерѣдко обѣ стороны позорили себя немовѣрными жестокостями. Скорая смерть была величайшимъ благомъ; простое изуродованіе считалось также милостью. Самыя утонченныя муки ожидали часто того, кто послѣ мужественной обороны долженъ былъ уступить превосходству силъ. Тому рыцарю, который при осадѣ Кремы такъ неустрашимо ворвался въ городъ по сабукѣ, содрали кожу съ головы, и побѣдитель не устыдился украсить ею свой шлемъ. Христіане и невѣрные соперничали въ этомъ варварствѣ и обыкновенно христіане превосходили своихъ противниковъ.

III.

Состояніе военнаго искусства на Востокѣ.

Въ то время когда на Западѣ военное искусство, измѣняясь во всѣхъ своихъ отрасляхъ, развивалось и постепенно совершенствовалось, приобрѣтало совсѣмъ новый и съ духомъ вѣка сообразный характеръ, на Востокѣ напротивъ того оно весьма долго находилось на прежней степени. Набѣги и переселенія Варваровъ естественнымъ образомъ должны были произвести нѣкоторыя измѣненія; со всѣмъ тѣмъ, Греки сохраняли главныя основанія того военнаго искусства, котораго превосходству они нѣкогда должны были уступить и которое, по ихъ мнѣнію, совершенно соответствовало цѣли.

Т. II. — Исторія В. Иск. средн. вѣковъ.

8

Легионъ втеченіе времени испыталъ различныя преобразованія. Не входя въ подробности, мы скажемъ вообще, что послѣ многихъ перемѣнъ, вслѣдствіе которыхъ постепенно уменьшалось число рядовъ въ глубинѣ строя, и самое даже вооруженіе было измѣнено; образовавшійся наконецъ новыи тактической порядокъ сходствовалъ съ римскимъ легиономъ по одному только названію.

При всѣхъ преобразованіяхъ, сдѣланныхъ Августомъ и Траяномъ въ устройствѣ легиона, онъ остался почти въ такомъ же видѣ, какъ его оставили Марій и Цезарь. Несмотря на всѣ порицанія этихъ преобразованій, они довольно соответствовали обстоятельствамъ, и упадокъ военнаго искусства произошелъ гораздо болѣе отъ ослабленія въ арміяхъ дисциплины чѣмъ отъ измѣненія тактическихъ формъ. И при этихъ формахъ полководцы, одаренные твердымъ характеромъ, умѣли достигать великихъ военныхъ цѣлей. Всякій разъ когда Римляне имѣли искусныхъ вождей, Сарацины и Германцы не могли съ ними состязаться, и эта эпоха упадка римскихъ армій представляетъ по-временамъ подвиги, достойные прежней славы ихъ оружія. Упадокъ армій былъ естественнымъ послѣдствіемъ внутренняго разстройства самаго государства, и потому описывать упадокъ военнаго искусства было бы то же самое что писать политическую исторію того періода. Въ то время, когда Римская имперія раздѣлилась на двѣ части, на Востокѣ было расположено семьдесятъ легионовъ, которые, какъ уже было сказано, сходствовали съ прежними римскими только по названію. Большая часть ихъ отличалась отъ своихъ европейскихъ соотечественниковъ скорѣй въ интеллектуальномъ отношеніи чѣмъ тактическими формами. Отталкивающая надменность Восточныхъ Римлянъ, перевѣсъ фантазіи надъ разумомъ и религіозныя понятія разрознили Западъ съ Востокомъ гораздо раньше, чѣмъ было сдѣлано положительное политическое ихъ раздѣленіе.

Народы, съ которыми Восточная Имперія находилась

въ борьбѣ, должны были имѣть послѣдствіемъ переворотъ въ духѣ тактики, измѣнить ее совершенно, придать ей характеръ, различный и отъ того, который они имѣли въ древности, и отъ того, который приобрѣли на Западѣ. Враги Грековъ тщательно избѣгали открытаго боя и правильныхъ сраженій; въ войнѣ съ Персами и Турками, безпрестанно разсѣявавшимися и вновь появлявшимися, ратники вооруженные мечами и копьями, были бы бесполезнымъ бременемъ для арміи. Можно сказать даже, что это столь порицаемое отступление отъ строя и вооруженія легіона было необходимою мѣрою и доказывало основательное знаніе военнаго дѣла. Строй легіоновъ Вегеція и Сципіона былъ совершенно различный; однако жъ если ввести въ расчетъ образъ дѣйствія противниковъ, то не трудно увѣриться, что и тотъ и другой соотвѣтствовали времени и обстоятельствамъ. Сколько можно понять изъ темнаго разсказа Вегеція, когорты строились тогда въ двѣ линіи, изъ которыхъ каждая имѣла нѣсколько рядовъ глубины. Первая шеренга состояла изъ тяжело вооруженныхъ ратниковъ, имѣвшихъ то же самое назначеніе какъ прежде принцыпы. Вторую составляли стрѣлки изъ лука, которые кромѣ того имѣли оборонительное оружіе, кошья и пики. Эти двѣ шеренги поддерживались еще двумя другими, легче вооруженными, и употребляемыми въ случаѣ надобности для разсыпнаго дѣйствія. За ними находилась линія военныхъ машинъ, дѣйствовавшихъ навѣсно и охраняемыхъ отрядомъ легкихъ войскъ. Позади всего располагались тріаріи, родъ резерва, подобнаго прежнему экстраординарному войску Римлянъ. Десять когортъ легіона, построеныя такимъ образомъ, располагались другъ отъ друга въ разстояніи, равномъ длинѣ ихъ фронта, и въ этихъ интервалахъ находились также легкія войска и малыя метательныя машины. Сила каждой когорты простиралась до пяти сотъ человекъ, исключая только первой, въ которой находилась тысяча человекъ. На флангахъ боевой линіи располагали соотвѣтствующую

*

щее число кавалеріи, покрытой латами, считая на первую когорту сто тридцать два, а на другія по шестидесяти шести лошадей, всего семь сотъ двадцать шесть лошадей на одинъ легіонъ. Относительно числа машинъ, при каждомъ легіонѣ полагалось двадцать пять возовыхъ балистъ; при каждой одиннадцать человѣкъ прислуги. По словамъ Вегеція, противъ ихъ дѣйствія не могла устоять ни кавалерія въ своихъ латахъ, ни пѣхота со своими тяжелыми щитами. Кромѣ того каждая когорта имѣла одного «онагра», съ принадлежавшими къ ней снарядами. Каждый легіонъ имѣлъ понтоный экипажъ, изъ небольшихъ лодокъ состоявшій. Слѣдовательно легіонъ, какъ и въ прежнее время, составлялъ самостоятельный въ тактическомъ отношеніи отрядъ, снабженный даже всякаго рода ремесленниками для изготовленія машинъ, нужныхъ при осадѣ, какъ то, различныхъ навѣсовъ, тарановъ, туровъ, подвижныхъ башень, и прочая. Это устройство, по словамъ Вегеція, имѣло цѣлью доставить легіону возможность составлять какъ бы отдѣльное военное государство, вездѣ гдѣ бы онъ ни находился.

Если принять въ соображеніе образъ дѣйствія народовъ, противъ которыхъ Восточные Римляне должны были постоянно сражаться, то это тактическое устройство даже довольно соответствовало своему назначенію: въ немъ не доставало только нравственной силы войскъ. Всякій разъ какъ духъ храбрости проявлялся въ войскахъ, тактическія формы оказывались хорошими, и современники этихъ учрежденій нерѣдко сравнивали ихъ съ прежними римскими; нѣкоторые желали возстановленія древняго порядка, но другіе дѣятельно защищали новое устройство. Прокопій, сподвижникъ Велисарія, по-справедливости называемый Византійскимъ Иродотомъ, принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Въ особенности онъ предпочитаетъ новѣйшихъ стрѣлковъ изъ лука прежнимъ легкимъ войскамъ Римлянъ. «Наши стрѣлки, говоритъ онъ, имѣютъ изъ предохранительнаго оружія грудныя и нож-

ныя латы, изъ которыхъ послѣднія доходятъ до колѣнъ. На правомъ боку у нихъ висятъ стрѣлы, на лѣвомъ мечъ; нѣкоторые кромѣ того имѣютъ привѣшенное копье, и небольшую попонку отъ щита, которая лежитъ на плечахъ, и закрываетъ часть лица и спину. Они бѣдятъ весьма искусно, и на всемъ скаку бросаютъ стрѣлы впередъ или назадъ противъ бѣгущаго или преслѣдующаго непріятеля. Они, натягивая лукъ, прикасаются тетивою почти до праваго уха и сообщаютъ такую быстроту стрѣламъ, что выстрѣлы ихъ почти всегда бываютъ смертоносны, несмотря на сопротивленіе латъ или щита противника.... Многие, говоритъ онъ въ первой главѣ исторіи своего времени, пристрастившись ко всему древнему безотчетно, оуждаютъ новѣйшія учрежденія, не обращая вниманія на обстоятельства, которыя заставили ихъ принять, и забывая, что при этихъ учрежденіяхъ были перѣдко достигнуты великіе и блестящіе результаты».

Изъ различныхъ родовъ войскъ, существовавшихъ на Востокѣ, *scholarii* и пограничныя войска (*milites limitanei*) наиболѣе заслуживаютъ вниманія. Домашнія войска (*scholarii*), игравшія столь важную роль въ исторіи двора, составляли особенный отрядъ государевыхъ тѣлохранителей. Отборная ихъ дружина, — *protectores*, — пользовалась особенною довѣренностью императора и постоянно находилась при его особѣ. Расположеніе государя и службу они раздѣляли съ другою ротою такъ называемыхъ *candidati*. Первые избирались изъ конницы, послѣдніе изъ пѣхоты схоляріевъ и тѣлохранителей. Схоляріи раздѣлялись на девять *scholae*, каждая силою около четырехъ сотъ человѣкъ, что составляло всего около трехъ тысячъ пятисотъ человѣкъ. Ими предводительствовалъ *magister officiorum*, занимавшій первое мѣсто въ императорскомъ придворномъ лагерѣ.

Пограничныя войска имѣли совершенно другое устройство. Уже первые Цезари старались образованіемъ военнаго кордона обезпечить предѣлы государства, въ особенности на Востокѣ. Такъ напримѣръ

прежде въ одной Сиріи стояло для этой цѣли четыре легіона. Веспазіанъ, устроивъ новую пограничную линію въ Каппадокіи, прикрылъ ее двумя, Траянъ такую же линію въ Арменіи, Месопотаміи, и по ту сторону Тигра, охранилъ также двумя, а другую въ Аравіи, тремя легіонами. Впослѣдствіи въ этомъ отношеніи произошли многія перемѣны, но въ V-мъ столѣтіи всѣ пограничныя области на Востокъ были сильно заняты, и даже было построено въ нихъ около трехъ сотъ укрѣпленныхъ пунктовъ, для воспрепятствованія вторженію непріятели. Каждую не слишкомъ обширную область, на примѣръ, Палестиною, Аравіею, Финикіею, Сиріею, Месопотаміею, и прочая, управлялъ *dux*, воевода, начальникъ войскъ, въ области расположенныхъ. Большія области (на примѣръ Египеть, Изаурія), и болѣе важныя, были подчинены высшей власти: начальники назывались *comites*. Во всемъ государствѣ считалось тринадцать дуковъ. Вначалѣ пограничныя войска подлежали общей организаціи, довольствовались и одѣвались отъ казны, но потомъ это было измѣнено. Дуки, управлявшіе отъ лица государя отдаленными областями, набирая рекрутъ, взимая подати, и прочая, повелѣвали съ полною властью въ городахъ, замкахъ и крѣпостяхъ. Впослѣдствіи они получили кромѣ того значительныя казенныя имѣнія въ свое распоряженіе. Уже Александръ Северъ и Θεодосій Младшій давали воинамъ не только земли въ Сиріи и другихъ мѣстахъ, но даже рабовъ и скотъ для ихъ обработки. Эти земли (*fundi limitrophii*) составляли родъ феодальныхъ имѣній, — были освобождены отъ податей, не могли быть продаваемы частнымъ лицамъ, и даже къ наследникамъ временнаго владѣльца переходили тогда только, когда они, достигнувъ совершеннолѣтія, могли уже съ оружіемъ въ рукахъ сражаться противъ непріятели. Такимъ образомъ постепенно явилось воинственное народонаселеніе во всякой области, обязанное защищать ся предѣлы. Богатѣйшіе владѣльцы такихъ казенныхъ по-

мѣстій были дуки, и потому мы можемъ ихъ сравнить съ маркграфами и герцогами, бывшими въ государствѣ Карловинговъ, съ тою однако же разницею, что они, какъ по искусной политикѣ византійскаго двора, такъ и въ слѣдствіе другихъ частныхъ причинъ находились въ гораздо большей зависимости отъ правительства. Ежели особенныя обстоятельства не требовали ихъ смѣны, то они управляли областью до самой смерти: слѣдственно собственный интересъ заставлялъ ихъ болѣе заботиться объ охраненіи вѣрноподданной имъ страны. Однако жъ, когда нужно было подать скорую помощь сосѣдней области, то перѣдко самолюбіе, несогласія и различныя мелочныя страсти, разстроивали всякое единство въ дѣйствіяхъ. Часто также, прежде чѣмъ можно было получить изъ Константинополя разрѣшеніе для начатія какого-либо важнаго дѣйствія совокупными силами нѣсколькихъ областей, обстоятельства измѣнялись и удобный моментъ былъ пропущенъ. Это составляло весьма важный недостатокъ оборонительной системы Греко-Римлянъ, которая въ прочихъ отношеніяхъ была довольно хорошо обдуманна. Всѣ дуки, управлявшіе областями, состояли подъ начальствомъ сановника, называемаго *magister officiorum*, или гофмаршала, въ распоряженіи котораго находились сверхъ того дворцовыя войска, императорскія оружейныя фабрики и арсеналы. Изъ областныхъ или пограничныхъ войскъ полководцы составляли себѣ обыкновенно особые отряды тѣлохранителей (напримѣръ Велисарій), которые вмѣстѣ съ тѣмъ были надежнѣйшею частью арміи и простирались иногда до шести и даже до осми тысячъ человѣкъ. Обязавъ себя торжественною клятвою оставаться всегда вѣрными своему полководцу, эти храбрые воины охраняли его особу во время боя, и для спасенія его подвергались величайшимъ опасностямъ. Всѣ, чѣмъ-либо отличившіеся во время войны, поступали обыкновенно въ эту дружину, которою вполне заслуживала названія отборнаго войска. Отъ ихъ храбрости почти всегда за-

висѣла развязка сраженія; они приготовляли успѣхъ другимъ войскамъ и рѣшали побѣду, предоставляя толпѣ потомъ довершить разстройство непріятеля. Если такая преданность войскъ къ полководцу казалась опасною для правительства, то достаточно было дать ему другое назначеніе; *dux* или *comes*, нѣкоторымъ образомъ, становился новымъ лицомъ, чуждымъ для арміи, и военную свою важность могъ возстановить не иначе какъ полученіемъ новаго комитата.

Впрочемъ дуксъ пользовался большимъ значеніемъ въ обществѣ. Онъ былъ «высококачественный», *spectabilis*, носилъ красную тунику серебряную или золоченую португепю, такой же шлемъ и щитъ, и имѣлъ перстень съ двумя алмазами. Ему прислуживали всегда, даже во время стола, кавалерійскіе офицеры, и шесть человекъ, называемыхъ *apparitores*, слѣдовали всегда передъ нимъ.

Все, относящееся къ пограничнымъ войскамъ, существовало только до тѣхъ поръ, пока самыя войска соотвѣтствовали политикѣ государей. Многіе императоры оставили ихъ въ пренебреженіи, либо потому, что не постигали важности арміи, либо изъ опасенія своихъ дуксовъ. При Юстиніанѣ даже, многіе отряды пограничныхъ войскъ были оставлены безъ всякаго подержанія, а другіе и совершенно уничтожены.

Кромѣ описанныхъ войскъ, въ это время были еще другія, извѣстныя подъ слѣдующими тремя наименованіями: *palatinae*, *comitatenses* и *pseudocomitatenses*. Первыя были домашнія войска, о которыхъ уже упомянуто, а назначеніе вторыхъ и третьихъ видно изъ ихъ названія. Легіоны назывались также *numerus*, какъ *vexillationes* въ кавалеріи именовались иначе *cupei equitum*. Къ этимъ войскамъ принадлежали еще *foederati*, кочевые иноплеменные народы, обитавшіе на границахъ или наслѣдственнымъ образомъ поселившіеся гдѣ либо внутри государства. Они требовали отъ правительства жалованья и разныхъ предметовъ въ натурѣ, обѣщали зато нести

военную службу и замѣняли въ нѣкоторой мѣрѣ прежнихъ *socii Populi Romani*. Подобные народы, обитая на римской землѣ и получая жалованіе отъ казны, тѣмъ не менѣе сохраняли національный характеръ, позволяли себѣ величайшія злоупотребленія, грабили, разоряли страну, однимъ словомъ были крайне тягостными гостями. Константинъ имѣлъ сорокъ шесть тысячъ такихъ *foederati* (*Vagaenger*), Готовъ въ своей службѣ, а Θεодосій содержалъ ихъ еще болѣе на жалованьѣ.

Главное предводительствованіе арміею, и вообще военное чинораспределение, подлежало слѣдующимъ правиламъ:

Императоры, какъ и консулы, имѣвшіе прежде верховную власть надъ арміею, посылали въ отдаленныя области своихъ легатовъ. Передъ легатами шло всегда десять аппариторовъ, для показанія народу ихъ достоинства. При Александрѣ Северѣ мѣсто легатовъ замѣнили *magistri militum*, которые въ военномъ отношеніи получили еще обширѣйшій кругъ дѣйствія. Однако жъ, со времени учрежденія императорскихъ тѣлохранителей, начальники ихъ *praefecti praetorio*, сдѣлались нѣкоторымъ образомъ генералиссимусами вооруженныхъ силъ, и извѣстно, какую важную роль они потомъ играли. Константинъ отнялъ у нихъ эту власть, и мѣсто ихъ замѣнилъ двумя *magistri militum*, изъ которыхъ одинъ начальствовалъ пѣхотою, а другой кавалеріею. Это распоряженіе удержалось также на Западѣ. Θεодосій увеличилъ ихъ число, такъ, что потомъ на одномъ Востокѣ было ихъ пять. По новѣйшему значенію военныхъ терминовъ, они управляли областями, какъ нынѣ фельдмаршалы и военные генералъ-губернаторы. Окруженные всѣмъ наружнымъ блескомъ, они были «свѣтлѣйшіе», *illustris*; впереди ихъ шло десять аппариторовъ; штабъ ихъ былъ многочисленъ (*assessores*, *apparitores* и *adjutores*) и состоялъ въ вѣдѣніи особаго начальника (*princeps*)¹. Какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла подлежали ихъ суду, и только въ самыхъ важныхъ случаяхъ

можно было прибѣгнуть къ высшей власти. Послѣ нихъ слѣдовали *duces*, а подѣ начальствомъ тѣхъ — *tribuni militum*, которыхъ обязанность относилась уже болѣе къ тактическимъ чѣмъ къ другимъ распоряженіямъ въ корпусѣ. И они были сопровождаемы четырьмя аппараторами, впоследствии столькими же ратниками. Впрочемъ, въ военной іерархіи произошли не многія измѣненія, потому что еще долгое время потомъ встрѣчаются въ лѣтописяхъ всё тѣ же самыя названія и въ такомъ же смыслѣ. Для постоянного снабженія войскъ оружіемъ, многіе цейхгаузы и оружейные заводы были учреждены въ государствѣ. Однихъ цейхгаузовъ на Востокѣ находилось пятнадцать. Верховный надзоръ надъ ними имѣли *magistri officiorum*. Заводы имѣли тройное наименованіе, *clibanariae*, *scutariae*, и *armorum* или *hastariae*, смотря по изготовленію въ нихъ тяжелаго или различныхъ родовъ метательнаго оружія. Лучшіе оружейные заводы находились въ Дамаскѣ, Антиохіи, Эдессѣ, Цезарей, Никомидіи, и другихъ городахъ. Относительно началъ тактики въ этомъ періодѣ, мы имѣемъ не много свѣдѣній о томъ, сколько она измѣнилась противъ прежняго ея состоянія. Одинъ глубокомысленный писатель говоритъ, что теорія военнаго искусства столь же хорошо была извѣстна въ лагерѣ Юстиніана и Маврикія², какъ нѣкогда въ арміяхъ Цезаря и Траяна. По словамъ Тосканаса, искусные византійскіе кузнецы придавали желѣзу, привозимому изъ Понта, отличнѣйшую закалку. Оружейные депо были наполнены всѣми родами наступательнаго и оборонительнаго оружія. Варвары, побѣждавшіе всегда Грековъ, удивлялись искусству ихъ въ построикѣ и употребленіи кораблей, машинъ, укрѣпленій. Выборъ позиціи, боевые порядки и военныя хитрости, были тщательно изучаемы въ сочиненіяхъ древнихъ римскихъ и греческихъ писателей; но все это не вело къ цѣли, потому что опустѣвшія и изиѣженныя области не заключали въ себѣ народа способнаго владѣть этимъ

оружіемъ, управлять этими машинами, и смѣлыми, счастливыми дѣйствіями приводить въ исполненіе соображенія теоріи. По этой причинѣ, оставивъ мертвыя формы, перейдемъ къ дѣйствіямъ нѣсколькихъ полководцевъ, которыя въ отношеніи къ искусству ни мало не уступаютъ блистательнѣйшимъ подвигамъ времени республики. Желая изъ замѣчательнѣйшихъ походовъ извлечь нѣкоторыя общія замѣчанія, мы естественнымъ образомъ должны обратиться къ тому періоду политической исторіи, когда, послѣ быстрыхъ переворотовъ престолонаслѣдія, понятіе объ общественномъ порядкѣ возродилось вновь на Востокѣ. Дѣйствія Велисарія и Ираклія, въ которыхъ глубокомысленный Гиббонъ усматриваетъ столько же смѣлости и предпримчивости какъ и въ походахъ Сципіона и Аннибала, кажутся намъ для этой цѣли наиболѣе приличными.

Рожденный между Фракійскими поселянами, и вѣроятно тамъ же получившій образованіе, Велисарій, поступивъ въ домашнія войска Юстиніана, отличился храбростью, усердіемъ, и другими военными добродѣтелями. Вѣрный, терпѣливый domesticus, онъ поднялся отъ одного чина къ другому, и наконецъ, когда покровитель его получилъ корону, Велисарій былъ возведенъ въ званіе полководца. Съ незначительнымъ числомъ войскъ, не имѣвшихъ ни какой нравственной силы, онъ долженъ былъ выступить противъ отличной и многочисленной пердской арміи, управляемой смѣлымъ Мираннесомъ. Ему предстоялъ недостатокъ въ числительной силѣ замѣнить искусствомъ. Превосходныя его дарованія обнаружались на обширной равнинѣ близъ рѣки Дурѣ, бывшей съ давнихъ уже временъ постояннымъ предметомъ несогласій между обоими государствами, и явились тѣмъ болѣе замѣчательными, что на такой мѣстности нельзя было употребить ни какихъ военныхъ хитростей, засадъ, и прочая. Защитивъ свои фланги искусственными рвами, онъ умѣлъ принудить непріятельскую армію къ бѣг-

ству. Болѣе двадцати лѣтъ постоянно побѣдоносныя, дружины Персовъ были разбиты; даже отрядъ *безсмертныхъ* принужденъ былъ бѣжать; вся потеря ихъ простиралась до осми тысячъ убитыми на полѣ сраженія. Въ слѣдующемъ году пустыни сирійскія слѣлались поприщемъ новой брани и новыхъ побѣдъ; римская пѣхота подъ личнымъ предводительствомъ Велисарія, какъ мужествомъ такъ и терпѣніемъ въ перенесеніи трудовъ даровала вождю своему въ этомъ походѣ лавры, достойныя прежней славы римскаго оружія.

Африканскій походъ доставилъ Велисарію случай обнаружить въ полномъ блескѣ военныя свои дарованія. Въ 553 году онъ получилъ повелѣніе отправиться противъ Вандаловъ въ Африку, съ арміею, не превосходившею двадцати тысячъ человѣкъ пѣхоты и пяти тысячъ кавалеріи, считая въ томъ числѣ и отрядъ собственныхъ его гѣлохранителей, обязавшихся клятвою къ особенной вѣрности и составлявшихъ отборнѣйшую часть всего войска. Онъ посадилъ армію на суда въ Константинополѣ, далъ утомленнымъ отъ морскаго похода воинамъ отдохнуть нѣкоторое время на мессипскомъ берегу, и потомъ, отправясь вдоль западныхъ береговъ Пелопонеса къ Заинту, послѣ многоразличныхъ затрудненій, долженъ былъ опять дебаркировать войска для отдыха на южномъ берегу Сициліи въ Каукенѣ. Недостатки вооруженія были здѣсь исправлены; послѣ того прозорливый полководецъ, пользуясь первымъ попутнымъ вѣтромъ, оставилъ этотъ островъ, отправился въ море, и вскорѣ потомъ бросилъ якорь у мыса Капутъ-вода (нынѣ Капаудія), въ разстояніи пяти миль къ югу отъ Кареагена. Эта высадка была совершена три мѣсяца спустя послѣ отплытія изъ Константинополя. Для охраненія флота, расположившагося въ видѣ полумѣсяца, кромѣ матросовъ, было оставлено по пяти человѣкъ отъ сухопутныхъ войскъ на каждомъ кораблѣ. Самая армія, по древнему обыкновенію, заняла укрѣпленный лагерь

на морскомъ берегу. Строгою дисциплиною своихъ войскъ онъ внушилъ жителямъ такую довѣренность, что они, совершенно полагаясь на его справедливость, обильно снабжали лагерь всякаго рода потребностями, а во время похода продовольствовали армию по контрактамъ и подрядамъ. Сперва онъ взялъ Суллекте, находившуюся въ одномъ переходѣ отъ лагеря. Лептисъ и Адруметумъ, гдѣ нѣкогда Цезарь водрузилъ побѣдныя знамена, открыли также ворота, и наконецъ Грассе, любимое мѣстопребываніе вандалскихъ царей, сдѣлалась добычею побѣдителя. Впрочемъ Велисаріи поступалъ съ осторожностью, свойственною всѣмъ великимъ полководцамъ. Передъ арміею его слѣдовалъ всегда авангардъ, подъ начальствомъ Юанна Армянина, одного изъ лучшихъ военачальниковъ того времени. Шестьсотъ Массагетовъ (Турковъ) охраняли лѣвый флангъ, а между тѣмъ флотъ, слѣдовавшій вдоль берега, рѣдко терялъ армию изъ виду.

Къ несчастію Вандаловъ, въ то время, когда непріятель разбилъ лагерь подъ стѣнами столицы, лучшая часть ихъ арміи, занятая покореніемъ Сардиніи, находилась вѣдъ предѣловъ государства. Несмотря на это, Гелимеръ, король Вандаловъ, принялъ мѣры, которыя, при точномъ ихъ исполненіи, могли доставить ему побѣду. Народъ выставилъ около ста шестидесяти тысячъ человекъ, и эти сонмы вѣроятно уничтожили бы римскую армию, если бъ единодушіе и храбрость, нѣкогда отличавшія Вандаловъ, остались еще между ними. Но внутренніе раздоры и изнѣженность войска сдѣлали невозможнымъ исполненіе плана, предначертаннаго королемъ. Какъ бы то ни было, Гелимеръ, съ многочисленною своею арміею, рѣшился идти на встрѣчу непріятелю. Братъ его, Амматасъ, получивъ приказаніе собирать свои войска къ Каррагецу и въ разстояніи полу-дневнаго перехода отъ города напасть на авангардъ Велисарія. Въ это же самое время племянникъ его, Гибамундъ, съ двумя тысячами всадниковъ долженъ былъ атаковать лѣвый

флангъ непріятеля, а самъ Гелимеръ хотѣлъ напасть на его арріергардъ въ такой позиціи, гдѣ бы его можно было отрѣзать отъ флота. Планъ этотъ, основанный на превосходствѣ числительныхъ силъ, былъ прекрасно соображенъ, но неумѣстная горячность Амматаса воспрепятствовала успѣшному его исполненію. Увлеченный своею пылкостью, онъ оставилъ весь свой корпусъ, поскакалъ впередъ съ нѣсколькими храбрыми товарищами, атаковалъ въ полдень непріятеля при Desimut³, и лишился жизни, убивъ прежде двѣнадцать человекъ въ одиночномъ бою. Вѣсть объ его смерти была причиною, что его корпусъ, приступивъ къ атакѣ весьма нерѣшительно, послѣ кратковременнаго боя съ однимъ авангардомъ былъ совершенно разбитъ. Изъ всего этого корпуса, только небольшія толпы, отъ двадцати до тридцати ратниковъ, по одиначкѣ успѣли спастись въ городъ. Дорога, ведущая къ Кароагену, была загромождена мертвыми тѣлами. По словамъ Прокопія, описавшаго всю эту войну, послѣдствія боя были столь важны, что подвигъ, оказанный Іоанномъ Арміянскимъ съ однимъ только авангардомъ, могъ бы сдѣлать честь даже двадцати тысячной арміи. Почти въ то же самое время Гибамундъ, со своими двумя тысячами, наткнулся на флаговій отрядъ шестисотъ Массагетовъ. Бой между ними произошелъ на совершенной равнинѣ: слѣдственно и здѣсь можно было полагать, что поверхность останется на сторонѣ превосходства въ числѣ войскъ, но вышло противное. Вандалы были истреблены, болѣею частію даже постыдно, не сдѣлавъ ни какого сопротивленія.

Между тѣмъ Велисарій, не зная ничего о томъ, что происходило впереди и на флангѣ его арміи, слѣдовалъ къ Desimut. Найдя въ окрестностяхъ мѣсто, удобное для расположенія арміи, онъ приказалъ пѣхотѣ занять лагерь, укрѣпить его тщательно, а самъ съ кавалеріею отправился дальше впередъ, для развѣдыванія о непріятелѣ. Прежде того, однако, онъ пред-

ставилъ своему войнству опасность, которой оно могло себя подвергнуть, если бѣ непріятель, напавъ случайно на нихъ, не былъ разбитъ, и энергическою рѣчью воспламенилъ мужество въ войскахъ.

Прибывъ въ Децимумъ, онъ увидѣлъ первыхъ убитыхъ, — между ними Аматеса и возлѣ него двѣнадцать павшихъ отъ его руки Римлянъ. Въ то время, когда онъ спрашивалъ еще жителей о подробностяхъ боя, показался большой туманъ пыли въ той сторонѣ, гдѣ Гибамундъ сражался съ Массагетами. Лазутчики въ слѣдъ за этимъ донесли о приближеніи безчисленнаго множества Вандаловъ. Это былъ Гелимеръ, наступавшій между дорогою, по которой слѣдовалъ Велисарій и тою, по которой возвращались Массагеты послѣ боя съ Гибамундомъ. Такъ же какъ и Велисарій, онъ не имѣлъ ни какихъ свѣдѣній о случившихся происшествіяхъ. Весьма удобная позиція на одномъ возвышеніи обратила на себя вниманіе авангардовъ обѣихъ противныхъ армій, но Вандалы, лучше знакомые съ мѣстностью, предупредили Римлянъ и заняли возвышеніе. При развертываніи столь многочисленной непріятельской арміи, панической страхъ овладѣлъ Римлянами до такой степени, что они, не внимая голосу начальниковъ, въ беспорядкѣ бросились бѣжать въ ту сторону, откуда медленно приближался Велисарій съ главными силами. Быстрое преслѣдованіе вѣроятно рѣшило бы побѣду въ пользу Гелимера. Если бѣ онъ прежде того наступалъ по направленію къ Карраегену, то не только авангардъ Іоанна былъ бы уничтоженъ, но даже столица была бы спасена. Но онъ не сдѣлалъ ни того ни другаго. Медленно спустившись съ высоты, взятой его войсками, онъ двигался впередъ, и, дойдя до того мѣста, гдѣ лежалъ убитый его братъ, предался горести, велѣлъ его при себѣ хоронить, и потерялъ драгоцѣнное, ничѣмъ невозвратимое время.

Между тѣмъ Велисарій устроилъ свою кавалерію, одушевилъ рѣчью бѣжавшія войска, и, окончивъ всѣ

распоряженія, быстро двинулся противъ Гелимера, о безразсудной медленности котораго ему было донесено. Опасаясь за авангардъ Іоанна, онъ неотлагательно началъ атаку. Вандалы, при всемъ превосходствѣ числительныхъ силъ, были приведены въ такое смущеніе поступками своего короля и видомъ убитыхъ, что они защищались весьма не долго, и обратились потомъ въ бѣгство, которое сдѣлалось для нихъ гибельнѣе самаго кровопролитнаго боя. Но странно, что Гелимеръ бѣжалъ не къ Карѳагену и не къ Бизанциуму, откуда прибылъ, а къ равнинѣ у Булле, по направленіи дороги, ведущей въ Нумидію⁴. Это бѣгство можно бы назвать весьма искуснымъ, если бъ прежнія дѣйствія не давали столь дурнаго понятія о военныхъ дарованіяхъ короля Вандаловъ.

Къ вечеру, армія Велисарія, и даже отряды Іоанна и Массаетовъ собрались опять въ Децимумъ. На слѣдующій день, побѣдитель торжественно вошелъ съ арміею въ Карѳагенъ, и эту древнюю собственность Римлянъ, находившуюся девяносто семь лѣтъ во власти Вандаловъ, возвратилъ онъ опять своему отечеству. Онъ тотчасъ велѣлъ тщательно исправить укрѣпленія города и принялъ всѣ мѣры для упроченія полного завоеванія. Мѣры эти вскорѣ оказались чрезвычайно полезными.

Немедля Гелимеръ собралъ свою армію, болѣе разсѣянную чѣмъ разбитую, на равнинѣ у Булле, и оттуда съ неутомимою дѣятельностью началъ беспокоить Римлянъ. Небольшія партіи, проходя всю страну, прекращали подвозы продовольствія, уничтожали водопроводы Карѳагена, и прочая; за убійство каждаго Римлянина была даже назначена большая цѣна. Между тѣмъ Гелимеръ велъ переговоры съ сосѣдними народами, и старался завести связи даже съ Гуннами, находившимися въ лагерѣ Велисарія. Армія, отправленная подъ начальствомъ брата его Цазона, для покоренія Сардиніи, и окончившая это предпріятіе съ блестящимъ успѣхомъ, возвратилась, и послѣ присоедине-

нія оной. Гелимеръ, имѣя наконецъ въ десять разъ болѣе войскъ чѣмъ непріятель, двинулся противъ Римлянъ къ Трикамерону. Оба противные полководца старались рѣчью вдохнуть мужество въ свои войска. Велисарій тщательно выбралъ для себя позицію позади ручья, прикрывавшаго его боевую линію. Впереди стоялъ Іоаннъ съ отборнымъ отрядомъ кавалеріи, при которомъ находился штандартъ главнокомандующаго, именуемый *Бандонъ*⁶. Его поддерживала вся остальная кавалерія, большею частью состоявшая изъ домашнихъ войскъ Велисарія, подъ личнымъ его предводительствомъ. Вторая линія, составленная изъ пѣхоты, раздѣлялась на три отряда, изъ которыхъ каждый имѣлъ особаго главнаго начальника и многихъ опытныхъ офицеровъ. Гунны, имѣвшіе сношенія съ Гелимеромъ, расположились позади римской арміи, чтобы сообразить свои дѣйствія, смотря по развязкѣ сраженія, и это обыкновенно ими употребляемое расположеніе не возбудило ни какого подозрѣнія.

Вандалы раздѣлились также на три части. Надежнѣйшія войска и союзные Маврузіяне находились въ центрѣ, подъ начальствомъ Цазона; опытные начальники командовали отрядами. Гелимеръ, проѣзжая ряды, увѣщевалъ воиновъ сражаться мужественно и не употреблять другаго оружія кромѣ меча. О глубинѣ расположенія войскъ ничего неизвѣстно.

Обѣ арміи стояли долго другъ противъ друга, не пачиная враждебныхъ дѣйствій. Вдругъ Іоаншъ Армїанскій, который до самой своей кончины искалъ боя на опаснѣйшихъ пунктахъ, перешелъ черезъ ручей съ пѣскоками сотнями всадниковъ, и стремительно напалъ на непріятеля. Но атака его была отбита Цазономъ; онъ долженъ былъ отступать, однако же Вандалы, не преслѣдуя его, оставались въ своемъ боевомъ порядкѣ. Вторичная атака Іоанна имѣла столь же мало успѣха. Тогда отважный Іоаннъ, схвативъ штандартъ главнокомандующаго, бросился вголо-

въ всѣхъ тѣлохранителейъ прямо на непріятельскій центръ. Атака и оборона на этомъ пунктѣ оставались нѣкоторое время въ равновѣсіи, однако жъ, когда Цазонъ, братъ Гелимера, былъ убитъ, весь центръ Вандаловъ обратился въ бѣгство. Беспорядокъ центра сообщился вскорѣ и флангамъ, въ особенности когда вся армія Велисарія, тронувшаяся съ мѣста при третьемъ наступленіи Іоанна, устремилась противъ Вандаловъ. Непріятель, принужденный оставить поле сраженія, отступилъ въ свой лагерь. По великой несоразмѣрности въ силахъ, Велисарій не рѣшался быстро преслѣдовать Вандаловъ, и поступалъ съ такою же осторожностью, какъ до начатія боя. Потеря въ этомъ сраженіи простиралась, со стороны Вандаловъ, до осьми сотъ человѣкъ, а со стороны Римлянъ до пятидесяти человѣкъ убитыми.

Между тѣмъ къ вечеру, собравъ всю пѣхоту и устроивъ ее снова, Велисарій приступилъ къ атакѣ самаго непріятельскаго лагеря, но малодушный Гелимеръ, при первой вѣсти объ этомъ, бросилъ свою армію и убѣжалъ въ Нумидію. Послѣ непродолжительнаго боя весь лагерь сдѣлался добычею побѣдителя. Римляне, съ неимовѣрною быстротою послали погоню за бѣжавшимъ королемъ, который, наконецъ, потерявъ всякую надежду на спасеніе, бросился въ горы Паппуа, защищался еще долго и потомъ принужденъ былъ сдаться. Вся твердая земля Африки, принадлежавшая нѣкогда Римлянамъ, Сардинія и Корсика, достались побѣдителю, а Маіорка, Минорка, Ивика, и другіе округи и города были снова включены въ составъ африканскаго царства. Эта война поставила Велисарія на ряду съ двумя великими полководцами древняго Рима, носившими славное названіе Африканскихъ. Не менѣе славны и опасны были дѣйствія его противъ Мавровъ, въ которыхъ геній его совершилъ все, что когда либо производили смѣлость и предприимчивость.

Походъ его въ Италію противъ воинственныхъ Гот-

вовъ, по усиліямъ и опасности, заслуживаетъ еще болѣе славы. Въ 535 году, посадивъ армію на суда въ Сициліи, Велисарій произвелъ десантъ на противоположномъ морскомъ берегу при Регіумѣ. Измѣна Теодата, одного изъ непріятельскихъ полководцевъ, открыла ему дорогу до самаго Неаполя, гдѣ онъ наконецъ встрѣтилъ первое сопротивленіе. Ошибки обороняющагося, бдительность и предпримчивость Велисарія, и отчасти также жажда войскъ его къ грабежу, доставили ему возможность, послѣ двадцати-дневной осады овладѣть наконецъ городомъ, а справедливость его и великодушіе упрочили эти завоеванія и дали ему возможность продолжать движеніе къ Риму. На походѣ онъ не встрѣчалъ нигдѣ большихъ затрудненій. Въ непріятельскомъ лагерѣ не было ни какого согласія. Готы только-что свергнули съ престола малодушнаго Теодата, и отдали корону храброму Витигесу. Новый король оставилъ Римъ на произволъ судьбы; четыре тысячи Готѣвъ, составлявшихъ гарнизонъ этого города, выступили изъ него по Фламинской Дорогѣ, тогда, когда Велисарій торжественно входилъ туда черезъ Азинарскія Ворота. Одинъ только Леудовисъ, начальникъ Готѣвъ посѣдѣвшій въ опасностяхъ бранной жизни, не желая опозорить послѣднихъ своихъ дней, остался на своемъ посту и мужественно ожидалъ прибытія враговъ. Строгая дисциплина Велисаріевой арміи доставила жителямъ, даже послѣ такого переворота въ политическомъ ихъ состояніи, благословенный покой и покровительство законовъ.

Между тѣмъ Готы, пользуясь приближавшимся зимнимъ временемъ, дѣятельно приготавлились къ войнѣ. Съ отдаленнѣйшихъ мѣстъ стекались войны подъ знамена Витигеса, расположившагося со своимъ дворомъ въ Равеннѣ. Если вѣрить лѣтописямъ, то армія, назначенная къ походу противъ Рима, даже послѣ предварительнаго отправленія отдѣльнаго отряда въ Далмацію, была еще силою около ста пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Не теряя времени на осаду нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, король, пожаловавъ богатые подарки своимъ воинамъ, обѣщалъ имъ еще болѣе, и двинулся съ арміею по Фламинской Дорогѣ противъ Рима, гдѣ Велисаріи сосредоточилъ свои войска, разбросанныя прежде въ Тусцин. Остановясь у Мильвійскаго Моста, близъ котораго совершилось столько великихъ военныхъ подвиговъ, онъ старался имъ овладѣть, чтобы обезпечить свои сообщенія какъ съ Этруріею, такъ и съ моремъ. Мостъ былъ защищенъ столь крѣпкою башнею, что Велисаріи, расчитывая время нужное на взятіе ея и наведеніе новаго моста, полагалъ необходимымъ выиграть по-крайней-мѣрѣ двадцать дней, но при появленіи Готтово въ малодушный гарнизонъ, объятый паническимъ страхомъ, оставилъ свой постъ. Бѣгство его подвергало великой опасности особу римскаго главнокомандующаго, отъ котораго жизни зависѣла побѣда и судьба Италіи. Производя рекогносцировку, онъ находился случайно именно въ этомъ мѣстѣ, когда безчисленныя дружины Готтово проходили уже черезъ мостъ. Особа Велисарія, переметчиками указанная врагамъ, сдѣлалась цѣлью всѣхъ выстрѣловъ, и всѣ мечи обратились противъ него. Послѣ неимовѣрныхъ подвиговъ, совершенныхъ какъ самимъ Велисаріемъ, такъ и домашними его войсками, ему удалось наконецъ избѣжать опасности, въ которую его ввергло бѣгство собственныхъ и мужество непріятельскихъ войскъ⁶. Покрытый ранами, въ поту и въ пыли, онъ едва успѣлъ соединиться съ главными силами своей арміи. Можно сказать, что за исключеніемъ Александра Великаго, Пирра и Генриха IV, ни одинъ полководецъ не находился въ такой опасности и не имѣлъ столько нужды въ личной храбрости.

Послѣ этого дѣла началась осада Рима, продолжавшаяся болѣе года, во время которой Римляне совершили нѣсколько частныхъ предпріятій, достойныхъ древней славы ихъ оружія. Велисаріи весьма искусно пользовался характеромъ жителей осажденнаго го-

рода. Городскія роты, образованныя имъ изъ лучшаго римскаго юношества, частью занимали отдаленные кварталы города, а частью были употребляемы для постройки и починки укрѣпленій. Чернь малодушную и бесполезную выгналъ онъ изъ города, и послалъ ее въ Кампанію или Сицилію. Со всѣмъ тѣмъ, воплію надежная часть его арміи состояла почти изъ однихъ только пяти тысячъ воиновъ, въ африканскомъ походѣ стяжавшихъ лавры подъ его предводительствомъ. Съ этою горстью людей онъ долженъ былъ противъ пятидесяти-тысячной арміи Готѣвъ защищать городъ огромный, имѣвшій около четырнадцати верстъ въ окружности.

Неповѣрными усиліями ему удалось наконецъ привести Римъ въ оборонительное состояніе; за исключеніемъ небольшого пространства между Пинціанскими и Фламинскими Воротами, которое впрочемъ особеннымъ суевѣріемъ довольно обезпечивалось отъ покушеній непріятели. Всѣ верки были построены на исходящихъ углахъ⁷; широкіе и глубокіе рвы окружали городскія стѣны, вооруженныя кромѣ того баллистами, катапультами и другими метательными машинами. Тибръ былъ запертъ цѣпями для судовъ; многія строенія внутри города приспособлены вмѣсто редюитовъ, и даже гробница Адріяна, въ первый разъ, употреблена для обороны. Велисарій, каждому изъ лучшихъ своихъ военачальниковъ назначилъ одинъ ворота для обороны, съ строгимъ приказаніемъ держаться до послѣдней крайности.

Какъ ни многочисленна была армія Готѣвъ, она не могла со всѣхъ сторонъ окружить Римъ, и опоясала его только на пространствѣ между Пренестинскою и Фламинскою дорогами. Неприсятель для осады расположился въ тщательно укрѣпленныхъ лагерьхъ, обнесенныхъ брустверами и рвами. Постройка осадныхъ машинъ, приготовленіе фашинь, нужныхъ для наполненія рва, штурмовыхъ лѣстницъ, и т. п., потребовали осьмнадцать дней времени. Готѣы съ особеннымъ

стараніемъ изготовили четыре большіе тарана, для которыхъ употребили величайшія деревья изъ окрестныхъ лѣсовъ. Оконечности этихъ тарановъ были желѣзныя, а для дѣйствования ими требовалось пятидесяти человѣкъ. вмѣстѣ съ этимъ они построили подвижныя башни, и лѣса высотой равнявшіеся городскимъ стѣнамъ. На девятнадцатый день, окончивъ всѣ приготовления, Готы начали общую атаку на пространство между Пренестинскими Воротами и Ватиканомъ. Армія ихъ двинулась на приступъ семью колоннами, имѣя передъ собою осадныя машины. Со стороны осажденных Велисарій, находившійся на опаснѣйшемъ пунктѣ, выпустилъ первую стрѣлу и убилъ одного изъ непріятельскихъ полководцевъ, слѣдовавшаго впереди другихъ къ приступу. При видѣ этого успѣха, Римляне громкимъ крикомъ торжества показали Готамъ увѣренность въ собственныхъ силахъ; второй выстрѣлъ Велисарія былъ не менѣе удачный, и за нимъ градомъ полетѣли стрѣлы всей линіи воиновъ, защищавшихъ городскую стѣну. По приказанію своего вожда, Римляне преимущественно направляли выстрѣлы противъ скота, тянувшаго машины, которыя безпрестанно отъ этого останавливались, опрокидывались, заграждали дорогу, препятствовали свободному движенію непріятельскихъ колоннъ, и привели ихъ наконецъ въ беспорядокъ. Со всѣмъ тѣмъ Готы продолжали свое наступленіе. Повидимому, казалось, что главнѣйшія усилія ихъ обращались противъ Саларіянскихъ Воротъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣйствительно былъ слабѣйшій пунктъ фронта атаки; но на-дѣлѣ настоящими точками приступа были назначены Пренестинскія Ворота и гробница Адріана, которая по значительному взаимному отстоянію и по слабому занятію войсками, обѣщала Готамъ вѣрнѣйшій успѣхъ. Предположеніе это на опытѣ не сбылось: атака ихъ была вездѣ отбита: Велисарій, обдумавъ предварительно всѣ возможные случаи, находился вездѣ, гдѣ опасность требовала его присутствія, и собственное свое мужество умѣлъ

сообщить своимъ войскамъ. Бой кипѣлъ съ утра до вечера. По сознаниі самихъ непріятельскихъ предводителей, тридцать тысячъ Готѣвъ осталось на полѣ сраженія и столько же было раненыхъ. Уронъ и упадокъ духа были столь велики въ ихъ арміи, что они превратили осаду въ простое облежаніе, но и при этомъ они претерпѣвали ежедневно значительныя потери въ людяхъ. Между тѣмъ, какъ они постепенно обезсиливались, какъ болѣе и болѣе уменьшался огромный перевѣсъ числительной силы, бывшей на ихъ сторонѣ, дружины Велисарія день ото дня становились многочисленнѣе: правда, Готѣы овладѣли гаванью и портовымъ городомъ на правомъ берегу Тибра, но все еще Римлянамъ осталось сообщеніе съ моремъ черезъ Остію⁸, впрочемъ довольно затруднительное. Сообщеніе города съ Латинскою и Аппійскою дорогами прекращалось только по-временамъ, и эмиссаріи главнокомандующаго выходили изъ Рима и приходили назадъ почти безпрепятственно. Городскіе жители, ободренные первоначальными успѣхами, начали весьма усердно защищать свою родину; кромѣ того прибывали, изъ внѣ, болѣе или менѣе значительныя подкрѣпленія. Все это до такой степени возвысило духъ гарнизона, что войска начали наконецъ требовать боя въ настоящемъ полевымъ сраженіи. Для избѣжанія большаго зла, Велисарій долженъ былъ согласиться на безразсудныя требованія своего воинства, но онъ предвидѣлъ неудачу, что опытъ дѣйствительно и подтвердилъ. Горсть храбрыхъ его воиновъ имѣла вначалѣ нѣкоторый успѣхъ противъ печально атакованныхъ Готѣвъ, но потомъ она, такъ сказать, исчезла на обширной равнинѣ, выбранной для боя, между Пинціянскими и Саларіянскими воротами. Одно только необыкновенное мужество Велисарія и мѣры, имъ принятыя, спасли Римлянъ отъ совершеннаго истребленія. Только у самаго подножія городскихъ стѣнъ остановилось преслѣдованіе побѣдоносныхъ Готѣвъ.

Это небольшое пораженіе, равно какъ опасеніе про-

должительной осады, недостатокъ въ обыкновенныхъ жизненныхъ потребностяхъ, пресѣченіе водопроводовъ, разрушеніе мельницъ, и прочая, произвели вскорѣ весьма вредное нравственное вліяніе на умы легкомысленныхъ Римлянъ. Впрочемъ это неудивительно: не все ли равно было для нихъ быть подъ властью Юстиніана или Витигеса? Въ томъ и другомъ случаѣ они были всегда рабами деспотическаго покорителя. Велисарій, смѣнивъ папу, уличеннаго въ сношеніяхъ съ Готѣами и изгнавъ его изъ Рима, нѣсколько прекратилъ измѣническія покушенія внутри города. Онъ удвоилъ свою бдительность; на всѣхъ постахъ смѣнялъ начальниковъ два раза въ мѣсяцъ, внутри разсылалъ безпрестанно патрули и рунды, а изъ внѣ обезпечивалъ городъ отдѣльными постами. Наконецъ, онъ ко всякому посту назначилъ извѣстное число собакъ, и вѣрность животныхъ была примѣромъ и удиломъ для сомнительной преданности людей. Со всѣмъ тѣмъ съ давнихъ уже поръ онъ крайне нуждался въ какой нибудь помощи извнѣ. Первое важное подкрѣпленіе, прибывшее къ нему, состояло изъ тысячи шести сотъ Славонцевъ и Венгерцевъ, а во время лѣтняго солнечнаго поворота онъ получилъ даже значительный денежный транспортъ. Безопасное принятіе того и другаго Велисарій пріуготовилъ искусными движеніями и занятіемъ непріятеля; другія подкрѣпленія, прибывшія моремъ къ разнымъ мѣстамъ на берегу, позволили ему обратить ближайшее вниманіе даже на внѣшнія обстоятельства. Его эмисаріи, къ числу которыхъ принадлежалъ хитрый Прокопій, жизнеописатель нашего героя, и жена его, умная Антонія, разсѣвали всюду сѣмяна раздора, побуждали всѣхъ къ возстанію противъ Готѣовъ, собирали войска и продовольственные запасы. Беззаботные Готѣы ничему этому не препятствовали ни на сушѣ ни на морѣ. Въ то время какъ послѣ окончившагося трех-мѣсячнаго перемирія они оставались почти въ совершенномъ бездѣйствіи, мечъ Велисарія, болѣзни и другія обстоятельства заставили ихъ очи-

ститъ всѣ отдаленные укрѣпленные посты и сосредоточить свои силы въ одномъ лагерѣ подъ стѣнами Рима. Римляне болѣе и болѣе отнимали у нихъ пространства въ тылу. Альба, Порто, Центумцеллаце, Норми, Сполетто и Перузія, нѣкогда ими занятые, превратились во столько же крѣпкихъ постовъ противника, такъ что Готѣи могли опасаться быть наконецъ окруженными со всѣхъ сторонъ и въ свою очередь остаться въ блокадѣ. Прозорливый Велисарій отправилъ даже отрядъ въ двѣ тысячи человекъ къ границѣ Пиценумъ, на берегъ Адриатическаго Моря, гдѣ жены, дѣти и сокровища Готѣевъ находились безъ всякаго прикрытія. Армія, занятая осадой Рима, узнала вдругъ, что мечъ непріятеля властвуетъ отъ Аппенинъ до Адриатическаго Моря, что ея родина предана грабежу, и наконецъ что внутреннія несогласія способствуютъ ко всѣмъ предпріятіямъ враговъ. Готѣи рѣшились отступать, но прежде того еще разъ пытались хитростью ворваться въ городъ и овладѣть имъ; а именно, они открыли возможность однимъ водопроводомъ дойти до самаго Ватикана, и даже уговорили жителей упоить всѣ тамъ находившіеся караулы. Сильное нападеніе съ другой стороны Тибра должно было поддержать это смѣлое предпріятіе. Но бдительность Велисарія и мужество его войскъ уничтожили всѣ замыслы противниковъ, и тогда они единодушно рѣшились отступать. Годъ и девять дней спустя⁹ послѣ открытія осады, послѣ шестидесяти семи болѣе или менѣе значительныхъ стычекъ, происшедшихъ въ это время, Готѣи, превративъ въ пепель свои машины, лагерь и прочее, начали отступление. Но потеря ихъ не кончилась этимъ: Велисарій, сдѣлавъ вылазку черезъ Пинціанскія Ворота, причинилъ имъ еще страшный уронъ. Не преувеличивая потерь, современные лѣтописцы говорятъ, что почти одна треть огромной арміи, осаждавшей Римъ, въ продолженіи всего времени была истреблена подъ стѣнами города.

Главныя силы Готѣевъ обратились къ Римини (Arimini

num), гдѣ войска Юстиніана собирали всю пріобрѣтенную ими добычу, всѣ сокровища, и держали всѣхъ аманатовъ. Слабая стѣна и глубокій ровъ составляли весь оплотъ этого мѣста, но оно было защищаемо отличнымъ военачальникомъ Іоанномъ, по прозванію Кровожаднымъ (Sanguinarius), котораго Велисарій еще во время осады Рима отрядилъ для разоренія родины Готѣовъ. Неуріяатель приступилъ къ атакѣ съ неутомимою дѣятельностью, но его физическія силы не имѣли ни какого успѣха противъ мужества и искусства Іоанна. Гарнизонъ, претерпѣвая крайній недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, защищался еще съ блестящею храбростію. Нарсесъ, который изъ нѣги тихой придворной жизни впервые явился здѣсь на военномъ поприщѣ, соединилъ свои войска съ арміею Велисарія, и оба они поспѣшили на освобожденіе города. Въ то время, какъ они двигались по большой дорогѣ, Мартинусъ, одинъ изъ второстепенныхъ военачальниковъ слѣдовалъ съ отдѣльнымъ отрядомъ вдоль морскаго берега, а флотъ между тѣмъ получилъ приказаніе отправиться прямо къ Римини. При видѣ такихъ подкрѣпленій, прибывающихъ къ осажденнымъ съ разныхъ сторонъ, Готѣы потеряли надежду овладѣть городомъ, и начали отступать въ Равеннѣ, оставивъ большую часть своихъ багажей и больныхъ. Несогласія, возникшія между Нарсесомъ и Велисаріемъ, были причиною, что Велисарій долженъ былъ нѣкоторое время дѣйствовать одною только собственною арміею, но счастье, столь видимымъ образомъ благопріятствовавшее ему при взятіи Урбивенціума (или Урбинумъ), а съ другой стороны отнятіе богатаго Медиолана Франками и сожженіе его, повлекли за собою скорую смѣну Нарсеса: послѣ этого, прежне единоначальствованіе было опять восстановлено. Съ мудрою предосторожностью Велисарій сдѣлалъ потомъ приготовленія къ пятому своему походу (539-540). Онъ устремилъ главныя свои силы къ Равеннѣ, надѣясь овладѣніемъ столицы государства положить конецъ войнѣ и владычеству Готѣовъ въ

Италіи. Два его полководца получили приказаніе занять Фезуле; два другіе должны были занять укрѣпленный лагерь при Дерстонѣ, чтобы поддерживать его при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ Готѣвъ, которые еще находились въ окрестностяхъ этого мѣста. Самъ онъ для ѳбезпеченія своего тылу двинулся къ Аксимумъ, съ намѣреніемъ овладѣть этимъ сильнымъ постомъ. Вначалѣ успѣхи римскаго оружія были нѣсколько остановлены вторженіемъ Франковъ подъ предводительствомъ Теодоберта, но потомъ какъ Фезуле такъ и Аксимумъ должны были сдаться.

Съ немовѣрною быстротою Велисаріи двинулся дальше. Вскорѣ оба берега рѣки По находились въ его власти, пламя истребило магазины Равенны, и искусственные каналы лишили городъ воды. Со столь незначительными силами, въ сравненіи съ многочисленною арміею Готѣвъ и съ обширностью осаждаемаго города, онъ успѣлъ стѣснить противника со всѣхъ сторонъ, но въ это время прибыли чиновники изъ Константинополя съ порученіемъ склонить Витигеса къ сдачѣ миролюбивыми средствами. Велисаріи съ необыкновеннымъ благородствомъ принялъ на себя опасность и отвѣтственность: онъ рѣшился не исполнять величій верховной власти, отвергнувъ миръ, утвержденный императоромъ, и объявилъ, что онъ считаетъ дѣломъ народной чести привести самого Витигеса въ оковахъ къ Юстиніану. То, чего мечъ его не успѣлъ еще совершить, онъ умѣлъ получить переговорами. Побѣдоносныя его войска торжественно вступили въ Равенну. Жизнеописатель Велисарія говоритъ, что Римляне при видѣ многочисленныхъ дружинъ и крѣпкаго сложенія Готѣвъ, не могли довольно надивиться собственному счастью, а побѣжденные стыдились сами себя. Жепщины плевали въ лицо своимъ мужьямъ и сыновьямъ, дѣлая имъ горькіе упреки, что они не умѣли отстоять своей независимости и своего могущества противъ изнѣженныхъ недорослей юга. Велисарій между тѣмъ сложилъ Витигеса съ

престола и надѣлъ царскую порфиру на Индибальда. Вскорѣ послѣ того Юстиніанъ отозвалъ своего полководца изъ Италіи, подѣ предложомъ вознагражденія его за столько подвиговъ и посланія противъ Персовъ. Походы второй войны, призвавшей римскаго героя въ Италію, заключаютъ въ себѣ также много любопытнаго и поучительнаго, но по цѣли нашего сочиненія мы должны пропустить этотъ славный періодъ Велисаріевой жизни. Ко всему здѣсь сказанному мы присовокупимъ только одинъ отрывокъ исторіи Гиббона, потому что онъ хорошо объясняетъ составъ арміи, съ которою Велисарій достигалъ столь важныхъ успѣховъ. «Его высокій ростъ и величественная осанка,» говоритъ историкъ, «показывали въ немъ героя; кротость, и снисходительное обращеніе даже съ простыми ратниками, возвышали еще эти наружныя качества. Онъ содержалъ на собственномъ иждивеніи семь тысячъ всадниковъ, отличавшихся наружностью и мужествомъ. Они сражались всегда отлично, какъ въ одиначныхъ схваткахъ такъ и въ боевомъ порядкѣ противъ непріятеля. Други и недруги единодушно соглашались въ томъ, что это войско одно побѣдило сонмы Варваровъ подѣ стѣнами Рима. Они постоянно находились въ комплектѣ, и убыль наполнялась людьми хорошаго поведенія и испытанной храбрости, переходившими къ нимъ изъ непріятельскихъ войскъ. Вандалы, Мавританцы и Готы, вступивъ въ эту дружину, соперничали другъ съ другомъ въ преданности къ полководцу, котораго щедрость дѣлала приверженность ихъ еще болѣе прочною. Кто изнемогалъ отъ ранъ или болѣзни, того ободряли тотчасъ посѣщеніе Велисарія и его благодаренія. Потерю лошадей онъ принималъ на свой счетъ, и богатыми подарками награждалъ всякое отличіе въ дѣлахъ. Жители странъ, проходимыхъ его арміею, обогащались; дисциплина въ ней была такъ строга, что никто не смѣлъ сорвать яблока съ дерева или пройти по вспаханному полю. Среди опасностей, Велисарій былъ смѣлъ безъ

опроектности, остороженъ безъ страха. Онъ дѣйствовалъ медленно или быстро, смотря по обстоятельствамъ. Побѣда увѣнчала его дѣйствія на сушѣ и на морѣ. Онъ покоришь Африку, Италию, съ окружающими ее островами, увелъ въ плѣнъ преемниковъ Генсерика и Теодорика и обогатилъ Константинополь взятою на неприятеляхъ добычею. Въ шесть лѣтъ онъ завоевалъ прежнія римскія области, отторгнутыя нѣкогда отъ Западной Имперіи, и подобно Аннибалу умѣлъ удержатъ дисциплину въ арміи, составленной изъ различныхъ народовъ; однако жъ, если принять въ соображеніе, какія незначительныя средства онъ получилъ отъ своего монарха, какъ слабо и большею частью несвоевременно онъ былъ поддерживаемъ, то едва ли въ этомъ отношеніи онъ не стоитъ даже выше Аннибала. Исключая африканскаго похода, онъ ни когда не могъ окончить другихъ, никогда не обходилось безъ того, чтобы предводительствованіе арміею не было у него отнято; послѣ всякой одержанной имъ побѣды, онъ встрѣчалъ множество затрудненій, которыя препятствовали ему воспользоваться плодами своихъ подвиговъ. Наконецъ онъ оставилъ военное поприще, конечно, не безъ тайнаго упрека, потому что во многихъ случаяхъ его излишняя осторожность, его упрямство, вспыльчивость, и великое вліяніе его жены на дѣла, не позволили ему съ успѣхомъ исполнить своихъ предначертаній.»

Почти непосредственнымъ продолженіемъ его походовъ можно считать дѣйствія Нарсеса противъ Готѣвъ. Подвиги этого вождя и его арміи безъ сомнѣнія блестятельны, и кровопролитная борьба, въ которой былъ истребленъ храбрый народъ Готѣвъ, весьма поучительна, но цѣль этого сочиненія не позволяетъ намъ болѣе объ ней распространяться. Въмѣсто того мы разсмотримъ войну, ближайшую къ намъ на цѣлое столѣтіе, которая по смѣлости плана, по быстротѣ и рѣшительности въ исполненіи, стоитъ выше почти всѣхъ дѣйствій Велисарія и Нарсеса.

Персскій царь Хосрой съ давнихъ уже поръ сдѣлался опаснѣйшимъ врагомъ имперіи. Мардинъ, Дара, Амида, Эдесса и другіе пограничныя посты, считаемыя непреодолимыми, пали постепенно одинъ за другимъ, и цѣлая Сирія сдѣлалась добычею искуснаго полководца. Сожженіе Кесарен, покореніе Дамаска и приступъ къ Іерусалиму казались только введеніемъ къ важнѣйшимъ военнымъ предпріятіямъ. Наконецъ завоеваніе Египта, не видѣвшаго со временъ Діоклеціана ни какого нашествія, лишило Константинополь послѣдняго источника, изъ котораго этотъ городъ получалъ еще хлѣбъ и деньги. Въ то же самое время какъ съ этой стороны войска Хосроя производили набѣги до самаго Триполя и проходили ливійскія пустыни, другая персская армія слѣдовала отъ Евфрата къ Босфору, и, взявъ Халкедонію, простояла потомъ десять лѣтъ въ виду Константинополя, угрожая безпрестанно столицѣ, приводя весь народъ въ трепеть, и разоряя все окрестныя страны, гдѣ еще являлся малѣйшій признакъ благосостоянія или приверженности къ Константинопольскому двору. Области, втеченіи шести вѣковъ принадлежавшія римской имперіи, перешли къ Хосрою. Хотя Ираклій нѣсколько разъ цѣною тяжкихъ условій заключалъ миръ съ гордыми Персами, однако жъ бѣдствія не прекращались. Тѣснимый съ одной стороны Аварами, съ другой обезпокоиваемый Персами, императоръ намѣревался уже оставить со всѣхъ сторонъ врагами окруженный Константинополь, перевести столицу въ Карфагенъ, и, переехавъ туда, заняться безпрепятственно приготовленіями, необходимыми для защиты государства. Наконецъ миръ, полученный конечно на самыхъ унижительныхъ условіяхъ, доставилъ ему время и возможность приготовиться къ борьбѣ съ опаснѣйшимъ изъ своихъ враговъ.

Собравъ армію, съ которою едва можно было отважиться на дѣйствія противъ закаленныхъ въ боѣ дружинъ непріятеля, онъ посадилъ это малочислен-

ное и неопытное войско на суда, и, послѣ морскаго переѣзда, присталъ на границахъ Сиріи и Киликіи къ берегу залива Скандерунъ, тамъ гдѣ этотъ берегъ вдругъ поворачиваетъ къ югу. Разбивъ шатры своего лагеря при Иссусѣ, Иракліи сосредоточилъ тамъ все свои войска, занялся утверженіемъ дисциплины, обученіемъ рекрутовъ, и въ особенности внушеніемъ военныхъ добродѣтелей молодымъ своимъ войскамъ. Съ неистощимымъ терпѣніемъ онъ присутствовалъ каждый день на ученьяхъ, раздѣлялъ свою армію на двѣ противныя стороны и производилъ маневры; училъ, хвалилъ, наказывалъ, смотря по надобности, и наконецъ довелъ неопытныхъ свои дружины до того, что онѣ получили нѣкоторую довѣренность сами къ себѣ. Приготовивъ ихъ такимъ образомъ къ успешному исполненію тактическихъ дѣйствій, онъ обратилъ вниманіе на нравственное ихъ одушевленіе, и чудотворный образъ Спасителя помогъ ему достигнуть этой цѣли. Краснорѣчивою рѣчью войско было вызвано отомстить огнепоклонникамъ Персамъ за этотъ образъ, ими погранный. Иноплеменные дружины, находившіяся при арміи, онъ умѣлъ олушевить другими средствами, и столь же сильно; такъ что наконецъ все его воинство съ нетерпѣніемъ ожидало открытія похода.

Страна, бывшая театромъ военныхъ дѣйствій, глубоко вдается, въ видѣ полукруга, въ Арменію и Сирію, и прикрывается горами Тавра. Многочисленная персская армія вскорѣ окружила горные проходы и наводнила всю Киликію. Иракліи весьма искусно воспользовался излишнимъ опасеніемъ Персовъ за горные пути. Неизвѣстными имъ дорогами, или можетъ быть такими, которыя они считали непроходимыми, онъ явился вдругъ въ ихъ тылу и, причинивъ имъ значительный уронъ, принудилъ ихъ къ поспѣшному отступленію. Искусными движеніями угрожая потомъ Арменіи, онъ ввелъ непріятеля въ заблужденіе, произведя маневръ, собственно имъ изобрѣтенный,¹⁰ ко-

торый Персы приняли за признакъ безпорядка, такъ, что сами вступили въ невыгодный бой на мѣстности, совершенно имъ неблагопріятствовавшей. Мужество ихъ должно было уступить умнымъ распоряженіямъ императора, который послѣ побѣды смѣло перешагнулъ за хребетъ Тавра и черезъ равнины Каппадокіи явился на берегахъ Галиса, гдѣ воинство его безпрепятственно расположилось на зимовыхъ квартирахъ. Римляне были тѣмъ болѣе удивлены необыкновенными дарованіями своего императора, что въ началѣ царствованія онъ, казалось, не обнаруживалъ даже воинственного духа. Въ противоположность этому, страхъ овладѣлъ Персами: съ незапамятныхъ временъ отвыкли они встрѣчать сопротивленіе въ своихъ непріятеляхъ, а тѣмъ болѣе претерпѣвать отъ нихъ поражение.

Успѣхъ столь важнаго предпріятія напоминаетъ намъ походъ Аннибала въ Италію и высадку Сципіона въ Африку, съ тою разницею, что дѣйствіямъ Ираклія гораздо менѣе благопріятствовали обстоятельства. Совершенные имъ подвиги ручались за дальнѣйшіе успѣхи его оружія. Въ то время какъ Персы все еще угрожали Константинополю, Ираклій, прибывшій въ столицу для устройства новыхъ вооруженныхъ силъ, оставилъ ее немедленно, взявъ съ собою только пять тысячъ отборныхъ войскъ, и счастливо высадилъ ихъ на берегъ при Трапезунтѣ. Слѣдуя по той же самой дорогѣ, которую въ наше время вѣроятно бы выбрала Россійская армія, если бъ миръ не остановилъ блистательныхъ ея подвиговъ, Ираклій, соединился со своими войсками, простоявшими зиму въ нонтскихъ провинціяхъ. Онъ издалъ воззваніе ко всѣмъ христіанамъ, обитавшимъ на пространствѣ отъ Каспійскаго моря до устья рѣки Фазиса, побуждая ихъ къ бою противъ невѣрныхъ. Армения, которую императоръ Маврикій долженъ былъ прежде того уступить Персамъ, была вновь, и даже безъ значительныхъ затрудненій, покорена до самаго Аракса, и вскорѣ послѣ того Римляне водрузили побѣдныя свои знамена на стѣнахъ Таври-

са или Гандзаки. Пламя и мечъ уничтожали всюду могущество Персовъ, и вездѣ въ храмахъ маговъ животворящій Крестъ становился на мѣсто идоловъ. Наконецъ, когда самъ Хосрой убѣжалъ передъ мечемъ Ираклія, побѣдоносный императоръ возвратился къ берегамъ Каспійскаго моря, въ Албанію¹¹, и занялъ зимнія квартиры на равнинахъ Моганскихъ, между Куромъ и Араксомъ, гдѣ прежде было любимое мѣстопробываніе азійскихъ царей.

Съ открытіемъ третьяго похода императоръ изъ Албаніи слѣдовалъ гирканскими горами, и вторгнулся въ Мидію съ намѣреніемъ направиться потомъ къ Испани, куда не доходилъ еще ни одинъ изъ римскихъ завоевателей. Но тутъ онъ встрѣтилъ всю вооруженную силу Персовъ, которую Хосрой стянулъ къ себѣ отъ береговъ Босфора и Нила. Окруженному тремя арміями, Ираклію не оставалось почти ни какой вѣроятности спасенія. Въ его собственной арміи, союзныя дружины изъ Колхиды уже начали колебаться въ вѣрности, даже отважнѣйшіе римскіе воины упали духомъ, но, несмотря на это, Ираклію, ободривъ свои войска, продолжалъ наступленіе. Несогласія, происшедшія между непріятельскими полководцами, содѣйствовали ему весьма много при атакѣ врага, котораго пораженіе стоило Римлянамъ меньшаго труда, чѣмъ по всей вѣроятности можно было полагать. Сильнѣйшій изъ непріятельскихъ отрядовъ отправился къ Салбану съ намѣреніемъ занять тамъ зимнія квартиры, но императоръ неумоимо преслѣдовалъ его. Ночью, раздѣливъ свою армію на нѣсколько корпусовъ, Ираклію усиленными переходами успѣлъ настичь непріятели, и вдругъ подступилъ подъ самый городъ. Тщетно Персы пытались защищаться; предводитель ихъ Сарбораза поспѣшнымъ бѣгствомъ спасся отъ плѣна, но весь лагерь и сокровища цѣлой области сдѣлались добычею побѣдителя. Императорская армія нашла въ покоренномъ городѣ отдыхъ, столь необходимый для ней во время зимы, укрѣпи-

лась въ силахъ и приготовилась къ новымъ подвигамъ. Съ наступленіемъ весны Ираклій въ семь переходовъ прошелъ горы Курдистана, переправился черезъ Тигръ, прошелъ мимо Амиды, переправился черезъ Эвфратъ и Саруъ и обратился къ Каппадокіи, достигнулъ наконецъ Понта Эвксинскаго, по прошествіи трехъ лѣтъ счастливой и достославной войны.

Въ то время владыки Персіи и Восточной Имперіи, какъ будто дѣйствуя въ духъ нынѣшней войны, обращали главнѣйшія свои усилія противъ столицъ, къ центру могущества противной державы. Хотя двадцатилѣтняя война не уменьшила числительнаго превосходства персскихъ армій, однако жъ внутренней составъ ихъ перемѣнился. Мечъ непріятеля, пустыни Сиріи и Ливіи истребили лучшихъ воиновъ, а оставшіеся еще съ первыхъ лѣтъ царствованія Хосроя, ветераны были слишкомъ малочисленны и не могли пополнить потерь огромной персской арміи. Противъ Ираклія находилось около пятидесяти тысячъ войска, въ составъ котораго входили и знаменитыя *золотыя дружины*; съ другой стороны, менѣе значительная армія дѣйствовала противъ отдѣльнаго римскаго отряда, находившагося подъ начальствомъ Θεодора, брата Ираклія; наконецъ третья армія все еще оставалась въ Халкедонскомъ лагерѣ, чтобы при первомъ благопріятномъ случаѣ открыть враждебныя дѣйствія съ этой стороны. Она должна была содѣйствовать къ взятію Константинополя, въ это время осажденнаго многочисленною арміею Аваровъ, подъ предводительствомъ Хапана. Но жители города и войско, посланное туда, дали такой отпоръ Варварамъ, что Персы должны были остаться только безмолвными зрителями дѣйствій Аваровъ, не имѣя возможности принять въ нихъ участія.

Между тѣмъ на берегахъ Фазиса (Ріона) Ираклію держался въ оборонительномъ положеніи противъ многочисленнѣйшихъ въ сравненіи съ его арміею *золотыхъ дружинъ*. Искусными переговорами и во-время употребленною педростью онъ приобрѣлъ расположеніе

мужественной орды Хазаровъ; его хитрость, а можетъ быть и свирѣпость Хосроя, привлекли на его сторону одного изъ могущественнѣйшихъ персскихъ сатраповъ: однимъ словомъ, употребивъ всѣ возможные средства, онъ успѣлъ собрать при Эдессѣ армию силою около семидесяти тысячъ Римлянъ и союзниковъ. Хосрой съ своей стороны выступилъ противъ него (627) со всѣми силами, какія при ослабѣвшемъ духѣ своего народа онъ могъ еще набрать, и эта послѣдняя армія его простиралась до пятисотъ тысячъ человѣкъ. Римляне смѣло двигались къ Араксу и Тигру; предводитель персской арміи, Разатесъ, искусно избѣгалъ рѣшительнаго сраженія, ограничиваясь наблюденіемъ за движеніями непріятеля и обезпечиваніемъ его небольшими стычками. Но вдругъ онъ получилъ отъ Хосроя приказаніе, участь государства подвергнуть жребію боя. Обѣ противныя арміи встрѣтились на восточномъ берегу Тигра, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ въ древности городъ Нинивія. При описаніи происшедшаго между ними сраженія, византійскіе писатели дали такую волю своему воображенію, что здѣсь видны только одни дѣйствія императора. Они представляютъ его на брачномъ своемъ конѣ Фалосѣ, пролетающимъ ряды воинства, словно какое нибудь эфирное существо; все въ немъ носитъ характеръ сверхестественнаго, — его распоряженія, его дѣйствія, даже его раны; и лошадь его, раненная въ бою, несетъ его сквозь всѣ ряды непріятелей, во время чего онъ, такъ сказать на полетѣ, хватаетъ лавры, убиваетъ трехъ непріятельскихъ полководцевъ, въ томъ числѣ и Разатеса, котораго вооруженіе изъ чистаго золота, щитъ, всѣ боевыя принадлежности, дѣлаются трофеями побѣдителя. Сраженіе продолжалось съ разсвѣта до одиннадцати часовъ утра. Бѣольшая часть непріятельской арміи была истреблена; остальные отдѣльными незначительными толпами спаслись бѣгствомъ. О потерѣ побѣдителей лѣтописи умалчиваютъ. Ираклій искусно воспользовался своимъ успѣхомъ.

*

Втеченіи однѣхъ сутокъ мосты были построены на рѣкѣ Іубѣ, и города Ассиріи впервые открыли свои ворота Римлянамъ. Но сподвижники императора не имѣли надобности, какъ некогда легіоны Лукулла и Помпея, жаловаться на то, что борьба съ Азіятцами не предоставляетъ ни какихъ затрудненій. Гордый Дастагердъ (Artemita) со своими великолѣпными дворцами сдѣлался добычею Римлянъ. Животворящій Крестъ Спасителя, переведенный туда послѣ взятія Іерусалима, пятьсотъ отбитыхъ римскихъ знаменъ, и освобожденіе безчисленнаго множества военноплѣнныхъ Римлянъ, служившихъ рабами Персамъ въ продолженіи двадцати-лѣтней несчастной борьбы, были ближайшими послѣдствіями побѣды. Императоръ однако не соблазнился роскошью этой столицы, въ которой для одного царскаго блеска содержалось девятьсотъ шестьдесятъ слоновъ, а для внутренней службы употреблялось двѣнадцать тысячъ рабовъ, и гдѣ несмѣтныя сокровища хранились въ ста подземныхъ строеніяхъ, которыхъ стѣны были обвѣшаны тридцатью тысячами богатыхъ ковровъ, а потолки поддерживались сорока тысячею серебряными (мраморными?) колоннами. Въ этомъ городѣ, который по своему великолѣпію былъ тогда предметомъ удивленія цѣлаго Востока, и который даже нынче славится еще въ пѣсняхъ поэтовъ, Иракліи оставался весьма не долго, и оттуда двинулся съ арміею къ Ктезифону. Но по причинѣ ли поздняго осенняго времени, или по громкой молвѣ о непреодолимой силѣ этого города, императоръ съ береговъ Арбы возвратился назадъ, дабы послѣ столь многотруднаго похода дать отдыхъ войскамъ на зимнихъ квартирахъ въ Таврисѣ (Гандзакѣ). Подобно несчастному противнику Александра Великаго, гордый владыка новой персской монархіи скитался безъ пристанища и безъ надежды возстановить прежнее свое могущество. Отвергая всѣ условія мира, онъ уже намѣревался отдать корону любимому изъ своихъ сыновей, но въ это время другой его сынъ Сирозъ возмутилъ

ся противъ своего родителя, и несчастный старецъ, бывъ прежде свидѣтелемъ давленія осемнадцати своихъ сыновей, кончилъ потомъ жизнь въ темницѣ. Хосрой, считая Ираклія отступникомъ отъ своей вѣры, объявилъ нѣкогда, что онъ увидитъ его не иначе какъ въ цѣпяхъ у подножія своего престола: онъ велѣлъ даже казнить смертью вѣрнѣйшаго изъ своихъ слугъ единственно за то, что тотъ дерзнулъ ввести къ нему византійскихъ посланниковъ. Онъ палъ, а побѣдоносный соперникъ заключилъ съ мятежнымъ его сыномъ миръ, вѣчный, — *болѣе прочный чѣмъ желѣзо или мраморъ*. Борьба эта продолжалась шесть лѣтъ и стоила однимъ Римлянамъ двухъ сотъ тысячъ воиновъ, оставшихся на поляхъ Азіи. Разсматривая ее, видимъ, что дѣйствія только весьма немногихъ полководцевъ заслуживаютъ сравненія съ блистательными походами Ираклія. Подобною смѣлостью предиріятій отличался до него только Аннибалъ и Сципіонъ, и столько умственной дѣятельности и искусства, со временъ Цезаря, нельзя усмотрѣть ни въ одномъ изъ позднѣйшихъ полководцевъ; наконецъ Ираклію, не уступая въ храбрости героямъ древности, отличался сверхъ того необыкновенно любезными личными качествами, которыми нѣкогда великій Сципіонъ удивлялъ Римлянъ. Однимъ словомъ, эти шесть походовъ ставятъ Ираклія, въ военномъ отношеніи, выше всѣхъ римскихъ императоровъ.

Описывая его подвиги, мы по-необходимости ограничились одними только очерками, потому что объ одномъ послѣднемъ его походѣ, и то безъ тактическихъ подробностей, и остались удовлетворительныя свѣдѣнія. Относительно тактическихъ дѣйствій скажемъ, что если стратегія и тактика императора Льва составлены изъ разбора походовъ Ираклія, съ особенною помощью Исторіи Георга Писидійскаго, какъ всѣ полагаютъ, то недостатокъ подробностей и фактовъ не имѣетъ для насъ ни какой важности.

Мы не будемъ разбирать подробнѣе этихъ похо-

довъ, потому что одинъ взглядъ на карту достаточно можетъ показать читателю ихъ смѣлость и достоинство. И при всемъ томъ, какая участь должна была достигнуть побѣдителя могущественнаго Хосроя!

Переходя къ обзорѣнiю состоянiя полiорцетники въ это время, легко замѣтить, что, при всемъ наружномъ видѣ великой важности, она дѣйствительно была основана на малодушии и страхѣ, отъ которыхъ произошли огромныя оборонительныя линiи. Отъ Бѣлграда до Чернаго Моря, отъ устья Савы до устья Дуная, стояло осемьдесятъ твердынь. Изъ прежнихъ, отдѣльныхъ, наблюдательныхъ башенъ образовались вездѣ сильныя форты и укрѣпленные города. Развалины Траянова Моста защищались кромѣ того особенною крѣпостью. По словамъ лѣтописцевъ въ однѣхъ областяхъ: Дакiи, Эпирѣ, Фессалiи, Македонiи, Фракии, находилось около шести сотъ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ постовъ. Слабѣйшiе изъ нихъ состояли изъ каменной башни, со стѣною, рвомъ, иногда и палисадомъ. Фермопилы были перегорожены сильнымъ валомъ, на всемъ протяженiи, начиная отъ морскаго берега, черезъ горы и долины, до самаго края Фессалiйскихъ горъ. Для двухъ тысячъ человекъ гарнизона, назначенныхъ защищать этотъ постъ, были построены казармы, цистерны, склады и, — что непонятно, — даже въ тылу поста готовыя станцiи для отступленiя гарнизона! Изъ этого можно судить о нравственной силѣ тогдашнихъ войскъ. Коринфскiй перешеекъ загораживали также сильныя верки, которые, съ восстановленiемъ древнихъ укрѣпленiй Коринфа, Платеи и Афинъ, должны были сдѣлаться еще болѣе надежными. Юстинiанъ старался обезпечить Херсонесъ Фракийскiй двойными стѣнами съ брустверомъ, и этой линiи далъ громкое названiе *Длиннаго вала*. Доступъ къ самому Константинополю, отъ Пропонтиды до Чернаго Моря, уже прежде того Анастасiй преградилъ стѣною, которую потомъ усилилъ Юстинiанъ¹². Азиатскiя области также были устѣяны башнями и укрѣпленiями. Въ Крыму, независимо отъ оборонительныхъ ли-

ній, весь восточный берег Чернаго Моря былъ обведенъ укрѣпленіями, а въ Трапезунтѣ рвы, изсѣченные въ скалахъ, представляли непреодолимую преграду всѣмъ покушеніямъ непріятели. Начиная оттуда, пограничная линія простиралась до Эрцезіума. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имперія граничила съ варварскими, въ военномъ дѣлѣ несвѣдущими, народами, оборонительныя средства состояли изъ засѣкъ, палисадовъ и легкихъ насыпей; но противъ Персовъ, равно страшныхъ какъ въ крѣпостной такъ и въ полевой войнѣ, требовалось твердынь, искусствъ и прочіе построенныхъ. По этой причинѣ Эдесса и Амида были всѣми возможными средствами укрѣплены. Сила и обширность послѣдней видны между прочимъ изъ того, что восемьдесятъ тысячъ жителей ея, мужественно выдержавъ трехъ-мѣсячную осаду, пали наконецъ отъ меча Персовъ. Но Эдесса столь блестящимъ образомъ отстояла всѣ нападенія непріятели, что потомъ долгое время почиталось почти ересью думать объ ея покореніи.

По всей вѣроятности укрѣпленія особенно важныхъ пунктовъ были въ этомъ періодѣ вездѣ одинаковы, и потому объ устройствѣ ихъ можно судить изъ описанія крѣпости Дары, сохраненнаго Прокоціемъ въ его «Персскихъ достопамятностяхъ»¹⁵. Дара, находившаяся не далеко отъ Нисибиса, была окружена двойными стѣнами, отстоявшими одна отъ другой въ пятидесяти шагахъ¹⁶. Этотъ промежутокъ доставлялъ подножный кормъ и вмѣстѣ пріютъ для скота осажденныхъ. Наружная стѣна, состоявшая изъ большихъ верковъ и обороняемая множествомъ сильныхъ башенъ, обведенныхъ четырехъ-угольнымъ бастиономъ (by a quadrangular bulwark, говоритъ Гиббонъ), была снабжена многочисленными стрѣльницами для дѣйствія всякаго роду машинъ. Вторая стѣна командовала наружною стѣною. Она имѣла въ башнѣ сто футовъ высоты. Двойныя галереи, построенныя по длинѣ стѣны, доставляли войнамъ прикрытіе отъ непріяельскихъ снарядовъ. Обширная и безопасная платформа находилась сверху

башень¹⁵. На юго-восточной сторонѣ Дары, гдѣ грунтъ земли способствовалъ заложению мишъ, городъ обезпечивался передовымъ укрѣпленіемъ, расположеннымъ въ видѣ полумѣсяца. Верки были окружены водяными рвами, которые служили вмѣстѣ и резервуарами для гарнизона. Они могли быть также употреблены для производства искусственнаго наводненія. Впродолженіи шестидесяти лѣтъ почти непрерывныхъ войнъ, твердыня эта устояла противъ всѣхъ нападеній. Мы не будемъ описывать укрѣпленій, находившихся между морями Каспійскимъ и Чернымъ, которыми впрочемъ овладѣлъ Хосрой (Нуширванъ). Въ наше время европейскія арміи прошли черезъ Албанскія и черезъ Иберійскія Ворота. Остается затѣмъ только одна *Длинная стѣна*, бывшая некогда границею двухъ могущественныхъ государствъ, известная намъ по исторіи, но въ существованіи которой потомъ долгое время сомнѣвались, между тѣмъ какъ нынѣ она сдѣлалась наконецъ историческимъ фактомъ.

Несмотря на этотъ поясъ крѣпостей, Варвары проходили римскую имперію по всѣмъ направленіямъ. Въ то же самое время, какъ Велисарій развѣнчаннаго царя Вандаловъ представилъ къ подножію Юстиніанова престола, какъ полководцы императора стяжали во внѣшнихъ войнахъ лавры, достойные прежней славы римскаго оружія, въ то же самое время Варвары въ различныхъ мѣстахъ безнаказанно грабили и разоряли имперію. Государство никогда можетъ-быть не было такъ безсильно, какъ въ то время, когда малѣйшій клочъ земли старались усѣять укрѣпленіями. Монтекиѣ весьма основательно сравнилъ Восточную Имперію съ державою Карловинговъ, въ которой каждая деревня была укрѣплена, а между тѣмъ Норманны безнаказанно всюду грабили. Атакка и оборона подобныхъ постовъ, должно быть, оставалась въ прежнемъ состояніи; по крайней мѣрѣ лѣтописи не упоминаютъ ни о какихъ новыхъ машинахъ въ этомъ періодѣ. Въ Европѣ и въ Азіи, осаждающей обыкновенно

оканывался, и даже усиливала брустверъ палисадами. Такъ дѣйствовали Готы при осадѣ Рима, Авары подѣ Константинополемъ и Персы подѣ Дарою. Изъ этихъ укрѣпленныхъ лагерей войска шли потомъ на приступъ.

Въ одномъ только минерномъ искусствѣ, Римляне, и Варвары, противъ которыхъ они сражались, сдѣлали значительные успѣхи и усовершенствованія, потому что въ описаніи осадъ того времени упоминается всегда въ подробности о подземныхъ ходахъ. Другіе варварскіе народы, не находившіеся въ столкновеніи съ Римлянами, не имѣли ни какого понятія объ этомъ искусствѣ, какъ это видно изъ дѣйствій Готовъ при осадѣ Рима и Аваровъ подѣ Константинополемъ. Въ это время, войска, подступивъ къ какому нибудь укрѣпленному мѣсту, старались прежде всего огненными стрѣлами зажечь городскія ворота. Если они имѣли успѣхъ (что весьма часто случалось), то общій приступъ рѣшалъ обыкновенно участь осажденныхъ. Въ противномъ случаѣ они почти всегда прибѣгали къ минамъ. Персы въ этомъ отношеніи славилась своимъ искусствомъ. Римляне выходили имъ на встрѣчу подѣ землею, и, превосходя своихъ противниковъ искусствомъ, успѣвали продлить осаду, а иногда и заставляли непріятеля отказаться отъ нея. Къ постройкѣ и употребленію машинъ другіе народы прибѣгали гораздо рѣже чѣмъ Римляне, однако жъ Персы при осадѣ Эдессы употребили машину, называемую *aggesta*, при постройкѣ которой прикрывали работниковъ войлоками изъ козьей шерсти (*silicia*). Начавъ строить ее вѣдъ досягаемости непріятельскихъ метательныхъ машинъ, они подвигались постепенно съ нею впередъ, и дошли наконецъ почти до самой городской стѣны. Осажденные, видя всю важность угрожавшей опасности, вышли подземнымъ ходомъ противъ машины Персовъ, достигли того мѣста, на которомъ она стояла, и наполнили пустое подѣ землею пространство сухимъ лѣсомъ, который подожгли посредствомъ кедроваго масла, сѣры и смолы. Какъ скоро дымъ на-

чаль выходить наружу, осажденные, осыпая неприятеля со стѣнъ градомъ стрѣлъ, произвели въ то же время сильную вылазку. Но Персы, строившіе эту машину столь продолжительное время, употребивъ для ней столько усилій, и защищали ее съ величайшимъ упорствомъ и оставили только тогда, какъ пламя уже струями выходило изъ подъ земли. Приступъ, въ слѣдъ за этимъ произведенный Хосроемъ, не имѣлъ успѣха. Онъ пытался потомъ, воронку, произведенную дѣйствіемъ мины, засыпать безчисленнымъ множествомъ кирпича, и еще разъ велѣлъ произвести приступъ ко всѣмъ городскимъ воротамъ. Для этой цѣли, каждому изъ лучшихъ полководцевъ были указаны одни ворота. Сначала Персы приобрѣли нѣкоторый успѣхъ, но потомъ въ крѣпости все бросилось къ оружію; даже женщины и дѣти способствовали къ оборонѣ, принося стрѣлы, камни, и прочая. Осажденные съ вершины стѣнъ лили на производившихъ приступъ кипящую воду, горящее масло, и пускали эти жидкости посредствомъ трубъ противъ отважнѣйшихъ неприятельскихъ ратниковъ; однако жъ, несмотря на всѣ эти мѣры, Персы продолжали атаку. Приставляя въ однихъ мѣстахъ штурмовыя лѣстницы, въ другихъ пробивая бреши посредствомъ тарана, и между тѣмъ все продолжая свое наступленіе противъ воротъ въ различныхъ пунктахъ, Персы старались привлечь вниманіе осажденныхъ и надѣялись ворваться въ городъ со многихъ сторонъ. На нѣкоторыхъ пунктахъ они, вначалѣ, дѣйствительно успѣли въ своемъ намѣреніи, и даже сдѣлали нѣсколько обваловъ въ городской стѣнѣ, но осажденные сражались такъ храбро, и такъ искусно вводили въ дѣло свои резервы, что неприятель вездѣ встрѣчалъ сильнѣйшій отпоръ. Персы, производившіе атаку въ весьма глубокомъ строю, претерпѣли чрезвычайныя потери: каждый выстрѣлъ осажденныхъ стоилъ жизни одному, а иногда и двумъ неприятельскимъ ратникамъ. Бой продолжался съ утра до вечера, съ наступленіемъ котораго Персы на-

чали отступать, за исключеніемъ одного неустрашимаго полководца, который съ своимъ отрядомъ продолжалъ еще приступъ къ однимъ воротамъ, но и тотъ, хотя приобрѣлъ болѣе успѣха чѣмъ другіе, долженъ былъ наконецъ уступить совокупнымъ дѣйствіямъ осажденныхъ и отказаться отъ намѣренія. Ночью, тишина послѣдовала за кровопролитнымъ и утомительнымъ боемъ цѣлаго дня, но осажденные дѣятельно занялись приведеніемъ въ исправность городскихъ укрѣпленій¹⁶, собрали достаточное количество камней, и всячески старались готовиться къ новому отпору. Впродолженіи слѣдующаго дня Персы однако жъ ничего не предпринимали; едва черезъ два дня послѣ этого достопамятнаго приступа небольшіе отряды начали приближаться къ однимъ воротамъ, но и тѣ имѣли назначеніе только придать болѣе вѣсу переговорамъ, къ которымъ Хосрой намѣревался приступить. Впослѣдствіи онъ согласился снять осаду за цѣну пяти центнеровъ золота. Успѣхъ осажденныхъ на долгое время утвердилъ мнѣніе, что Эдесса находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ Спасителя. Изъ этого краткаго очерка достопамятнѣйшей осады обозрѣваемаго нами періода можно удостовѣриться, что атака и оборона втеченіи многихъ вѣковъ находились въ одинаковомъ состояніи. Этому времени однако принадлежитъ обширнѣйшее примѣненіе минернаго искусства и изготовленіе огненныхъ стрѣлъ, которыми можно было зажигать даже жестью покрытыя деревянныя ворота. Они употреблялись въ Европѣ и въ Азіи, но въ особенности на Востокѣ. Вообще въ это время жители поддерживали всегда войска при оборонѣ города, а при всякой опасности отъ вторженія непріятеля стекалось въ твердыни все окрестное народонаселеніе. Послѣднее обстоятельство гораздо ощутительнѣе обнаруживалось на Востокѣ чѣмъ на Западѣ, потому что тамъ врага государства были вмѣстѣ врагами каждаго частнаго лица и угрожали не только его гражданской свободѣ, но и въ особенности его вѣрѣ.

Въ этомъ періодѣ, полевая фортификація была известна даже такъ называемымъ Варварскимъ народамъ. Въ началѣ своихъ походовъ противъ Персовъ, Велисаріи употребилъ при Дарасѣ искусственные рвы для обезпеченія фланговъ нѣкоторыхъ частей своей арміи, и это средство весьма много способствовало ему къ одержанію побѣды.

Въ войнѣ съ Готами, подобныя мѣры заслуживаютъ еще болѣе вниманія. Теясъ, пробравшись изъ Тусціи вдоль по берегу Адриатическаго Моря до рѣки Сарнуса¹⁷, протекавшей близъ Нуперіи, занялъ позицію за этою рѣкою, не въ дальномъ разстояніи отъ моря. Крутые берега Сарнуса довольно обезпечивали его расположеніе, а для продовольствованія арміи могло служить море, которымъ владѣлъ его флотъ; но зная, что противникомъ его былъ знаменитый Нарсесъ, онъ тщательно усилилъ берегъ земляными насыпями и деревянными башнями; поставилъ вездѣ метательныя машины, которыя, совокупно съ его стрѣлками, могли обстрѣливать весь противоположный берегъ рѣки. Нарсесъ съ своей стороны принялъ такія же мѣры осторожности. Обѣ арміи простояли такимъ образомъ въ бездѣйствіи два мѣсяца другъ противъ друга, пока наконецъ сраженіе не рѣшило судьбы всей войны. Описаніе этого сраженія у Прокопія почти баснословно; оно, какъ говоритъ профессоръ Мансо въ своей «Исторіи владычества Остъ-Готѣвъ въ Италіи», походитъ на картины битвъ Иліады и пѣсень Шибелунговъ. Другой примѣръ старательно укрѣпленной позиціи встрѣчается передъ битвою подъ Казилинумомъ, о которой уже было говорено. На берегахъ рѣки Казилинуса (Вольтурнуса вблизи Казилинума) Буцеллинъ ожидалъ возвращенія своего брата, отряженнаго имъ для отдѣльных дѣйствій. Посредствомъ башень онъ въ особенности обезпечилъ находившійся на рѣкѣ мостъ, черезъ который пролегалла дорога, ведущая къ его расположенію. Нарсесъ стоялъ противъ него такъ близко, что можно было обозрѣвать непріятельскія укрѣпленія и даже

слышать происходившій въ нихъ шумъ. Въ такомъ расположеніи обѣ арміи оставались нѣсколько педѣль. Нѣкоторыя частныя предпріятія, удачно исполненныя Германцами въ виду непріятели, внушили имъ такую самоувѣренность, что они, полагаясь на свое мужество, а между тѣмъ не соображая другихъ обстоятельствъ, единогласно требовали сраженія, до котораго наконецъ довелъ самъ случай. Нарсесъ, наскучивъ непрерывными стычками, приказалъ своему авангарду, при первомъ новомъ покушеніи непріятели, атаковать его фуражировъ и стрѣлковъ. Авангардъ отлично выполнилъ приказаніе полководца, и сверхъ того, захвативъ у Готевъ возъ съ сѣномъ, подвелъ его къ башнѣ, защищавшей мостъ на рѣкѣ Казилнунсъ, и посредствомъ сѣна произвелъ въ ней пожаръ.

Пользуясь замѣшательствомъ, Римляне удачно овладѣли какъ башнею такъ и мостомъ. Раздраженные Готы, не дожидаясь подкрѣпленій, легкомысленно рѣшились на сраженіе, и лишили себя тѣхъ выгодъ, которыя имъ до тѣхъ поръ доставляла сильная система ихъ обороны.

=

IV.

О САРАЦИНАХЪ, ТУРКАХЪ. И КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДАХЪ ¹.

Первыя войска Магометова преемника Абу-Бекра были имъ употреблены для распространенія Корана, обращенія другихъ народовъ къ вѣрѣ Магомета и наложенія на нихъ дани. Простой вызовъ привлекъ воинственныхъ Аравитянъ подъ знамена Халифа. «Я хочу, чтобъ вы знали, говорилъ онъ имъ, что сражась для распространенія Ислама, вы совершаете дѣло угодное Богу, исполняете волю посланника Божія, и что, въ вознагражденіе за все претерпѣнное въ этомъ бою, благодать Божія низойдетъ на васъ и на ваши семейства». По этому вызову поднялся воинственный народъ; всѣ поколѣнія его вооружились; на песчаныхъ

степяхъ Хеджаза закипѣли толпы воиновъ; жители роскошной емецкой долины оставили свои шатры и хижины, а пастухи Оманскихъ Горъ забыли о своихъ стадахъ. Съ сѣвера на югъ, на всемъ пространствѣ между вершиною Белиса на Эвфратѣ и перешейкомъ Бабельмандебъ, и съ востока на западъ, отъ Бассоры на Персидскомъ заливѣ до Суэза и прибрежныхъ странъ Чермнаго Моря, всюду солнце освѣщало сонмы воиновъ, единодушно возстающихъ во имя Аллаха, безъ одежды и оружія, но полныхъ усердія и религіознаго жара. Веселіе, безпечность и самоувѣренность этихъ войскъ, увеличивались еще отъ воспоминанія первыхъ войнъ пророка и его блестящихъ обѣщаній².

Эта армія, не знавшая ни дисциплины, ни воинскаго порядка, раздѣлилась на двѣ части, и одна изъ нихъ устремилась для завоеванія Сиріи, а другая направилась къ Персіи. Тедморъ, Гира, Хаурацъ, Басра, Гемеса, Дамаскъ и Бальбекъ, были вскорѣ взяты приступомъ. Весьма часто вѣстники претерпѣнныхъ пораженій прибывали вмѣстѣ съ побѣдителями. Въ первые десять лѣтъ правленія Омара, Аравитяне взяли тридцать шесть тысячъ городовъ и замковъ, и разрушили четыре тысячи иновѣрческихъ храмовъ, и мѣнѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ, Аравія, Палестина, Египетъ, и большая часть Персіи находились уже подъ властью преемниковъ пророка.

Дошедшія до насъ свѣдѣнія, о первыхъ предпріятіяхъ этого народа, весьма замѣчательны. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о военномъ искусствѣ, Аравитяне двигались по большимъ дорогамъ, гдѣ, если непріятель ожидалъ ихъ, они его рѣшительно атакывали; если крѣпость преграждала имъ путь, они ее брали приступомъ. Сраженію предшествовала всегда молитва, и часто кромѣ того главнокомандующій воспламенялъ мужество войскъ рѣчью. Въ началѣ битвы отважнѣйшіе воины выходили впередъ, нерѣдко совершенно нагіе, вооруженные одною только палицею, и, при восклицаніяхъ имени пророка, вызывали противника на

бой. Толпа такихъ удайцевъ, увеличиваясь постепенно по мѣрѣ успѣховъ военныхъ предпріятій. Слѣдуя за ними по инстинкту, весьма часто вся армія, безъ всякаго приказанія, устремлялась въ атаку. Если побѣда оставалась на сторонѣ Аравитянъ, то страшная погоня легкой кавалеріи преслѣдовала бѣгущаго непріятели по пятамъ, и рубила всѣхъ, которые уцѣлѣли въ сраженіи. Напротивъ того, если первый напоръ мусульманъ не имѣлъ успѣха, они повторяли непрерывно свои нападенія, два, три, и даже шесть и осемь дней, сряду. Обыкновенно, однако жъ, первый день рѣшалъ дѣло, потому что пророкъ имѣлъ привычку побѣждать вечеромъ. Отчаянная смѣлость, съ какою они устремлялись въ атаку, мужество ихъ въ самомъ сраженіи, и быстрота, съ которою одерживали свои побѣды, были причиною, что многочисленнѣйшія арміи и сильнѣйшія крѣпости не могли долго имъ противиться⁵. Искусство, которому они были обязаны своими успѣхами, было столь же грубо какъ они сами. Въ началѣ они, кажется, не имѣли ни какихъ особенныхъ названій для подраздѣленій арміи. Такъ, напримѣръ, въ сраженіи при Кадисіи (636) первая липія была названа *днемъ помощи*, вторая *днемъ потрясенія*, а третія *ночью воя*. Они однако различали уже коренныя войска (*Мугаджиринъ*), то есть, спутниковъ пророка во время его бѣгства (*Гиджре*), отъ вспомогательныхъ войскъ (*Ансаръ*). Впрочемъ съ первыхъ лѣтъ армія ихъ состояла изъ одной только многочисленной кавалеріи, и этотъ народъ, имѣвшій въ битвѣ при Бедрѣ (623) всего только два всадника, считалъ ихъ потомъ сотнями тысячъ.

По невозможности разсматривать всѣ нашествяныя войны Аравитянъ, мы опишемъ нѣсколько подробнѣе тѣ лишь изъ нихъ, которыя имѣли особенное вліяніе на Европу. Предводитель ихъ, Тарикъ-ибнъ-Зейдъ, сдѣлавъ рекогносцировку береговъ Испаніи съ четырьмястами отборныхъ всадниковъ, высадилъ потомъ туда всю свою армію. Небольшой отрядъ христіанъ

препятствовавшей ему сдѣлать десантъ, былъ разбитъ, и Аравитяне утвердились на Горѣ Тариковой (Джебелъ Тарикъ, 711). Лѣтописцы говорятъ, что Тарикъ жжегъ всѣ свои корабли, и этимъ средствомъ лишилъ армию всякой возможности къ отступленію. Немедленно послѣ того онъ обратился противъ другаго отряда, покушавшагося остановить дальнѣйшее его движеніе и, разбивъ врага, безпрепятственно уже продолжалъ свое наступленіе, прошелъ области Альхезирасъ и Сидонію и распространилъ ужасъ до самыхъ береговъ Гвадіяны.

Преемники Аларика, полагаясь на то, что сильное мѣстоположеніе Испаніи довольно обезпечиваетъ ихъ отъ всякаго нашествія, не заботились вовсе о средствахъ обороны. Стѣны городовъ лежали въ развалинахъ, дворянство и горожане отвыкли отъ военного дѣла, запасовъ оружія не было вовсе въ государствѣ. Вдругъ отъ береговъ Средиземнаго Моря раздался кличъ тревоги. Родригъ весьма неохотно взялся за оружіе, а извѣщенные вельможи послѣдовали за нимъ еще съ меньшимъ усердіемъ. Со всѣмъ тѣмъ онъ собралъ вскорѣ девяносто-тысячную армию, и двинулся съ нею на встрѣчу Тарику, имѣвшему всего около четырнадцати тысячъ человѣкъ; но это малочисленное войско Аравитянъ одушевляла тѣнь великаго пророка, и они съ нетерпѣніемъ ожидали боя противъ превосходныхъ силъ своихъ враговъ. Обѣ арміи встрѣтились наконецъ на равнинахъ Гвадалетты⁴, отъ 19 по 26 іюля 712 года. По выраженію арабскихъ писателей, земля стонала подъ ногами воиновъ. Христіане, вѣроятно для того чтобы обезпечить себя со всѣхъ сторонъ отъ легкой непріятельской конницы, построились въ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ. Передніе и задніе ряды ихъ строя состояли изъ воиновъ, имѣвшихъ непроницаемые панцыри. Ихъ поддерживали другіе, вооруженные пиками, мечами и щитами. Интервалы въ отрядахъ и въ боевой линіи были охраняемы значительнымъ

числомъ легкихъ войскъ, вооруженныхъ луками, стрѣлами, пращами, или, по народному обычаю, топорами, сѣкирами и палицами. Король Родригъ проѣзжалъ ряды своей арміи въ военной колесницѣ, украшенной слоновою костью, и запряженной двумя бѣлыми лошадьми, и ободрялъ войска мужественно сражаться. О боевомъ порядкѣ Аравитянъ ничего не извѣстно. Три дня обѣ арміи испытывали взаимно свои силы въ непрерывныхъ стычкахъ незначительныхъ отрядовъ. Кажется, что одушевленіе Аравитянъ начинало уже ослабѣвать, когда Тарикъ, обратясь къ нимъ, сказалъ: «Въ тылу у васъ находится море, передъ вами стоитъ непріятель, а вы думаете о бѣгствѣ? Побѣдители Магреба! вспомните ваши подвиги и устыдитесь мысли о малодушномъ и безразсудномъ бѣгствѣ; слѣдуйте моему примѣру, и мужество даруетъ вамъ побѣду и славу». Съ этими словами онъ прищипорилъ лошадь, бросился въ густѣйшіе ряды непріятелей и, разсѣвая смерть во всѣ стороны, прорвался до самыхъ знаменъ. Замѣтивъ тамъ и узнавъ короля, Тарикъ съ яростью устремился на него, выбросилъ изъ сѣдла и нанесъ смертельный ударъ владыкѣ Готѣовъ. Кончина короля сдѣлалась сигналомъ общаго бѣгства христіанъ, Аравитяне преслѣдовали ихъ въ продолженіе трехъ дней, а потомъ начали распространяться въ покоренной странѣ по всѣмъ направленіямъ⁵. Испанія, говорить Гиббонъ, въ невѣжественномъ и гораздо менѣе устроенномъ состояніи противившаяся нѣкогда, за двѣсти лѣтъ, всему могуществу Римлянъ, была покорена Сарацинами въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Готовность сдаваться невѣрнымъ и входить съ ними въ разные договоры была такъ обща и сильна, что изъ числа всѣхъ готскихъ предводителей одинъ только намѣстникъ Кордуанскій былъ взятъ въ плѣнъ безъ предварительнаго договора. На поляхъ Хереса дѣло Готѣовъ было рѣшено весьма положительнымъ образомъ. Упавшіе духомъ, изнѣженные, жители областей не смѣли и думать о противодѣйствіи непріате-

лю, сокрушившему соединенныя силы всего государства.

Военныя дѣйствія Аравитяпъ на западѣ Европы весьма любопытны, но они всѣ вообще имѣютъ одинаковій характеръ; притомъ же, о важнѣйшемъ ихъ послѣдствіи, то есть, о битвѣ при Турѣ, было упомянуто прежде, и потому, оставляя другія подробности, обратимся къ Востоку, гдѣ болѣе быстрый ходъ военныхъ дѣйствій представляетъ картину поучительнѣйшую и болѣе разнообразную. При послѣднихъ Омміадахъ владычество Аравитянъ занимало двѣсти дневныхъ переходовъ съ востока на западъ, отъ Бухаріи и индійской границы до береговъ Атлантическаго Океана, а если оставить всторонѣ длинную по узкую полосу африканскихъ земель (область, арабскими писателями называемую «Рукавомъ платья»), то государство ихъ простиралось отъ Ферганы до Адена, и отъ Тарса до Сурата, по тому и другому направленію на длину четырехъ или пяти-мѣсячнаго караваннаго путешествія. Быстрое распространеніе магометанскаго вѣроисповѣданія повело къ сродству въ нравахъ и образѣ мыслей жителей этого обширнаго пространства, а это сродство въ свою очередь замѣнило въ нѣкоторой мѣрѣ недостатокъ прочнаго гражданскаго устройства. Мавръ Севильскій и Аравитянинъ индійскаго полуострова съ одинаковымъ усердіемъ молились у гроба пророка. Одна вѣра, одинъ языкъ, дѣлали возможнымъ одно направленіе разнородныхъ частей этой исполинской политической массы, уравняли ихъ движеніе и соединили ихъ усилія для достиженія одной цѣли. Востокъ, колыбель исламизма, откуда громаы его разразились потомъ во всѣ стороны, былъ въ то же время и метрополіею христіанскаго мира. Естественно, что на тѣхъ мѣстахъ должна была возгорѣться сильнѣйшая борьба.

Послѣ того какъ внукъ Хосроя палъ отъ меча Турковъ, и послѣ изгнанія династіи Сассанидовъ изъ Персіи, Сарацины устремились противъ Сиріи. Битва подѣ

Айзнадиномъ упрочила плоды взятія Басоры и Дамаска. Халедъ, прозванный Мечомъ Божіимъ, оправдалъ вполне отвѣтъ, прежде того имъ данный римскимъ посланникамъ, прибывшимъ съ предложеніемъ мира, что «народъ, съ которымъ они имѣють дѣло, предпочитаетъ войну тишинѣ мира, и оставляетъ своимъ противникамъ выборъ между Кораномъ, данью и смертію». Побѣда сдѣлалась неотлучною спутницею желтаго знамени Пророка. Иерусалимъ, Алепъ, Антиохія, пали послѣ упорнѣйшаго сопротивленія. Египеть съ Александрією, величайшимъ городомъ Запада, и въ которомъ воцѣлово Амру съ удивленіемъ нашло четыре тысячи дворцовъ, четыре тысячи бань, четыре ста црковъ и двѣнадцать тысячъ лавокъ, и даже вся извѣстная тогда Африка, покорилась власти халифа. Обратясь потомъ на сѣверъ, мусульмане перешли горы Тавра, завоевали Киликію, повернули къ востоку и, распространивъ ужасъ до истоковъ Эвфрата и Тигра, утвердили и на морѣ свое владычество покореніемъ Кипра, Родоса и многихъ Цикладскихъ Острововъ. Этимъ сынамъ пустыни Константинополь долженъ былъ казаться послѣднимъ оплотомъ дряхлой Римской Имперіи, и потому противъ этого города обратилась всѣ ихъ усилія. По прошествіи сорока шести лѣтъ отъ смерти своего пророка, они водрузили грозныя его знамена подъ самыми стѣнами Константинополя; флотъ ихъ, безъ малѣйшаго сопротивленія проплывъ черезъ Геллеспонтъ, остановился безпрепятственно близъ Гебдомонскаго Дворца. Со всѣмъ тѣмъ, съ апрѣля по сентябрь 668 года, они не имѣли ни какого успѣха, и подъ стѣнами храбро защищаемой столицы потеряли только много времени и людей. Снявъ осаду и возвратясь къ Кизику, они оттуда шесть лѣтъ сряду повторяли свои покушенія, но, постоянно встрѣчаемый ими, мужественный отпоръ столицы, стоявшій имъ во всей сложности около тридцати тысячъ человѣкъ, заставилъ ихъ наконецъ отложить свое намѣреніе до болѣе благопріятнаго

времени. Потомъ внутреннія волненія въ халифатѣ принудили даже владыку правовѣрныхъ платить ежегодную дань Восточному императору.

Но вскорѣ за тѣмъ послѣдовала вторая осада Константинополя, гораздо болѣе продолжительная и кровопролитная чѣмъ первая. Въ 717 году сто-двадцатитысячная армія Аравитянъ и Персовъ, большею частью состоявшая изъ кавалеріи на лошадяхъ и верблюдахъ, переправилась на судахъ изъ Абидоса, лежащаго у Геллеспонта, въ Европу. Это былъ первый примѣръ наступленія мусульманскихъ войскъ прямо изъ Азіи. Подъ предводительствомъ Мослемы, брата халифа, обошедши еракійскіе города Пропонтиды, они явились съ сухопутной стороны подъ стѣнами Константинополя. Построенныя ими вокругъ лагерей укрѣпленія со рвами, и даже изготовленіе машинъ, показываютъ, что Сарацины умѣли воспользоваться опытомъ, приобретеннымъ при осадахъ Александріи, Тианы, Амориума, и другихъ мѣстъ. Но и христіане съ своей стороны противопоставили имъ болѣе мужества и рѣшимости, нежели какъ можно было ожидать отъ нихъ въ это время. Хотя покушенія ихъ сжечь Аравійскіе корабли и запасы на верфяхъ и въ гаваняхъ, по малодушію и измѣнѣ милиціи, не имѣли ни какого успѣха, однако жъ Анастасій распоряженіями своими внутри Константинополя оправдалъ жребій, возвысившій его изъ праха на престолъ имперіи. Кто не могъ заpastись продовольствіемъ на три года, долженъ былъ оставить городъ; стѣны городскія были приведены въ надлежащее состояніе, магазины и склады наполнены, и наконецъ всѣ взрослые мужчины призваны къ участию въ оборонѣ столицы. Предводитель Сарациновъ объявилъ съ своей стороны намѣреніе дожидаться времени посѣву и жатвы подъ стѣнами города. Тысяча осемь сотъ кораблей, впрочемъ болѣе страшныхъ по числу чѣмъ по силѣ и величинѣ, вскорѣ опоясали городъ со стороны моря и, по выраженію Грековъ, покрыли весь проливъ

подвижнымъ лѣсомъ мачтъ. Но гибель и разореніе неожиданно упали на эту грозную армаду. Въ ту же самую ночь, когда Сарацины готовились произвести общій приступъ, браидеры греческіе, изготовленные съ давнихъ поръ и содержимые постоянно въ готовности, были вдругъ устремлены противъ аравійскихъ кораблей. Въ короткое время весь флотъ ихъ превратился въ огненное море; возрастающее пламя, темнота ночи, болѣе и болѣе увеличивавшійся безпорядокъ, сдѣлали невозможнымъ всякое спасеніе. Дѣйствіе Греческаго огня оказалось столь губительнымъ, что съ тѣхъ поръ ни какой непріятельскій флотъ не смѣлъ болѣе появляться. Сухопутная армія продолжала однако жъ осаду. Жители самага жаркаго пояса выдерживали съ удивительною твердостью зиму безпримѣрно жестокою, которая въ этомъ году болѣе ста дней покрывала землю снѣгомъ, и съ наступленіемъ теплаго времени явились снова въ прежней силѣ и съ прежнимъ духомъ. Со всѣмъ тѣмъ побѣдоносный греческій флотъ, со времени извѣстной губельной ночи владычествовавшій на морѣ, значительно затруднялъ подвозы всякаго рода запасовъ для осаждающей арміи. Вскорѣ оказался недостатокъ въ продовольствіи, а потомъ большой голодъ. Жестокое обращеніе Аравитянъ съ жителями окрестныхъ странъ побудило всѣхъ къ возстанію, и, послѣ нѣкотораго времени, укрѣпленныя линіи мусульманъ сдѣлались для нихъ мѣстомъ заключенія, въ которомъ они не могли оставаться для упорной обороны, не подвергаясь вѣрной гибели, и котораго равно не могли оставить, не подвергая себя опасности. Прежнее одушевленіе арміи потухло въ этихъ обстоятельствахъ. Тщетно полководцы напоминали воинамъ прежніе ихъ подвиги, твердость въ перенесеніи трудовъ и недостатковъ; тщетно эмиры старались увѣрить ихъ, что передъ ними находится отверзтый рай, а за ними смерть и адскій огонь: ратники не понимали болѣе этихъ рѣчей. Эта нѣкогда столь храбрая армія дала себя побѣдить Булгарамъ, за византійскія деньги

прибывшимъ отъ береговъ Дуная для спасенія столицы, и послѣ тринадцати мѣсяцовъ тщетныхъ покушеній должна была снять осаду. Съ отступленіемъ ея, роковой часъ Восточной Имперіи былъ судьбою отсроченъ еще на осемь столѣтій.

Спасеніе столицы и государства византійскіе писатели приписуютъ единственно употребленію Греческаго огня (*Ignis graecus*). Нѣкто Каллиникъ, архитекторъ города Геліополя въ Сиріи, перешедшій изъ службы халифа къ римскому императору, сообщилъ новому своему властелину тайну изготовленія и употребленія этого состава. Эту тайну химики донныѣ тщетно старались отгадать по темнымъ и часто противорѣчающимъ свѣдѣніямъ о составныхъ частяхъ Греческаго огня, и должны были ограничиться предположеніемъ, что составъ этотъ былъ ни что иное какъ смѣсь нефти, сѣры и древесной смолы. Изъ того, что при употребленіи его происходилъ густой дымъ, нѣкоторые заключили, что Греческій огонь должно быть сходствовалъ съ нашимъ порохомъ. Къ употребленію этого состава весьма много способствовало то обстоятельство, что пламени его нельзя было потушить водою, а только пескомъ, мочею, или уксусомъ; по этому Греки и дали ему названіе разливаго или морскаго огня. При оборонѣ городовъ, горючій составъ этотъ съ вершины стѣнъ выливали изъ котловъ на осаждающаго, стрѣляли по врагамъ каменными, и желѣзными шарами, наполненными этимъ огнемъ, или наконецъ погружали въ него копья и стрѣлы, обернутыя горючими веществами, и потомъ бросали противъ непріятеля. Весьма часто, въ особенности на морѣ, составомъ этимъ наполняли длинныя металлическія трубы, которыхъ наружная оконечность имѣла видъ змѣи, льва, или какого нибудь чудовища, и потомъ выдували противъ приближавшагося врага. Составъ этотъ долгое время былъ единственнымъ средствомъ, приводившимъ нѣкоторымъ образомъ въ равновѣсіе дѣйствія Грековъ и Аравитянъ, преимущественно при оса-

дахъ городовъ. По словомъ лѣтописцевъ, способъ изготовлять и употреблять его былъ открытъ первому Константину ангеломъ, съ запрещеніемъ открывать тайну другимъ народамъ. Храня съ величайшею заботливостью эту тайну, Римляне умѣли ею пользоваться исключительно, втеченіи болѣе четырехъ сотъ лѣтъ. Только черезъ измѣну, составъ этотъ впоследствии сдѣлался извѣстнымъ Сарацинамъ, которые въ крестовыхъ походахъ весьма искусно уже сражались имъ противъ христіанъ. Бочки, имъ наполненныя, какъ крылатый длиннохвостый драконъ, съ шумомъ грома и яркимъ блескомъ молніи пролетали по воздуху, неся изумленнымъ христіанамъ смерть и разрушеніе⁶. До самаго XIV столѣтія лѣтописи упоминаютъ объ этомъ гибельномъ составѣ. Впоследствии новое изобрѣтеніе остановило дальнѣйшее его употребленіе, и рѣшило, вѣроятно навсегда, преимущество пороху передъ другими составами, для военныхъ цѣлей. Дальнѣйшія дѣйствія Сарациновъ представляютъ большею частію только тѣнь подвиговъ, прежде совершенныхъ ими. Хотя халифы и сохранили средства, сначала употребленныя ими для распространенія своего могущества и славы народнаго оружія, однако они уже потеряли прежнюю свою величавость. Запятые внутренними волненіями, разрозненныя между собою, Аравитяне постепенно ослабѣвали въ своемъ могуществѣ. Кромѣ того въ это время вступили съ ними въ борьбу новые народы, извѣстные еще до того времени, но большею частью почитаемые неопасными. Хотя Критъ и Сицилія были еще покорены въ это время Сарацинами, хотя они угрожали даже Риму, это былъ однако жъ послѣдній отблескъ потухавшаго пожара. По этой причинѣ мы оставимъ ихъ, и перейдемъ къ Туркамъ, наслѣдникамъ ихъ славы, фанатизма, страсти къ завоеваніямъ, добродѣтелей и пороковъ. Но прежде бросимъ взглядъ на причины быстрого возрастанія и упадка могущества Сарациновъ, и на духъ ихъ тактики.

Одушевленіе, съ какимъ они приступали къ своимъ

предпріятіямъ, терпѣніе и постоянство ихъ въ исполненіи, простой образъ жизни, принесенный ими изъ пустыни, наконецъ увѣренность въ томъ, что самъ Богъ повелѣвалъ имъ войну, дѣлають весьма естественными и понятными первые успѣхи этого народа. Высокій энтузіазмъ, съ которымъ они приступили къ борьбѣ съ Греками, замѣнялъ для нихъ тактику; слезы, проливаемые правовѣрными мусульманами, когда полководцы удерживали ихъ отъ боя, гораздо болѣе способствовали къ одержанію побѣдъ чѣмъ всѣ уточненныя соображенія, которыми Греки распространили предѣлы тактики. Восторгъ и фанатизмъ первыхъ арабскихъ армій повели къ результатамъ, которые въ подобныхъ обстоятельствахъ повторяются и нынѣ, и будутъ повторяться всегда: они сокрушали всѣ препоны, ограничивающія и стѣсняющія свободное дѣйствіе военнаго искусства, и, какъ бы въ насмѣшку наукѣ и ученымъ, доставляли блестящія побѣды. Напротивъ того, коль скоро потухло воспламененіе, одушевлявшее первыя войска халифовъ, государство постепенно начало ослабѣвать, и прежніе успѣхи повторялись тогда только, когда на-время возвращалась прежняя нравственная сила войска.

Главное, и можно сказать единственное, средство, употребляемое Аравитянами для рѣшенія боя въ свою пользу, была весьма простая военная хитрость. Они обыкновенно сражались упорно, поддерживали бои впродолженіи цѣлаго дня, а вечеромъ, когда непріятель, утомясь трудами и палящимъ зноемъ, готовился прекратить сраженіе, неожиданно устремляли вдругъ противъ него свѣжія, до того времени тщательно скрываемыя, войска. *«Пророкъ любилъ вечеромъ одерживать побѣды.»* Этими словами выражался описанный родъ дѣйствія въ нарѣчій ихъ полководцевъ и въ бранныхъ вызовахъ. Придерживаясь этого обыкновенія, они одержали побѣды при Кадисіи, при Ермукѣ, и завоевали иберійскій полуостровъ на равнинахъ Гвадалеты. Втеченіи времени образовалась

и у нихъ военная организація и тактика, которыхъ отличительныя черты состояли въ слѣдующемъ: надежнѣйшую часть арміи или, лучше сказать, регулярную ихъ армію составляли рабы, набираемые во всемъ государствѣ, для дѣйствія въ полѣ подъ предводительствомъ назначеннаго имъ полководца, и обязанные защищать знамена и жизнь своего господина (предводителя). Въ областяхъ, пограничныхъ или подверженныхъ вторженіямъ непріятеля, труба призывала всѣхъ вѣрныхъ къ оружію. Тѣ же самыя причины, которыя во всѣ времена одушевляють бѣдныхъ и богатыхъ въ пользу войны, дѣйствовали и тогда: однихъ побуждала алчность къ добычѣ, а другихъ честолюбіе. Единодушное стремленіе побѣдить или умереть за вѣру оживляло всю эту массу духомъ, о которомъ мы уже говорили.

Вначалѣ Сарацины сражались пѣшкомъ, потомъ напротивъ вся армія ихъ состояла изъ одной почти конницы. Они начали борьбу полу-нагіе, почти безъ оружія, но постепенно успѣхи ихъ дѣйствій, и усовершенствованіе военнаго искусства у враговъ, заставили ихъ обратить на этотъ предметъ болѣе вниманія. Оттого мы видимъ послѣдующія войска Сарациновъ также хорошо снабженными предохранительнымъ оружіемъ какъ войска Грековъ и Латиновъ. Золото и серебро, украшавшія потомъ ихъ бранную одежду и оружіе, составляли разительную противоположность съ наготою первыхъ защитниковъ исламизма. Полу-нагіи стрѣлокъ, сынъ пустыни, встрѣчаемый еще изрѣдка въ рядахъ, былъ уже болѣе предметомъ презрѣнія чѣмъ состраданія. Съ паденіемъ халифата исчезло воинственное одушевленіе этого народа, и потомъ только по-временамъ возгоралось иногда летучее пламя его фанатизма.

Императоръ Левъ представляетъ намъ пѣхоту Сарациновъ вооруженною большими луками. По правилу она должна была располагаться передъ кавалеріею. Весьма часто она садилась за сѣдломъ у всадниковъ,

особенно же когда требовалось совершить весьма скорое и недалекое движеніе. Сама кавалерія имѣла мечи, пики, сѣкиры и луки. Всадники носили шлемы, грудныя латы, на рукахъ перчатки изъ листовой жести, а на ногахъ сапоги, обложенные также жестью. Конская збруя и собственное оружіе воиновъ были всегда богато украшены серебромъ. Боевой порядокъ состоялъ изъ длиннаго четырехугольника, вездѣ одинаково сильнаго. Въ томъ же самомъ строю они совершали походы. Прочія военныя обыкновенія были заимствованы у Римлянъ, во время продолжительной съ ними борьбы. Они не начинали никогда атаки, предпочитая быть атакованными противникомъ. Но коль скоро сраженіе было уже завязано, они поддерживали бой непрерывно до тѣхъ поръ, пока непріятель не начиналъ ослабѣвать, и тогда всѣми силами производили рѣшительную атаку. Весьма замѣчательно, что они никогда не измѣняли своего боеваго порядка, какія бы ни были обстоятельства. Если они разъ приходили въ замѣшательство, то полководцамъ было совершенно невозможно устроить ихъ вновь къ бою, но каждая вѣроятность побѣды возвышала ихъ мужество до неимовѣрной степени. По чрезмѣрному опасенію ночныхъ нападеній они принимали особенныя въ этомъ отношеніи предосторожности, всегда тщательно укрѣпляли свой лагерь и бдительно содержали караулы. Для перевозки воинскихъ тяжестей употребляли они обыкновенно верблюдовъ, при чемъ могли имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что эти животныя и обыкновенно производимый при нихъ звукъ бубновъ и литавровъ, пугали непріятельскихъ лошадей.

Первые Турки совершенно сходствовали съ Аравитянами. Дѣти степей, они употребляли вначалѣ привычное свое оружіе, сѣкиру. Стычки и нѣсколько болѣе значительныя дѣла составляли все ихъ знаніе въ военномъ искусствѣ. Арміи ихъ были неустроенныя толпы стекшихся отвсюду различныхъ племенъ;

состояли частью изъ пѣхоты, частью изъ кавалеріи, вооруженныхъ произвольно копьями, луками, палицами и пиками. Они наступали въ безпорядкѣ, толпами, безъ передовой и тыльной стражи; всадники ихъ, вызывая непріятеля на бой, начинали отдѣльные поединки; потомъ разсыпныя кучи производили частныя схватки; наконецъ цѣлая армія съ яростью бросалась на противника и, волнуясь впередъ и назадъ подобно морскому приливу и отливу, послѣ кровопролитнѣйшей сѣчи расходилась съ непріятелемъ. Отъ одного персидскаго переметчика они научились усиливать свои лагери рвомъ, но атака и оборона укрѣпленныхъ постовъ долго еще были имъ неизвѣстны. Императоръ Левъ, въ своей Тактикѣ, отзывается уже иначе о современныхъ Туркахъ. Описавъ нѣкоторыя касающіяся до нихъ обстоятельства, онъ говоритъ, что Турки въ его время были вооружены мечами, пиками, луками, и имѣли латы. Когда они дѣйствовали изъ лука, что случалось весьма часто, то пики свои забрасывали за плечо. Они отличались, въ особенности, искуснымъ употребленіемъ этихъ оружій. Лошади ихъ были также покрыты жестяными или кожаными латами. Стрѣльба съ лошади была любимымъ ихъ упражненіемъ. Лагеремъ они располагались, не какъ Римляне, позади валовъ и рововъ, но, до самаго начатія сраженія, по ордамъ и семействамъ; при всемъ томъ множество хорошо выставленныхъ передовыхъ постовъ дѣлали неудобноисполнимымъ всякое покушеніе напасть на нихъ въ располхъ.

Въ боевомъ ихъ порядкѣ не было вовсе тѣхъ мелкихъ подраздѣленій, которыми отличались римскія войска. Они располагались большими, густыми отрядами⁷, съ едва замѣтными интервалами, почему издали армія ихъ казалась одною густою массою. Позади ея находились вездѣ резервныя дружины въ готовности, поддержать изнемогающія или опрокинутыя войска боевой линіи. Однако жъ не всѣ части боевой линіи имѣли одинаковую глубину, потому что этимъ они

имѣли въ виду увеличить въ глазахъ непріятеля превосходство своихъ силъ и ввести его въ заблужденіе. Они предпочитали сражаться скорѣй на дальнемъ чѣмъ на ближнемъ разстояніи, и часто прибѣгали къ засадамъ; притворнымъ бѣгствомъ старались завлечь непріятеля къ преслѣдованію; потомъ, быстро повернувшись назадъ, начинали атаку. Если непріятель обращался въ бѣгство, они не довольствовались, подобно Римлянамъ, умѣреннымъ его преслѣдованіемъ, но, слѣдуя за нимъ по пятамъ, истребляли до послѣдняго ратника. Къ этимъ военнымъ обыкновеніямъ присоединялась большая хитрость, коварство, такъ, что, по словамъ императора Льва, на обѣщанія ихъ рѣдко можно было полагаться. Таковы были Турки, которые разоряли въ это время Восточную Имперію, состоявшую то во враждебныхъ, то въ дружественныхъ сношеніяхъ съ ними.

Хотя скинское ихъ государство распалось еще въ VI-мъ столѣтіи, однако жъ обломки его образовали еще довольно грозныя развалины, разбросанныя отъ предѣловъ Китая до Геллеспонта. Государство Сельджуковъ, простиравшееся отъ Самарканда до границъ Греціи и Египта, и Турки, водрузившіе полумѣсяцъ на куполѣ Софійской Церкви, доказывали юношескую силу этихъ народовъ. На нихъ, какъ на наследниковъ халифовъ, казалось, перешелъ и первобытный духъ Аравитянъ. Нравственная сила давала имъ вездѣ поверхность надъ врагами. Для ратника, сражавшагося за вѣру, военная служба была религіознымъ дѣломъ, а бой съ невѣрными путемъ къ спасенію, указаннымъ отъ самого Бога. По закону, каждый мусульманинъ былъ обязанъ стать въ ряды, исключая только дѣтей и сумасшедшихъ. Лица, неспособныя къ бою, больные, безсильные, даже женщины, должны были по мѣрѣ своихъ силъ способствовать къ общей оборонѣ. Это рвеніе, по словамъ глубокомысленнаго писателя, происходило также много отъ сильнаго впечатлѣнія той религіозной поэзіи, которая, обла-

дая воображеніемъ народа, возвышала душу всякаго и производила въ ней тоску къ вѣчности.

Никогда Греки не имѣли болѣе опасныхъ враговъ. Въ то время какъ дворы Альпъ-Арслана и Меликъ-Шаха, подражая великолѣпію халифовъ, гордились государями, носившими, какъ символъ могущества, два меча и двѣ короны, другая часть этихъ народовъ, оставаясь еще въ варварскомъ состояніи, сохраняла правы родной своей пустыни. Шатры они предпочитали городскимъ строеніямъ, кормились молокомъ многочисленныхъ стадъ своихъ, презирали хлѣбопашество и торговлю, а войну считали лучшимъ средствомъ удовлетворенія другихъ своихъ потребностей. Постоянная кочевая жизнь и частыя борьбы, какъ междоусобныя, такъ и съ сосѣдями, питали этотъ воинственный духъ въ народѣ. Каждый воинъ носилъ копье съ надписью своего имени и клялся сдѣлать его предметомъ уваженія у друзей и недруговъ. Предводителю достаточно было послать въ орду свой лукъ, чтобы всѣ члены ея тотчасъ вооружились. Въ искусствѣ стрѣльбы изъ лука и управленіи лошадыю ни одинъ изъ восточныхъ народовъ не могъ съ ними состязаться. Ничто не могло сравниться со стремительностью ихъ нападенія; страшные даже во время бѣгства, при успѣхѣ они были неутомимы. Не имѣя понятія ни о славѣ, ни о чести, они въ набѣгахъ своихъ руководствовались одною только жаждою къ добычѣ и страстью къ разоренію. Изъ всѣхъ однако орлъ, принадлежавшихъ сельджукской династіи, та, которая наводнила Сирію и Малую Азію, была всѣхъ другихъ бѣднѣе, невѣжественнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе пугающая. Эти варвары, обернутые войлоками, имѣя только деревянные стремена, устремились какъ потокъ изъ своей пустыни, и бросились съ жадностью на богатства беззащитныхъ областей Восточной Имперіи.

Вообще, говоритъ Монтескіё, ханжество ослабляло духъ Грековъ, и уничтожало всѣ силы ихъ государства. Когда мечъ непріятеля истреблялъ цѣлыя

области, богомольный дворъ успокоивалъ себя тѣмъ, что считалъ это признакомъ гнѣва Божія, павшаго на погибшихъ подданныхъ за ихъ ересь. Хотя императорскія арміи и сохраняли еще видъ и наружную величавость, отличавшія ихъ нѣкогда, хотя въ замѣнъ храбрости всѣ военныя учрежденія находились въ отличномъ состояніи, однако несогласія и религіозные споры, безпрерывно волнуя армію и народъ, препятствовали полному развитію силъ государства. Со времянь Ираклія II императоры лишались жизни насильственнымъ образомъ въ собственномъ дворцѣ; шесть царей кончили дни свои въ монастырѣ; многіе были ослѣплены или изуродованы и изгнаны. Развращеніе нравовъ въ войскѣ и въ народѣ доходило до такой степени, что они одинаково не хотѣли покоряться ни благонамѣренному государю ни хорошимъ законамъ. Никифоръ Фока заплатилъ жизнью за попытку возстановить повиновеніе въ войскахъ и въ народѣ; такая же участь постигла Зимисхія, а Романъ Діогенъ, во время плѣна у Турковъ, узнавшій всѣ злодѣянія своихъ подданныхъ, на пустынномъ островѣ Пропонтиды долженъ былъ окончить дни, пощаженные опасностями кровопролитныхъ сраженій и страданіями постыднѣйшаго плѣна.

На Западѣ политическія и общественныя отношенія имѣли совершенно другой характеръ. Они носили на себѣ отпечатокъ младенчества, между тѣмъ какъ на Востокѣ разслабленіе всѣхъ пружинъ въ машинѣ государственной происходило отъ ея ветхаго состоянія. Страны западной Европы, хоть усѣянныя замками, и наполненныя войсками не имѣли ни достаточно сильныхъ оплотовъ, ни армій довольно многочисленныхъ, для своей защиты. Война, бывшая исключительнымъ предметомъ политики царей и народовъ, предметомъ постоянныхъ толковъ бароновъ и

вельможъ и итогомъ всѣхъ ихъ познаній, не была однако понимаема въ томъ смыслѣ, какъ мы ее принимаемъ нынѣ, потому что понятіе о ней и въ ея пользу находилось въ тѣснѣйшей связи со степенью тогдашней образованности общества. Но эти недостатки политическаго устройства, вслѣдствіе которыхъ народы европейскаго Запада во многихъ отношеніяхъ сходились съ Турками и Греками, вознаграждались разнообразными военными добродѣтелями, вовсе не встрѣчаемыми на Востокѣ. Въ суровыхъ нравахъ западныхъ народовъ проявлялись вездѣ благородство и великодушіе, особенно въ германскихъ племенахъ, а возвышенное понятіе о чести замѣняло у нихъ точное разумѣніе справедливости и добродѣтели. Ученіе Евангелія, не сдѣлавшееся еще предметомъ споровъ, совершенно обладало этими народами и, одушевляя ихъ святѣйшимъ религіознымъ энтузіазмомъ, производило вмѣстѣ героевъ и святыхъ. Сверхъ того религія смягчала нравы. Она осѣняла слабого своими крыльями, владычествовала надъ мощными, обуздывала ихъ страсти, и въ то же самое время исправляла недостатки общественныхъ учрежденій. Среди мрака невѣжества, покрывавшаго Западъ, религія, по словамъ остроумнаго писателя о крестовыхъ походахъ, одна только сохраняла воспоминаніе о быломъ и наставляла людей. Она для грядущихъ поколѣній сохранила языкъ, который тогда одинъ былъ въ состояніи выражать возвышенныя начала нравственности, и на которомъ правовѣдѣніе воздвигнуло себѣ незыблемыя памятники. Въ то время какъ деспотизмъ и анархія разрознили между собою города и царства Запада, къ религіи прибѣгали народы въ борьбѣ съ притѣснителями, а государи при прекращеніи безпорядковъ и наказаніи обидѣ. Въ волненіяхъ народныхъ Слово Спасителя внушало болѣе уваженія и болѣе энтузіазма чѣмъ нѣкогда въ древнемъ Римѣ славное имя римскаго гражданина. Такъ какъ христіанская вѣра предшествовала на Западѣ всѣмъ прочимъ отраслямъ об-

шественнаго устройства, то она одна и была долгое время единственною законною силою, предметом благоговѣнія и привязанности народовъ. Жители Запада во многихъ отношеніяхъ, казалось, не признавали другихъ законодателей, кромѣ духовныхъ членовъ Соборовъ и другихъ законовъ кромѣ Евангелія и Священнаго Писанія. Западъ сдѣлался почти духовнымъ обществомъ, которое болѣе всего заботилось о сохраненіи вѣры, и гдѣ народонаселеніе болѣе принадлежало Церкви чѣмъ отечеству. Тѣ же самыя обстоятельства, которыя мы видѣли при разборѣ исторіи Востока, повторились и здѣсь, только въ видѣ болѣе величественномъ. Нуженъ былъ только поводъ, чтобы усыпленная искра вспыхнула яркимъ пожаромъ въ дѣлѣ религіи и всего христіанства.

Еще прежде того времени, рассказы благочестивыхъ поклонниковъ, возвращавшихся изъ Іерусалима, обращали на себя вниманіе западныхъ христіанскихъ народовъ. Святыя Мѣста, поправныя невѣрными, и кровь христіанъ, проливаемая на улицахъ благословеннаго города, возбуждали всеобщую жажду мести. Вскорѣ это чувство святыя огни еще болѣе воспламенили краснорѣчивыми своими убѣжденіями, а поклонники, какъ живые свидѣтели неистовства невѣрныхъ, возбудили во всѣхъ сердцахъ прискорбіе, соединенное съ состраданіемъ къ несчастнымъ единовѣрцамъ, и превратившіеся потомъ въ ярость и желаніе мести. Въ это время явились на Западѣ посланники императора Алексія Комнина съ просьбою помощи противъ невѣрныхъ.

Въ Клермонѣ, въ Оверніи, было рѣшено, въ какой мѣрѣ западные народы должны принять участіе въ общемъ предпріятіи, и что должно было сдѣлать для освобожденія Святыхъ Мѣстъ. Страну, освященную пребываніемъ Спасителя, гору, на которой онъ страдалъ для искупленія нашихъ грѣховъ, и гробъ, въ который онъ былъ положенъ послѣ мученической смерти, опредѣлено было отнять у невѣрныхъ, разрушить ихъ храмы, уничтожить ихъ государство, ихъ

могущество, обезопасить Европу, освободить Азію отъ ихъ владычества и оградить отъ ихъ невѣжества Іерусалимъ, священный городъ, гдѣ Спаситель проповѣдовалъ свѣту божественное свое ученіе. Честолюбіе, слава и релігіозное одушевленіе возвышали этотъ порывъ къ освобоженію священныхъ для христіанства земель. Кромѣ того, къ великому подвигу старались возбудить всѣхъ разными приманками и поощрительными рѣчами. «Если непріатели будутъ побѣждены, говорилъ папа Урбанъ въ Клермонскомъ Соборѣ, то царства Востока достанутся вамъ въ удѣлъ; если же предпріятіе ваше не увѣчается успѣхомъ, то смерть на мѣстахъ, гдѣ Спаситель умеръ для искупленія нашихъ грѣховъ, будетъ угодна Богу, который воиновъ животворящаго Креста не оставитъ безъ награды. Пользуйтесь случаемъ доказать ваше мужество, не теряйте удобнѣйшаго времени для искупленія передъ Богомъ всѣхъ хищеній и насильствъ, которыми исполнена жизнь ваша въ типинѣ мира. Вы жаждете крови? — проливайте же кровь невѣрныхъ. Обязанность моя сказать вамъ, что вы были донцыѣ воинами ада, и должны теперь сдѣлаться воинами Господа,» — и прочая. Прогремѣвшее со всѣхъ сторонъ *Dieu le volt!*, Господу такъ угодно!, убѣдило папу, что рѣчь его произвела желанное дѣйствіе. Оставшіеся въ Европѣ завидовали участи крестоносцевъ и поминали ихъ со слезами искренняго, священнаго умиленія. Тѣ же, которые отправились искать смерти на отдаленныхъ равнинахъ Азіи, переносили съ радостью труды и недостатки всякаго рода. Цѣлыя семейства и деревни отправлялись въ Палестину, и каждый попадавшійся имъ на дорогѣ охотно присоединялся къ такимъ дружинамъ. Слѣдствіемъ этого было, что первыя войска, обреченныя рокомъ на гибель въ Азіи, простирались числомъ до нѣсколькихъ сотенъ тысячъ. Со всѣмъ тѣмъ правильно организованныя арміи, послѣдовавшія за первыми неустроенными толпами крестоносцевъ, повто-

рили мусульманамъ уроки, незадолго передъ тѣмъ полученные ими на Франкской землѣ.

Удерживаемая только двумя чувствами, а именно, общими законами чести и религіознымъ одушевленіемъ, похожая на вооруженную республику, въ которой каждый герцогъ или графъ считалъ себя самостоятельнымъ лицомъ, огромная армія крестоносцевъ, силою около ста тысячъ всадниковъ и пяти сотъ тысячъ челоуѣкъ пѣхоты, послѣ многообразныхъ приключеній достигла наконецъ Никен. Христіане расположились лагеремъ на необозримой равнинѣ, перерѣзанной горными потоками. Вооруженіе тогдашнихъ рыцарей современныя лѣтописи описываютъ слѣдующимъ образомъ.

Бароны и рыцари носили чешуйчатый панцирь, или родъ кафтана изъ желѣзныхъ и стальныхъ колець. Они узнавали другъ друга по цвѣтному шарфу, накинутому сверхъ панциря. Всякій воинъ носилъ шишакъ, смотря по своему состоянію, изъ болѣе или менѣе дорогого металла; князья — серебряные, дворяне — стальные, а простые ратники — желѣзные. Всадники имѣли четырехугольные, а пѣхота продолговатые щиты. Оружіе рыцарей состояло изъ пика, меча, кинжала, и часто сверхъ того изъ желѣзной булавы. Пращи для бросанія камней или свинцовыхъ пуль, луки и арбалеты, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстные на Востокѣ, вмѣстѣ съ пикою, составляли главнѣйшее оружіе пѣхоты. Изображенія дикихъ звѣрей украшали штандарты герцоговъ и вельможъ; на щитахъ простыхъ даже воиновъ были нарисованы львы, тигры, звѣзды, или другіе предметы, замѣченные ими во время похода. Эти знаки, воспламеняя воиновъ мужествомъ въ кровавыхъ бояхъ, дали впоследствии начало повсемѣстному политическому учрежденію гербовъ. Одушевленіе крестоносцевъ было такъ велико, что знатнѣйшіе рыцари исправляли сами службу простыхъ всадниковъ, и потому всѣ мелкія подраздѣленія въ арміи сдѣлались ненужными. Поведеніе крестоносцевъ,

въ первое время, было образцомъ воинскихъ добродѣтелей и наставительнымъ для всего свѣта примѣромъ.

О духѣ войскъ, и степени, на которой находилось тогда военное искусство, лучше всего можно судить изъ описанія нѣкоторыхъ сраженій, гдѣ крестоносцы дѣйствовали противъ невѣрныхъ. Для этой цѣли мы рассмотримъ битву въ долинѣ Горгоны, или Озеллисъ, послѣдовавшую тотчасъ послѣ взятія Никеи, сраженіе при Аскалонѣ и сраженіе при Гиттинѣ, почти цѣлымъ вѣкомъ позднѣйшее отъ предъидущаго.

Спустя девять дней послѣ взятія Никеи, армія христіанъ выступила въ двухъ колоннахъ для дальнѣйшаго движенія черезъ горы Малой Фригійи. Колонна, находившаяся подъ начальствомъ Богемунда, Танкреда и герцога нормандскаго, проходила долину Горгоны⁸ въ то время, когда другая, подъ предводительствомъ Готфрида, слѣдовала черезъ равнину Дорилеонъ. Хотя и носились слухи о близости турецкой арміи, однако жъ христіане считали не нужнымъ опасаться чего нибудь отъ непріятеля, столько разъ бѣжавшаго передъ ними, и 31-го іюля вторая колонна вступила въ одну долину, въ которой нашла въ изобиліи воду и другія жизненные потребности. На слѣдующій день, когда она собиралась къ дальнѣйшему походу, лазутчики вдругъ донесли о приближеніи многочисленной турецкой арміи. Богемундъ, по-очереди предводительствовавшій арміею въ этотъ день, немедленно принялъ всѣ приготовительныя мѣры къ сраженію. Примкнувъ фланги боевой линіи къ густому тростнику, онъ воспрепятствовалъ непріятелю обойти ихъ на близкомъ разстояніи. Изъ всѣхъ повозокъ, находившихся при колоннѣ, онъ построилъ вагенбургъ, и кольями отъ шатровъ тщательно велѣлъ укрѣпить къ нему доступъ. Пѣхота должна была защищать этотъ вагенбургъ, въ которомъ собрались всѣ женщины, дѣти и больные, находившіеся при войскахъ. Конница была раздѣлена на три части, и получила назначеніе защищать переправу черезъ рѣку, прикрывавшую фронтъ.

Двѣ первыя части подѣ начальствомъ Танкреда и герцога нормандскаго образовали боевую линію; Богемундъ предводительствовалъ третьей, составлявшею резервъ, и расположилъ ее на незначительной высотѣ, лежавшей нѣсколько позади фронта. Въстѣ съ этими распоряженіями, Богемундъ послалъ довольно значительный отрядъ къ колоніѣ христіанъ, слѣдовавшей отдѣльно по другой дорогѣ, для извѣщенія ея объ опасности, въ которой находились войска Богемунда. Едва эти распоряженія были окончены, какъ и Турки устремились съ высотъ въ атаку, и открыли бой градомъ стрѣлъ и ужаснымъ крикомъ, который крестоносцамъ показался *почти голосомъ дьявола*. Хотя рыцари и мало пострадали отъ этой непрерывной стрѣльбы, множество лошадей были однако жъ частью убиты, частью изранены. Для отмщенія за этотъ позоръ и уронъ, храбрѣйшіе воины смѣло, но необдуманно, бросились на непріятеля, переправившись черезъ рѣку и полагаясь на одно свое мужество. Но Турки весьма искусно начали уступать, избѣгая удара, противъ стремительности котораго, они, по многократному уже опыту, не надѣялись устоять, и довольствуясь однимъ только отраженіемъ Франковъ стрѣлами, которыя по причинѣ близкаго разстоянія наносили непріятелю еще большій чѣмъ прежде уронъ. Тогда хитрый Кылыджъ-Арсланъ (Левъ-Мечъ), предводитель непріятельской арміи, простиравшейся до двухъ сотъ тысячъ человекъ, вдругъ далъ сигналъ къ наступленію на утомившихся христіанъ, и Турки при звукѣ трубъ и литавръ начали бой. Многіе храбрые рыцари пали подѣ ихъ ударами, между прочими, въ самомъ началѣ смѣлый Робертъ Парижскій⁹. Вскорѣ вся армія христіанъ кричала въ безпорядокъ; у Турковъ же, напротивъ, сила, искусство, мужество и быстрота возрастали по мѣрѣ успѣховъ. Одна часть ихъ арміи занимала рыцарей, между тѣмъ какъ другая устремилась противъ вагенбурга. Онъ былъ взятъ съ перваго наступленія. Какъ волны ужаснаго наводненія, хищныя

толпы Сарациновъ разлились для грабежа по лагерю христіянь; волнуемые враждою и непствствомъ, они истребляли всѣхъ противниковъ; однако жъ Богемундъ смѣлою атакою успѣлъ принудить ихъ къ отступленію. Несмотря на эту неудачу, новыя толпы устремились снова въ атаку. При всемъ одушевленіи христіянь, побѣда была весьма сомнительна; послѣ большихъ потерь крестоносцевъ, она уже клонилась на сторону невѣрныхъ, но, въ это время опасности, колонна подъ предводительствомъ Готфрида подоспѣла для спасенія войскъ Богемунда. Хотя Турки, узнавъ съ досадою о приближеніи подкрѣпленія изъ пятидесяти тысячъ хорошо вооруженныхъ рыцарей, тотчасъ обратились въ бѣгство и снова расположились въ прежней своей выгодной позиціи, однако жъ христіане не думали вовсе ограничиться этимъ успѣхомъ. Послѣ непродолжительной остановки, необходимой для возвращенія порядка въ войскахъ, и построенія ихъ, они двинулись противъ непріятели. Лѣвымъ крыломъ предводительствовали Богемундъ и Танкредъ, правымъ Готфридъ и графъ Блоаскій, центромъ, поддержаннымъ всею пѣхотою, Раймундъ, а резервомъ благочестивый Адемаръ. Епископы въ церковномъ облаченіи благословляли войска на бой, послѣ чего вся армія, съ обыкновеннымъ крикомъ «Такъ Богу угодно!», устремились въ атаку. При всей храбрости, съ какою защищались невѣрные, они менѣе чѣмъ въ одинъ часъ были опрокинуты. Въ то же самое время какъ графъ Тулузскій наступалъ съ фронта, Танкредъ и Готфридъ атаковали ихъ съ фланговъ. Адемаръ съ резервомъ успѣлъ ихъ даже обойти и атаковать съ тылу. Тщетны были ихъ усилія, напрасно ихъ искусство; стрѣлы ихъ были уже израсходованы, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ окружалъ ихъ густой лѣсъ пикъ. Наконецъ они обратились въ бѣгство съ такою же стремительностью, какъ прежде шли въ атаку. Христіане, овладѣвъ ихъ позиціею, преслѣдовали упавшихъ духомъ Сарациновъ такъ далеко, какъ только могли ихъ донести утомленные кони. Ставъ

невѣрныхъ, находившійся въ разстояніи двухъ часовъ отъ поля сраженія, былъ первою добычею побѣдителя, который, раздѣливъ между войска найденныя сокровища, возвратился въ свой собственный лагерь. На слѣдующій день христіане грабили еще остатки непріятельскаго имущества и занимались погребеніемъ павшихъ бранныхъ товарищей, которыхъ число доходило до четырехъ тысячъ человѣкъ.

Эта битва есть важнѣйшая изъ всѣхъ бывшихъ въ крестовые походы сраженій. Въ ней нельзя не замѣтить нѣкотораго правильнаго порядка въ дѣйствіяхъ, и вообще распоряженія Богемунда ставятъ его выше другихъ полководцевъ того времени. Зная ненадежность своей пѣхоты, онъ указалъ ей мѣсто въ вагенбургѣ, усиленномъ весьма искусно самыми простыми средствами. Расположившись съ главными силами позади естественнаго препятствія, которое непріятель въ виду его долженъ былъ преодолѣть, онъ спокойно съ оборною частью войска ожидалъ его атаки. Самъ онъ командовалъ арріергардомъ; сдѣлавъ весьма скоро нужныя къ сраженію распоряженія, и, остановившись на высотѣ, наблюдалъ ходъ атаки. Но вся совокупность дѣйствій этого сраженія носитъ на себѣ отпечатокъ времени: она состояла изъ множества частныхъ подвиговъ. Всюду однако, гдѣ угрожала какая либо опасность, можно было видѣть Богемунда. Наконецъ тогда, какъ гибель христіанской арміи казалась уже неизбѣжною, вдругъ явился Готфридъ, и, въ короткое время построивъ свои войска, тотчасъ перешелъ изъ оборонительнаго положенія къ рѣшительнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Онъ весьма искусно воспользовался мѣстностью и, окруживъ непріятеля со всѣхъ сторонъ, не оставилъ ему другаго средства къ спасенію кромѣ постыднаго бѣгства. Онъ въ полной мѣрѣ умѣлъ воспользоваться одержанною поверхностью. Значительное число рыцарей сѣло на коней, отнятыхъ у невѣрныхъ, и преслѣдовало бѣгущихъ до поздней ночи. За исключеніемъ одного только образа боя, ничего

болѣ нельзя осудить въ этой битвѣ. Она, по достоинству своему, кажется, принадлежитъ другому столѣтію, и только послѣ продолжительнаго времени являются на западѣ Европы полководцы, по своему искусству выдерживающіе сравненіе съ Готфридомъ, Богемундомъ и другими военачальниками, отличившимися въ этомъ сраженіи. Слѣдуя за христіанскою арміею, куда ни бросимъ взглядъ на ея дѣйствія, передъ Антиохіею, въ Сиріи, Палестинѣ, у Аскалона, Эдессы, и прочая, всюду встрѣчаемъ то же самое искусство и предусмотрительность при распредѣленіи дѣйствій въ сраженіяхъ. Въ характерѣ Готфрида можно въ особенности усмотрѣть во всѣхъ случаяхъ равновѣсіе между умомъ, воинственнымъ духомъ, и религіознымъ энтузіазмомъ. Доказательствомъ можетъ служить сраженіе при Аскалонѣ, прекраснѣйшее (если такъ можно выразиться) въ этой священной борьбѣ. Четыреста тысячъ невѣрныхъ, большею частью кавалеріи, сосредоточились у Аскалона въ разстояніи дву-дневнаго перехода отъ Іерусалима⁴⁰. Всѣ наличныя силы христіанъ въ общей сложности не превосходили двадцати человѣкъ, но угрозы Афдала, предводителя войскъ египетскаго халифа, обѣщавшаго разрушить священный городъ Іерусалимъ и истребить всѣхъ Франковъ, одушевили христіанъ такимъ мужествомъ, что оно должно было рѣшить бой въ ихъ пользу. Знатнѣйшія военныя лица и ихъ приближенные босыми ногами отправились къ гробу Спасителя, принявъ послѣ усердной молитвы причастіе, вывели воинство изъ Іерусалима къ Аскалону. Всѣ силы христіанъ соединились при Ибелинѣ. Хитрый непріятель нарочно доставилъ крестоносцамъ случай овладѣть стадами своего скота, въ той увѣренности, что жажда добычи увлечетъ ихъ къ другимъ грабительствамъ, и доставить ему случай заманить ихъ въ засаду. Но предположеніе его не сбылось; подъ опасеніемъ строжайшихъ тѣлесныхъ наказаній, и даже отлученія отъ Церкви, христіанамъ было запрещено оставлять свои ряды во время похода, и они въ совершен-

номъ порядкѣ продолжали движеніе къ Аскалону. Отъ пастуховъ отпятаго скота армія узнала, что непріятель находится отъ нея въ разстояніи, непревосходящемъ пять часовъ пути. Претерпѣвая многіе и тяжкіе недостатки, христіане расположились наконецъ лагеремъ въ виду невѣрныхъ.

Утромъ 14-го августа (1099) трубы дали сигналъ къ бою. Величественное, болѣе ясное чѣмъ обыкновенно, солнце было факеломъ того кроваваго пиршества. Приготовившись молитвою, и въ упованіи, что Богъ не оставитъ безъ наказанія надменности и святотатства мусульманъ, крестоносцы двинулись противъ страшной арміи Афдала. Силы ихъ были раздѣлены на девять массъ, изъ которыхъ каждая три составляли, кажется, одну линію¹¹; но, перейдя ручей Сорекъ, раздѣлявшій обѣ арміи, они перестроились въ пять боевыхъ колоннъ. Съ первою колонною, считавшею въ строю три тысячи шесть сотъ человекъ пѣхоты и двѣ тысячи кавалеріи, Готфридъ направился къ Аскалону, чтобы воспрепятствовать всякому подкрѣпленію непріятеля съ этой стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожать его лѣвому флангу. Со второю колонною Раймундъ расположился въ засадѣ, частью для того чтобы, въ случаѣ успѣха Турковъ, атаковать ихъ съ фланга, частью для своевременнаго и быстрого подкрѣпленія врага, и наконецъ также для противодѣйствія всѣмъ обходамъ съ этой стороны. Три остальные колонны, подъ начальствомъ герцога Нормандскаго, графа Фландрскаго и Танкреда, слѣдовали прямо противъ невѣрныхъ, имѣя пѣхоту въ первой, а кавалерію во второй линіи. Наступленіе ихъ не было остановлено ни какимъ движеніемъ непріятеля. Смѣлость атаки возбудила въ невѣрныхъ величайшее удивленіе, потому что они, по великому превосходству въ числительной силѣ, совершенно не надѣялись найти ни какого сопротивленія и приготовились только преслѣдовать бѣгущаго непріятеля. Одинъ изъ европейскихъ летописцевъ, для точнѣйшаго описанія многочисленности

Турковъ, сдѣлалъ довольно отвратительное сравненіе, что рать христіанъ могла бы плавать въ слюнѣ невѣрныхъ. Мусульмане были построены въ двѣ линіи, изъ которыхъ однако же вторая, состоявшая подъ начальствомъ особаго полководца, находилась въ значительномъ разстояніи отъ первой, близъ самыхъ стѣнъ Аскалона. Удивленіе Турковъ при неожиданной атакѣ христіанъ увеличилось еще другимъ, совершенно для нихъ непонятнымъ, явленіемъ, а именно, на дорогѣ, по которой сдѣдовали христіане, поднялись огромныя облака пыли, изъ чего они заключили, что непріятель, находившійся передъ ними, составлялъ только авангардъ новой безчисленной арміи, идущей противъ нихъ. Эти же ужасавшія ихъ облака пыли происходили отъ того, что стадо скота, отнятое у нихъ же на-канупѣ, случайнымъ образомъ шло по одному направленію съ арміею христіанъ. По странному стеченію обстоятельствъ, эти облака пыли ввели ихъ въ совершенное заблужденіе.

При столь неравномъ одушевленіи обѣихъ сторонъ начался бой. Легко вооруженные Мавры сарацинской арміи, ставъ на колѣни и закрывшись щитомъ, осыпали градомъ стрѣлъ наступающихъ крестоносцевъ. Посредствомъ этихъ стрѣлъ, и особеннаго рода желѣзныхъ кнутовъ, которые пробивали даже желѣзные панцыри, ломали щиты¹² и убивали лошадей, они причинили христіанамъ не маловажный уронъ, вслѣдствіе котораго атака сдѣлалась нерѣшительною. Но въ это время Робертъ Нормандскій съ отборною дружиною смѣло кинулся въ густѣйшіе ряды непріятелей, среди которыхъ находилось главное знамя, и убилъ знаменщика. Это еще болѣе смутило и безъ того уже упавшаго духомъ непріятеля. Въ тотъ самый часъ, въ который Спаситель былъ прибитъ къ кресту, первая линія невѣрныхъ обратилась въ бѣгство; вторая же, не зная, было ли оно нарочною хитростью или необходимымъ слѣдствіемъ претерпѣннаго пораженія, довольно долго ни на что не рѣшалась. Наконецъ послѣ

кровопролитнѣйшаго боя обѣ линии бѣжали вмѣстѣ, за исключеніемъ только отряда изъ пяти тысячъ Эіоплянъ, вооруженныхъ желѣзными палицами, и которые еще сопротивлялись. Христіанъ привѣтствовали они градомъ стрѣлъ, а потомъ атаковали палицами и кнутами. Готфридъ успѣлъ однако жъ разорвать эту густую массу и почти совершенно ее истребить. Между тѣмъ онъ преградилъ дорогу нестройной толпѣ бѣгущихъ къ Аскалону непріятелей, такъ, что повидимому остался для нихъ свободенъ только одинъ путь къ морю; но едва они кинулись въ эту сторону, Раймундъ вышелъ имъ на встрѣчу. Три тысячи человекъ нашло смерть въ волнахъ моря. Между тѣмъ Танкредъ производилъ приступъ къ лагерю мусульманъ, гдѣ находились ихъ имущество, сокровища и военные запасы. Непріятель покушался еще разъ атаковать христіанъ, занятыхъ грабежемъ, но бдительный Готфридъ благо- временно принялъ всѣ нужныя мѣры, и усилія ихъ остались безуспѣшными. Христіане одержали эту блистательную побѣду, не потерявъ ни одного человека, между тѣмъ какъ уронъ невѣрныхъ простирался до тридцати тысячъ человекъ. Афдалъ, по прозванію Саадъ-эль-Доулетъ (подпора, счастье государства) искалъ спасенія въ постыдномъ бѣгствѣ съ такою поспѣшностью, что потерялъ мечъ свой на полѣ битвы. Штандартъ халифа, доставшійся христіянамъ, былъ повѣшенъ какъ трофеей этого дня въ іерусалимской церкви гроба Спасителя.

Разсматривая это сраженіе, нельзя отказать полководцамъ крестоносцевъ въ справедливомъ удивленіи. Наступленіе арміи было совершенно правильно. Перейдя ручей Сорекъ, она перестроилась въ другой боевой порядокъ. Удерживая непріятеля съ фронта, христіане двумя отдѣльными отрядами угрожали его флангамъ, и обезпечили вмѣстѣ съ этимъ свои собственные отъ обходовъ. Искусное расположеніе ихъ воспрепятствовало потомъ даже отступленію непріятеля. Строжайшими приказаніями, арміи было запрещено у-

влекаться всякимъ случаемъ къ грабежу. Сравнивая это сраженіе съ битвами, происходившими вѣкомъ раньше или позже, мы не находимъ ни одной, въ которой было бы видно столько единства и связи въ распоряженіяхъ, и гдѣ бы въ первоначальный планъ боя входила цѣль столь великая, и трудная при достиженіи, какъ истребленіе всей арміи противника. По прошествіи одного столѣтія, обстоятельства совершенно измѣнились. Независимо отъ того, что прежній духъ не одушевлялъ уже крестоносцевъ, и что несогласія и вражда парализовали ихъ силы, мы видимъ, что военное искусство даже пошло назадъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, перейдемъ прямо къ лагерю подъ Сафоріею (1187), гдѣ сосредоточилась тогда одна изъ лучшихъ армій, какія когда либо сражались противъ Сарациновъ. Въ этомъ лагерѣ находилось двѣ тысячи рыцарей, осьмнадцать тысячъ пѣшихъ слугъ и безчисленное множество туркополовъ, или легко вооруженной пѣхоты, и стрѣлковъ изъ лука. Въ числѣ первыхъ, встрѣчаемъ знатнѣйшихъ рыцарей изъ Триполя, Галилея, Сидона, Цезареи и Антиохіи, а равно всѣхъ Темпларіевъ и Госпиталіеровъ, съ ихъ дворовыми людьми. Общимъ предводителемъ былъ король іерусалимскій Гюн (Гви), противникомъ же христіанъ Саладинъ, котораго воинство съ давнихъ поръ свыкло съ побѣдою. Въ это время онъ стоялъ лагеремъ къ сѣверу отъ Тиберіады, и опустошеніями разнаго рода всячески старался принудить христіанъ къ сраженію, но опытные военачальники крестоносцевъ были вполне убѣждены въ томъ, что дѣйствительнѣйшимъ средствомъ побѣдить Саладина было не допустить его до рѣшительнаго боя. По этой причинѣ они и совѣтовали избѣгать положительной развязки оружіемъ, и въ особенности остерегаться дѣйствій на весьма невыгодной мѣстности между Сафоріею и Тиберіадою, пересѣченной многочисленными оврагами, облегчавшими непріятелю употребленіе засадъ. Они совѣтовали оставаться въ занимаемой тогда позиціи, которая ме-

жду прочими выгодами имѣла на своей сторонѣ изобиліе воды, особенное удобство подвоза продовольственныхъ запасовъ и свободное отступление въ случаѣ неуспѣха. Всѣ эти причины пріобрѣтали еще большую важность по образу дѣйствія Турковъ, которые имѣли правиломъ утомить прежде противника, а потомъ уже рѣшить дѣло въ свою пользу, и такъ сказать сражались только во время бѣгства. Но гроемейстеръ Темпларіевъ, желая отмстить Туркамъ за претерпѣнное имъ прежде пораженіе на ручьѣ Кишопѣ, всѣми силами сопротивлялся этому мудрому совѣту, и наконецъ горячностью своею и пылкими рѣчами довелъ дѣло до того, что король отдалъ приказаніе готовиться къ сраженію. Приказаніе это возбудило во всѣхъ неудовольствіе и печальныя предчувствія. Графу Раймунду Трипольскому поручено было начальствовать надъ авангардомъ. потому что походъ производился въ его родниѣ. Двѣ дружины короля, и двѣ другія Святаго Креста, образовали центръ, или главныя силы, а Темпларіи и Баліанъ Ибелимскій составляли арріергардъ. Прочія войска, сколько свойство мѣстности и дорогъ позволяло крестоносцамъ, прикрывали армію съ фланговъ. Саладинъ узналъ съ радостью о наступленіи христіанъ, и тотчасъ двинулся имъ на встрѣчу. Уже на половинѣ дороги между Сафоріею и Тибаріадою, близъ Марескаліи, онъ успѣлъ ихъ окружить со всѣхъ сторонъ, запутать въ свои сѣти, и непрерывными стычками утомить до такой степени, что они едва уже могли защищаться отъ его нападений. Робость и нерѣшительность, проявившіяся во всей арміи, казались крестоносцамъ предвѣщаніемъ страшнаго надъ ними суда Божія. Таинственныя пророчества, и разные толки о приближавшихся великихъ несчастіяхъ, совершенно уничтожили нравственную силу арміи. Въ этихъ обстоятельствахъ собранный военный совѣтъ увеличилъ только нерѣшительность и робость, чего впрочемъ отъ подобныхъ совѣщаній почти всегда можно ожидать. Члены его убѣдили коро-

ля отложить сраженіе еще на одиѣ сутки и провести ночь на пустынной горѣ, не имѣвшей ни какихъ дорогъ, гдѣ войска расположась лагеремъ и терпѣли нужду во всѣхъ жизненныхъ потребностяхъ. По словамъ очевидца, обѣ стороны провели ночь въ одинаково жалкомъ положеніи, подѣ оружіемъ; каждая изъ нихъ ежеминутно ожидала нападенія противника, но обѣ арміи, утомленныя трудами дня, вовсе не думали что либо предпринимать, потому что по усталости они не были въ состояніи, не только сражаться, но даже ходить. Однако жъ Турки такъ хорошо окружили лагерь крестоносцевъ, что тѣ ни на шагъ не могли отъ него удалиться. Сверхъ того Турки зажгли всѣ кусты и бурьянъ вокругъ лагеря христіанъ, которые отъ жару и дыму претерпѣли ужасныя муки. Свѣтъ дня показалъ имъ всю опасность ихъ положенія. Находясь на горѣ пустынной, почти отдѣльно лежащей, и со всѣхъ сторонъ окруженной врагами, они видѣли, что имъ предстояло либо постыдно сдаться невѣрнымъ, либо пасть славною смертью въ бою за вѣру. Крестоносцы единодушно выбрали послѣднее и, построясь въ густыя массы, всею арміею сдѣлали отчаянную вылазку изъ своего лагеря, стараясь съ оружіемъ открыть себѣ путь къ отступленію. Но Саладинъ понималъ превосходно, что всякое замедленіе облегчитъ ему побѣду, и избѣгалъ рѣшительнаго боя; онъ весьма искусно уклонялся отъ атаки рыцарей, и считалъ болѣе полезнымъ утомить ихъ прежде нападеніями своей легкой конницы, своими конными стрѣлками, и другими хитростями, а потомъ рѣшительною атакою истребить всю непріятельскую армію. Въ такихъ обстоятельствахъ христіане достигли окрестностей Тиберіады (гдѣ нынѣ равнины Батуфъ). Видя предъ собою чистыя воды Геннасаретскаго озера, они уже надѣялись утомить палящую жажду, томившую ихъ нѣсколько дней, ждали отдыха и спокойствія въ Тиберіадѣ, какъ вдругъ Турки начали усиливать свое наступленіе. Атаки ихъ становились все чаще, и имѣли тѣмъ большій успѣхъ,

что скалистое и неудобное для обороны мѣстоположеніе весьма благоприятствовало ихъ усиліямъ. Темпларіи и Госпиталіеры, и даже туркополы, сражались съ немовѣрною храбростію, но пѣхота, несмотря что король лично припалъ надъ нею начальство, оказалась совершенно малодушною. Утомленная трудами похода, жаромъ, жаждою, она отказалась даже слѣдовать за королемъ, желавшимъ вести ее для подкрѣпленія сильно атакованныхъ частей боевой линіи. Бóльшая часть ея, бросивъ оружіе, нестройными толпами по инстинкту сбѣжалась на одну гору и расположилась на ней. Многократныя приказанія короля не могли заставить ее покинуть этого поста и идти въ подкрѣпленіе рыцарямъ, для освобожденія Святаго Креста. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, король счелъ лучшимъ средствомъ занять лагерь, надѣясь этимъ выиграть время и устроить къ бою малодушныя свои войска. Но при этомъ случаѣ разстройство арміи обнаружилось въ самомъ ужасающемъ видѣ. Войска расположились безъ всякаго порядка, вокругъ Святаго Креста. Даже измѣна появилась въ арміи: пять рыцарей изъ дружины графа Трипольскаго перешли прямо къ Туркамъ. Между тѣмъ непріятель все продолжалъ свою атаку. Осыпывая христіанъ градомъ стрѣлъ, безнаказанно напоя имъ издали чувствительнѣйшій вредъ, онъ принудилъ ихъ наконецъ снова вступить въ бой. Король приказалъ произвести атаку постепенно, по очереди странъ, вслѣдствіе чего графъ Трипольскій долженъ былъ атаковать первый, — *devail avoir la premiègre pointe*. Но коль скоро рыцари его замѣтили, что Сарацины тѣмъ не менѣе окружали другія части боеваго порядка, короля, Темпларіевъ и Госпиталіеровъ, они устремились съ яростію на Турковъ и искали уже болѣе пробиться оружіемъ на свободу чѣмъ поддержать и спасти армію. При наступленіи ихъ, Турки раздались въ обѣ стороны: это многіе приписываютъ болѣе измѣнѣ чѣмъ тактикѣ Сарациновъ. Христіане, заботясь объ оставшихся бранныхъ товарищахъ, обратились въ бѣгство къ

Тиру, а Турки, сомкнувъ свою линію, продолжали атаку. Позорнымъ бѣгствомъ графа Трипольскаго сраженіе было рѣшено. Пѣхота, какъ уже сказано, бѣжавшая на гору Гиттинъ, находясь тамъ безъ оружія, была частью истреблена, частью взята въ плѣнъ. Такая же участь постигла и рыцарей, которые по усталости не имѣли уже силъ защищаться. Гюп, король іерусалимскій, Боифацій маркграфъ монфератскій, и всѣ знатнѣйшія лица въ арміи крестоносцевъ, должны были сдаться въ плѣнъ Саладину. Животворящій даже Крестъ былъ потерянъ въ этотъ день, и потомъ никогда уже его не отыскали. Послѣ этого сраженія (14-го іюля) никто не думалъ о сопротивленіи, что впрочемъ обыкновенно случается въ подобныхъ обстоятельствахъ; но замѣчательно, что въ христіанской арміи упадокъ духа былъ такъ великъ, что въ Хауранѣ былъ найденъ мусульманинъ, который, взявъ одинъ тридцать христіанъ въ плѣнъ, велъ ихъ на веревкѣ. Саладинъ, искусствомъ и быстротою дѣйствій умѣлъ извлечь всю пользу отъ одержанной побѣды. Тиверіада и Аскалонъ прежде всего были покорены, а по прошествіи трехъ мѣсяцевъ цѣлая Сирія находилась уже въ его власти. Іерусалимъ только и Тиръ сопротивлялись еще, но послѣ тридцати трехъ-дневной, довольно кровопролитной, осады, и священный городъ христіанъ долженъ былъ сдаться. Девяносто лѣтъ спустя послѣ того какъ мужество благочестиваго герцога Готфрида и его сподвижниковъ возвратили свободу Іерусалиму, водворились въ немъ снова всѣ поруганія исламизма. Храмъ Соломоновъ былъ вновь занятъ арабскими имамами, которые обмывали его розовою водою, доставленною на этотъ предметъ на пяти верблюдахъ султаномъ дамасскимъ. На священномъ мѣстѣ, гдѣ страдалъ Спаситель, въ храмѣ, гдѣ втеченіи девяноста лѣтъ гремѣли пѣснопѣнія христіанъ, раздавался потомъ гнусливый крикъ мусульманъ, «Аллахъ-Акбаръ!» Каеэдра для проповѣдей, которую Нуреддинъ велѣлъ уже заранѣе приготовить, была воздвиг-

пута въ храмѣ, и въ первый праздникъ послѣ сдачи города, шейхъ проповѣдывалъ въ ней славу великаго пророка Магомета и наставлялъ мусульманъ къ благодарности Аллаху и постоянству въ добродѣтели.

Главнѣйшія военныя событія этого періода, описанныя нами, мы считаемъ какъ бы масштабомъ, для обсуждения военныхъ учрежденій, существовавшихъ у христіанъ и Турковъ. Мы заключаемъ наше обзорѣніе, потому что все, впоследствии случившееся, во многихъ отношеніяхъ можно разсматривать какъ повтореніе обзорѣнныхъ нами дѣйствій, въ меньшемъ или большемъ только размѣрѣ.

Окидывая однимъ взглядомъ описанныя нами военныя предпріятія, весьма не трудно замѣтить въ нихъ нѣкоторое сходство, которое впрочемъ проявляется во всѣхъ вообще дѣйствіяхъ восточныхъ народовъ противъ западныхъ, а именно, сомнѣніе въ успѣхѣ одиночнаго рукопашнаго боя, и по этой причинѣ стремленіе превосходствомъ числа боевыхъ массъ рѣшать судьбу сраженій на необозримыхъ своихъ равнинахъ. Это стремленіе было видно въ первой борьбѣ Азии съ Европою: оно не ускользало отъ глаза внимательнаго наблюдателя за двадцать два столѣтія; оно повторилось потомъ въ крестовыхъ походахъ и встрѣчается еще въ наше время: всегда и всюду та же самая система «уничтожать непріятеля напоромъ превосходныхъ силъ», особенная, если можно такъ выразиться, *система подавленія*. Азіатцы, большею частью дѣти пустыни, въ борьбѣ съ Европейцами употребляли свой природный образъ боя. Наступленіе ихъ было стремительно, отступленіе еще быстрѣе: они превосходно сражались на дальнемъ разстояніи, обладали искусствомъ утомить непріятеля, истощить его силы, заставить его стѣсниться на незначительномъ пространствѣ, и пресѣчь ему подвозы продовольствія. Если они обращались въ бѣгство, то достигнуть ихъ было совершенно невозможно. Въ одиночномъ бою, кромѣ быстроты ударовъ, они отличались тѣмъ упорствомъ и терпѣніемъ,

которыя знаменуютъ жителей Востока. Всюду, гдѣ они только вели малую войну, дѣйствія ихъ отличаются искусствомъ и постоянными успѣхами; но въ сомкнутыхъ массахъ, противъ христіанъ, они стараясь глубиною строя увеличить силу напора, обыкновенно только ослабляли себя и по неповоротливости такихъ массъ теряли всѣ выгоды своей природной тактики. Коль скоро желѣзный клинъ Франковъ находилъ щелину въ разнородной ихъ толпѣ, въ рядахъ ея обыкновенно обнаруживались тотчасъ замѣшательство и упадокъ духа, при которыхъ нельзя было и думать устроить ихъ снова къ бою. Порядокъ восстанавлился самъ собою во время свободнаго бѣгства, и армія, въ одинъ день исчезшая безъ вѣсти, являлась на другой день въ томъ же самомъ какъ прежде устройствѣ, съ тою же самоувѣренностью и надеждою на успѣхъ.

Такому образу военныхъ дѣйствій, совершенно новому и столь же удивительному какъ самая Азія съ своими достопримѣчательностями, Франки не могли противопоставить другаго искусства кромѣ европейской тактики. Они одною только стойкостью и совокупностью удара могли одержать поверхность надъ непріателемъ. Густые, сомкнутые ряды ихъ строя, ихъ ратники исполнскаго росту и большія боевыя лошади образовали стѣну, которой не могли поколебать ни какіе удары, и, устремясь въ атаку, они опрокидывали все попадавшееся имъ на пути. Крестоносцы, увѣренные въ томъ, что каждая ихъ атака въ состояніи разорвать и даже истребить противника, гнушались постояннымъ бѣгствомъ своихъ враговъ, тѣмъ болѣе, что такое избѣганіе боя по понятіямъ ихъ было совершенно противно кореннымъ началамъ чести. Греческіе лѣтописцы, бывшіе свидѣтелями подвиговъ крестоносцевъ, представляютъ намъ ихъ какъ бурный вихрь, который, обезсиливая самъ себя, опрокидываетъ все на дорогѣ. Они говорятъ, что первый напоръ рыцарей былъ неотразимъ, но что чрезвычайная тяжесть ихъ вооруженія и легкомысленность ихъ характера весьма часто вводили ихъ въ затрудни-

тельное положеніе. Употребленіе военныхъ хитростей и засадъ доставляли весьма вѣрное средство мало-помалу ихъ уничтожить. При столь положительномъ перевѣсѣ оружія Франковъ, мусульмане по-необходимости должны были стремительности и мужеству ихъ противопоставить неистощимое свое терпѣніе и хитрость, и этимъ только уравнивали борьбу, въ которой безъ того всѣ выгоды находились бы на сторонѣ христіанъ. Вопросъ, усовершенствовалось ли военное искусство во время крестовыхъ походовъ, доннынѣ составляетъ предметъ спора между военными писателями. Если принять, что степень совершенства военного искусства зависитъ отъ степени просвѣщенія народа (въ чемъ, кажется, не должно сомнѣваться), то конечно оно сдѣлало въ это время важные успѣхи, которые, хотя и не обнаруживались непосредственно, были тѣмъ замѣчательнѣе, чѣмъ медленнѣе они развивались. Со всѣмъ тѣмъ долго еще для насъ будетъ непонятнымъ съ одной стороны образъ продовольствованія столь многочисленныхъ армій въ странѣ, отъ природы бесплодной и сверхъ того разоренной войною; съ другой стороны быстрота, съ какою христіанскіе рыцари успѣвали появляться въ короткое время на отдаленныхъ и противоположныхъ пунктахъ театра военныхъ дѣйствій. Тѣ же самыя арміи, которыя одного дня сражались на границахъ египетскихъ пустынь, являются вскорѣ подъ Эдессою, на Евфратѣ, подъ Дамаскомъ, представляя прекраснѣйшій примѣръ быстроты движеній.

Поліорцетика въ этомъ періодѣ сохранила совершенно характеръ предъидущаго времени, съ тою только разницею, что на обѣ стороны религіозное одушевленіе имѣло весьма важное вліяніе. Чтобы болѣе въ этомъ убѣдиться, рассмотримъ въ краткихъ очеркахъ двѣ осады, одну бывшую въ самомъ началѣ, а другую въ концѣ, крестовыхъ походовъ.

Антиохія, древняя столица римскаго Востока, прежде чѣмъ Константинополь занялъ ея мѣсто, лежитъ

вблизи южнаго выхода изъ киликійскихъ тѣспинъ, и составляетъ съ той стороны, откуда приближались крестоносцы, какъ-бы ключъ Сиріи и Палестины. Артазія, считаемая Сарацинами передовымъ постомъ Антиохіи, досталась уже прежде во власть христіанамъ. Въ то же самое время Эдесса и другіе малозначительные посты были также взяты. Желѣзный мостъ (Джисръ-эль-Хадидъ), переправа черезъ рѣку Оронть, хотя хорошо укрѣпленная, была однако взята посредствомъ обхода, и 21-го октября 1097 года Франкская армія подъ предводительствомъ Балдуина подступила подъ стѣны Антиохіи. Обширная, изобильная водою, равнина, окружающая городъ, представляла крестоносцамъ весьма утѣшительный видъ послѣ труднаго и продолжительнаго похода. Городъ, состоявшій собственно изъ пяти отдѣльныхъ городовъ, разобщенныхъ между собою стѣнами, имѣлъ видъ параллелограма продолговатаго по направленію отъ запада къ востоку, и въ окружности около четырехъ часовъ пути (20 верстъ). Первая часть города, замокъ Антиохійскій, лежалъ къ западу, на крутой скалѣ; противъ него на востокъ находилась вторая крѣпостца, на небольшомъ возвышеніи, а третья — между двумя первыми. Четвертая часть, расположенная болѣе къ востоку на равнинѣ, примыкая къ предъидущимъ, охранялась съ юга непроходимыми болотами. На западѣ, рѣка Оронть составляла естественную мокрую преграду, непроходимую въ бродъ.

Стѣны городскія были частью изсѣчены въ скалѣ, а частью построены, съ такою однако жъ прочностью, что онѣ уцѣлѣли до нашихъ дней. Полагаютъ, что ширина ихъ простиралась до пространства, нужнаго для свободнаго проѣзда двухъ воевъ. Сила ихъ увеличивалась еще четырьмя сотнями башенъ, построенныхъ въ нѣсколько этажей, имѣвшихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ по семидесяти футъ ширины, и окруженныхъ глубокимъ ровомъ. Гарнизонъ города, состоявшій изъ тридцати тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ одна четвертая часть кавалеріи, готовился къ самой упорной оборонѣ.

По причинѣ близости зимы и малочисленности войскъ, бѣольшая часть христіанскихъ рыцарей не соглашались на осаду города, но твердая воля Готфрида, Раймунда и Адемара увлекла всѣхъ за собою, и они, съ обычнымъ крикомъ «такъ Богу угодно!», радостно приступили къ трудному предпріятію. Со всѣмъ тѣмъ первыя ихъ распоряженія должны были болѣе продлить чѣмъ ускорить осаду: вмѣсто того чтобы окружить городъ надлежащимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, что наличнымъ числомъ войскъ можно было сдѣлать, христіане удовольствовались блокадою трехъ только воротъ, доставляя осажденнымъ совершенную свободу получать свѣжія подкрѣпленія и снабжать городъ всякаго рода запасами. Къ этому присоединились еще великіе беспорядки въ христіанской арміи, которая на большое разстояніе вдоль и поперекъ производила грабительства и, ежедневно непріателемъ вводимая въ заблужденіе, предавалась совершенной безпечности. Хитрые Сарацины не замедлили этимъ воспользоваться, сдѣлали рѣшительную вылазку противъ лагеря и, взявъ богатую добычу и много плѣнныхъ, возвратились въ городъ. Такимъ же самымъ образомъ они поступили съ неосторожно фуражировавшими по-ту-сторону рѣки Оронта христіанами. Готфридъ велѣлъ потомъ навести мостъ на судахъ черезъ рѣку Оронтъ, и хотѣлъ завалить одни городскія ворота, изъ которыхъ осажденные весьма часто его тревожили, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи, войска претерпѣли значительный уронъ, должны были превратить въ пепель башни, построенныя Сарацинами для защиты воротъ, и нагромоздить передъ самыми воротами огромное количество камней. Къ этимъ заботамъ, проистекавшимъ отъ собственной вины крестноносцевъ, климатъ и стихіи присовокупили другія страданія, гораздо важнѣе первыхъ. Заразительныя болѣзни, цѣлыми дружинами, истребляли храбрѣйшихъ воиновъ. Голодь и недостатки были наказаніемъ за прежнюю расточительность сѣстныхъ припасовъ и фуража. Въ такихъ об-

стоятельствахъ проходилъ уже третій мѣсяцъ осады, а христіане не сдѣлали еще ничего важнаго. Конница, которой къ Антиохіи прибыло около шестидесяти тысячъ человѣкъ, состояла потомъ изъ двухъ тысячъ дурныхъ лошадей; пѣхота находилась не въ лучшемъ состояніи. Частыя стычки и вылазки увеличивали еще затруднительное положеніе осаждающихъ, въ которыхъ нужда и отчаяніе арміи сдѣлались наконецъ столь сильными, что храбрѣйшіе воины оставляли знамена, и что строжайшія наказанія, несмотря на позоръ, не удерживали ихъ отъ бѣгства. Непріятель уговорилъ нѣкоторыхъ даже къ измѣнѣ; но твердость характера Готфрида воспрепятствовала всякому открытому дѣйствию злоумышленниковъ, и рѣшительный Адемаръ, приказавъ вспахать обширныя поля, доказалъ другамъ и недругамъ, что испытаніе терпѣнія только-что начиналось. Счастливыя стычки возвысили снова духъ христіанъ, пока наконецъ случай не поправилъ совершенно ихъ положенія; а именно, въ гавани Святаго Симеона (Suadia) при устьѣ рѣки Оронта, на пятомъ мѣсяцѣ осады появился флотъ Пизанцевъ и Генуэзцевъ и привезъ съ собою не только продовольственные запасы, но даже военныхъ архитекторовъ. Извѣстіе объ этомъ возбудило столь общую радость, что цѣлыя отряды выходили изъ лагеря, чтобы удостовѣриться въ справедливости молвы собственными глазами. Турки, пользуясь этимъ, устроили засаду, но Готфридъ, въ этотъ разъ по предчувствію, поспѣшилъ атакованнымъ въ помощь съ сильнымъ отрядомъ. Въ то время, какъ Турки были заняты атакою лагеря, эти двѣ партіи встрѣтились, и начался упорный рукопашный бой, въ которомъ Готфридъ, бывъ сначала опрокинутъ, потомъ, по прибытіи Раймунда и Танкреда съ подкрѣпленіями, одержалъ надъ невѣрными совершенную побѣду, вслѣдствіе которой изобиліе и самоувѣренность появились снова въ лагерѣ христіанъ. По совѣту прибывшихъ архитекторовъ, противъ турецкаго моста на рѣкѣ Оронтѣ и впоследствии противъ во-

рогъ Святаго Георгія, также весьма полезныхъ для Турковъ, были построены сильныя укрѣпленія. Такимъ образомъ весь городъ былъ наконецъ опоясанъ. Христіане могли безнаказанно отправлять партіи за жизненными потребностями, и недостатокъ пересталъ быть чувствительнымъ въ лагерѣ. Обѣ стороны послѣ того удвоили свои усилія, и ожесточеніе ихъ было столь сильно, что даже дѣти Турковъ и христіанъ, выходя толпами одни противъ другихъ, вступали съ собою въ упорный и весьма кровопролитный бой. Сволочь, даже негодяи, слѣдовавшіе за арміею, устроились въ правильные отряды, и тутъ въ первый и послѣдній разъ мы видимъ составившуюся изъ такого класса людей малую военную республику, избравшую себѣ главнаго начальника подъ насмѣшливымъ прозвищемъ короля бродягъ (*roi de gueux, roi truant*). Хотя затруднительное положеніе осажденныхъ мало-по-малу достигло высочайшей степени, однако жъ приближеніе сильной мусульманской арміи для освобожденія города сдѣлало снова сомнительнымъ перевѣсъ, пріобрѣтенный христіанами. Но въ это время измѣна отворила имъ одни ворота, и они, ворвавшись въ крѣпость, истребляли жителей до тѣхъ поръ, пока утомленіе не заставило ихъ остановить кровопролитіе. Но они еще не успѣли воспользоваться плодами своего подвига, какъ приближеніе непріятельской арміи принудило ихъ въ свою очередь защищать Антиохію. Осада ея продолжалась отъ октября до втораго іюня (1098). Читатель можетъ судить, какъ мало христіане руководствовались искусствомъ въ этомъ предпріятіи. Невольнымъ образомъ можно бы полагать, что эти дѣйствія происходили въ тотъ же вѣкъ какъ и осады Трои и Фивъ.

Болѣе занимательна, во многихъ отношеніяхъ, осада Дамьята (*Tamietis*), произведенная почти двумя столѣтіями позже, подъ предводительствомъ короля іерусалимскаго, Леопольда Австрійскаго и Вильгельма Голландскаго. Городъ этотъ, расположенный на рѣкѣ Нилѣ, въ разстояніи почти семи верствъ отъ моря, оборо-

нялся, кромѣ рѣки, тройною стѣпою. Башня, построенная въ руслѣ рѣки Нила, препятствовала судоходству, а многочисленный гарнизонъ города былъ снабженъ всѣми запасами, необходимыми для выдержанія продолжительной осады. Христиане прибыли къ городу въ первыхъ числахъ апрѣля (1217). Лѣтописцы не находятъ словъ для описанія прелестей окружнаго мѣстоположенія. Лунное затмѣнiе, случившееся вскорѣ послѣ ихъ прибытія, показалось имъ предвѣщаніемъ близкой побѣды. Первыя усилія крестоносцевъ были обращены противъ башни на Нилѣ, но неловкость и легкомысленность, съ какими они приступили къ этому предпріятію, подвергли ихъ большому урону, и принудили даже отказаться на-время отъ своего намѣренія. Причины такой неудачи были весьма естественны: армія крестоносцевъ состояла изъ сборища различныхъ народовъ; каждый народъ повиновался собственному вождю, имѣлъ свои собственные машины и опредѣленные дни для дѣйствія. Все было, такъ сказать, нарочно устроено для совершеннаго неуспѣха общихъ дѣйствій, пока несчастье не сдѣлало ихъ болѣе предусмотрительными. Прежде всего они приступили къ разрушенію моста между башнею и городомъ, и достигли этого. Какой-то бѣдный монахъ, изъ Кёльна, взялся построить большую деревянную башню на двухъ судахъ, и, когда къ великому удивленію всѣхъ она была окончана, производство штурма къ башнѣ на рѣкѣ Нилѣ поручили Леопольду Австрійскому, который для этой цѣли сѣлъ на суда съ тремя сотнями храбрыхъ своихъ единоземцевъ. Бой начался въ виду обѣихъ армій, спокойно стоявшихъ на двухъ противоположныхъ берегахъ Нила. Послѣ многихъ переворотовъ счастья, атакующіе опустили наконецъ подъемный мостъ, и ворвались въ башню, съ вершины которой развернутое знамя Австріи не оставило зрителямъ ни какого сомнѣнія въ развязкѣ боя.

Послѣдовавшая въ это время смерть Малекъ-Аделя

воспрепятствовала скорому подкрѣпленію Дамьята. Въмѣсто того чтобы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, христіане напротивъ начали охладѣвать въ своемъ предпріятіи; въ противоположность первоначальному одушевленію, явилось общее равнодушіе: значительная часть крестоносцевъ отправилась даже во свояси, именно Гелландцы и Фрисландцы; но замѣнь ихъ прибыло вскорѣ множество храбрыхъ Французовъ и Англичанъ. Со всеѣмъ тѣмъ несогласія въ лагерѣ крестоносцевъ препятствовали успѣху всякаго общаго предпріятія, а между тѣмъ султанъ каирскій, прибывшій съ арміею къ Дамьяту, снабдилъ городъ разнаго рода запасами. Это обстоятельство возвратило христіанамъ наконецъ все прежнее одушевленіе и усердіе къ успѣху дѣла, и чувства эти не ослабѣли даже тогда, когда потомъ стихіи и близость зимы увеличили труды осадныхъ дѣйствій. Они рѣшились переправиться черезъ Нилъ въ виду каирскаго султана и атаковать Дамьятъ съ другой стороны. Случай, благопріятствовавшій имъ при этомъ отважномъ предпріятіи, показался имъ чудомъ и возвысилъ еще ихъ мужество. Они переправились черезъ рѣку и начали приступъ съ сухонутной стороны, но тутъ они должны были вступить въ бой съ новою вспомогательною арміею. Окруженные со всеѣхъ сторонъ, 29 августа 1218, они сражались цѣлый день безъ рѣшительныхъ послѣдствій на сухомъ пути и даже на водѣ, гдѣ греческій огонь истребилъ нѣсколько генуэзскихъ судовъ. Утомленные крестоносцы возвратились въ свой лагерь, но тамъ опять споръ, возникшій между пѣхотою и кавалеріею о поведеніи во время боя, едва не имѣлъ послѣдствіемъ уничтоженія цѣлой арміи¹³. Даже святой Францискъ Ассизійскій, Адемаръ этого крестоваго похода, не могъ притушить возгорѣвшихся страстей, ненависти и мщенія. Осада продолжалась уже семнадцать мѣсяцевъ, бой кипѣлъ ежедневно, а между тѣмъ ничего еще не было сдѣлано для взятія города. Въ противоположность этому, комендантъ Дамьята,

имя котораго не сохранилось въ лѣтописяхъ, употреблялъ всевозможныя средства для продолженія обороны. Замѣтивъ, что люди его по-одиначкѣ начали переходить къ непріятелю, онъ приказалъ даже закрывать ворота. Со всѣмъ тѣмъ, съ отступленіемъ вспомогательной арміи, вскорѣ послѣ сраженія, бывшаго 29 августа, рѣшилась и участь осажденныхъ. Христіане произвели рѣшительный приступъ, обращая главнѣйшія усилія противъ одной крѣпкой башни, но къ удивленію ихъ никто не защищалъ ея, и вокругъ царствовала шишина могильная. Пользуясь темнотою ночи, папскій легатъ въ головѣ нѣсколькихъ удалцевъ вошелъ въ городъ, и вся армія послѣдовала за нимъ, частью всходя на стѣны по лѣстницамъ, частью опускаясь съ башень, и соблюдая всюду величайшую осторожность. Христіане, къ крайнему недоумѣнію, не встрѣчали нигдѣ малѣйшаго даже сопротивленія, и, предполагая въ этомъ какую нибудь умышленную хитрость непріятеля, тѣмъ съ большею осторожностью двигались впередъ. Но вдругъ они увидѣли, что во власть ихъ достался городъ мертвыхъ, свѣжими трупами усыпанное кладбище! Смертоносный воздухъ моровой язвы повалилъ переднихъ, другіе отступили объятые ужасомъ. Площади, мечети, улицы и дома, были наполнены мертвыми тѣлами. Изъ семидесяти тысячъ жителей, бывшихъ въ Дамьятѣ при началѣ осады, осталось въ городѣ не болѣе трехъ тысячъ живыхъ, и тѣ находились въ такомъ изнеможеніи, что большая часть ихъ умерла въ непродолжительное время¹⁴.

Многія современныя лѣтописи упоминаютъ объ этой достопамятной осадѣ, но не довольно подробно, чтобы изъ нихъ можно было составить себѣ какое либо понятіе о степени, на которой находилось тогда военное искусство. Изъ этихъ очерковъ едва можно судить объ общемъ характерѣ дѣйствій обѣихъ сторонъ. Оканчивая обзоръ этого періода, бросимъ еще взглядъ на состояніе военнаго искусства испанскихъ Аравитянъ

во время Омміядовъ. Испанскіе Мавры, въ отношеніи къ искусству, сдѣлали гораздо болѣе, чѣмъ единовѣрцы ихъ въ Азіи и Африкѣ, и потому это отступленіе отъ предмета обзора не будетъ бесполезно.

Еще во времена Абдеррахмана каждый мусульманинъ былъ обязанъ военной службою, и, при всякомъ востребованіи своего *вали* (военнаго управителя области) или *сахель-аль-шарта*, долженъ былъ явиться въ полномъ одѣяніи и вооруженіи. За это однако онъ получалъ извѣстную долю общей добычи, изъ которой предварительно отдѣлялась пятая часть для повелителя вѣрныхъ, а полководецъ по закону первый выбиралъ для себя причитавшуюся ему часть плѣнныхъ (*истыфа*) и скота. При Абдеррахманѣ существовалъ также отрядъ гѣлохранителей, составленный изъ Зенетовъ, приведенныхъ имъ изъ Африки, преданность которыхъ весьма много способствовала ему удержаться на престолѣ. При внука его Хакемѣ I Абуласси († 822) мы встрѣчаемъ уже правильную армию, образованную изъ иностранцевъ, на вѣрность которыхъ онъ по-необходимости долженъ былъ положиться во время внутреннихъ волненій, обуревавшихъ его державу. Изъ Африканцевъ, Славонцевъ и Иллирійцевъ, купленныхъ имъ въ Александріи, бывшей тогда всемірнымъ базаромъ для продажи рабовъ, онъ устроилъ для себя сильный отрядъ гѣлохранителей, который по-справедливости можно разсматривать какъ постоянную армию. Правильно одѣваемые, продовольствуемые и содержимые на жалованья, они были размѣщены въ казармахъ вблизи Алькасара, гдѣ часть ихъ всегда занимала караулы. Во многихъ казенныхъ магазинахъ и арсеналахъ хранились не только хлѣбъ, но даже оружіе и другія военныя потребности. Въ этомъ отрядѣ находилось три тысячи кавалеріи, набранной изъ бывшихъ христіанъ (рenegатовъ), Сарацинами называемыхъ Беникази и двѣ тысячи пѣхоты, большею частью изъ Славонцевъ; всѣ они по незнанію арабскаго языка назывались *Аджемъ*. Этимъ отрядомъ предводитель-

ствоваѣи ближайшіе родственники царскаго дому. Впослѣдствіи, когда слабость Омміядовъ ободрила покушенія многихъ честолюбцевъ на престолъ, они дѣлаѣи всѣ возможные усилія, чтобы отрядъ этотъ, преданный государю, устранить съ дороги. Хаджибъ Альмансуръ (каммергеръ Викторъ, 1002), овладѣвшій престоломъ своего владыки, привлекъ одну часть тѣлохранителей на свою сторону и уговорилъ ихъ къ измѣнѣ, а Славонцевъ, оставшихся вѣрными своему государю, велѣлъ истребить въ нечаянномъ на нихъ нападении. Впослѣдствіи онъ образовалъ для себя одинъ отрядъ тѣлохранителей изъ Африканцевъ, извѣстный подъ названіемъ Аламерисовъ, и другой изъ купленныхъ имъ Славонцевъ. Эти войска, въ позднѣйшихъ переворотахъ быстро измѣнявшагося престолонаслѣдія, принимали сторону различныхъ честолюбцевъ, и, соответственно своимъ видамъ сражаясь то за одного, то за другаго, весьма много способствовали къ паденію династїи Омміядовъ. Предводители ихъ во время этихъ смутъ учредили для себя въ областяхъ независимыя владѣнія.

Кромѣ этихъ постоянныхъ войскъ, государи династїи Омміядовъ, въ войнахъ за вѣру пророка, пользовались еще содѣйствіемъ всѣхъ вообще взрослыхъ мужчинъ въ своихъ владѣніяхъ. Для этой цѣли все государство было раздѣлено на военные округа, которыми управляли вали. Обязанностью этихъ лицъ было производить наборъ людей въ армію и предводительствовать ими во время войны. Кадїи были второстепенные военачальники. Верховное предводительствованіе арміею принадлежало халифу, или по его порученію какому нибудь родственнику царскаго дома. Это достоинство чаще всего однако доставалось хаджибу (каммергеру и министру военныхъ и гражданскихъ дѣлъ). На походѣ, равно какъ въ сраженіи, армія дѣлилась обыкновенно на пять частей, а именно, авангардъ, центръ, два крыла и резервъ. Если вѣрить словамъ арабскихъ писателей, то сила ихъ армій простиралась

до нѣсколькихъ сотъ тысячъ. По разсказамъ ихъ, Альмансуръ имѣлъ шесть сотъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и двѣсти тысячъ кавалеріи подъ ружьемъ. Кавалерія составляла надежнѣйшую часть арміи, и отличалась необыкновенною стремительностью нападеній. Легкая конница имѣла большею частью лошаковъ. Вообще, вооруженіе кавалеріи состояло изъ чешуйчатой рубахи, легкаго стального шлема, щита, покрытаго кожею, короткаго копья и легкой кривой сабли. Пѣхота, почти вовсе не имѣвшая предохранительнаго оружія, была вооружена одними только копьями. Въ противоположность этому, христіане, въ особенности рыцари, были совершенно покрыты стальными латами, и это обыкновеніе соблюдалось у всѣхъ народовъ въ этомъ періодѣ.

Военныя учрежденія, относящіяся къ обезпеченію государства, и въ особенности границъ, сколько можно судить, кажется, достигали предположенной цѣли. Вали и кадїи были обязаны постоянно наблюдать за непріятелемъ и находиться во всегдашней готовности выступить въ походъ. Въ царствованіе Альмансура они должны были даже два раза каждый годъ выступать противъ невѣрныхъ разъ весною, а другой разъ осенью. Для этой цѣли, въ распоряженіи ихъ находились рабиты (пограничные рыцари), которые вели весьма строгую воинственную жизнь; непрерывно, по собственной волѣ, находились подъ оружіемъ и давали клятву защищать границы государства противъ легкихъ христіанскихъ войскъ (аль-моджаверовъ). Отличаясь терпѣніемъ, ловкостью, неутомимостью, опытные эти войска предпочитали смерть бѣгству.

Въ сраженіяхъ испанскихъ Мавровъ усматривается совершенно другой характеръ, чѣмъ въ дѣйствіяхъ ихъ африканскихъ единоплеменниковъ. Въ нихъ видно всегда множество поединковъ, съ которыми они также хорошо свыклись, какъ и христіанскіе рыцари. Большею частью однако въ такихъ поединкахъ христіане одерживали поверхность надъ своими противниками. Въ

сраженіи при рѣкѣ Осмѣ, одномъ изъ кровопролитнѣйшихъ, Мустафа, полководецъ Альмансура, изъ цѣлой арміи едва могъ выбрать трехъ рыцарей, по мнѣнію его могшихъ состязаться съ однимъ кастильскимъ рыцаремъ, и мнѣніе его оказалось справедливымъ. Именно, молодой Испанецъ въ полномъ вооруженіи подошедши къ мавританскому стану, вызывалъ кого нибудь изъ мусульманъ выступить съ нимъ на поединокъ. Два сарацинскихъ рыцаря, принявшихъ этотъ вызовъ, одинъ послѣ другаго лишились жизни въ бою съ Испанцемъ, который съ насмѣшкою побѣдителя спросилъ присутствовавшихъ, не найдется ли третій соперникъ. Тотъ, который вызвался на бой, палъ также подъ ударами христіанина. Торжествующій побѣдитель возвратился къ своимъ, единственно для того чтобы перемѣнить лошадь, и, подѣхавъ опять къ стану невѣрныхъ, продолжалъ начатую шутку. Бранный конь его былъ покрытъ кожею хищнаго звѣря, котораго лапы, связанные въ узелъ, блестя какъ золото, висѣли на груди лошади. Между тѣмъ Альмансуръ запретилъ своимъ воинамъ принимать дальнѣйшіе вызовы, но когда полководецъ его, храбрый Мустафа, спросилъ позволенія сразиться съ гяуромъ, то государь сдѣлалъ для него исключеніе. Мустафа поскакалъ христіанину на встрѣчу, и на вопросъ, какого онъ роду и племени между мусульманами, поднялъ мечъ и пику и отвѣчалъ: *Hada ginsi, hada nashî* (вотъ мой родъ, а вотъ мое племя). Послѣ того, оба рыцаря сражались съ великимъ искусствомъ, пока наконецъ Мустафа, во время поворота лошади своего противника, не пронзилъ его и не выбросилъ изъ сѣдла. Голова Кастильца, отсѣченная Мустафою отъ туловища, ручалась мусульманамъ за побѣду подъ знаменами ихъ полководца.

Въ распоряженіяхъ къ битвамъ часто можно встрѣтить довольно искусный и хорошо обдуманый планъ. Альмансуръ въ 995 году располагаясь на берегахъ рѣки Дуро, между Алькасаромъ и Лонгою, не могъ надѣяться получить ни какихъ важныхъ успѣховъ противъ арміи Гар-

сіаса , занимавшей весьма сильную позицію. По этой причинѣ онъ приказалъ первой и второй своимъ линиямъ, послѣ нѣсколькихъ стремительныхъ нападеній, мало-по-малу уступать и уклоняться отъ рѣшительнаго боя. По словамъ арабскихъ лѣтописцевъ, какъ горный потокъ устремились враги съ высотъ своего расположенія , съ ужаснымъ крикомъ противъ мусульманъ и начали ихъ преслѣдовать, но вдругъ сами они были въ свою очередь атакованы кавалеріею арабскаго резерва и обоеихъ фланговъ. Несмотря на всю храбрость, съ какою сражались христіане, это неожиданное нападеніе привело ихъ въ замѣшательство, и наконецъ къ весьма положительному пораженію. Тяжко рапений Гарсіасъ былъ взятъ въ плѣнъ. Между прочимъ весьма замѣчательно, что Альмансуръ еще до начатія боя приказалъ одному поэту воспѣть постепенный ходъ своей побѣды совершенно въ такомъ порядкѣ, какъ это потомъ случилось. Это безъ сомнѣнія было превосходное средство воспламенить воображеніе Сарациновъ! Впрочемъ, въ арміи испанскихъ Мавровъ сохранились многія обыкновенія ихъ предковъ. Сраженію предшествовала общая усердная молитва къ Аллаху. По старинному обычаю, послѣ побѣды начиналось пиршество. При этихъ случаяхъ Альмансуръ ходилъ отъ шатра къ шатру, и, по необыкновенной своей памяти зная всѣхъ воиновъ по имени, отличившихся въ бою, приглашалъ къ своему столу и отлично угощалъ ихъ.

Должно замѣтить, что во время Хаджиба Альмансура военное искусство Аравитянъ испанскихъ достигло высшей степени своего совершенства. Пятьдесятъ одержанныхъ имъ побѣдъ достаточно свидѣтельствуютъ объ его дарованіяхъ и заслуженной славѣ великаго полководца. Но Аравитяне стоятъ выше другихъ народовъ того времени, въ особенности потому, *что у нихъ военное искусство считалось уже наукою, которую должны изучать всякій полководецъ.*

V.

Войны Эдуарда III и Генриха V, королей английских, против французских королей изъ дома Валоа. — Борьба Швейцарцевъ съ Австрійцами и Бургундцами.

Въ числѣ войнъ, наиболѣе способствовавшихъ къ развитію лучшихъ понятій о военномъ искусствѣ и военной организаціи, весьма замѣчательна борьба, въ которой Франція, уступая силѣ оружія Англичанъ, находилась въ ихъ власти почти цѣлое столѣтіе. Три знаменитыхъ английскихъ полководца, неимѣвшіе себѣ подобныхъ въ этомъ періодѣ, поставили французскую монархію на краѣ гибели; оставшіяся послѣ нихъ военныя учрежденія, и люди, образовавшіеся въ ихъ школѣ, весьма долго еще поддерживали славу английскаго оружія, и Франція только крайнимъ напряженіемъ всѣхъ государственныхъ силъ и стечені-

Г. II. — История В. Иск. средн. вѣковъ.

14

емъ благоприятныхъ обстоятельствъ могла избавиться
вга своей соперницы.

Въ это время, въ обонхъ государствахъ ленная система существовала еще въ полномъ своемъ развитіи, за исключеніемъ развѣ тѣхъ перемѣнъ, которыя были въ ней произведены образованіемъ войскъ, содержимыхъ на жалованьѣ. Система финансовъ, соотвѣтственно понятіямъ того вѣка хорошо обдуманная, доставляла Англичанамъ возможность употреблять значительныя суммы для военныхъ цѣлей, а приличное распоряженіе ими было вѣроятно одною изъ главнѣйшихъ причинъ того перевѣса, который Англія такъ долго имѣла надъ Франціею. Должно замѣтить, что ленная система, введенная въ Англіи Вильгельмомъ I, могла быть полезна только для обороны государства; для внѣшнихъ же его войнъ нужно было совершенно другое устройство. По закону, каждый вассалъ, при малѣйшемъ востребованіи своего леннаго господина, обязанъ былъ явиться въ полномъ вооруженіи, по срокъ службы былъ опредѣленъ не болѣе какъ въ сорокъ дней. Чтобы избавиться отъ пронтекавшихъ отсюда затрудненій, англійскіе короли, за денежную плату, не только освобождали вассаловъ отъ ихъ обязанности, но даже сами способствовали къ распространенію этого обыкновенія. Постепенное истощеніе государственныхъ финансовъ при Ричардѣ, Іоантѣ и Генрихѣ, потребовало даже всеобщаго введенія этихъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что парламентъ началъ себѣ присвоивать право распоряжаться суммами, собираемыми для чисто военныхъ цѣлей. Слѣдствіемъ этого было, что сборъ и формированіе арміи весьма много зависѣли всегда отъ характера предпринимаемой войны и состава парламента: это доказывается еще и тѣмъ, что англійскіе короли, смотря по обстоятельствамъ, иногда просьбами, а другой разъ велѣніями твердой воли, заставляли выполнять свои требованія. Въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ короли приказывали своимъ вассаламъ явиться къ назначенному сро-

ку, подъ опасеніемъ извѣстныхъ наказаній. Повелѣнія ихъ сообщались вассаламъ черезъ шерифовъ, и были обнародываемы на базарахъ и ярмаркахъ. Отъ военной службы освобождались только священники и женщины съ условіемъ платить извѣстную пеню. Констебли и маршалы были обязаны вооружать народъ и блюсти за тѣмъ, чтобы никто не оставался. Сколько видно изъ ленныхъ грамотъ, обязанность вассаловъ была такъ точно опредѣлена, что недоумѣнія были почти невозможны. Вскорѣ однако, во время смутъ, обурѣвавшихъ государство, обязанность нести военную службу сдѣлалась сомнительною, и многіе, въ особенности могущественные вассалы, наподобіе германскихъ бароновъ, совершенно самовольно отъ ней освобождались. Усиленіе ихъ власти препятствовало законамъ приводить въ дѣйствіе лежанція на вассалахъ обязанности, которыя большею частью были сомнительны или основаны на однихъ только преданіяхъ. Взаимнѣ того обязанности простаго народа, неопредѣленные положительнымъ образомъ, доставляли королямъ средство толковать ихъ по своему произволу. По этой причинѣ мы и видимъ, что, въ томъ періодѣ, на среднемъ сословіи лежали почти всѣ воинскія тягости; сословіе это по количеству имѣнія было раздѣлено на классы, изъ которыхъ каждый подъ опасеніемъ вѣчнаго рабства былъ обязанъ два раза въ годъ (*culvertage*) являться въ полномъ вооруженіи на смотръ передъ констеблями, начальниками ста человекъ. Хотя старѣйшины и утверждали, что они не должны выступать изъ предѣловъ графства, всегда однако жъ находился предлогъ для нарушенія этого права. Такъ, на примѣръ, въ подобныхъ случаяхъ объявляли народу близость непріятельскаго нашествія, и тогда каждый гражданинъ скорѣй предпочиталъ, предупреджая враговъ, разграбить ихъ имущество, чѣмъ лишиться своего при ихъ вторженіи. Собиравшая такимъ образомъ толпа была готова на все, дѣйствовала отдѣльными отрядами или всею массою, и повиновалась всѣмъ

вѣлѣніямъ королей. Весьма часто, особенно въ войнахъ противъ Франціи, короли всячески старались набрать въ графствахъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, и потому строго наказывали какъ тѣхъ, которые для избавленія себя отъ военной службы подкупали королевскихъ комиссаровъ, такъ и корыстолюбивыхъ своихъ чиновниковъ. Со всѣмъ тѣмъ многіе историческіе факты свидѣтельствуютъ, что злоупотребленія всегда существовали. Такія строгія взысканія верховной власти извинялись всегда необходимостью, и толпа оставалась всегда въ надеждѣ, что они впредь не будутъ повторяться.

Главнѣйшее преимущество англійской организаціи передъ другими въ этомъ періодѣ состояло въ томъ, что каждый, имѣвшій болѣе пяти фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода съ недвижимаго имѣнія, долженъ былъ, соотвѣтственно съ его цѣнностью, выставить тяжело вооруженнаго всадника, легкаго кавалериста или стрѣлка изъ лука. По другому закону каждый владѣлецъ рыцарскаго имѣнія или земли, приносившей ежегодно отъ сорока до пятидесяти фунтовъ стерлинговъ дохода, обязанъ былъ стараться получить рыцарское званіе. Точное наблюденіе за исполненіемъ этихъ законовъ посредствомъ королевскихъ комиссаровъ дало начало арміи, нѣкоторымъ образомъ постоянной, готовой во всякое время выступить въ походъ, и совершенно независимой отъ ленныхъ войскъ, представляемыхъ баронами и богатыми владѣльцами. Впослѣдствіи увидимъ, что арміи, образованныя по этой системѣ, имѣли великое преимущество передъ арміями вассаловъ, и что почти всѣ подвиги британо-французскихъ войнъ были совершены ими.

Въ англійскихъ арміяхъ того періода должно отличать четыре рода войскъ, преимущественно заслуживающихъ наше вниманіе.

Тяжелю вооруженные (*men at arms*), состоявшіе обыкновенно изъ знатнѣйшаго дворянства, которое не только по вызову короля, но и по собственной охотѣ и

воинственному духу являлось въ ряды и, такъ сказать, было совершенно покрыто латами. Крѣпкій щитъ дополнялъ предохранительное ихъ оружіе; нападательное же состояло изъ пика, меча и булавы, которую они употребляли съ особеннымъ искусствомъ. Они сражались большею частью на лошади, но въ описаніи нѣкоторыхъ сраженій этого періода встрѣчаются намѣки, что они съ одинаковою удобностью могли сражаться и пѣшкомъ. Подобно тому какъ во Франціи, они раздѣлялись на баннеретовъ и простыхъ рыцарей (knight, bachelor), которые отличались между собою штандартами¹. Дѣйствіе ихъ въ бою происходило изъ коренныхъ началъ рыцарства, и сходствовало съ обычновеніями, обще принятыми въ этомъ періодѣ. Рыцари и оруженосцы, служившіе подъ ихъ знаменами, были одинаково вооружены, съ тою однако жъ разницею, что богатые люди имѣли болѣе драгоцѣнное предохранительное и нападательное оружіе. Наконецъ, чтобы имѣть право сражаться въ отрядѣ men at arms, должно было необходимо получить прежде званіе рыцаря, — честь, отъ которой люди тихаго права или незначительнаго состоянія охотно бы отказались, если бъ это было возможно.

Второй родъ войска составляла легкая конница (hoblers). Она имѣла малорослыхъ лошадей; люди носили легкое вооруженіе, состоявшее иногда изъ однихъ только грудныхъ латъ. Они не рѣдко съ лошадей дѣйствовали изъ лука: по этому въ англійскихъ лѣтописяхъ упоминается о нихъ иногда подъ названіемъ конныхъ стрѣлковъ (mounted bow-men, called hoblers). Они сражались съ одинаковою удобностью на лошади и пѣшкомъ, и играли важнѣйшую роль въ войнахъ противъ Шотландіи, чѣмъ въ борьбѣ съ Франціею. Наконецъ они замѣняли летучіе отряды, встрѣчающіеся потомъ въ нѣмецкихъ арміяхъ. Опустишенія, ознаменовавшія всѣ предпріятія Принца Чернаго, были большею частью ими производимы, или по-крайней-мѣрѣ они придали имъ тотъ ужасный ха-

рактерь, которымъ дѣйствія эти отличались. Легкая конница по закону набиралась изъ класса гражданъ, имѣвшихъ болѣе пятидесяти фунтовъ годового дохода.

Лучшій родъ войскъ во всемъ этомъ періодѣ составляли лучники (archers). Арбалетъ и лукъ были издревле любимыми оружіями Англичанъ: послѣднее всегда было въ употребленіи, какъ во время владычества Римлянъ въ этой странѣ, такъ и при нашествіи Норманновъ². При Эдуардахъ, лукъ сдѣлался народнымъ оружіемъ. Онъ имѣлъ обыкновенно шесть футовъ, а стрѣлы три фута, длинны. Англійскій стрѣлокъ натягивалъ его возлѣ уха, прицѣливался отвѣсно и попадалъ на разстояніи двѣсти сорока ярдовъ. При учебной даже стрѣльбѣ дистанція принималась не менѣе двѣсти двадцати ярдовъ. Стрѣлки имѣли грудныя латы, шишаки и чешуйчатое платье, которое, предохраняя ихъ отъ слишкомъ сильныхъ ушибовъ и отъ выстрѣловъ, не препятствовало вовсе имъ быть поворотливыми. У лѣваго бедра они носили короткій мечъ, на эфесѣ котораго висѣлъ небольшой щитъ; на спицѣ или съ правой стороны — сагайдакъ съ двадцатью четырьмя стрѣлами, но тѣ стрѣлы, которыми должно было вскорѣ дѣйствовать, находились подъ рукояткою меча. Восемь стрѣлъ, болѣе легкихъ чѣмъ другія, назначались для обезпокоиванія непріятеля на дальнемъ разстояніи, — *to annoy*, какъ говоритъ Мозели. Разстояніе это, по словомъ Гроса и другихъ, доходило до четырехъ сотъ ярдовъ. Весьма часто, стрѣлки имѣли сверхъ того одну или двѣ длинныя, съ обоихъ концовъ заостренныя жерди, которыя втыкали передъ собою въ землю, связывали одну съ другою веревками, и этимъ средствомъ обезпечивали себя нѣсколько отъ нападеній кавалеріи. Главнѣйшія ихъ обязанности были — завязывать бой на дальнемъ разстояніи, обезпокоивать противника, утомлять его, истощать его силы, причинять ему значительный уронъ, привести его въ замѣшательство, и наконецъ изранить и пугать лошадей. Кромѣ того они должны были удерживать

атаки легких войскъ противника, обозрѣвать мѣстность, располагаться въ засадахъ; въ самыхъ же сраженіяхъ они употреблялись для производства быстрыхъ и неожиданныхъ атакъ, *speedy and sudden attempts*.

Стрѣлки строились обыкновенно въ видѣ *бороны*, (*en herse, into hearses*). Робертъ въ своемъ «*English Bowman, or tractats ou archers*», говоритъ, что этотъ строй состоялъ изъ длиннаго фронта и короткихъ фланговъ, и присовокупляетъ, что если во фронтѣ находилось двадцать пять до тридцати человѣкъ, то флангъ имѣлъ не болѣе семи и восьми человѣкъ. По его словамъ причиною этого было опасеніе, что при большей глубинѣ строя задніе ряды могутъ терять значительную часть досягаемости своихъ стрѣлъ. Отряды стрѣлковъ (*hearses of archers*) располагались какъ впереди, такъ и по флангамъ пѣхоты. Подъ Креси они были устроены въ видѣ *бороны*, *of an herse*, имѣвшей двѣсти человѣкъ во фронтѣ и сорокъ человѣкъ глубины. По словамъ англійскаго лѣтописца, строй этотъ должно почитать за самый лучшій, въ особенности когда непріятель имѣетъ на своей сторонѣ значительный перевѣсъ въ числѣ. Всѣ лѣтописи доказываютъ, какъ страшно было это войско Англичанъ. Коминъ (*Comines*) называетъ ихъ стрѣлковъ *la fleur des archiers du monde*, а Даниель увѣряетъ, что еще въ его время эта милиція не имѣла себѣ подобной у другихъ народовъ, — *redoutable milice qui n'avait point d'égale en son espèce dans les autres nations*. Павелъ Ювиусъ, въ своемъ описаніи Британіи, приписываетъ также стрѣлкамъ безпрерывныя побѣды Англичанъ въ этомъ періодѣ, и отзывается объ ихъ дѣйствіяхъ, какъ о чудоподобныхъ происшествіяхъ. Впрочемъ оружіе это было такъ любимо въ Англіи, и такъ покровительствуемо правительствомъ, что всѣ празднества украшались упражненіями въ стрѣльбѣ изъ лука. Короли, для показанія уваженія своего къ этому роду войска, образовали изъ стрѣлковъ отрядъ своихъ гѣлохранителей, набравъ для этой

цѣли около ста двадцати сильнѣйшихъ людей во всемъ государствѣ.

Четвертый родъ войска въ англійской арміи составляла пѣхота (footmen). Если позволяло время, то она была правильно вооружаема подъ распоряженіемъ маршаловъ. Въ обыкновенныхъ однако обстоятельствахъ, и особенно въ междоусобныхъ войнахъ, когда графства выставляли однихъ только рекрутовъ, вооруженіе ихъ состояло изъ шишака, стеганнаго кафтана и желѣзныхъ перчатокъ; они носили щиты, которыхъ форма и величина часто перемѣнялись. Главное ихъ оружіе составляла пика, а мечъ, носимый пѣхотными изъ нихъ, служилъ болѣе для убиванія побѣжденнаго уже непріятеля, чѣмъ для самой атаки. Въ войнахъ этого періода пѣхота сообразовала главныя силы англійскихъ армій (corps de bataille), и строилась часто въ четыре до осьми человекъ глубины. Она раздѣлялась на отряды въ тысячу, сто и двадцать человекъ, которыми командовали капитаны (leaders), сотники (centenors) и начальники двадцати человекъ (vintenors). Жители Валлиса доставляли лучшія пѣхотныя войска. Въ кавалеріи офицеры назывались констеблями.

Если армія набиралась изъ войскъ, выставляемыхъ вассалами, то послѣ короля непосредственное надъ нею начальство принадлежало лорду-констеблю и лорду-маршалу. Въ наемныхъ войскахъ король, имѣя право назначать предводителя, давалъ это званіе обыкновенно нѣсколькимъ маршаламъ, и одному изъ нихъ ввѣрялъ верховное предводительствованіе арміею. Регламенты, оставшіеся со временъ Эдуарда III и Генриха V, показываютъ, что англійская армія состояла изъ смѣсенныхъ и наемныхъ войскъ, но всѣ воины, начиная отъ герцога Валлійскаго до послѣдняго валлійскаго пѣхотнаго ратника, находились на королевскомъ жалованьѣ. Жалованье это было довольно значительно, и по положенію, выдаваемо за три мѣсяца впередъ³. Независимо отъ строевыхъ людей, за арміею слѣдовали

каменьщики, плотники, кузнецы, портные и оружейники. Въ регламентахъ этихъ упоминается также о небольшихъ кожаныхъ лодкахъ, посредствомъ которыхъ можно было переправляться черезъ большія озера. Кроме того въ летописяхъ встрѣчаются свѣдѣнія о томъ, что въ арміи Генриха V находился одинъ главный докторъ, двадцать подлекарей, двѣнадцать военныхъ герольдовъ, три герольда ордена Подвязки (*gois d'arme*) и безчисленное множество священниковъ, ремесленниковъ и министрелей. Впоследствии, во время междоусобныхъ войнъ, терзавшихъ Англію, многое изъ того, что было образовано вѣками и предусмотрительностью нѣкоторыхъ воинственныхъ королей, затерялось безотчетно. Для возстановленія подобныхъ учрежденій потребовалось потомъ много времени, и шлогда уже Англія не была столь страшною для своихъ сосѣдей, какъ при короляхъ этого періода.

Французская военная организація во многихъ отношеніяхъ сходствовала съ англійскою, съ тѣмъ однако различіемъ, что могущественные вассалы долгое еще время мѣшали королямъ приступать къ военнымъ учрежденіямъ, столь надежнымъ какъ англійскія, и что расточительность нѣкоторыхъ королей препятствовала имъ почти всегда съ точностью расчитывать суммы, нужныя для непрерывнаго продолженія разъ начатыхъ предпріятій.

Французскія арміи состояли большею частью изъ войскъ, выставляемыхъ вассалами, и изъ войскъ городскихъ общинъ. По словамъ французскихъ писателей, Филиппъ Красивый началъ первый заводитъ наемныя войска. Короли изъ дому Валоа послѣдовали его примѣру, и Филиппъ VI въ сраженіи при Креси имѣлъ уже около пятнадцати тысячъ генуезскихъ стрѣлковъ изъ арбалета на своемъ жалованьи. Обыкновеніе это сохранилось во всѣ послѣдующія царствованія. Впрочемъ французская армія состояла изъ жандармовъ и пѣхоты. Къ первымъ причислялись нѣкоторымъ образомъ отдѣленія легкой кавалеріи коммунальныхъ

войскъ, для поддерживанія и фланкированія ихъ. Жандармы какъ и прежде состояли изъ банверетовъ (*chevaliers bannerets*), рыцарей (*chevaliers bacheliers*) и оруженосцевъ (*écuyers*). Первые обыкновенно имѣли при себѣ дружину всадниковъ (*hommes d'armes*), которая иногда значительно увеличивала силу отряда. Жандармы сходились съ войсками прежняго времени, и были покрыты желѣзомъ съ ногъ до головы. Они сражались обыкновенно на лошади, но въ случаѣ надобности спѣшивались для дѣйствія.

Войска городскихъ общинъ (*les communes*) раздѣлялись на пѣшія и конныя. Кавалерія большею частью была вооружена легче жандармовъ, но иногда въ составѣ ея находились также и тяжело вооруженные или жандармы. Пѣхота, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрядовъ стрѣлковъ изъ арбалета и лука, состояла обыкновенно изъ толпы, неустроенной и своевольной, черни, болѣе тягостной чѣмъ полезной для государства⁴. Смуты, раздиравшія Францію, и продолжительная борьба ея съ Англіею, препятствуя королямъ удовлетворить денежнымъ жалованьемъ и обуздывать эти войска, были причиною, что впоследствии образовались изъ нихъ тѣ страшныя шайки, извѣстныя подъ названіемъ *grandes compagnies* (*guernatores de variis nationibus non habentes titulum*), которыя подъ начальствомъ Іоанна де-Гуга, прозваннаго «Другомъ Божиимъ, а врагомъ всего человѣчества», *l'ami de Dieu, l'ennemi de tout le monde*, проходили и грабили государство по всѣмъ направленіямъ. Только походъ Дюгеклена (*du Guesclin*) въ Испанію освободилъ Францію отъ этого бѣдствія. Французская милиція отличалась нѣсколько разъ во время борьбы Франціи съ Англіею. При Карлѣ VI впервые было приступлено къ ея преобразованію изданіемъ указа, по которому стрѣлки во всемъ государствѣ были подвергнуты такимъ же упражненіямъ какъ и въ Англіи; но мѣра эта была разстроена дворянствомъ, опасавшимся, чтобы она не способствовала къ усиленію средняго сословія.

Предпріятіе, предположенное Карломъ VI противъ Англіи (1387) и послѣдовавшій за тѣмъ походъ противъ герцога Гельдерискаго, свидѣтельствуютъ, что во Франціи существовали всѣ условія для прочнаго и долговременнаго устройства арміи, если бъ только правительство обратило на этотъ предметъ надлежащее вниманіе. Всѣ приготовленія къ походу, описанныя Фроассаромъ, доказываютъ, что, если Франція уступала Англіи въ продолжительной съ нею борьбѣ, единственною причиною этого былъ недостатокъ людей способныхъ управлять ходомъ обширныхъ предпріятій.

Пять, съ ряду царствовавшихъ, французскихъ королей, не имѣя по-настоящему ни какой арміи, и завися совершенно отъ строптивыхъ вассаловъ, должны были въ одно время бороться съ внѣшними и внутренними врагами; однако жъ Европа увидѣла Францію по окончаніи этой трудной борьбы, въ которой почти одна-треть государства, въ продолженіи около пятидесяти лѣтъ находилась въ рукахъ непріятеля, снова въ полной юношеской силѣ. Только послѣ этихъ войнъ и утвержденія новаго порядка вещей, образовалась во Франціи новая военная система, которая постепенно измѣняясь, совершенствуясь и распространяясь, осталась донинѣ этой землѣ и оттуда была введена во всѣхъ государствахъ Европы. Основателемъ этой системы должно считать Карла VII, такъ какъ все, что Карлъ V и VI ни пытались ввести для удержанія равновѣсія въ борьбѣ съ Англіею, уничтожилось потомъ обстоятельствами. Государи эти не могли привести въ исполненіе своихъ предначертаній; для этого нужно было въ особенности, чтобы побѣда возвратилась снова прежнюю славу французскимъ знаменамъ.

Отряды, называемые *routes* или *compagnies*, и существовавшіе со временъ Карла V, составляли и при Карлѣ VII отдѣльныя части во французской арміи. Они были вооружены, и слѣдовательно могли воспротивиться уничтоженію своему и повторить всѣ ужасы преж-

ниго времени. Другое, не менѣе важное затрудненіе, состояло въ томъ, чтобы въ случаѣ введенія новыхъ войскъ собрать достаточное количество денегъ для надлежащаго ихъ продовольствованія и снабженія одеждою и жалованьемъ. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній въ замкѣ Серръ, близъ Шалона, казалось наконецъ (1445), что всѣ мѣры были придуманы, и король приступилъ къ учрежденію ордонацъ-ротъ (*compagnies d'ordonnance*), которыя принимаются обыкновенно за первый примѣръ образованія въ Европѣ постоянныхъ войскъ (кавалеріи). Прежде обнародованія указа объ этомъ, король приказалъ всѣмъ гражданскимъ и военнымъ властямъ принять надлежащія мѣры для удержанія въ повиновеніи милиціи, которую хотѣли распустить. Всѣ взрослые въ государствѣ мужчины находились въ готовности защищать власть престола, вся Франція казалась обширнымъ сборнымъ мѣстомъ для рати, всѣ дороги и площади были заняты караулами. Карлъ VІІ, приступая уже къ дѣлу, выбралъ пятьдесятъ отличнѣйшихъ людей въ *голови* (*capitaines*), которымъ повелѣлъ избрать надежнѣйшихъ людей изъ существовавшихъ тогда войскъ и подчинить ихъ строжайшей дисциплинѣ. Когда это было исполнено и составленъ списокъ новой милиціи, король указомъ своимъ объявилъ, что прежнія войска, необязанныя службою по новой организаціи, уничтожаются, и приказалъ имъ немедленно разойтись по домамъ. Мѣры, принятые одновременно, воспрепятствовали всѣмъ безпорядкамъ, такъ что, по словамъ лѣтописцевъ, по прошествіи четырнадцати дней на большихъ дорогахъ не видно было уже ни одного солдата.

Основанія новой организаціи были слѣдующія:

Число ордонацъ-ротъ простиралось до пятнадцати, каждая во сто полныхъ копій, полное же копье (*lance garnie ou fournie*) должно было состоять изъ трехъ лучниковъ (*archers*), одного конюшаго (*coutillier, écuyer*) и одного отрока (*page*) или слуги (*var-*

let). Слѣдовательно въ ротѣ находилось шесть сотъ всадниковъ, а во всѣхъ пятнадцати ротахъ вмѣстѣ девять тысячъ человекъ, не считая охотниковъ (*volontaires*), служившихъ на собственномъ издѣніи въ весьма значительномъ числѣ въ каждой ротѣ. Такимъ образомъ сила роты доходила часто до тысячи двухъ сотъ человекъ, изъ которыхъ отъ ста пятидесяти до двухъ сотъ были способны начальствовать довольно значительными даже отрядами.

Для удобства продовольствія, ордонанцъ-роты были расположены часто по городамъ и деревнямъ, небольшими отдѣленіями въ двадцать пять до тридцати человекъ. Назначенные правительствомъ инспекторы и комиссары дѣлали имъ весьма часто смотры, наблюдая за исправностью оружія, одежды, лошадей и прочаго. Малѣйшее опущеніе по службѣ влекло за собою выключеніе изъ корпуса.

Каждый жандармъ имѣлъ четыре лошади, одну для слуги, другую вьючную, третью строевую, которую въ случаѣ отпуска долженъ былъ всегда оставлять въ гарнизонѣ, и наконецъ четвертую клепера, для частныхъ своихъ надобностей. Напротивъ того стрѣлокъ имѣлъ только двѣ лошади. Всѣ походы производились по этапамъ, особыми постановленіями было опредѣлено, что именно жители должны доставлять войскамъ. Начальникъ отряда отвѣтствовалъ за всѣ безпорядки и противузаконныя требованія. Жалованье отпускалось войскамъ изъ суммъ извѣстнаго налога *la taille*, и составляло тридцать франковъ въ мѣсяцъ на одну *lance fournie*; но оно выдавалось только тѣмъ, которые находились въ строю во время всѣхъ четырехъ годовыхъ учений, двухъ *en armes* и двухъ *en robe* (просто въ мундирѣ). Начальники такихъ ротъ назывались *capitaines ordonnés*. Правила образованія этихъ войскъ удержались въ полной силѣ до временъ Людовика XII. Учрежденіе ихъ было послѣднимъ ударомъ для рыцарскихъ дружинъ. Роты строились для боя *en haue*, то есть,

въ одну линію, позади которой, если мѣстность или другія обстоятельства тому не препятствовали, находилась еще другая линія, состоявшая изъ конюшихъ (*écuyers*). Стрѣлки (*archers*) дѣйствовали въ разсыпную (*en débandade*). Рыцари производили первый ударъ (*choc*), за ними слѣдовали конюшіе и отроки (*coutilliers et valets*), большею частью люди изъ лучшихъ фамилій. Перѣдко однако тѣ и другіе охраняли флаги расположенія жандармовъ, или же по усмотрѣнію начальствовавшаго или офицера были употребляемы для другой цѣли.

До времени Людовика XII ордонансъ-роты были довольно однообразно одѣты. Они носили *hoqueton*, бранный кафтанъ, цвѣту своего капитана и съ его девизомъ. Эта мѣра была введена въ особенности для того, чтобы въ случаѣ можно было тотчасъ узнать тѣхъ, которые допустились какихъ нибудь злоупотребленій. Одежда ихъ перѣдко была шита золотомъ и серебромъ.

Чтобы къ этой конницѣ имѣть и постоянную пѣхоту, вмѣстѣ съ нею готовую выступить въ поле, Карль VII образовалъ въ 1448 году такъ называемыхъ вольныхъ стрѣлковъ (*franc archers, franc taupins*), хотя уже при Филиппѣ V, указомъ отъ 12-го марта 1317 года, повелѣно было, чтобы управители (*bailli*) двѣнадцати дистриктовъ во всякой провинціи были подчинены одному *главному голове* (*capitaine général*), а каждый городъ *голове*, находившимся на королевскомъ жалованьѣ; хотя тогда же были учреждены арсеналы, въ которыхъ оружіе, купленное собственнымъ иждивеніемъ гражданъ (*qu'ils auraient acheté de leurs deniers*) должно было храниться, однако жъ всѣ эти постановленія впоследствии уничтожились. По этимъ причинамъ Карль VII повелѣлъ чтобы каждый приходъ, по востребованію, выставялъ искуснаго въ стрѣльбѣ изъ лука человѣка, въ полномъ вооруженіи. Избранные такимъ образомъ люди были освобождены отъ всѣхъ податей, и оттого получили названіе

franc archers, мало-по-малу шутками солдатъ превратившееся въ franc taupins, потому что близъ жилищъ этихъ воиновъ находилось много кротовыхъ бугорковъ (à causes des taupinière, dont les clos des gens de campagne sont ordinairement remplis); по указу, они должны были состоять изъ отличнѣйшихъ стрѣлковъ, упражняться постоянно въ стрѣльбѣ, и каждое воскресенье являться въ своихъ кафтанахъ (jacque или huque de brigandine), которые были подбиты ватой и тридцатью рядами холста, иногда же кожаные или чешуйчатые кафтаны. За каждый мѣсяцъ королевской службы они получали четыре франка награжденія. Войско это было вооружено небольшими шлемами (salades), кнжалами, луками и стрѣлами. Кажется, что тогда существовало четыре рода franc archers, отличавшихся вооруженіемъ, — охотничимъ копьемъ (vouge, voulge), простымъ копьемъ, лукомъ и арбалетомъ. Часть, вооруженная копьями, должна была замѣнять тяжелую пѣхоту.

Число всѣхъ стрѣлковъ простиралось до шестнадцати тысячъ: они раздѣлялись на четыре дивизіи, въ четыре тысячи каждая, состоявшія подъ начальствомъ главнаго головы, или капитана (capitaine général). Каждая изъ этихъ частей дѣлилась еще на семь подраздѣленій, командуемыхъ капитанами, каждое въ пять сотъ человекъ; остальные же пять сотъ человекъ состояли въ собственномъ распоряженіи главнаго капитана, который имѣлъ при себѣ поручика, для наблюденія въ особенности за полицейскою частью. Для лучшаго порядка при наборѣ войскъ все государство было раздѣлено на четыре большіе округа. Годовое жалованье простаго капитана составляло сто двадцать ливровъ, а главнаго капитана восемь сотъ ливровъ. При содѣйствіи мѣстнаго начальства, смотры должны были всегда производиться отрядамъ въ тысячу человекъ. Всѣми стрѣлками въ государствѣ предводительствовалъ особый начальникъ, именуемый commandant général. Эти постановленія удерживались до временъ Людовика XI.

Военныя дѣйствія обѣихъ арміи лучше всего могутъ показать, которая изъ нихъ имѣла передъ другою преимущество, въ отношеніи къ военному искусству. Первые походы Эдуарда противъ Франціи, несмотря на рѣшительную и блестящую морскую побѣду, одержанную на высотѣ Бланкенбурга (22 іюня 1340), весьма мало свидѣтельствуютъ объ его военныхъ дарованіяхъ. Всѣ его усилія подѣ Турниѣ явились безуспѣшными. Огромныя его приготовленія къ войнѣ, возбудившія удивленіе во всей Европѣ, истощивъ его финансы, имѣли единственнымъ слѣдствіемъ заключеніе перемирія, при которомъ всѣ выгоды остались на сторонѣ противника его Филиппа. Послѣдовавшее вскорѣ за этимъ предпріятіе его въ пользу герцогини Бретанской равно не удалось. Слава его начинается не раньше какъ съ походомъ 1346 года. Успѣхи, полученные въ Гиеннѣ англійскою арміею подѣ начальствомъ графа Дерби, брата его, внушили Эдуарду наконецъ мысль положиться болѣе на мужество своихъ войскъ, чѣмъ на помощь союзниковъ, цѣною золота пріобрѣтаемыхъ въ чужой сторонѣ. Вооружаясь въ Соутгемптонѣ и угрожая южнымъ областямъ Франціи, онъ вдругъ пошелъ въ море съ народною своею арміею и неожиданно остановился на якорѣ въ рейдѣ la Noque, на берегахъ Нормандіи⁵. Сообразно съ обыкновениями этого времени, окрестная страна была тотчасъ разорена во всѣ концы. Гарфлёръ Шербургъ, Каретонъ, Сентъ-Ло и даже Капъ (Caen) были взяты Англичанами и разграблены, въ особенности Капъ, гдѣ король лично позаботился о своей добычѣ. Весьма трудно сказать, какую Эдуардъ могъ имѣть цѣль при этомъ нападеніи. Полагаютъ обыкновенно, что онъ хотѣлъ этимъ принудить къ отступленію сильную французскую армію, приближавшуюся къ Гиеннѣ, а потомъ переправиться съ своими войсками черезъ Сену, вторгнуться черезъ Пикардію въ Артуа, соединиться тамъ со своими фламандскими союзниками, и послѣ того приступить къ осадѣ Калѣ, котораго взятіе доста-

вило бы ему надежный опорный пунктъ для дальнѣйшихъ его предпріятій. Если онъ дѣйствительно имѣлъ такой планъ, то уже, прибывъ къ Сенъ, онъ могъ замѣтить свою ошибку. Въ Руанъ именно онъ нашелъ мость разрушеннымъ, а на другомъ берегу рѣки короля Филиппа со всѣми силами. Усилія Эдуарда переправиться черезъ рѣку, а Филиппа не допустить этого, дали начало многимъ, весьма искуснымъ съ обѣихъ сторонъ, маневрамъ. Тщетно Эдуардъ, превращая въ пепель цвѣтушіе города, и разоряя области, надѣялся принудить Французовъ, отказавшихся отъ своего плана, поспѣшить на помощь своимъ соотечественникамъ; Филиппъ спокойно смотрѣлъ на пожаръ и разграбленіе Вернона, Нантерра, Поасси и другихъ городовъ, довольствуясь тѣмъ, что онъ на другомъ берегу слѣдовалъ за всѣми движеніями непріятеля и уничтожалъ переправы. Онъ предалъ Англичанамъ на жертву даже предмѣстія своей столицы: Сенъ-Жерменъ, Сенъ-Клу и Буръ-ла-Рень (Bourg-la-Reine) были постепенно сожжены и легкія непріятельскія войска доходили уже до Нёлы и Булони. Наконецъ Эдуардъ хитростью обманулъ своего противника, а именно, онъ оставилъ позицію при Поасси и быстро двинулся къ Парижу. Филиппъ, полагая, что онъ дѣйствительно угрожаетъ столицѣ, послѣдовалъ за его движеніемъ по другому берегу рѣки; но едва Эдуардъ узналъ объ этомъ, какъ вдругъ онъ повернулъ назадъ, велѣлъ стрѣлкамъ очистить противоположный берегъ, и, наскоро построивъ мость, безпрепятственно переправился черезъ рѣку. Филиппъ, недовольный собою, предложилъ Англичанамъ рѣшить дѣло сраженіемъ на равнинѣ Вожирарской между Франковилемъ и Понтоазомъ, и этимъ лучше всего доказалъ, какъ далеко въ отношеніи къ военному искусству онъ отсталъ отъ Эдуарда. Англичане между тѣмъ безпрепятственно продолжали свое наступленіе, мимоходомъ разграбили еще предмѣстія Бовè и утвердились потомъ въ Эренъ.

Но имъ оставался еще переходъ черезъ Сомму, пред-

Т. II. — История В. Иск. средн. вѣковъ. 15

ставлявшій весьма много затрудненій. Всѣ переправы на рѣкѣ были уничтожены, непріятельскій отрядъ стоялъ въ готовности къ оборонѣ, а Филиппъ, находившійся въ Аміенѣ, прибылъ на другой день двумя часами позже въ Эренъ (*Philippe trouva les tables de ses ennemis encore dressés et couvertes de provisions*, говоритъ Фроассаръ). Напрасно Эдуардъ пытался переправиться при Понъ-Сенъ-Реми, Лонсъ и Пекиньи; вездѣ мосты были уничтожены и непріятель готовъ къ оборонѣ. Всѣ части его арміи собрались вечеромъ въ Оазмонѣ, и тутъ, казалось, должно было все уже рѣшиться. Но Эдуардъ, распрашивавшій всегда лично плѣнныхъ и щедро награждавшій жителей, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, нашелъ наконецъ французскаго крестьянина Гобена Агаса, который показалъ ему знаменитый Бланшташскій⁶ бродъ, имѣющій твердый грунтъ и во время отлива удобопроходимый даже для пѣшеходцевъ. Въ полночь, съ величайшею осторожностью, Англичане прибыли къ рѣкѣ: но каково было удивленіе короля, когда онъ узналъ о приближеніи къ этому мѣсту, по другому берегу рѣки, непріятельскаго отряда силою въ двѣнадцать тысячъ человекъ, находившихся подъ начальствомъ Годмара-дю-Фе. Въ безпокойствіи онъ едва дождался отлива, который начался не раньше какъ въ десятомъ часу утра. Эдуардъ, не медля, приказалъ переправляться черезъ рѣку⁷. Стрѣлки очистили берегъ; самъ король, обнаживъ мечъ, началъ переправу⁸ во имя Бога и Святаго Георгія. Французы мужественно встрѣтили его, и на самой серединѣ рѣки завязался весьма упорный бой. Англичане вѣроятно бы погибли, если бъ Филиппъ поспѣлъ въ эту минуту, но между тѣмъ отчаяніе возвысило ихъ силы, войска Годмара-дю-Фе были опрокинуты съ урономъ около тысячи человекъ, и переправа совершилась, за исключеніемъ нѣсколькихъ оставшихъ частей войскъ. Въ это время прибылъ Французскій король, но приливъ, вскорѣ начавшійся, поставилъ его въ необходимость быть свидѣтелемъ торжества Англичанъ и пораженія своихъ войскъ. Ему не

оставалось ничего болѣе какъ отправиться съ арміею въ Аббевиля и обдумать тамъ средства для противудѣйствованія предпріятіямъ хитраго своего противника. Эдуардъ, напротивъ того, взявъ Кротоа, пашель тамъ въ изобиліи продовольственные запасы и получилъ возможность дать своимъ войскамъ отдыхъ, столь необходимый для нихъ послѣ претерпѣнныхъ нѣскольکو дней сряду трудовъ.

На этомъ мѣстѣ Эдуардъ прекратилъ дальнѣйшее свое отступленіе. Весьма вѣроятно, что дѣйствія противника ободрили его, или можетъ быть отдаленный походъ въ виду многочисленной непріятельской кавалеріи казался ему слишкомъ смѣлымъ предпріятіемъ. «Мы не должны отступить далѣе, сказалъ онъ своей свитѣ: я нахожусь здѣсь на моей землѣ; она — наслѣдство моей матери, и я долженъ ее защищать.» Между тѣмъ Филиппъ, упустивъ изъ виду своего противника, и желая присоединить къ себѣ еще нѣсколько тысячъ человѣкъ, потерялъ цѣлый день въ Аббевиляхъ. Эдуардъ воспользовался этимъ короткимъ срокомъ, частью для того чтобы дать войскамъ отдыхъ и средство привести въ исправность оружіе, а частью чтобы лучше обдумать свой планъ и примѣнить его къ обстоятельствамъ.

Мѣстность, на которой онъ рѣшился ожидать непріятеля, представляла незначительную покатость, возвышающуюся позади деревни Кресси. Не показывая ни малѣйшей нерѣшительности, онъ сдѣлалъ всѣ приготовления, нужныя къ сраженію; послѣ того провелъ время на веселомъ пиру со своими баронами, и простился съ ними поздно, обѣщая имъ на другой день побѣду. Но, войдя въ свою палатку, онъ молился долго Богу и легъ едва въ полночь. Съ первыми лучами восходившаго солнца, Эдуардъ занялся опять приготовлениями къ битвѣ; потомъ онъ и сынъ его, впоследствии знаменитый Принцъ Черный, выслушавъ молебень, приняли святое причастіе.

Войска, отзавтракавъ, начали строиться къ бою. Всѣ

лорды и маршалы заняли съ своими отрядами мѣста, заблаговременно указанныя королемъ. Они образовали три линіи (battles, batailles): первая находилась подъ начальствомъ прища Чернаго, которому для наставленія были приданы лорды Варвикъ и Оксфордъ. Она состояла изъ осьми сотъ жандармовъ, тысячи челоувѣкъ валлійской пѣхоты и двухъ тысячъ стрѣлковъ изъ лука. За нею нѣсколько всторонѣ находилась вторая линія, состоявшая изъ осьми сотъ жандармовъ и тысячи двухъ сотъ стрѣлковъ, командуемая лордами Портемптонъ и Арондель. Наконецъ семь сотъ жандармовъ и двѣ тысячи стрѣлковъ, расположенныхъ на вышеупомянутой покатости, составляли родъ резерва и находились подъ личнымъ предводительствомъ короля. Такимъ образомъ Англійскіе писатели отзываются о боевомъ порядкѣ войскъ въ этомъ сраженіи; Французы же утверждаютъ, что жандармы по крайней мѣрѣ въ первой линіи (находились въ центрѣ *dans le fond de la bataille*), а стрѣлки *en manière d'une herse* по флапгамъ. Король на бѣломъ конѣ проѣзжалъ ряды своего воинства, ободрялъ всѣхъ къ мужеству и обѣщалъ имъ побѣду. Въ десять часовъ, видя, что непріятель не является еще на позиціи, король приказалъ своимъ людямъ подкрѣпиться пищею (*qu'ils mangeassent à leur aise et bussent un coup*): войска усѣлись въ рядахъ, положивъ предъ собою шишаки и луки.

Съ восхожденіемъ солнца Французы выступили изъ Аббевиля, съ намѣреніемъ отыскать Англичанъ и вступить съ ними въ бой. По безпорядку, въ которомъ слѣдовала армія, можно было предвидѣть ея пораженіе. Опытные воины совѣтовали даже королю прежде устроить войска, а потомъ только сражаться, и Филиппъ, охотно принявъ этотъ совѣтъ, отправилъ тотчасъ офицеровъ къ авангарду и арріергарду съ повелѣніемъ остановиться. Крикъ «Знамена стой! во имя Бога и Святаго Дениса!» раздался по всему воинству, но онъ увеличилъ только безпорядокъ. Въ то время, когда однѣ дружины останавливались, другія съ нетерпѣніемъ

продолжали свое слѣдованіе. Самъ король, увлеченный ими, потерялъ до такой степени хладнокровіе, что подошедъ къ англійской арміи (*le sang lui tua, car il les haïssoit*), онъ приказалъ тотчасъ Генуэзцамъ, находившимся въ арріергардѣ арміи, прорваться черезъ всю толпу впередъ и завязать сраженіе. Генуэзцы, по словамъ однихъ въ числѣ пятнадцати тысячъ, а по мнѣнію Виллани только шести тысячъ человѣкъ, вооруженные стальными арбалетами, находились подъ начальствомъ двухъ опытныхъ воиновъ, Антона Доріи и Карла Гримальди. Они должны были образовать первую линію. Четыре тысячи жандармовъ и значительный отрядъ пѣхоты расположились за ними во второй линіи. Обѣ первыя линіи находились подъ предводительствомъ графа Алансонскаго, брата короля. Наконецъ третьею линіею, состоявшею изъ всего французскаго дворянства, предводительствовалъ король, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, либо управлять ходомъ сраженія либо и самому лично принимать участіе въ бою. Впрочемъ при этомъ сраженіи находились еще три государя во французской арміи, а именно, Іоаннъ, король Богемскій, Карлъ сынъ его, король Римскій, и Яковъ II, король Маіоркскій, что однако не совѣмъ вѣрно.

Никогда, говоритъ Лингардъ, не готовились къ бою при столь ужасающихъ обстоятельствахъ, какъ въ этотъ разъ; именно въ день этого сраженія (26 іюля 1346) случилось солнечное затмѣніе, цѣлыя мнѣнья птицъ пролетали съ крикомъ надъ войсками, дождь шелъ ливнемъ, сопровождаемый молніями и грохотомъ грома⁹.

Около трехъ часовъ, а по словамъ другихъ около пяти часовъ, именно когда солнце прояснилось и засіяло среди тучъ, Генуэзцы должны были начать бой. После троекратнаго браннаго восклицанія, они устремились въ атаку, но потому ли что отъ сильнаго дождя замкнули тетивы ихъ арбалетовъ, или по причинѣ изнуренія отъ погоды и трудовъ похода (они слѣдали

въ этотъ день шесть французскихъ миль) или наконецъ по тому ужасу, который овладѣлъ ими при видѣ превосходнаго числа англійскихъ стрѣлковъ: довольно того, что они въ самомъ началѣ атаки пришли уже въ замѣшательство. Графъ Алапсонскій, выведенный этимъ изъ хладнокровія, приказалъ своимъ жандармамъ рубить бѣгущихъ (*tuez toute cette ribaudaille, car ils nous empêchent la voie sans raison*), но, видя, что и это не помогаетъ, онъ открылъ себѣ дорогу къ непріятелю черезъ всю толпу бѣгущихъ въ безпорядкѣ Генуэзцевъ. Но уже въ продолженіи движенія отрядъ его потерялъ весьма много отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, а правильной атаки нельзя было произвести раньше какъ выбравшись совершенно изъ толпы бѣгущихъ. Успѣвъ въ этомъ, отрядъ его окружилъ непріятельскихъ стрѣлковъ и въ то же время атаковалъ жандармовъ, находившихся въ центрѣ первой линіи. Побѣда колебалась на обѣ стороны. Въ помощь первой линіи подоспѣла вторая подъ начальствомъ Аронделя и Нортемптона, бой возгорѣлся еще сильнѣе, но казалось, что поверхность должна была остаться на сторонѣ Французовъ. Тогда Варвикъ отправилъ къ королю рыцаря сиръ Томаса Норвича съ просьбою о помощи. Но Эдуардъ, наблюдая ходъ дѣйствій съ одного возвышенія, не видя еще надобности подкрѣплять свои войска, отвѣчалъ посланному: «Скажите Варвику, что онъ не получитъ ничего; пусть онъ, мальчишка, заслужитъ сегодня честь носить тѣ шпоры, которыя я ему недавно подарилъ (*que l'enfant gagne ses crépons*); слава этого дня должна принадлежать ему и его войскамъ.» Эти слова воспламенили Англичанъ новымъ мужествомъ: между тѣмъ атаки Французовъ постепенно слабѣли; братъ короля, графъ Алансонскій, графъ Фландрскій, и многіе знатные рыцари, лишились жизни отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; вся линія начала уступать въ безпорядкѣ; непріятельская цѣхота преслѣдовала ихъ, и при этомъ случаѣ въ особенности Валлійцы, вооруженные длинными ножами, истребили весьма много

Французскихъ рыцарей, которые, потерявъ коней, въ тяжеломъ своемъ вооруженіи сдѣлались совершенно неповоротливыми. Тщетно король лично поспѣшилъ своему брату въ подкрѣпленіе; безпорядокъ, вкравшійся во всѣ части арміи, сдѣлалъ совершенно невозможнымъ возстановить сраженіе. Лошадь короля была убита: онъ сѣлъ на другую, которую графъ Геннегаускій схватилъ за поводъ, и онъ-то успѣлъ спасти своего государя съ поля сраженія. Филиппъ съ незначительною свитою къ вечеру прибылъ опять въ Аміенъ. Съ удаленіемъ французскаго короля прекратились главныя атаки, но все еще производилось множество частныхъ схватокъ, разумѣется, безъ всякаго единства. Во время этихъ дѣйствій лишился жизни слѣпой король Богемскій. Услышавъ, что Французы уже ослабѣвали, онъ спросилъ, гдѣ находится сынъ его Карлъ. Люди отвѣчали, что не знаютъ, но что онъ вѣрно сражается гдѣ нибудь вблизи. Тогда король спросилъ, чтобы его подвели довольно далеко впередъ, для того чтобы сдѣлать еще хорошій ударъ мечемъ. Рыцари, опасаясь потерять его изъ виду въ толпѣ сражавшихся, привязали поводъ своихъ лошадей къ королевской лошади и, согласно желанію государя, поскакали съ нимъ въ атаку. Король сдѣлалъ еще болѣе шести ударовъ и сражался весьма храбро, пока наконецъ онъ и сопутники его не были убиты ¹⁰.

Съ наступленіемъ вечера бой началъ мало-по-малу прекращаться, и тишина ночи прерывалась только криками разсѣянныхъ по полю сраженія, рыцарей, отыскивавшихъ свои знамена. Король Эдуардъ, хотя и убѣжденный въ томъ, что непріятель былъ опрокинутъ, не зналъ еще всей важности одержанной побѣды, и приказалъ своимъ войскамъ развести огни и ни на шагъ не сходить со своихъ мѣстъ. Послѣ того онъ поспѣшилъ къ переднимъ войскамъ, чтобы повидаться съ своимъ сыномъ. «Вы вели себя какъ слѣдуетъ благородному человѣку, и явились достойнымъ меня и моей короны». Принцъ сталъ на колѣни

передъ нимъ, и приписалъ всю побѣду исключительно искусству своего родителя, а не собственнымъ заслугамъ.

На другой день густой туманъ, покрывавшій всю окрестность, воспринятствовалъ обѣимъ сторонамъ принять надлежащія мѣры, побѣжденной для обезпеченія себя, а побѣдителю для извлеченія пользы изъ одержанной поверхности. Эдуардъ, однако же, послалъ въ это время отрядъ въ три тысячи человекъ на рекогносцировку непріятеля. Изъ распросовъ множества ратниковъ, отыскивавшихъ свои мѣста, а равно по тому, что къ полю сраженія безпрестанно прибывали отряды, ничего не знавшіе о бывшей битвѣ, рекогносцировавшія войска легко догадались, что французская армія находилась въ величайшемъ безпорядкѣ и разстройствѣ. Многіе изъ такихъ отрядовъ были истреблены безъ всякаго почти съ ихъ стороны сопротивленія. Наконецъ, когда солнце прояснилось среди облаковъ, рѣшительныя атаки англійской кавалеріи довершили поражение непріятеля. Всѣ войска, оставшіяся на полѣ сраженія, были истреблены. Чтобы ловить разсѣянныхъ Французовъ, употреблена была даже хитрость, а именно, отнятыя у нихъ знамена были поставлены на возвышеннѣйшихъ точкахъ мѣстности, съ тѣмъ, чтобы они казались сборными знаками для принадлежащихъ къ нимъ воиновъ, потомъ когда кто-нибудь туда приближался, его тотчасъ убивали. Говорятъ, что на другой день кровопролитіе было еще ужаснѣе чѣмъ въ день самаго сраженія, и къ вечеру потеря непріятеля на полѣ битвы сдѣлалась уже съ точностью извѣстна англійскому королю: онъ узналъ, что Французы потеряли убитыми одиннадцать князей, осмьдесятъ баннеретовъ, тысячу двѣсти рыцарей, четыре тысячи всадниковъ и около тридцати тысячъ пѣшихъ ратниковъ. Эдуардъ далъ непріятелю три дня перемирія для погребенія павшихъ въ бою, и въ траурѣ лично присутствовалъ на панихидѣ, отпѣваемой за нихъ на кладбищѣ въ Монтене.

Военные писатели часто полагали, что въ этомъ сраженіи Англичане употребляли уже пушки, но изъ современниковъ упоминаеть объ этомъ одинъ только Виллани ¹¹. По его словамъ Англичане имѣли на возахъ и подъ ними порожніе котлы, изъ которыхъ, вмѣстѣ съ огнемъ извергали маленькія желѣзныя пули. Выстрѣлы котловъ были такъ сильны, что земля стонала отъ нихъ, грохотъ ихъ уподоблялся грому, удары же снарядовъ убивали людей и лошадей. Обстоятельство это, забытое Фроассаромъ, оспориваемое Гиббономъ, и опровергнутое Юмомъ (Hume), могло бы само по себѣ быть впрочемъ и справедливо, какъ это увидимъ впоследствии, но Эдуардъ безъ всякаго сомнѣнія не имѣлъ ни одной пушки при своей арміи. Во-первыхъ, если бъ онѣ были у него, онъ употребилъ бы ихъ прежде при переправѣ черезъ Сену, а объ этомъ не преминули бы упомянуть какъ англійскіе такъ и французскіе писатели; во-вторыхъ, при подробномъ описаніи боеваго порядка Англичанъ, писатели обоихъ народовъ ничего не говорятъ ни о возахъ (*carré*), ни о стоявшихъ на нихъ или подъ ними (*su i carré o sotto i carré*) прикрытыхъ метательныхъ орудіяхъ (*alla coverta di sargane e di drapè*). Фроассаръ замѣчаетъ именно ¹², что король построилъ вагенбургъ, но единственно для того чтобы расположить въ немъ внѣ опасности свои багажи и лошадей спѣшившихся рыцарей. Весьма вѣроятно, что генуэзскіе арбалетчики, для оправданія своего малодушія въ этомъ сраженіи, приписали всѣ успѣхи непріятели извѣстному уже тогда во многихъ мѣстахъ дѣйствию огнестрѣльныхъ орудій. Грохотъ, подобный грозѣ, въ совокупности съ извѣстіями о величинѣ потери Французовъ, придавали этому предположенію весьма много вѣроятности. Свѣдѣнія объ этомъ сраженіи можетъ быть дошли до Виллани черезъ италіянскихъ стрѣлковъ, а какъ въ это время во многихъ мѣстахъ расходились слухи о новомъ изобрѣтеніи, то лѣтописецъ безъ сомнѣнія могъ повѣрить этимъ толкамъ.

Первая побѣда, лично одержанная Эдуардомъ, была и послѣднею его побѣдою; послѣ того времени великіе народныя подвиги принадлежатъ уже его сыну, за исключеніемъ только осады Калѣ, о которой будетъ говорено при обзорѣ поліорцетики этого времени, и гдѣ онъ является еще разъ достойнымъ славы побѣдителя при Кресси. Сынъ его Эдуардъ, герцогъ Валлійскій, по вооруженію прозванный Принцемъ Чернымъ, столь блестящимъ образомъ заслуживъ рыцарскія шпоры подъ Кресси, предводительствовалъ всѣми англійскими войсками во Франціи со времени перемирія, послѣдовавшаго за взятіемъ Калѣ. Въ 1355 году, изъ Бордо онъ отправился опустошать Францію съ арміею, силою около шестидесяти тысячъ человѣкъ. Раздѣляясь на нѣсколько отрядовъ (battles), онъ двинулся сперва черезъ графство Арманьякъ до самаго подножія Пиреней, потомъ, повернувъ къ сѣверу, разорилъ и сжегъ все до самой Тулузы. Посредствомъ брода онъ перешелъ черезъ Гаронну, подступилъ подъ Каркассонъ и Нарбонну, и оба эти города превратилъ въ пепель. Опустошивъ такимъ образомъ всю страну, отъ Бискайскаго Залива до Средиземнаго моря и отъ Пиреней до Гаронны, разоривъ втеченіи семи недѣль болѣе семи сотъ городовъ и селеній, онъ возвратился въ Бордо съ богатою добычею.

Современно съ этимъ Эдуардъ наступалъ отъ Калѣ, но мудрыя мѣры, принятыя Іоанномъ, преемникомъ Филиппа, принудили его вскорѣ отказаться отъ своихъ намѣреній, а внутреннія волненія въ Англии были причиною того, что онъ оставилъ даже берега Франціи. Слѣдующій за этимъ годъ (1356) ознаменованъ въ военной исторіи величайшею побѣдою, какою только прославилось царствованіе Эдуарда. Между тѣмъ какъ герцогъ Ланкастерскій съ незначительнымъ отрядомъ занималъ Французовъ въ Нормандіи, Принцъ Черный съ арміею, не превосходившею двѣнадцати тысячъ человѣкъ, въ которой, однако, не находилось и одной трети

части природныхъ Англичанъ, открылъ походъ столь же опустошительный, какъ и въ прошломъ году. Но въ этотъ разъ, опустошенія его были еще ужаснѣе. Куда онъ ни повернулъ, вездѣ, деревни, села и города исчезали въ пламени. Самые англійскіе писатели соглашаются въ томъ, что войска нарочно топтали рожь, находившуюся въ полѣ, убивали скотъ, уничтожали продовольствіе, котораго не могли израсходовать, и наконецъ уводили въ Бордо всѣхъ лицъ, которыя только были въ состояніи дать за себя какой нибудь выкупъ.

Опустошеніе распространялось такимъ образомъ отъ города до города, отъ области въ область. Герси, Лимузенъ, Овернь, Берри, за исключеніемъ только городовъ Буржъ, Лиможъ и Иссудинъ, были превращены въ совершенную пустыню. Принцъ Черный полагалъ дойти разбойничимъ своимъ походомъ до Нормандіи, но прибывъ къ Лоарѣ, онъ нашелъ всѣ мосты разрушенными, всѣ переправы занятыми непріятелемъ и по довольно неопредѣлительнымъ слухамъ узналъ, что король Іоаннъ находился вблизи съ шестидесяти-тысячною арміею. Король французскіи дѣйствительно приказалъ всѣмъ оставшимся еще вѣрными ему вассаламъ собираться въ Шартръ. Оттуда, обратясь къ Лоарѣ, онъ переправился черезъ эту рѣку при Блоа, и пошелъ далѣе черезъ Амбоазъ, Лошъ и Шовиньи къ Поатіе съ намѣреніемъ отрѣзать юнаго своего соперника отъ сообщеній, что ему и удалось. Принцъ Черный, потерявъ бесполезно много времени при взятіи Роморантина (при чемъ всего болѣе способствовали ему бомбарды и греческій огонь), поздно уже узнавъ о прибытіи своего противника, не мало удивился, наткнувшись послѣ утомительнаго похода на авангардъ короля при Мопертюи, въ двухъ миляхъ на сѣверъ отъ Поатіе. Слова, сказанныя тогда принцемъ, «Господи помози! намъ не остается ничего болѣе, какъ храбро сражаться», доказываютъ, что принцъ понималъ всю опасность своего положенія.

Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе силъ обѣихъ армій, и не сравнивая различныхъ объ этомъ предметѣ мнѣній, скажемъ, что Французы были почти въ семь разъ многочисленнѣе Англичанъ. Но предусмотрительность храбраго Принца Чернаго, который съ особеннымъ искусствомъ умѣлъ употребить мѣстность въ свою пользу, устранила перѣшительность, которая можетъ случиться даже и въ то время, когда геній дѣйствуетъ противъ толпы, взволнованной страстями. Принцъ съ намѣреніемъ выбралъ позицію на горѣ Champ de Maurertuis, недалеко отъ Бомона, пересѣченной заборами, кустами, огородами, и къ вершинѣ которой вела одна только узкая дорога, chemin montani. Расположась такимъ образомъ, онъ парализировалъ уже всю французскую кавалерію, то есть, самую отборную часть арміи. Прямо противъ восхода на гору, нѣсколько позади, онъ расположилъ пѣхоту и тяжелую кавалерію, передъ которыми находилась половина стрѣлковъ въ такомъ же строю, какъ при Кресси, то есть, въ видѣ бороны. Другая половина стрѣлковъ заняла всѣ заборы и кусты, особенно вдоль дороги, чтобы приближающагося непріятели поражать, не только съ фронта, но и съ фланговъ. Принцъ находился при тяжелой своей кавалеріи, почти въ центрѣ поля сраженія. Изъ этого видно, что Французы, для атаки Англичанъ, должны были проходить узкую, довольно длинную дефилею, фронтомъ не болѣе какъ въ три лошади, подвергаясь ужасному дѣйствію стрѣлковъ.

Французскій военный совѣтъ, разбирая различныя средства, къ которымъ можно было прибѣгнуть для атаки дефилеи, выбралъ самое худшее, предложенное сиромъ Рибанмономъ, человѣкомъ, имѣвшимъ громкую славу опытнаго военачальника. По плану его, король рѣшился спѣшить всю кавалерію, за исключеніемъ только отважнѣйшихъ рыцарей, долженствовавшихъ въ головѣ колонны произвести атаку на лошадей и этимъ облегчить другимъ войскамъ переходъ черезъ дефилею. Соотвѣтственно этому, вся французская

армія построилась противъ непріятеля въ три отряда, каждый примѣрно силою около шестнадцати тысячъ человекъ. Первый отрядъ, подъ начальствомъ герцога Орлеанскаго, расположился прямо противъ дефилен, а два другіе уступообразно позади, для охраненія его фланговъ. Король, и сынъ его Филиппъ, приняли начальство надъ правымъ, а дофинъ и его братья надъ лѣвымъ флангомъ. За исключеніемъ трехъ сотъ жандармовъ, назначенныхъ составлять головной отрядъ, изъ остальной кавалеріи осталось на лошадахъ незначительное лишь число Нѣмцевъ, для употребленія ихъ въ неожиданныхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ, когда все было уже построено къ бою и войска ожидали только сигнала, явился на бранимъ полѣ епископъ Таллеранъ-Перигоръ съ предложеніемъ мира. Изъ переговоровъ и условій видно, какъ мало юный принцъ надѣялся на побѣду. Онъ предлагалъ возвратить своему противнику всеъ завоеванія, добычу и плѣнныхъ, и сверхъ того давалъ обѣщаніе не служить впродолженіи семи лѣтъ. Король Іоаннъ отвѣчалъ на это гордымъ требованіемъ, чтобы принцъ съ сотнею отборныхъ рыцарей сдался въ плѣнъ. Требованіе это было отвергнуто, и обѣ стороны должны были рѣшить споръ боемъ, но Англичане, пользуясь временемъ переговоровъ, укрѣпили еще болѣе свою позицію и построили вагенбургъ. У Французовъ, напротивъ того, въ первоначальномъ планѣ не произошло ни какой перемѣны, кромѣ того, что герцогъ Орлеанскій былъ освобожденъ отъ опасной чести начальствовать авангардомъ. Мѣсто его заняли маршалы Арнольдъ д'Анденгамъ и Іоаннъ де Клермонъ, а герцогъ, кажется, принялъ начальство надъ резервомъ, долженствовавшимъ поддерживать ихъ войска.

Съ восхожденіемъ солнца (19-го сентября 1356) началось сраженіе. Французскіе маршалы, въ головѣ вѣтренихъ имъ трехъ сотъ жандармовъ, смѣло ворвались въ дефилен. Вначалѣ они не испытывали почти ни какого сопротивленія, но потомъ были со

всѣхъ сторонъ осыпаны стрѣлами, отъ которыхъ, по словамъ лѣтописцевъ, весь воздухъ затемнился¹⁵. Стѣсненіе людей и лошадей было чрезвычайно. Небольшой только отрядъ съ величайшимъ трудомъ успѣлъ прорваться черезъ опасную тѣснину, и хотя онъ тотчасъ устремился въ атаку, однако ни одинъ человекъ не достигъ непріятельскаго фронта. Маршалъ д'Анденгамъ одинъ изъ первыхъ былъ выброшенъ изъ сѣдла и взятъ въ плѣнъ; Клермонъ лишился жизни. Недостатокъ предводителей увеличилъ общій беспорядокъ, а современная атака непріятельской кавалеріи довершила пораженіе головы французской колонны. Всѣ, что спаслись отъ гибели, бросились назадъ прямо на спѣшенныхъ жандармовъ, шедшихъ на подкрѣпленіе головныхъ войскъ. Робость и замѣшательство сообщились имъ; атакованные съ фронта Англичанами и тѣснимые собственными войсками, а съ тылу напѣраемые главными силами, жандармы послѣ нѣкотораго времени обратились въ совершенное бѣгство. Беспорядокъ сообщился и лѣвому крылу, находившемуся подъ начальствомъ дофина, а между тѣмъ шесть сотъ Англичанъ, подъ командою Капталя де Бюша, пройдя черезъ одно возвышеніе, атаковали и этотъ флангъ. Рыцари заднихъ шеренгъ, заботясь болѣе о своихъ лошадяхъ чѣмъ о выигрышѣ сраженія, оставили ряды, чтобы коней своихъ отвести въ безопасное мѣсто. Сиръ Сентъ-Венансъ и Ландасъ, которымъ было поручено наблюденіе за молодыми принцами, полагая своею обязанностью не подвергать ихъ опасности, отослали ихъ въ Шовиньи подъ прикрытіемъ осми сотъ копейщиковъ. Это обстоятельство, совокупно съ фронтальными атаками Англичанъ, подѣйствовало столь вредно на духъ Французовъ, что они сочли сраженіе совершенно потеряннымъ. Герцогъ Орлеанскій приказалъ своимъ войскамъ начать отступленіе, которое вскорѣ превратилось въ бѣгство. Оставался еще одинъ только королевскій отрядъ, который по числительной силѣ былъ однако жъ болѣе всей англійской арміи, на-

ходившейся въ этомъ сраженіи. Въ это время храбрый сирь Джонъ Чендосъ уговорилъ принца Эдуарда, съ главными своими силами атаковать французскаго короля. «Я знаю его, присовокунилъ онъ, какъ храбраго рыцаря, который никогда еще не бѣжалъ отъ непріятели; бой вѣроятно будетъ стоить много крови, но, если Богу угодно, король будетъ нашимъ плѣнникомъ». Этотъ совѣтъ получилъ одобреніе принца, и англійская армія тотчасъ двинулась къ мховому болоту, на которомъ стояли Французы. Первый ударъ ея былъ обращенъ противъ нѣмецкой конницы, которая мужественно встрѣтила непріятели, но, потерявъ вдругъ трехъ изъ своихъ предводителей, графовъ Саарбрюккаго, Нассаускаго и Индаускаго, обратилась потомъ въ бѣгство. Готіе де Бриеннъ, герцогъ Аѳинскій и копнетабль французскій, устремившійся въ атаку съ крикомъ *Mountjoy St. Denis!*, былъ поднятъ на копья Англичанами съ народнымъ восклицаніемъ *St. George for Guienne!*, и вскорѣ весь его отрядъ былъ истребленъ. Тогда король, въ отчаяніи, съ сѣкирою въ рукѣ, повелъ собственный свой отрядъ противъ Англичанъ. Личною своею храбростію онъ долго поддерживалъ сраженіе, получилъ двѣ раны въ лицо, но наконецъ былъ опрокинутъ и окруженъ густыми рядами враговъ. Въ это время подступилъ къ нему молодой рыцарь, согнулъ колѣно и просилъ его лучше сдаться, чѣмъ подвергать свою жизнь опасности: *Rendez-vous, rendez-vous, on vous êtes mort!* Но Іоаннъ не хотѣлъ сдаться ни кому другому, кромѣ принца Эдуарда, своего родственника. Когда рыцарь сказалъ ему, что принцъ находится далеко отъ этого мѣста, но что онъ его проведетъ туда, король спросилъ его: «Кто же вы таковы?» — «Денисъ де Морбекъ, отвѣчалъ онъ, рыцарь изъ Артоа, изгнанный изъ Франціи (*et qui j'y ai tout forfait le mien*) и обстоятельствомъ принужденный служить англійскому королю». Іоаннъ согласился быть его плѣнникомъ (*lui bailla son dextre gant*). Но Англичане, завидуя такой чести

иноплеменнику, хотѣли отнять у него побѣжденнаго вѣщениосца. Гасконцы, находившіеся въ арміи, вступились за своего соотечественника, обѣ стороны были готовы прибѣгнуть къ оружію, и жизнь короля находилась въ опасности (*en disputant entre eux ils tiraient le roi*)¹⁴, когда появился Варвикъ, присланный принцемъ для узнанія, что дѣлается съ Іоанномъ. Варвикъ, усмиривъ споръ между рыцарями, представилъ короля главнокомандующему, который принялъ вѣщениоснаго своего плѣнника съ достойнымъ его сана уваженіемъ и обращался съ нимъ великодушно.

Въ этомъ рѣшительномъ сраженіи Французы потеряли убитыми восемь тысячъ человекъ на полѣ битвы, и три тысячи во время бѣгства; въ плѣнъ же было взято около шестнадцати тысячъ человекъ, большею частью подъ стѣнами Поатіе, куда они хотѣли спастись, но не были впущены изъ опасенія, чтобы непріятель вмѣстѣ съ ними не ворвался въ городъ. Между ними находилось семнадцать графовъ и восемь сотъ бароновъ и рыцарей, большею частью раненыхъ, что впрочемъ, въ отношеніи къ числу не удивительно, потому что въ одной свитѣ короля находилось двадцать шесть герцоговъ и графовъ. Англичане потеряли не болѣе девяти сотъ жандармовъ и тысячи пяти сотъ стрѣлковъ. Сраженіе продолжалось съ утра до полудня.

Изъ сравненія обоихъ сраженій слѣдуетъ, что англійскіе полководцы искусствомъ неоспоримо превосходили французскихъ, которые имѣли всегда великій перевѣсъ числительной силы, и не только считали себя въ безопасности, но даже, прельщаясь числомъ, слишкомъ предавались безбечности¹⁵. Оба сраженія были ими начаты въ безпорядкѣ, по внушенію одной только вражды и пылости, и оба окончились паническимъ страхомъ, который былъ главнѣйшею причиною рѣшительнаго ихъ пораженія. Битва подъ Кресси должна была по-крайней-мѣрѣ сдѣлать Іоанна болѣе осторожнымъ. Впрочемъ въ обоихъ сраженіяхъ англійскіе стрѣлки играли столь важную роль, что по

всей справедливости имъ должно приписать побѣду, въ чемъ соглашались уже и современные писатели ¹⁶. Этотъ образъ боя, будучи совершенно новымъ для Французовъ, тѣмъ большій наводилъ на нихъ ужасъ, что онъ по существу своему былъ совершенно противоположенъ образу дѣйствія жандармовъ. Это былъ родъ разсыпнаго строя (*en tirailleurs*), а успѣшное употребленіе его вело къ послѣдствіямъ, не менѣе важнымъ тѣхъ, которыя получаютъ нынче въ легкой пѣхотѣ.

Претерпѣнное пораженіе, равно какъ плѣнъ короля, казалось бы, должны были повести, если не къ заключенію мира, по-крайней-мѣрѣ къ весьма опасному положенію Франціи и выгоднымъ для Англичанъ обстоятельствамъ. Со всѣмъ тѣмъ мы находимъ противуположное. Въ октябрѣ 1359 года Эдуардъ переправился опять во Францію изъ ¹⁷ Сендвича, съ арміею, какой болѣе столѣтія уже не бывало въ Англии. Въ Кале присоединились къ нему всѣ удалыцы, бродяги, а частью и храбрые воины, изъ Германіи, Брабанта, Фландріи и Геннегау, въ надеждѣ на богатую во Франціи добычу (*tant gagner que jamais ne seraient paucres*). Съ этою арміею, раздѣленною на три колонны (*battles*), слѣдовавшія въ значительномъ другъ отъ друга разстояніи, онъ двинулся черезъ Пикардію, Артуа, Камбрези, къ Рену (*Rheims*). Въ интервалахъ, между частями войскъ, слѣдовали возы съ палатками, мельницами и кузницами, числомъ до шести тысячъ повозокъ, запряженныхъ каждая четырьмя лошадьми. Кромѣ того на этихъ фурахъ провозились небольшія лодки изъ вываренной кожи, которыя три человѣка могли переносить, и о которыхъ лѣтописи говорятъ, что онѣ были весьма полезны для ловли рыбы на столы бароновъ и лордовъ во время постовъ. Фроассаръ упоминаетъ сверхъ того о множествѣ предметовъ роскоши, находившихся при арміи.

Король англійскій осадилъ Ренсъ, съ намѣреніемъ, послѣ взятія города, приказать помазать себя на французскій престолъ; но послѣ семи недѣль безславной

осады долженъ былъ отступать и двинулся къ Парижу. Но и тутъ счастье не благопріятствовало ему: послѣ значительнаго урона онъ принужденъ былъ обратиться въ бѣгство, во время котораго, по словамъ лѣтописей, Англичане въ одинъ день потеряли шесть тысячъ лошадей. Стихи и ужасныя бѣдствія, окружавшія короля, такъ сильно подѣйствовали на него, что онъ, соскочивъ съ лошади и протянувъ руки къ Шартрскому Собору, далъ клятву согласиться на какое бы то ни было справедливое предложеніе мира, слѣдствіемъ чего, говорятъ, былъ миръ, заключенный въ Бретиньи (8 мая 1360).

Мы не будемъ описывать ужасовъ, долгое время еще сопутствовавшихъ дѣйствіямъ Эдуардовыхъ *дружинъ* (*companies*), хотя и противъ его приказаній. Оставимъ безъ вниманія даже нѣкоторыя отдѣльныя предпріятія Принца Чернаго, единственною цѣлью которыхъ было всегда опустошеніе непріятельской страны. Хотя побѣдоносныя знамена Англичанъ нѣсколько разъ еще развѣвались подъ стѣнами Парижа, хотя арміи ихъ, проходя Пикардію, Шампанію и Бри, оставили вездѣ слѣды разоренія, и безпрестанно ходили взадъ и впередъ отъ Нормандіи до Гиенны, однако въ отношеніи къ искусству всѣ эти предпріятія ничѣмъ не замѣчательны. Карлъ V воспретилъ своимъ войскамъ всякія рѣшительныя дѣйствія противъ Англичанъ. Смотри терпѣливо на всѣ опустошенія, производимыя непріателемъ, Французы придерживались съ удивительнымъ постоянствомъ обдуманной системѣ медленія (*Zauderungssystem*), и даже принцы крови должны были повиноваться строгимъ велѣніямъ короля. Весьма вѣроятно, что это постоянство очень много способствовало Французамъ къ поправленію своихъ обстоятельствъ. Въ этой борьбѣ всѣ города уподоблялись крѣпостямъ, для защиты которыхъ почти во всемъ государствѣ городскія общины напимали себѣ блуждавшія банды (*companies*). Жалованье ихъ было безъ сомнѣнія весьма значительно; каждый рыцарь получалъ въ день

шесть франковъ, на каждое же копье, состоявшее изъ трехъ лошадей, отпускалось по одному франку въ сутки¹⁸. Уже въ 1374 году побѣдитель при Кресси и Поатіе имѣлъ въ своей власти только Кале, Бордо, Баіонну и нѣкоторые города на рѣкѣ Дордонн. Побѣды, прославившія первые годы его царствованія, оставили въ концѣ его поприща одни только слѣды продолжительной и бесполезной борьбы. Не отвлекаясь болѣе описаніемъ непрерывныхъ стычекъ и опустошеній, которыми наполнены лѣтописи того времени, мы удовольствуемся разсмотрѣніемъ главнѣйшихъ только событій, и потому, безъ нарушенія общей связи, приступимъ прямо къ царствованію Генриха V. Государь этотъ высадилъ въ Гавръ-де-Грасѣ армию, состоящую изъ шестнадцати тысячъ жандармовъ и двадцати четырехъ тысячъ стрѣлковъ, и сдѣлавъ надлежащія распоряженія для переноски продовольствія и другихъ запасовъ на берегъ, обратился немедленно въ Гарфлёръ и осадилъ этотъ городъ, какъ съ сухопутной такъ и съ морской стороны. Послѣ семи недѣль мужественной обороны гарнизонъ долженъ былъ сдать, въ особенности, потому что Англичане здѣсь пользовались уже весьма искусно огнестрѣльными орудіями. Но усилія атаки, равно какъ заразительная болѣзнь, распространившаяся между войсками, истребили значительную часть англійской арміи. Король, не желая терять напрасно издержекъ, которыхъ стоила ему приготовленія къ походу, а еще болѣе опасаясь дурной молвы, хотѣлъ какимъ нибудь смѣлымъ предпріятіемъ возвратить прежнюю славу своимъ знаменамъ, и рѣшился, черезъ Нормандію, Пикардію и Артуа, двинуться къ Кале. Но въ Нормандіи была расположена французская армія, простиравшаяся до сорока тысячъ человекъ пѣхоты и шести тысячъ лошадей, которая состояла подъ управленіемъ коннетабля д'Альбрѣ и подъ личнымъ предводительствомъ дофина. Опытные воины противились столь смѣлому предпріятію, но король Генрихъ отвергнувъ ихъ совѣты, и приказавъ арміи

отправиться въ походъ. Въ обыкновенномъ боевомъ порядкѣ, то есть, въ трехъ большихъ отдѣленіяхъ (battles) и двухъ отдѣльныхъ отрядахъ, составлявшихъ авангардъ и арріергардъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечившихъ армию съ фланговъ, Англичане начали опасное свое движеніе. Французы, съ своей стороны слѣдуя принятой съ нѣкотораго времени системѣ, довольствовались небольшими выгодами, и избѣгали большихъ, рѣшительныхъ сраженій, ограничиваясь тѣмъ, что они окружали противника со всѣхъ сторонъ, до такой степени, что каждый отлучившійся отъ главной колонны попадался въ плѣнъ. Кромѣ того они пресѣкали непріятелю всѣ подвозы продовольствія, отъ чего вскорѣ ужасный недостатокъ появился въ англійской арміи. Армія эта, атакованная гарнизономъ Э (Eu) на рѣкѣ Бреслѣ, успѣла переправиться черезъ рѣку, по ей предстояли еще величайшія затрудненія при дальнѣйшемъ слѣдованіи къ рѣкѣ Соммѣ. Прибывъ туда, Генрихъ хотѣлъ подражать примѣру Эдуарда, и полагаясь на свое счастье и мужество войскъ форсировать переправу при Бланштавнѣ, но Французы, пользуясь опытомъ послѣдняго случая, перегородили бродъ палисадами, и поставили позади его значительный отрядъ жапдармовъ и стрѣлковъ. Это принудило короля искать другой дороги. Возвратясь въ Арраму и обойдя Аббевиля, гдѣ стоялъ коннетабль д'Альбрè, онъ прошелъ по лѣвому берегу Соммы до Байёля. Но непріятель съ своей стороны слѣдовалъ также за его движеніями по другому берегу, и гдѣ онъ ни пытался переправиться, вездѣ броды были уничтожены и мосты сломаны. При Понъ-Сенъ-Реми и Понъ-Одемера покушеніе его имѣло слѣдствіемъ довольно значительный уронъ. Наконецъ случаемъ, а можетъ быть и дѣятельностью Генриха, былъ открытъ бродъ, при Бетанкурѣ, который по неосторожности сенъ-кантенской милиціи не былъ занятъ. Генрихъ весьма искусно воспользовался этимъ обстоятельствомъ, и, прежде чѣмъ Французы успѣли принять надлежащія мѣры, переправился черезъ рѣку при

Ваиенцъ и Бетаякурфъ, и утвердился на правомъ берегу въ Монши-ла-Гошъ. Коннетабль д'Альбрё, узнавъ объ этомъ, отступилъ по дорогѣ къ Кале до Бапомфъ и Сенъ-Поля, и приказалъ собираться туда всѣмъ слѣдовавшимъ къ нему подкрѣпленіямъ. Это обстоятельство, что Генрихъ, несмотря на всѣ мѣры своихъ противниковъ, ускользнулъ отъ гибели, оскорбило Французовъ до такой степени, что они вдругъ оставили обдуманную свою систему малой войны и отважились на сраженіе. Военный совѣтъ, собранный Карломъ VI въ Руанѣ большинствомъ тридцати пяти голосовъ противъ пяти, рѣшилъ бою. Рѣшеніе это три герольда предложили на колѣняхъ англійскому королю. На вопросъ ихъ, по какой дорогѣ онъ намѣренъ идти, Генрихъ отвѣчалъ: «Я пойду прямо къ Кале, ни скорѣе ни медленнѣе противъ обыкновеннаго, и не избѣгая вовсе встрѣчи со всякимъ, кто станетъ на дорогѣ; но, присовокупилъ онъ, я бы желалъ лучше не проливать христіанской крови.» Послѣ того онъ сдѣлалъ богатые подарки герольдамъ, которые со страхомъ приняли на себя порученіе представиться ему, и отпустилъ ихъ.

Дѣйствительно, на другой день Англичане отправились въ походъ къ Бланжи, въ обыкновенномъ своемъ порядкѣ. Вслѣдствіе дурныхъ распоряженій противника, они получили возможность во-время овладѣть мостомъ на быстрой рѣкѣ Терноа и безпрепятственно продолжать свое движеніе. Вскорѣ лазутчики короля открыли многіе непріятельскіе отряды, шедшіе по направленію къ Азенкуру. Король, обозрѣвъ ихъ съ одной высоты, приказалъ своимъ войскамъ двигаться туда; но какъ не видно было болѣе непріятелей, то онъ дошелъ до деревни Мезонсель, лежащей на большой дорогѣ.

Французы, силою около шестидесяти тысячъ чело-вѣкъ, желали немедленно атаковать Англичанъ, и коннетабль д'Альбрё съ великимъ трудомъ успѣлъ ихъ удержать. Не забывъ еще пораженій при Креса и Поатіе, онъ предпочиталъ остановиться въ

какойнибудь сильной позиции, такимъ образомъ, чтобы перегородить дорогу Англичанамъ и заставить ихъ вступить въ бой. Такую позицію онъ избралъ при Азенкурѣ въ разстояніи трехъ часовъ къ сѣверу отъ Сентъ-Поля и Геслена. Начальники, указавъ мѣста войскамъ, поставили знамена на тѣхъ пунктахъ, гдѣ войны должны были сражаться. Холодную и сырую ночь съ 24 на 25 октября Французы провели весело при пѣсняхъ, и Монстрелеть увѣряетъ, что они благовременно уже разсуждали о томъ, какую цѣну назначить за выкупъ взятаго въ плѣнъ англійскаго короля.

Въ лагерѣ Англичанъ происходило совершенно другое. Безпрерывныя стычки съ легкими французскими войсками (начиная съ 6 октября), ненастья, многообразные недостатки и утомительный походъ, произвели въ арміи множество болѣзней. Одно только одушевленіе юнаго ихъ короля и воспоминаніе побѣдъ, одержанныхъ предшественниками въ подобныхъ обстоятельствахъ, согрѣвало еще эту холодную толпу. Король Генрихъ, подавая примѣръ другимъ, отказывалъ себѣ въ отдыхѣ, проѣзжалъ лагерь и дѣлалъ надлежащія распоряженія къ слѣдующему дню. При свѣтѣ луны, свита его и другіе офицеры рекогносцировали мѣстность, а съ первыми лучами солнца армія послѣ утренней молитвы и молебна начала собираться на избранную боевую позицію. Она построилась по обыкновенію въ три линіи и два крыла, но эти крыла были такъ близко другъ отъ друга, что армія казалось составляла одну только массу. Малочисленность Англичанъ не дозволила дать боевымъ линіямъ болѣе четырехъ человѣкъ глубины. Не большіе лѣса прикрывали оба ея фланга и препятствовали ихъ обходу. Стрѣлки, составлявшіе надежнѣйшую часть арміи, и на которыхъ король болѣе всего полагался, стояли впереди жандармовъ. Свирѣпый видъ ихъ навелъ въ этотъ день ужасъ на неприятеля. Нѣкоторые изъ нихъ были совершенно безъ одежды, другіе имѣли открытыя грудь и плеча, для свободнѣйшаго движенія. Большая часть ихъ, ставили

наклонно передъ собою заостренныя съ обоихъ концовъ жерди, чтобы защитить себя отъ нападений французской кавалеріи.

Король въ стальномъ, полированномъ шлемѣ, украшенномъ короною изъ драгоценныхъ камней, и въ бранной одеждѣ съ гербами обоихъ государствъ, ѣздилъ отъ одного знамени къ другому, на сѣромъ жеребцѣ, и ободрялъ войска къ мужеству. Вдругъ послышалось ему, что одинъ воинъ говорилъ другому, что было бы весьма хорошо, если бъ какимъ либо чудомъ многіе изъ храбрыхъ рыцарей, праздно находившихся въ Англіи, явились вдругъ на полѣ сраженія. «Клянусь моею душою! возразилъ король, я не желаю имѣть ни однимъ человѣкомъ больше. Если Богъ даруетъ намъ побѣду, то онъ будетъ виновникомъ нашей славы; если же, напротивъ того, мы погибнемъ за отечество, то государство, по причинѣ незначительнаго нашего числа, потерпитъ меньшій уронъ. Сражайтесь только съ прежнимъ вашимъ мужествомъ, а Богъ насъ не оставитъ. Еще до наступленія ночи я надѣюсь, что враги будутъ либо истреблены либо у насъ въ плѣну.»

Французы расположились между Азенкуромъ и Фрамкуромъ, въ трехъ линіяхъ, каждая въ двадцать и даже въ тридцать человѣкъ глубины. Всѣ ихъ жандармы, за исключеніемъ весьма незначительной части, были спѣшены. Первая линія состояла изъ спѣшенныхъ жандармовъ подъ начальствомъ герцоговъ Орлеанскаго и Бурбоискаго. Осемь сотъ жандармовъ на коняхъ, расположившись по флангамъ, должны были при наступленіи непріятельскихъ стрѣлковъ атаковать ихъ съ боку. Вторую линію составляли войска городскихъ общинъ и остальные рыцари, подъ предводительствомъ герцога Алапсонскаго. Арріергардъ, въ отношеніи къ числу сильнѣйшій чѣмъ вся англійская армія, находился подъ начальствомъ Дамартенъ-де-Марля. Французы съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали боя и такъ опасались, чтобы Англичане не убѣжали, что почти всѣ рыцари, стояшіе во второй и въ третьей линіяхъ, чтобы скорѣе

сражаться, оставили свои мѣста и присоединились къ авангарду. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было, что заднія линіи остались почти совершенно безъ начальниковъ. Одинъ только герцогъ Берри, за пятьдесятъ девять лѣтъ сражавшійся при Поатіе, остался на своемъ посту. Разстояніе между противными арміями составляло не болѣе версты, но отъ проливнаго дождя, продолжавшагося всю ночь, земля разсыкла до такой степени, что кавалерія невозможно было дѣйствовать. Коннетабль рѣшился принять сраженіе, но, не желая первый начинать его, приказалъ войскамъ сѣсть вокругъ знаменъ и ожидать наступленія противника. Распоряженіе это ввело въ нѣкоторое затрудненіе англійскаго короля, который полагалъ навѣрное, что Французы будутъ его атаковать, но онъ воспользовался и этимъ обстоятельствомъ. Приказавъ войскамъ подкрѣпить силы пищею, онъ успѣлъ даже отправить скрытно (что не дѣлаетъ чести осторожности Французовъ) два отряда, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ расположиться въ засадѣ противъ лѣваго фланга Французовъ, а другой во время сраженія атаковать ихъ съ тылу.

Безполезное удалство Французовъ ускорило, можетъ быть, начатіе сраженія. При словахъ «Впередъ знамена», громко произнесенныхъ королемъ, выбѣжавшимъ впередъ, англійская армія тронулась съ мѣста и съ браннымъ крикомъ устремилась противъ непріятеля, въ боевомъ порядкѣ¹⁹. Въ разстояніи двадцати шаговъ отъ противника, Англичане остановились, отдохнули, и опять бросились въ атаку. Отрядъ осмисотъ жандармовъ, выбранныхъ коннетаблемъ для того чтобы, до начатія атаки, сломать англійскихъ стрѣлковъ, не могъ вовсе двигаться по разсыпанному грунту, и былъ такъ разстроенъ стрѣлками, что потомъ не могъ уже участвовать въ бою. Въ особенности лошади испугались до такой степени, что рыцари не могли съ ними справиться. Бывъ изранены, онѣ понесли своихъ всадниковъ въ густые ряды первой линіи, и этимъ про-

извели большой беспорядокъ: пользуясь случаемъ, англійскіе стрѣлки ворвались тотчасъ въ образовавшіеся интервалы, съ мечемъ и сѣкирою въ рукахъ. Тутъ они истребили весьма много рыцарей, въ числѣ которыхъ погибъ коннетабль и знатнѣйшіе начальники.

Между тѣмъ король, прибывшій съ жандармами, приказалъ стрѣлкамъ собраться опять и тотчасъ атаковать вторую линію. Но эта линія защищалась съ большею, чѣмъ первая, рѣшимостью и храбростью. Надобно было такого предводителя, какъ самъ король, чтобы послѣ двухъ часовъ боя одержать на этомъ мѣстѣ побѣду. Генрихъ нѣсколько разъ находился даже въ опасности. Въ то же самое время, когда онъ освободилъ отъ вѣрной гибели брата своего герцога Кларенскаго, бросилось на него самого осемнадцать французскихъ рыцарей, поклявшихся убить его или взять въ плѣнъ. Одинъ изъ нихъ ударилъ короля такъ сильно булавою, что тотъ чуть не упалъ на землю, и только приближеніе отряда тѣлохранителей избавило его отъ этой опасности. Со всѣмъ тѣмъ герцогъ Алапсонскій, начальствовавшій надъ второю линіею, открылъ себѣ къ нему дорогу; однимъ ударомъ повалилъ онъ герцога Йоркскаго, а другимъ раздробилъ шлемъ короля. Но вскорѣ герцогъ Алапсонскій былъ убитъ Англичанами, несмотря на то что онъ уже соглашался сдаться въ плѣнъ. Со смертью его, вся вторая линія обратилась въ бѣгство.

Со всѣмъ тѣмъ сильный отрядъ оставался еще въ готовности къ бою. Король Генрихъ полагалъ именно атаковать его, когда вдругъ разнеслась вѣсть, что сильный отрядъ Французовъ приближается съ тылу. Если бъ это извѣстіе было справедливымъ, то оно могло быть причиною совершеннаго пораженія Англичанъ, и потому Генрихъ отдалъ приказъ умертвить всѣхъ плѣнныхъ. Черезъ нѣсколько времени оказалось, что это былъ небольшой летучій отрядъ, сдѣлавшій нападеніе на Мезонселль съ цѣлю разграбить багажи и увести находившихся тамъ лошадей. Приказаніе о

плѣнныхъ было остановлено, но нѣсколько тысячъ дворянъ было уже истреблено. Третья линия, по числу силнѣе всей англійской арміи, защищалась весьма слабо: отрядъ, отправленный благовременно въ тылъ Французамъ и не открытый ими, напалъ на нихъ и совершенно отбилъ охоту сражаться. По словамъ лѣтописей, не болѣе тысячи двухъ сотъ человекъ послѣдовали мужественно за своими полководцами и нашли смерть или попались въ руки непріятеля²⁰; восемь тысячъ рыцарей и конюшихъ остались на полѣ сраженія: между ними сто банперетовъ, семь графовъ, три герцога и самъ коннетабль д'Альбрè. Англичане потеряли не болѣе тысячи шести сотъ человекъ убитыми, въ числѣ которыхъ былъ герцогъ Йоркскій. Король велѣлъ отправить на полѣ сраженія божественную литургію. Духовенство въ присутствіи всей арміи начало пѣть сто четырнадцатый псаломъ; и когда дошли до стиха «Не намъ, не намъ, Господи, а имени твоему принадлежитъ честь и слава,» всѣ воины, проникнутые чувствомъ благоговѣнія, согнули колѣна. Торжественное «Тебя Бога» заключило молебень. На другой день однако Англичане довольно поспѣшно отравились въ походъ къ Кале, мимоходомъ ограбивъ всѣхъ раненыхъ на полѣ сраженія и оставивъ ихъ въ этомъ видѣ хищнымъ жителямъ, которые отняли у нихъ послѣднее платье.

Ливіусъ и Эльмгемъ, жизнеописатели Генриха V, утверждаютъ, что Французы въ этомъ сраженіи употребляли уже метательныя машины, или пушки, изъ которыхъ бросали камни противъ Англичанъ, но Французскіе писатели умалчиваютъ объ этомъ обстоятельстве. Шеронъ Торнеръ, которому мы обязаны хорошею исторіею среднихъ вѣковъ Англій, упоминаетъ также о пушкахъ. «Французская артиллерія, говоритъ онъ, открыла огонь, но, при всемъ усердіи прислуги, выстрѣлы ея имѣли весьма незначительный успѣхъ²¹.» Но если разсудить, что эти предполагаемыя пушки стояли отъ непріятеля не далѣе ста двадцати ярдовъ, то есть,

не болѣе какъ на половину досягаемости лука, то справедливо можно спросить себя: точно ли это были огнестрѣльные орудія? Этимъ однако жъ пи мало не оспориваемъ мы употребленія такихъ орудій въ то время, потому что современные писатели не оставляютъ въ этомъ отношеніи ни какого сомнѣнія. Болѣе всего же это доказывается самыми списками арміи Генриха V, въ которыхъ положительнымъ образомъ упоминается о минерахъ, фейерверкерахъ и канонирахъ.

Независимо отъ послѣдующихъ походовъ Генриха V, были еще многія другія, для исторіи довольно любопытныя, сраженія. Съ перемѣннымъ счастіемъ, оба народы находились въ непрерывной борьбѣ до время Генриха VII (1492), но во всякой битвѣ, кто бы ни одерживалъ поверхность, всегда главнѣйшими виновниками побѣды были стрѣлки. Впослѣдствіи во французской арміи наемные шотландскіе стрѣлки почти не уступали англійскимъ, какъ это неоспоримо видно изъ описанія битвъ при Криванѣ (1423), Вернелѣ (1424), Роверрѣ (1429), и многихъ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ сраженій. Изъ описанія же чисто тактическихъ правилъ, существовавшихъ въ этомъ періодѣ, можно судить вообще и о другихъ предметахъ тогдашняго военнаго устройства.

Борьба Швейцаріи съ Австріею и Карломъ Бургундскимъ, какъ по своей занимательности, такъ и по важному вліянію на усовершенствованіе военнаго искусства, стоитъ наравнѣ съ описанною борьбою Франціи съ Англіею. Изъ государей того времени, Карлъ Бургундскій болѣе всѣхъ другихъ занимался усовершенствованіемъ своей арміи. Въ одномъ изъ его указовъ, сохранившихся донинѣ, государь этотъ повелѣлъ, чтобы жаңдармы были обучаемы, какъ въ полномъ предохранительномъ оружіи, такъ и безъ него; чтобы

они знали, какъ сомкнутое, тѣкъ и разсыпное дѣйствіе, и послѣ каждой атаки собирались опять для взаимнаго подкрѣпленія. Стрѣлки (archers) должны были быстро садиться на лошадей и спѣшиваться, при чемъ особенные слуги держали всегда по три лошади. Послѣ стрѣлки строились впереди слугъ, а передъ ними еще пикинеры, склонясь на одно колѣно, чтобы стрѣлки могли поверхъ ихъ дѣйствовать навѣсно. Кромѣ того пикинеры должны были строиться въ круглыя или четверугольныя массы, позади которыхъ располагались стрѣлки, а внутри лошади и слуги, отъ чего сопротивленіе отряда противъ непріятельскихъ атакъ значительно увеличивалось. Наконецъ въ арміи были заведены многія рыцарскія упражненія, для того чтобъ сдѣлать болѣе искусными, предусмотрительными и смѣлыми, какъ начальниковъ, такъ и подчиненныхъ.

Смуты, послѣ Церинговъ, продолжительное время терзавшія Гельвецію, развили въ народѣ особенный духъ воинственный. Въѣстѣ съ дворянствомъ постепенно начали процвѣтать и города и богатое среднее сословіе. Для защиты городскихъ стѣнъ, жители были раздѣлены на цехи, и подчинились нѣкоторымъ образомъ военной организаціи. Горожане всегда обязаны были собираться къ главному городскому знамени, гдѣ бы оно ни находилось, и сражаться за его честь. Сельскіе жители, не отставая отъ горожанъ, соперничали съ ними въ поддержаніи отечественной свободы. Дворянство тоже, соотвѣтственно своему богатству жившее либо въ городахъ либо въ наслѣдственныхъ имѣніяхъ, слилось вскорѣ съ массою народа, и во дни опасности подавало другимъ сословіямъ примѣръ храбрости и самоотверженія. Въ междоусобныхъ, равно какъ и во внѣшнихъ, войнахъ, Швейцарцы сдѣлались отличными воинами. Почти нагіе они начали борьбу съ Австрією, но вскорѣ добыча, отнятая у непріятели, снабдила ихъ всѣмъ нужнымъ, и арміи ихъ въ послѣдствіи были лучше другихъ вооружены шлемами,

чешуйчатыми рубахами, щитами, копьями, мечами, сѣкирами, булавами и кинжалами. Въ отношеніи къ военному искусству Австрійцевъ, можно принять, что оно находилось на той же самой степени, какъ и у другихъ народовъ того времени: конница составляла главнѣйшую силу ихъ арміи, а для поддержанія ея весьма изрѣдка находилось незначительное число дурной пѣхоты. Обыкновенно рыцари сѣшивались, когда нужно было дѣйствіе пѣхоты, но какъ они рѣдко бывали поддерживаемы другими войсками, то и повторялись тѣ же самыя послѣдствія, которыя мы видѣли въ англо-французскихъ войнахъ.

Жители кантоновъ Унтервальденъ, Ури и Швицъ, первые возстали противъ тяжкаго могущества Австрійцевъ. «Мы предпочитаемъ всѣ бѣдствія невыгодному миру, а если герцогъ нагрянетъ на насъ войною, то будемъ ожидать его въ упованіи на Бога.» Такъ отвѣчали храбрые горные жители посламъ герцога, и все народонаселеніе трехъ кантоновъ поспѣшило тотчасъ къ оружію.

Обѣ арміи должны были встрѣтиться близъ западной части озера Эгери, котораго воды омываютъ, на западѣ, крутые откосы Кайзерштока и отлогое его продолженіе Брапдеръ, на востокѣ, луговые берега, простирающіеся у подножія Гринделека и Штокберга и, по болотистому грунту, носящіе названіе Моргартена (Moorgarten). Пятнадцатаго ноября 1315 года армія Леопольда, герцога австрійскаго, подъ предводительствомъ графовъ Габсбургскаго, Кибургскаго, Монфорскаго и Гомбургскаго, силою до четырехъ тысячъ тяжело вооруженной конницы, четырехъ сотъ корончатыхъ шлемовъ, и осьми тысячъ пѣшихъ ратниковъ, двинулась къ Шёрнену черезъ Цугскую тѣснину, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она примыкаетъ съ одной стороны къ Моргартену, а съ другой стороны ограничивается старою стѣною (Letztemauer). Австрійцы, имѣя налѣво предгорія Оберъ-Швенде-Гринделека и Штокберга, а направо озеро Эгери, слѣдовали по весьма узкой до-

рогъ къ Моргартену. Армія ихъ проходила эту опасную тѣснину неустроенною толпою, безъ всякаго порядка, какъ будто бы ей не угрожала ни какая опасность, и она повѣрное ожидала побѣды. Бѣольшая часть всадниковъ находилась въ авангардѣ. Швейцарскіе форпосты издали уже замѣтили эту длинную, въ безпорядкѣ идущую, колонну. По врожденной набожности, вся армія Гельветовъ павъ на колѣни, теплою молитвою молила Небо о покровительствѣ, и потомъ съ неустрашимостью ожидала врага. Непрительскіе рыцари, полные самоувѣренности, продолжали рысью свое движеніе по замерзшей дефилеѣ, въ которой громко раздавался топотъ лошадиныхъ копытъ. Но тутъ уже ожидала ихъ первая опасность. Пятьдесятъ, швейцарскихъ изгнанниковъ, которымъ соотечественники отказали въ чести сражаться въ ихъ рядахъ, выпросили себѣ дозволеніе, на горѣ Маттливичъ, болѣе всего выдающейся къ озеру и преграждающей дорогу, приготовить достаточное количество камней и лѣсу, чтобы въ случаѣ надобности можно было сбросить ихъ и въ скоромъ времени завалить дефилею. У самаго же выхода изъ тѣсины горсть Швейцарцевъ подъ начальствомъ храбраго ландамана Лотольда ждала только благоприятнаго времени, чтобы кинуться на непрителя при его дебушированіи изъ узкаго пространства, образуемаго въ этомъ мѣстѣ горою и озеромъ. Вдругъ предводитель ихъ узналъ, что смѣтливые изгнанники, пытаясь завалить дефилею въ тылу непрителя, скатили съ вершины горъ приготовленные бревна и обломки скалъ, лишили жизни множество воиновъ и распространили страхъ во всей непрительской арміи. Осторожный ландаманъ немедленно повелъ свой отрядъ къ выходу изъ тѣсины, и, отправивъ подкрѣпленіе къ изгнанникамъ, атаковалъ самъ голову стѣсненной въ дефилеѣ кавалеріи, которая и безъ того находилась уже въ безпорядкѣ. Передніе воины, падая подъ ударами Швейцарцевъ или обращаясь въ бѣгство, увеличивали замѣшательство войскъ, слѣдовавшихъ сзади.

Не имѣя возможности ни взойти на гору²², ни проплыть озеро, атакованные съ фронта, а съ лѣваго фланга видя опасность быть раздавленными паденіемъ камней и бревенъ съ пресѣченіемъ всякаго отступленія, Австрійцы обратились въ бѣгство, которое ускорѣ до крайности увеличило общій безпорядокъ. Испуганныя лошади, сбросивъ всадниковъ, ринулись на пѣхоту, запертую въ дефилю и не имѣвшую возможности раздаться въ обѣ стороны, для свободнаго ихъ проуска. Пѣхота защищалась въ разбродѣ, и побѣда не могла долго оставаться сомнительною; австрійская армія должна была обратиться въ постыдное бѣгство по той же самой дорогѣ, по которой пришла, но и тутъ въ горахъ ожидали ея новыя затрудненія. Потеря простиралась до тысячи пяти сотъ человѣкъ убитыми, между ними много дворянъ. Швейцарцы потеряли не болѣе четырнадцати человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился Рудольфъ Фюрстъ, сынъ храбраго Вальтера. Въ то же самое время, когда Швейцарцы защищались на берегахъ озера Эгери, другія два отдѣленія непріятельскихъ войскъ были двинуты изъ Люцерна и Бріенца для вторженія въ Унтервальденскій Кантонъ. Оба они поспѣли туда во-время, по распоряженія ихъ были столь ошибочны, и быстрота, съ которою Швейцарцы поспѣшили на поля моргартенской битвы на помощь своимъ соотечественникамъ, такъ велика, что побѣда осталась на сторонѣ Гельветовъ.

Планъ герцога, атаковать Швейцарцевъ въ одно время съ трехъ сторонъ, былъ хорошо обдуманъ; со всѣмъ тѣмъ онъ не удался въ исполненія: главнѣйшею причиною пораженія была самоувѣренность рыцарей, а еще болѣе пренебреженіе всѣхъ мѣръ осторожности, употребляемыхъ во время похода даже дикими народами, и прохожденіе узкой дефили въ виду непріятели кавалерійскою колонною. О вліяніи этого сраженія на духъ Австрійцевъ можно судить изъ того обстоятельства, что хотя Швейцарцы преслѣдовали

ихъ только до города Цуга; однако же герцогъ Австрійскій останоуился въ бѣгствѣ не ранѣе какъ по прошествіи семнадцати часовъ.

Въ сраженіи подъ Лаупеномъ, 21 іюня 1339 года, непріятель хотя и нѣсколько лучше пользовался числительнымъ своимъ превосходствомъ, однако перевѣсъ искусства остается на сторонѣ Швейцарцевъ. Сраженіе это было слѣдствіемъ осады городка Лаупена, лежащаго на отлогостяхъ ряда небольшихъ холмовъ, на правомъ берегу рѣки Зензе, при слияніи ея съ рѣкою Заане. Городъ этотъ былъ осажденъ всѣмъ дворянствомъ, ополчившимся по просьбѣ герцога Австрійскаго противъ Берискаго Кантона, и находившимся подъ предводительствомъ графа Рудольфа фонъ Нидау. Жители, избравъ изъ каждаго дому по одному человѣку, составили гарнизонъ, простиравшійся едва до шести сотъ человѣкъ, и ввѣрили Антоу фонъ Бланкенбургу оборону города противъ непріятельской арміи, въ которой считалось отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ человѣкъ. Городъ былъ уже въ крайности, и, вѣроятно, не могъ бы болѣе противиться усиліямъ осаждавшихъ, если бъ ему не поспѣла въ помощь бернская армія подъ начальствомъ рыцаря Рудольфа фонъ Эрлаха. Рыцарь этотъ, съ довольно обширною властью получилъ начальство надъ воинствомъ, котораго собралось до пяти тысячъ шести сотъ человѣкъ: при выступленіи изъ Берна оно единодушно желало какъ можно скорѣе сразиться съ непріятелемъ и лучше умереть чѣмъ сдаться. Швейцарскій полководецъ, съ лѣсистыхъ высотъ Бромберга, находившихся не далеко отъ Лаупена, увидѣлъ армію дворянъ, расположившуюся въ полной безопасности на возвышенной равнинѣ праваго берега Зензе, въ Заусѣ и Браусѣ. Первую ея линію при Обервилѣ составляла кавалерія, силою около трехъ тысячъ лошадей, а при Виденѣ стояло около пятнадцати тысячъ пѣхоты, позади которой находился вагенбургъ. Кажется, что дворянство не имѣло ни какихъ форпостовъ, потому что

швейцарскій полководецъ успѣлъ взять Бромбергъ, и съ высотъ его рекогносцировать всю непріятельскую армію, не бывъ даже замѣченнымъ. Впослѣдствіи, дворяне, узнавъ о приближеніи непріятеля, устроились въ боевой порядокъ такимъ образомъ, что вся пѣхота составляла лѣвый флангъ, примыкавшій къ лаупенскому лѣсу, а кавалерія правый флангъ, простиравшійся до другаго большаго лѣсу. По узкому пространству, на которомъ находились обѣ арміи, должно полагать, что онѣ были расположены въ весьма глубокихъ массахъ.

Эти обстоятельства ни мало не остановили осады Лаупена. Противъ непріятельской кавалеріи построилась также въ глубокихъ массахъ надежнѣйшая часть швейцарской пѣхоты, состоявшая изъ жителей лѣсныхъ городовъ (*villes forestières*), къ которымъ была придана вся конница: этой находилось у Швейцарцевъ весьма незначительное число. Жители Бернского Кантона, расположившись въ трехъ большихъ колоннахъ, составляли центръ; на правомъ флангѣ построились прочія вспомогательныя войска. Защита главнаго знамени, находившагося въ центрѣ арміи, была поручена храбрѣйшимъ юношамъ. Впрочемъ, всѣмъ вообще войскамъ было поручено, въ особенности, соблюденіе строя и смѣлое наступленіе. Кромѣ того всѣмъ отрядамъ было поставлено въ непремѣнную обязанность опрокинутаго непріятеля далеко не преслѣдовать, но спѣшить на подкрѣпленіе другихъ частей боевой линіи. Армія Швейцарцевъ имѣла надъ противникомъ то преимущество, что она была построена на отлогости небольшого возвышенія: это должно было увеличить стремительность ея атаки. Около двухъ часовъ по полудни обѣ арміи, построившись уже въ боевой порядокъ, и окончивъ всѣ переговоры, были готовы къ бою. Швейцарцы начали атаку. Передніе ряды ихъ пѣхоты съ браннымъ крикомъ устремились противъ непріятеля, осыпали его тяжелыми камнями, бросаемыми съ великимъ искусствомъ, и принудили его къ от-

ступленію. Возвращеніе этихъ войскъ на свое мѣсто было принято многими Швейцарцами, стоявшими въ заднихъ отдѣленіяхъ, за бѣгство; и оттого они оставили свои мѣста, и скрылись въ сосѣднемъ лѣсу. Непрiятель, раздѣляя то же самое заблужденіе, готовился уже атаковать Швейцарцевъ своею пѣхотою, когда рыцарь Эрлахъ съ главнымъ знаменемъ лично повелъ свои отряды въ атаку²³. Войска дворянства послѣ упорнаго боя начали отступать, и, замѣтивъ, что знамя ихъ потеряно, обратились въ бѣгство. Между тѣмъ жители лѣсныхъ городовъ вступили въ бой съ непріятельскою кавалеріею, но были атакованы въ одно время съ фронта и фланга: они по всей вѣроятности были бы опрокинуты, если бъ войска Бернскаго Кантона не подоспѣли имъ въ помощь. Рыцарь Эрлахъ съ такою стремительностію атаковалъ противника съ фланга, что вся непріятельская дружина не только была опрокинута, но даже сброшена въ безпорядкѣ со скалистаго берега рѣки Зензе. Ко времени вечерни кровавая побѣда была вполне одержана. Резервъ дворянства, находившійся въ слѣдованіи, обратился въ постыдное бѣгство, а между тѣмъ собственные ихъ люди грабили вагенбургъ. Отъ Обервиля до Видена все поле было покрыто оружіемъ, лошадьми и убитыми, число которыхъ простиралось до четырехъ тысячъ, между ними восемьдесятъ четыре корничатыхъ шлема: двадцать семь знаменъ сдѣлались добычею непріятеля, потерявшаго съ своей стороны не болѣе тридцати пяти человекъ убитыми и нѣсколько сотъ ранеными.

Послѣ этой битвы начинается цвѣтущее состояніе швейцарской пѣхоты, которая, почти до конца XVI-го столѣтія, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Со времени Римлянъ, пѣхота въ этой битвѣ первый разъ атаковала съ успѣхомъ кавалерію. Пораженія, претерпѣнныя французскими арміями, во Фландріи, какъ на примѣръ при Куртрѣ въ 1302 году, происходили отъ безпорядка, неповиновенія, безопасности, и сверхъ того

рѣшалась самою мѣстностью поля сраженія. Тотъ же самый случай былъ и при Моргартенѣ, но тутъ хотя мѣстность и не совсѣмъ была удобна, однако же кавалерія дѣйствовала вначалѣ наступательно и имѣла даже нѣкоторые успѣхи. Потомъ фланговая атака пѣхоты заставила эту конницу обратиться въ бѣгство, что было причиною общаго пораженія. Если впрочемъ и можно порицать графа Нидау за недостатокъ въ предусмотрительности при обезпеченіи своего лагеря, за то въ послѣдующихъ его распоряженіяхъ нельзя усмотрѣть столь важныхъ ошибокъ, какія были сдѣланы Французами при Куртрѣ и Австрійцами при Моргартенѣ. Ближайшее слѣдствіе побѣды было снятіе осады Лаупена.

Швейцарцы прославились еще болѣе въ битвѣ подъ Земпахомъ. Въ началѣ іюня 1386 года Леопольдъ, герцогъ Австрійскій, прозванный своими современниками Славнымъ (Gloriosus), собралъ армію, простиравшуюся до двадцати пяти тысячъ человекъ, чтобы однимъ ударомъ подавить союзъ. Онъ хотѣлъ вторгнуться въ Швейцарію съ трехъ разныхъ сторонъ тремя отдѣльными корпусами. Двумя изъ нихъ предположено было проникнуть изъ кантона Ааргау до Люцерна, и отъ рѣки Лейты къ долинѣ Гларнеръ, а между тѣмъ третій корпусъ долженъ былъ слѣдовать вдоль рѣки Лимматъ къ Цюриху и атаковать этотъ городъ.

Союзники, узнавъ объ этихъ распоряженіяхъ, приняли мѣры для разстроенія ихъ. Самоувѣренности дворянъ они могли противопоставить воспоминанія побѣдъ подъ Моргартеномъ и Лаупеномъ, а числительному ихъ превосходству предусмотрительность и мужество. Принятія ими мѣры были дѣйствительно весьма хорошо обдуманы. Въ то время какъ жителямъ Цюриха было поручено остерегаться хитрости и нечаянныхъ нападений непріятеля, жители Цуга и Гларнера получили приказаніе быстро собраться для обороны своей родины. Прочіе должны были отразить

герцога : горсть противъ толпы , во имя Господа , за отечество !

Между тѣмъ герцогъ Австрійскій Леопольдъ выступилъ отъ Штейпа въ Баденѣ черезъ Нейссу къ Зюрге съ арміею , силою до шести тысячъ человѣкъ , въ томъ числѣ четыре тысячи тяжелой кавалеріи . Контингенты городовъ слѣдовали за своими знаменами , а дворянство паходилось подъ предводительствомъ своихъ ленныхъ властелиновъ (*seignner suzerain*). Контингенты городовъ , конюшіе и слуги рыцарей составляли пѣхоту . За арміею слѣдовали тяжелыя пушки для осады Земпаха , а по словамъ швейцарскихъ лѣтописцевъ , шло еще и множество возовъ съ веревками и цѣпями , для того чтобы вязать и вѣшать плѣнныхъ . На походѣ герцогъ взялъ и разрушилъ мѣстечко Рейхензе , и жителей его велѣлъ казнить , какъ мятежниковъ . Осьмаго іюня авангардъ его дошелъ до Земпаха , а 9-го поспѣла туда и главная колонна , силою до шести тысячъ человѣкъ . Герцогъ Леопольдъ расположился лагеремъ выше города , въ виду союзниковъ , занимавшихъ адельвильскія высоты . Союзная армія состояла не болѣе какъ изъ тысячи четырехъ сотъ человѣкъ , построенныхъ по знаменамъ городовъ . Лѣтописцы говорятъ , что начальники ихъ были Конрадъ фонъ Аттинггаузенъ , ландаманъ Ури Арнольдъ фонъ Винкельридъ изъ Унтервальдена и Арнольдъ фонъ Редингъ изъ Швица . Оружіе ихъ состояло изъ мечей , копій , сѣкиръ ; нѣкоторые имѣли латы и шлемы , другіе щиты . Въмѣсто послѣднихъ нѣкоторые привязывали себѣ не большія деревянныя доски къ лѣвой рукѣ и на груди .

Въ военномъ совѣтѣ , если такого названія заслуживаетъ собраніе пылкихъ , самоувѣренныхъ и жаждущихъ боя рыцарей австрійской арміи , было рѣшено , вопреки благоразумнымъ представленіямъ нѣкоторыхъ воиновъ , немедленно сразиться съ Швейцарцами . Вслѣдствіе этого рыцари , спѣшившись , построились въ большую четыре-угольную массу , имѣвшую болѣе

тридцати рядовъ глубины. Длинные пики заднихъ шеренгъ выдавались еще на нѣсколько футовъ передъ первую шеренгою, образуя непроницаемый лѣсъ копій. Передъ фронтомъ рыцарей простиралась мѣстность нѣсколько пересѣченная. Лѣвый флангъ боевой линіи примыкалъ къ заборамъ и кустамъ, занятымъ стрѣлками и другою пѣхотою, подъ начальствомъ опытнаго военачальника Велинга. Наконецъ правый флангъ былъ составленъ изъ прежняго авангарда, и расположенъ нѣсколько назадъ, къ Земпаху, въ видѣ обсервационнаго корпуса. Между тѣмъ какъ Австрійцы, въ глубокомъ строю, страдали весьма много отъ палящаго зноя, лпшавшаго многихъ даже жизни, Швейцарцы строились къ бою на лѣспстой горѣ, въ прохладной тѣни. Начальники ихъ дозволили каждому, кто не отваживался драться противъ десяти непріятелей, оставить ряды; и устроили прочихъ къ битвѣ въ видѣ клина (cuneus) такимъ образомъ, что впереди находилось три храбрыхъ вонна, за ними пять, потомъ семь, и такъ далѣе, и каждый задній рядъ былъ двумя воннами длиннѣе передняго. Послѣ краткой молитвы, по народному обычаю совершенной на колѣняхъ, которую гордые Австрійцы сочли знакомъ робости и моленіемъ о прощеніи, въ полдень швейцарское воинство устремилось съ вершины горъ въ атаку, но мужество и рѣшимость Люцернцевъ, сражавшихся въ переднихъ рядахъ, разбились о желѣзную стѣну непріятельскихъ грудей, и они, бывъ опрокинуты, должны были уступить мѣсто воннамъ кантона Ури. Хотя атака послѣднихъ была нѣсколько удачнѣе, однако же она не имѣлажелаемаго успѣха. Наконецъ, когда и нападеніе швицкаго отряда было отбито и непріятельскіе стрѣлки начали причинять сильный вредъ Швейцарцамъ, герцогъ Австрійскій, не сомнѣваясь уже въ побѣдѣ, приказалъ окружить клинъ Швейцарцевъ, и оба фланга его боевой линіи съ шумомъ оружія начали оцѣплять непріятеля. Это грозное движеніе потрясло еще болѣе муже-

ство Швейцарцевъ, и весьма вѣроятно, что этотъ храбрый народъ былъ бы здѣсь подавленъ, если бъ въ минуту величайшей опасности Небо не послало имъ избавителя. Ариольдъ Струтганъ фонъ Винкельридъ изъ Унтервальдена, дворянинъ изъ роду извѣстнаго по любви къ отечеству, пожертвовалъ собою для общаго блага, чтобы открыть своимъ соотечественникамъ путь къ побѣдѣ. «Мои любезные товарищи,» закричалъ онъ черезъ ряды воинства, «если вы не забудете моей жены и моихъ дѣтей, то я для васъ рѣшусь на отчаянный поступокъ.» Получивъ ихъ обѣщаніе, герой, въ головѣ своихъ Унтервальденцевъ, производившихъ уже сорокъ седьмую атаку, устремился противъ непріятеля. «За мною, братцы!» закричалъ онъ, «и коль скоро увидите отверзтіе въ рядахъ враговъ, устремляйтесь туда.» Съ этими словами онъ бросился на лѣсъ копій, и, захвативъ ихъ сколько могъ побольше обѣими руками, направилъ всѣ въ свою грудь, и открылъ этимъ дорогу своимъ соотечественникамъ, которые, съ жаждою мести, съ бравнымъ крикомъ, при звукѣ роговъ, устремились по теплomu еще трупу героя въ ряды непріятеля. Короткое оружіе доставило имъ поверхность надъ Австрійцами. Тщетно ряды ихъ смыкались, тщетно они сражались съ величайшимъ мужествомъ: храбрѣйшіе рыцари находили смерть, знамя падало послѣ знамени, и строй становился все рѣже и рѣже. Наконецъ самъ Леопольдъ, прискакавъ къ своимъ на помощь, и руководствуясь болѣе личнымъ мужествомъ чѣмъ благоразуміемъ, добровольно обрекъся на смерть. «Многіе графы и дворяне погибли за меня, пусть и я найду такую же кончину,» сказалъ онъ, и, подобно Винкельриду, защищая свое дѣло, дѣйствительно нашелъ смерть въ густѣйшихъ рядахъ непріятелей. Въ то же самое время, пока на этомъ мѣстѣ кипѣлъ бой, Австрійцы сражались съ равнымъ неуспѣхомъ на лѣвомъ флангѣ: въ особенности уже послѣ смерти Велинга, храбраго и опытнаго капитана пѣхоты, дворянство было опрокинуто Швейцарца-

ми, къ которымъ сверхъ того прибывали со всѣхъ сторонъ подкрѣпленія. То же самое случилось и съ отрядомъ, обезпечивавшимъ правый флангъ и наблюдавшимъ за Земпахомъ.

Съ паденіемъ главнаго австрійскаго знамени, которое самъ Леопольдъ взялъ изъ рукъ убитаго храбраго Ульриха фонъ Аарбургъ, и которое онъ долго защищалъ съ рыцарскимъ мужествомъ, сраженіе было рѣшено въ пользу Швейцарцевъ. Хотя рыцари и люди ихъ сражались еще долго, если не за побѣду, то за жизнь и свободу, хотя они вмѣстѣ съ войсками городскихъ общинъ совершили много великихъ подвиговъ, однако же ничто не могло уже избавить ихъ отъ рѣшительнаго пораженія.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ боя Швейцарцы овладѣли полемъ сраженія, на которомъ со стороны непріятеля осталось двѣ тысячи человѣкъ убитыхъ, въ томъ числѣ шесть сотъ семьдесятъ шесть дворянъ, два князя, двадцать восемь графовъ и триста пятьдесятъ прежнихъ коронныхъ шлемовъ. Вмѣстѣ съ этимъ имъ досталось въ руки осемнадцать знаменъ и весь непріятельскій лагерь. Побѣдители потеряли около двухъ сотъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились почти всѣ начальники.

Хотя имѣемъ мы довольно подробныя описанія этого сраженія, не только Мюллера, но даже военныхъ писателей, какъ напримѣръ Виланда и Галлера фонъ Кенигсфельденъ, однако при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи не трудно удостовѣриться, что они во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительны. Такъ напримѣръ: возможно ли, чтобы войска, построеныя въ видѣ клина (*cuneus*), могли правильно двигаться впередъ и назадъ и смѣнять другъ друга? Потомъ спрашивается, какія именно войска атаковали правый и лѣвый флангъ? Какимъ образомъ? Какимъ оружіемъ они опрокинули непріятеля, имѣвшаго на этомъ пунктѣ пѣхоту и стрѣлковъ? Чѣмъ Швейцарцы противудѣйствовали австрійскимъ арбалетщикамъ и стрѣлкамъ изъ

лука? Вообще множество вопросов представляются сами собою внимательному читателю, на которые онъ при самомъ тщательномъ сравненіи разныхъ битвъ не можетъ дать себѣ отвѣта. Нѣтъ сомнѣнія, что Швейцарцы были сильнѣе, чѣмъ какъ обыкновенно полагается, а клинъ, которымъ они производили атаку, составлялъ, вѣроятно, только центръ (главныя силы) боеваго ихъ порядка. Стрѣлки ихъ и арбалетчики, о которыхъ здѣсь вовсе не упоминается, а которые однако были довольно многочисленны въ этой гористой странѣ, безъ сомнѣнія весьма много способствовали къ одержанію побѣды. Въ это время воиномъ считали вообще только того, кто носилъ мечъ, слѣдственно, можетъ быть только число подобныхъ лицъ и упомянуто въ лѣтописяхъ. Не уменьшая ни мало славы земпахскаго сраженія, авторъ полагаетъ однако, что только такимъ образомъ можно понять дивныя подвиги, совершенныя Швейцарцами. Лѣтописцы не говорятъ ничего о томъ, что сдѣлалось съ большими пушками, о которыхъ при описаніи этого похода впервые упоминается.

Изъ числа сраженій Австрійцевъ или, лучше сказать, дворянства противъ Швейцарцевъ, опишемъ еще сраженіе подъ Нефельсомъ (9-го апрѣля 1388), которое должно разсматривать болѣе, какъ слѣдствіе мести, чѣмъ какъ обдуманное предпріятіе. Австрійцы, овладѣвъ городомъ Везеномъ посредствомъ нечаяннаго нападенія, двинулись противъ лециновъ (укрѣпленій), гдѣ Гларнерцы встрѣтили ихъ съ твердымъ намѣреніемъ «кровь свою и имущества пожертвовать для свободы.» Иоаннъ фонъ Верденбергъ, предводительствовавшій воинствомъ дворянства, составилъ слѣдующій планъ для взятія укрѣпленій и дальнѣйшаго вторженія въ кантонъ Гларусъ. Главныя силы, простиравшіяся до шести тысячъ челоуѣкъ пѣхоты и кавалеріи, должны были подъ начальствомъ австрійскаго капитана Петра фонъ Торбергъ перейти черезъ рѣку Маагъ при Везенѣ, и при Нефельсѣ атаковать лецины съ фронта. Самъ Верден-

бергъ хотѣлъ съ тысячью пятью стами человекъ изъ Валленштадта черезъ Киренгербергъ устремиться въ тылъ непріятелю, что совершенно было согласно съ тогдашними мѣстными обстоятельствами.

Австрійцы рѣшительною атакою прорвали укрѣпленія при Оберъ-Урнепфъ, и овладѣли нефельскимъ проходомъ. Незначительная только часть отряда Швейцарцевъ, простиравшагося до трехъ сотъ пятидесяти человекъ, спаслась подъ начальствомъ капитана Амъ-Буэля на гору Раути, гдѣ заняла расположеніе, фланкировавшее Австрійцевъ при дальнѣйшемъ ихъ слѣдованіи къ Гларусу²⁴. Австрійцы съ своей стороны, полагая, что все было уже сдѣлано, не заботились вовсе о преслѣдованіи разбитаго непріятеля, разсѣялись до Неттстала и Нефельса, и начали грабить страну. Въ это время однако звукъ роговъ, раздаваясь по всѣмъ долинамъ, призывалъ окрестныхъ жителей къ оружію. Мало-по-малу собралось ихъ около пяти сотъ человекъ, и Австрійцы рѣшились разбить этотъ отрядъ, но мѣры, которыя они приняли, вовсе не вели къ успѣху. Швейцарцы, какъ было уже сказано, собрались опять на горѣ Раути, на которую можно было взобраться по одной только доступной дорогѣ. У подножія горы находилась небольшая равнина, достаточно обширная для построенія на ней непріятельской арміи въ боевой порядокъ, но со стороны противоположной горы ограниченная широкимъ протокомъ рѣки Линты, ручьемъ Раути, на которомъ находился одинъ только мостъ для сообщенія съ противнымъ берегомъ. Изъ этого видно, что австрійская армія при своемъ наступленіи имѣла съ фронта крутую гору Раути, съ одного фланга враждебныя селенія, въ тылу рѣку, и слѣдственно на случай надобности одну только дорогу для отступленія находившуюся на другомъ флангѣ. Ктому жъ атака Австрійцевъ на эту гору была произведена не пѣшими людьми, но конницею. Швейцарцы, съ вершины горы, осыпали ихъ столь густымъ градомъ камней, что они должны бы-

ли постепенно обратиться въ бѣгство, но этотъ урокъ не исправилъ ихъ: они десять разъ сряду повторяли свое наступленіе, и слѣдствіемъ этого при всемъ ихъ мужествѣ было совершенное ихъ пораженіе. Швейцарцы, замѣтивъ колебаніе въ рядахъ непріятеля, перешли сами изъ оборонительнаго положенія къ наступленію. Подкрѣпивъ мужество теплою молитвою, они съ возвышеній своихъ устремились какъ горные потоки родной ихъ страны. Послѣ непродолжительнаго боя, рыцари принуждены были оставить поле сраженія, а паническій страхъ, обыкновенно случающійся въ подобныхъ обстоятельствахъ, довершилъ ихъ пораженіе: кто спасся отъ меча побѣдителей, тотъ нашелъ смерть въ волнахъ Липты. Въ этотъ день погибло двѣ тысячи пять сотъ человѣкъ Австрійцевъ, между ними сто осемьдесятъ три дворянина. Іоаннъ фонъ Верденбергъ, подъ конецъ сраженія взобравшійся на гору Киргнеръ, соотвѣтственно своему плану совершивъ обходъ, полагалъ уже невозможнымъ вступить въ бой съ непріателемъ, и тотчасъ началъ свое отступленіе. По словамъ швейцарскихъ лѣтописцевъ, армія ихъ потеряла въ этомъ сраженіи не болѣе пятидесяти пяти человѣкъ. Добыча ихъ заключалась въ множество лошадей, оружія и другихъ боевыхъ потребностей. Между оружіемъ, однихъ панцирей находилось около тысячи осми сотъ. Относительно этого сраженія мы скажемъ только, что планъ Австрійцевъ былъ хорошо обдуманъ, но исполненъ столь дурно, что они заслужили свое пораженіе.

Борьба Швейцарцевъ съ Австрійцами и дворянствомъ, не только доставила имъ свободу, но и съ другой стороны имѣла еще важное вліяніе на военное ихъ устройство вообще. Великіе подвиги, совершенные ими, внушили имъ самоувѣренность, придали имъ духъ, спаровку и силу воиновъ. Поселяне нагіе и почти безъ оружія не являются съ тѣхъ поръ болѣе на военномъ поприщѣ. Напротивъ того мы видимъ ихъ въ вооруженіи, отнятомъ у непріятеля, устроенныхъ лучше и сражающихся при прежнемъ мужествѣ съ бѣльшимъ со-

блюденіемъ порядка. Воинственный духъ, и опытность Швейцарцевъ въ ратномъ дѣлѣ, удерживались внослѣдствіи на той же степени до самаго начала борьбы съ Карломъ Бургундскимъ и усовершенствовались еще во многихъ дѣлахъ, частью съ сосѣдями, а частью съ дворянствомъ. Хотя сраженія эти весьма занимательны, однако жъ мы ихъ оставляемъ, потому что по цѣли нашего сочиненія подробному разсмотрѣнію подлежатъ только тѣ событія, которыхъ результаты имѣли ощутительное вліяніе на усовершенствованіе военного искусства.

Карль Смѣлый Бургундскій (*le Hardi, le Téméraire*) былъ слишкомъ честолюбивъ и силенъ, и не могъ долго оставаться въ дружественныхъ со своими сосѣдями отношеніяхъ. Съ другой стороны воинственный духъ Швейцарцевъ нерѣдко разстроивалъ согласіе между двумя народами; естественнымъ слѣдствіемъ этого были кровавыя стычки, которыя потомъ приняли весьма обширный размѣръ. Мы опишемъ вкратцѣ главнѣйшія событія, чтобы читатель имѣлъ возможность самъ судить объ этой борьбѣ. Борьба обоихъ народовъ продолжалась въ разныхъ видахъ нѣкоторое уже время, когда Карль лично принялъ въ ней участіе. Съ отборною арміею, съ которою онъ продиктовалъ законы своему ленивому властелину, состязалъ себѣ лавры при Литтихѣ, и завоевалъ Лотарингію, Карль выступилъ изъ Нанси черезъ Везуль къ рѣкѣ Дубсъ, и 22-го января 1476 года прибылъ въ Безансонъ. Въ арміи его находился цвѣтъ нидерландскаго и бургундскаго дворянства и множество иностранцевъ, желавшихъ, кромѣ отличія, разбогатѣть добычею, въ особенности же Англичанъ, Шотландцевъ, Бретонцевъ, Пикардовъ, Ломбардовъ и Нѣмцевъ²⁵. Надежнѣйшая однако часть арміи состояла изъ конныхъ Валлонцевъ, аркебузирровъ и гвардейскихъ жапдармовъ. Если вѣрить словамъ современниковъ, то въ обозѣ этой рати находилось сверхъ того сто шестьдесятъ пушекъ, стрѣлявшихъ сорока-осемью фунтовыми снарядами. Въ-

тѣ съ пятнадцатю тысячами вспомогательныхъ войскъ, приведенныхъ сыномъ неаполитанскаго короля, Фердинандомъ Тарентскимъ, сила арміи герцога Бургундскаго простиралась до семидесяти тысячъ человекъ. Кромѣ того герцоги Миланскій и Савойскій имѣли въ сборѣ значительные корпуса войскъ, готовые содѣйствовать Карлу въ случаѣ надобности.

Небольшое предпріятіе противъ Иффертена, которымъ Бургундцы открыли походъ, не заставляло ожидать многого отъ арміи Карла и не свидѣтельствовало о военныхъ дарованіяхъ его офицеровъ. Вскорѣ за тѣмъ Карлъ началъ лично предводительствовать войскомъ. Четвертаго февраля графъ Шато-Гююанъ изъ дому Оранскаго прибылъ съ авангардомъ къ Понтарліе, чтобы главнымъ силамъ очистить дорогу черезъ гору Юра, но, испытавъ мужественный отпоръ при Башнѣ Баіарда (къ чему впрочемъ способствовала и сама мѣстность), долженъ былъ отступать. Между тѣмъ пройдя Сенъ-Пиерръ, онъ овладѣлъ проходомъ Jougne, гдѣ незадолго передъ тѣмъ былъ разрушенъ замокъ; двинулся далѣе къ Орбу и расположился потомъ при Линьеролѣ, чтобы обезпечивать прохожденіе отрядовъ многочисленной арміи черезъ тѣснины горныя Юры. Легкія войска авангарда достигли Петерлингена.

Карлъ слѣдовалъ за арміею черезъ Jougne къ Орбу, и лично прибылъ туда десятаго февраля, но для арміи его нужно было двѣнадцать дней, чтобы окончить дебушированіе изъ дефилей. Собравъ ее, онъ отправился къ Гранзе, съ тѣмъ, чтобы взятіемъ этого мѣста приступомъ открыть походъ. Гранзе, небольшой постъ на западномъ берегу нѣйенбургскаго озера, совершенно преграждалъ дорогу, по которой Карлъ намѣренъ былъ итти далѣе. Главнѣйшая сила поста состояла въ замкѣ съ четырьмя башнями и одной виѣшней стѣнѣ. Карлъ расположился лагеремъ вокругъ города въ видѣ полумѣсяца, примкнувъ фланги къ горѣ Шамблонъ и къ ручью Арнонъ. Нѣйенбургское озеро и самое Гранзе находились передъ его фронтомъ. На про-

тяженіе болѣе полмили; вдоль по ручью Арношъ были построены укрѣпленія, защищаемыя пятьюдесятью большими орудіями (картаузами). Всѣ броды на рѣкѣ были приведены въ негодность и тщательно охраняемы, а кавалерія поставлена впереди ручья Арношъ на дорогѣ къ Невшателю, чтобы при случайномъ появленіи непріятеля имѣть ее въ готовности, и вмѣстѣ съ тѣмъ для обезпеченія арміи отъ нечаянныхъ нападешій.

Окончивъ эти распоряженія, Карлъ устремилъ въ атаку три боевыя массы съ намѣреніемъ взять приступомъ Гранзе. Но Швейцарцы, въ числѣ тысячи двухъ сотъ человѣкъ, находившихся подъ начальствомъ Брандольфа фонъ Штейнъ, коменданта, и Ганзена Тиліерса, главнаго пушкаря, защищались такъ упорно, что Бургундцы претерпѣли значительный уронъ, прежде чѣмъ имъ удалось ворваться въ городъ. Гарнизонъ города отступилъ въ замокъ. Подкрѣпленіе, присланное ему водою, не могло вступить на берегъ. Большое число орудій, постепенно разрушавшихъ стѣны замка, сложило наконецъ гарнизонъ принять капитуляцію, вслѣдствіе которой ему было дозволено свободное отступление (29 февраля 1476). Карлъ согласился на это, но впоследствии, забывъ правила рыцарской чести, велѣлъ часть гарнизона повѣсить, а остальную утопить. Черезъ нѣсколько дней прибыла туда швейцарская армія, поздно уже для освобожденія Гранзе, но еще во-время для отмщенія за нарушеніе священныхъ во всякой войнѣ условій.

Второго марта союзная армія кантоновъ, силою около двадцати тысячъ человѣкъ, прибыла въ окрестности Будри. Начальники ея, получивъ свѣдѣнія о крѣпкой позиціи, занятой непріателемъ, составили военный совѣтъ для опредѣленія дальнѣйшихъ дѣйствій. Дорога, которую они должны были проходить, на разстояніи пяти часовъ, состояла изъ дефилей, нѣсколько неудобныхъ для слѣдованія. Почти въ половинѣ мили отъ непріятельской позиціи горы начинаютъ болѣе удаляться отъ озера, и образуютъ небольшую равнину, перерѣ-

занную оврагомъ къ сторонѣ непріятеля, что еще болѣе возвысило выгоды его расположенія. Изъ этого видно, что Швейцарцамъ предстояло дебушировать изъ дефилея въ виду превосходнаго числомъ непріятеля; подвергаясь атакамъ многочисленной его кавалеріи, пройти мѣстность, довольно удобную для ея дѣйствія; и наконецъ атаковать сильное укрѣпленіе, окруженное водою и защищаемое пятьюдесятью орудіями. Справедливость требуетъ сказать, что Швейцарцы исполнили это трудное предпріятіе съ искусствомъ, которое должно было увѣичаться успѣхомъ и во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ удивленія.

Неизвѣстно, зналъ ли Карлъ о приближеніи Швейцарцевъ, или нѣтъ, но, какъ бы это ни было, онъ приказалъ своимъ войскамъ снять лагерь и выступить въ походъ къ Нейбургу. Авангардъ его, силою около двадцати тысячъ лошадей, состоялъ подъ начальствомъ опытнаго вонна, незаконнорожденнаго сына Карла, и подъ нимъ изъ лучшихъ полководцевъ во всей арміи. Распоряженіе это довольно странно, потому что, какъ было сказано, дорога на протяженіи пяти часовъ шла по непрерывной дефилеѣ. Главныя силы, подъ личнымъ предводительствомъ герцога состояли изъ Итальянцевъ, на которыхъ онъ болѣе всего полагался, а остальные войска находились въ арріергардѣ, которымъ начальствовали князья Клевъ и Эгмонъ. Орудія были приданы отрядамъ по соразмѣрности.

Швейцарцы съ своей стороны тоже выступили въ походъ съ разсвѣтомъ; однако жъ, для облегченія главной колоннѣ дебушированія изъ дефилея, они отправили часть войскъ черезъ горы, по правую сторону той дороги, по которой слѣдовала вся армія. Естественнымъ образомъ, передовыя войска обѣихъ армій вскорѣ паткнулись другъ на друга, но Швейцарцы, двигаясь по двумъ дорогамъ, ускорили свое слѣдованіе подъ начальствомъ шарнатальскаго мера, такимъ образомъ, что голова ихъ колонны достигла выхода изъ тѣснины къ одиннадцати часамъ утра и рас-

положилась тотчасъ въ боевой порядокъ. Для обезпеченія фланговъ, главнокомандующій пристроилъ къ этимъ войскамъ вскорѣ два отряда, состоявшіе изъ свободныхъ слугъ, а между тѣмъ главныя силы, простиравшіяся до десяти тысячъ человѣкъ, сосредоточиваясь постепенно, образовали продолговатый четырехугольникъ. Интервалы между отрядами были заняты легкими войсками; орудія расположены на возвышеніи по правую сторону позиціи. Набожныя Швейцарцы теплою молитвою на колѣняхъ готовились къ сраженію.

Карлъ, узнавъ о приближеніи Швейцарцевъ, расположился также въ боевой порядокъ. Построивъ кавалерію въ двѣ массы, онъ поставилъ одну изъ нихъ близъ подошвы горы, а другую недалеко отъ озера. Онѣ образовали двѣ первыя линіи, между которыми для поддержанія ихъ стояла пѣхота. Англійская и валлонская гвардіи, отодвинутыя еще болѣе назадъ, составили роль резерва. Артиллерія была довольно ровно размѣщена по всей линіи, за исключеніемъ одной большой батареи, расположенной позади кавалеріи праваго фланга, чтобы въ случаѣ надобности покровительствовать ея отступленію. Вблизи этой батареи находился самъ Карлъ, со своимъ аркебузирами. Вообще армія его была расположена такъ тѣсно, что малѣйшій безпорядокъ, происшедшій въ одной части, долженъ былъ сообщиться и другимъ частямъ.

Сраженіе началось пальбою артиллеріи обѣихъ сторонъ. Послѣ иѣкотораго времени Карлъ приказалъ своей конницѣ атаковать пѣхоту непріятельскаго центра, но эта атака, исполненная мужественно, не имѣла успѣха. Швейцарцы даже начали въ свою очередь наступленіе, и отняли столько мѣстности у непріятеля, что армія ихъ, неокончившая еще дебушированія изъ дефилей, могла свободно выходить и устроиваться въ боевой порядокъ. Бургундцы, подъ начальствомъ незаконнорожденнаго сына герцога, устремились вторично въ атаку, но, встрѣтивъ мужественный отпоръ съ фронта, и кромѣ того бывъ атакованы и обстрѣливаемы лег-

кою пѣхотою Швейцарцевъ съ фланговъ, принуждены были вторично обратиться въ бѣгство. Третіе ихъ наступленіе имѣло еще меньшей успѣхъ. Предводитель ихъ, Шато-Гюіонъ, былъ убитъ; вся кавалерія, обративъ тылъ, наткнулась на собственную, сзади ея стоявшую, пѣхоту, привела ее въ беспорядокъ и вовлекла въ общее бѣгство. Швейцарцы, не довольствуясь одержанными успѣхами, отправили особенный отрядъ подъ начальствомъ Ганса Вальдманна вдоль подошвы горъ для атаки лѣваго фланга Бургундцевъ. Когда эта колонна звукомъ роговъ возвѣстила собственнымъ и непріятельскимъ войскамъ свое прибытіе къ назначенному мѣсту, Швейцарцы, открывъ еще разъ пушечную пальбу, устремились въ атаку противъ Бургундцевъ, находившихся уже въ беспорядкѣ. Загнутіе крыльевъ, произведенное съ намѣреніемъ окружить непріятеля, сдѣлало еще болѣе страшнымъ наступательное ихъ движеніе. Герцогъ считалъ этотъ моментъ удобнѣйшимъ для повторенія атаки, но отступательное движеніе, которое онъ приказалъ сдѣлать своей конницѣ, показалось его войскамъ бѣгствомъ, и тогда какъ переднія уступали натиску Швейцарцевъ, заднія войска обратились въ бѣгство, съ начала по-одиначкѣ, а потомъ и цѣлыми полками, увлекая за собою начальниковъ, и даже главнокомандующаго. Герцогъ, видя малодушіе своихъ войскъ, бросавшихъ оружіе для удобнѣйшаго бѣгства, почелъ нужнымъ уступить обстоятельствамъ. Говорятъ, что онъ съ пятью только рыцарями настигъ армію свою въ Jougue и потомъ безъ отдыха поскакалъ въ Позерозъ, въ Бургундію. Армія Карла оставила около тысячи человѣкъ убитыми на полѣ сраженія. Швейцарцы потеряли не болѣе пятидесяти человѣкъ, и приобрѣли несмѣтную добычу, которой цѣна доходила до трехъ милліоновъ гульденовъ. Имъ досталось въ руки четыреста большихъ орудій различнаго рода, осемьсотъ меньшихъ (Hackerbüchsen), триста бочекъ пороху и безчисленное множество копій, сѣкиръ, арбалетовъ и латъ. Трофеями этого дня должно также

считать оставшіяся на полѣ сраженія двадцать семь главныхъ и шесть сотъ другихъ знаменъ.

Самый бой, судя по числительности обѣихъ армій довольно мало кровопролитный, состоялъ изъ ряда нѣсколькихъ кавалерійскихъ атакъ, за которыми послѣдовалъ панический страхъ и всеобщее бѣгство. Военныя дарованія Карла видны только при выборѣ позиціи для блокады Гранзе, прочія же его распоряженія совершенно непонятны, и не только показываютъ малое знаніе военнаго дѣла, но и не обнаруживаютъ въ немъ даже того, что приобрѣтается простою снарковкою. Пораженіе его было болѣе постыдно чѣмъ дѣйствительно важно. Швейцарскій полководецъ въ противоположность ему дѣйствовалъ весьма искусно. Одна рѣшимость его идти непріятелю на встрѣчу заслуживаетъ уже лестное одобреніе. Армія его съ трудомъ только могла дебушировать изъ дефилеи въ виду непріятели, но онъ облегчилъ ей это, воспользовавшись искусно горами, лежащими на правомъ его флангѣ. Прибывъ къ выходу изъ тѣснины, онъ опять воспользовался мѣстностью, отправилъ два отдѣльные отряда и, подкрѣпляя ихъ во-время, доставилъ головѣ колонны возможность дебушировать на равнину. Не довольствуясь этимъ, онъ отправилъ еще одинъ отрядъ вдоль подошвы горъ, который взялъ непріятели во флангъ и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожалъ его линіи отступленія. Эти мѣры, при мужествѣ Швейцарцевъ, доставили имъ побѣду. Союзники до сраженія, во время его, и послѣ одержанной побѣды, дѣйствовали съ одинаковою предусмотрительностью. Наибольшая часть орудій, отнятыхъ у непріятели, была употреблена ими для вооруженія пограничныхъ постовъ. По принятому порядку набора арміи они не придерживались того правила, что разбитаго непріятели должно преслѣдовать по пятамъ до совершеннаго его истребленія, но возвратились во-свояси однако не раньше, какъ въ то время, когда всѣ пограничные посты были ими приведены въ оборонительное состояніе,

укрѣпленія Гранзе исправлены и вооружены и добыча раздѣлена между войсками.

Швейцарцы не сомнѣвались въ томъ, что Карлъ возвратится вскорѣ съ жаждою мести и съ желаніемъ кровію ихъ обмыть стыдъ претерпѣннаго пораженія. Дѣйствительно, онъ собралъ разсѣянную свою армію въ окрестностяхъ Женевы и Лозанны, и вскорѣ имѣлъ опять около шестидесяти тысячъ человѣкъ въ строю. Въ это короткое время онъ старался всѣми средствами пополнить потерю матеріальной части. Чего не могли доставить собственныя его фабрики, то онъ получилъ изъ Италіи, и наконецъ въ маѣ слѣдующаго года армія его была въ готовности выступить въ поле. Въ тотъ разъ однако онъ не пошелъ уже къ Гранзе, полагая удобнѣйшимъ идти къ Муртену, взять этотъ постъ приступомъ, потомъ быстро двинуться къ Берну и Фрейбургу, отстоящимъ не болѣе какъ на три часа оттуда, атаковать ихъ и такимъ образомъ распространить ужасъ своего оружія и взятіемъ столь важныхъ мѣстъ покорить всю Швейцарію.

Съ большею противъ прежняго осторожностію Карлъ двинулся черезъ Моренъ и Буле къ Муртену (Marat), куда прибылъ 10 іюня. Другой отрядъ, расположенный между Броа и нейбургскимъ озеромъ, долженъ былъ охранять это движеніе. Муртенъ лежитъ на небольшомъ возвышеніи южнаго берега озера того же имени, простирающагося въ длину на разстояніе двухъ часовъ, а въ ширину на одинъ часъ. Окрестности города хотя и довольно ровны, были, однако, пересѣчены множествомъ селеній, заборовъ и лѣсовъ, которыми армія, желавшая маневрировать, могла воспользоваться. Это мѣсто было занято тысячью шестьюстами человѣками, избранными такимъ же образомъ, какъ нѣкогда при Лауенѣ, и находившимися подъ начальствомъ опытнаго Андрана фонъ Бубенберга, который оставшееся время употребилъ для исправленія старыхъ и частью для постройки новыхъ укрѣпленій. Мѣсто это, по словамъ швейцарскихъ лѣтописцевъ, было уси-

лено каменною стѣною, съ башнями, двойными рвами и больверкомъ. Комендантъ велѣлъ построить еще новыя больверки. Узнавъ о приближеніи герцога, Бубенбергъ собралъ своихъ людей и поклялся умертвить всякаго, кто дерзнетъ сказать хоть одно малодушное слово. «Товарищи, сказалъ онъ въ заключеніе своей рѣчи, будьте осторожны, судьба отечества зависитъ отъ цѣлости Муртена; свобода Швейцаріи зависитъ отъ нашего мужества.» Всѣ единодушно поклялись ему сражаться до послѣдней капли крови. Не большими, но счастливыми вылазками Бубенбергъ возвысилъ мужество своихъ войскъ до такой степени, что потомъ до самаго окончанія осады ворота крѣпости по его повелѣнію оставались отпертыми.

Между тѣмъ Карлъ, чтобы окружить городъ со всѣхъ сторонъ, расположилъ графа Ромона (проигравшаго прежде сраженіе при Герикурѣ), съ двѣнадцатію тысячами на сѣверъ отъ города, близъ Монтеліе, на берегу озера, такимъ образомъ, что онъ могъ наблюдать дороги, ведущія въ Аарбургъ, Гюмминенъ и Лаупенъ, по которымъ можно было ожидать непріятеля. Принцъ Антонъ (le grand bâtard) съ тридцатію тысячами расположился на югъ отъ города, имѣя въ тылу озеро, близъ Мери и Грансъ на дорогѣ къ Аваншѣ и Лозаннѣ, и долженъ былъ отряжать войска для производства самой осады. Самъ герцогъ съ отрядомъ около двадцати семи тысячъ человѣкъ, состоявшимъ большею частью изъ кавалеріи, расположился лагеремъ на востокъ отъ города, на возвышенной равнинѣ Фаонъ, параллельно къ дорогѣ изъ Муртена во Фрейбургъ.

Между тѣмъ осада города была начата съ большею дѣятельностью. По словамъ лѣтописцевъ для этой цѣли употреблено осемьдесятъ орудій большого калибра, но такъ какъ изъ нихъ стрѣляли вообще только каменными ядрами, то и дѣйствіе орудій не имѣло большого успѣха. Со всѣмъ тѣмъ, послѣ четырехъ дней, значительная часть стѣны была разрушена, и отдѣленіе графа Ромона устремилось на штурмъ; но Швейцарцы защищались столь упорно, что Бургундцы по-

*

слѣ осьми-часоваго безуспѣшнаго приступа, должны были отступить съ потерею семи сотъ человѣкъ. Другой приступъ (20-го іюня), произведенный войсками Карла противъ стѣнъ, почти всюду уже разрушенныхъ, имѣлъ еще менѣе успѣха, и атакующіе, потерявъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, послѣ трехъ часовъ дѣйствія должны были со стыдомъ отказаться отъ своего намѣренія. Но и всѣ покушенія Швейцарцевъ, водою ввести въ городъ подкрѣпленія и снабдить его продовольствіемъ, были разстроены баттарейми Карла. Союзники собрались наконецъ въ числѣ около тридцати пяти тысячъ человѣкъ. У нихъ находилось тридцать тысячъ пѣхоты, а именно, одиннадцать тысячъ вооруженной пиками, шестнадцать тысячъ алебардами, сѣкирами и мечами и три тысячи ружьями и арбалетами; и четыре тысячи конницы, состоявшей большею частью изъ Австрійцевъ, Стразбургцевъ, Рейнландцевъ, Тирольцевъ, и прочая, потому что отъ Рейна до Инспрука всѣ потерпѣли отъ заносчивыхъ плановъ Карла Бургундскаго. Изъ числа ихъ, болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія Рейнгардъ Лотарингскій, изгнанный Карломъ изъ герцогства, и прибывшій къ Швейцарцамъ съ нѣсколькими рыцарями и почти двумя стами лошадьми.

Мало-по-малу Швейцарцы собрались при Ульмицѣ, находившемся въ разстояніи трехъ часовъ отъ лагеря Бургундцевъ и на флангѣ ихъ авангарда, охранявшаго дороги къ Берну и Аарбергу. Планъ, соображенный ихъ полководцами для этого сраженія, столь же превосходенъ какъ и его исполненіе, и битву эту, вовсе не преувеличивая, можно сравнить не только съ достославными битвами подъ Левктрою и Мантинеею, но даже и съ блистательнѣйшими сраженіями нашего времени. Планъ его былъ основанъ на великой мысли: не только разбить, но и уничтожить непріятеля.

Для осуществленія этой мысли корпусъ графа Ромона былъ оставленъ безъ вниманія и противъ него брошенъ только слабый наблюдательный отрядъ. Мѣра эта была основана не только на характерѣ непріятельскаго

полководца, но и на составъ его отряда. Армія, долженствовавшая атаковать Бургундцевъ, была устроена слѣдующимъ образомъ:

Рыцарь Гансъ фонъ Галвиль командовалъ авангардомъ, котораго сила простиралась до нѣсколькихъ тысячъ человекъ. За нимъ расположились австрійская и лотарингская конница, которую, какъ было уже сказано, начальствовалъ герцогъ Лотарингскій. Войска авангарда были вооружены въ надлежащей пропорціи пиками и ружьями и имѣли при себѣ нѣсколько артиллерійскихъ орудій. За этимъ отдѣленіемъ слѣдовали непосредственно главныя силы подъ предводительствомъ Ганса Вальдмана и Вильгельма Экстера изъ Страсбурга: въ составъ ихъ входила отборная швейцарская и нѣмецкая пѣхота. Знамена союзниковъ, находившіяся въ серединѣ этой колонны, охранялись тысячею отборныхъ мужей. Въ главной колоннѣ помѣщены были и прежнее и новое оружіе, по соразмѣрности, и кромѣ того десять орудій. Арріергардъ, составленный изъ однихъ швейцарскихъ контингентовъ, и по числу, вѣроятно не уступавшій авангарду, находился подъ начальствомъ Каспара фонъ Гартештейна. Нѣмецкая кавалерія занимала въ боевомъ порядкѣ окончность лѣваго фланга. Этому отряду войскъ было поставлено въ обязанность, коль скоро непріятель будетъ опрокинутъ, тотчасъ обходить его съ праваго фланга и пресѣчь ему отступление къ Виблисбургу. Послѣ того вся армія была сосредоточена между Бернскою и Лаупенскою дорогами, чтобы оттуда начать свое наступленіе противъ непріятели. О тактическомъ расположеніи арміи, и о томъ, кто именно былъ главнокомандующимъ, не имѣемъ ни какихъ свѣдѣній. Обыкновенно верховное начальство приписуютъ либо рыцарю Гертеру, либо графу Освальду фонъ Тирштейну, либо наконецъ герцогу Рейнгарду Лотарингскому, а весьма рѣдко Вальдману или Галвилью.

Герцогъ Бургундскій столь же мало имѣлъ извѣстій о приближеніи непріятели, какъ нѣкогда полководецъ его

при Герикурѣ, или какъ самъ онъ прежде при Грансонѣ. Въ день сраженія (21 іюня) онъ предполагалъ снѣяться съ лагеря и отправиться искать Швейцарцевъ, но, кажется, сильная непогода удержала его отъ исполненія этого намѣренія. Неожиданное появленіе Швейцарцевъ передъ лагеремъ вывело его изъ перѣшимости. Авангардъ, силою въ тысячу человекъ, состоявшій изъ всѣхъ родовъ оружія, согналъ его аванпосты и встревожилъ весь станъ. Герцогъ приказалъ войскамъ строиться тотчасъ въ боевой порядокъ, для котораго назначилъ мѣсто между Курльвономъ и Грансомъ (Гренгъ), на протяженіи около четырехъ тысячъ шаговъ. Пѣхота, подъ начальствомъ герцога Оранскаго и Кревкѣра, образовала центръ, котораго строй имѣлъ шестнадцать человекъ глубины. На правомъ флангѣ, подъ личнымъ его предводительствомъ, находилась отборная часть его арміи, а на лѣвомъ флангѣ расположились всѣ Ломбардцы и Италіянцы, подъ начальствомъ принца Антона. Впереди праваго фланга, родъ авангарда занималъ сильныя укрѣпленія, имѣя при себѣ сорокъ пушекъ. Прочая артиллерія была расположена по всей боевой линіи, большею частью, однако, на правомъ флангѣ.

Эти распоряженія продолжались довольно времени, и въ полдень не было сдѣлано еще ни одного выстрѣла. Карлъ рѣшался уже возвратиться съ арміею въ лагерь, когда его извѣстили о наступленіи Швейцарцевъ изъ Муртеской Роши, черезъ Сальфенахъ къ Курльвону.

Должно полагать, что сраженіе было замедлено сильнымъ дождемъ, шедшимъ около шести часовъ. Швейцарцы, вышедъ изъ роши, по народному обыкновенію, приготовились къ бою краткою молитвою. Едва они окончили ее, какъ и солнце прояснилось среди мрачныхъ тучъ. «Храбрые воины! небо намъ свѣтитъ! впередъ! помните вашихъ женъ и дѣтей!» закричалъ Галльвиль громкимъ голосомъ, и вслѣдъ за этимъ вся армія требовала немедленно вступить въ бой.

Соотвѣтственно предположенному плану наблюдать только корпусъ графа Ромона, а между тѣмъ устремиться мимо Муртена на главныя силы герцога, атака была начата. Современныя лѣтописи повѣствуютъ, что сторожевыя собаки обѣихъ армій подрались въ этомъ моментѣ между собою; что бургундскія, бывъ сильно искусаны, побѣжали, и что это также ободрило Швейцарцевъ. Между тѣмъ передовыя ихъ войска вступили въ бой съ непріятелемъ. Они мужественно устремились въ атаку противъ укрѣпленій, прикрывавшихъ правый непріятельскій флангъ, но достигли ихъ только послѣ значительнаго уропа отъ непріятельской артиллеріи. Успѣху этой атаки весьма много способствовало то, что почти всѣ орудія стрѣляли подъ слишкѣмъ большимъ угломъ наклоненія, что порохъ отсырѣлъ, и, наконецъ, что главный пушкаръ въ укрѣпленіи былъ убитъ въ самомъ началѣ боя. Впрочемъ, если это дѣло не было очень кровопролитно, то должно замѣтить, что Швейцарцамъ удалось обойти укрѣпленіе и атаковать его съ боку. Разъ ворвавшись туда, они тотчасъ обратили противъ Бургундцевъ отнятыя у нихъ орудія.

Овладевъ этимъ важнымъ постомъ, армія устроилась снова. Упоная на побѣду, Швейцарцы отправили теперь черезъ крессіерскія высоты отрядъ войскъ, назначенный благовременно для отрѣзанія непріятелю пути отступленія. Вмѣстѣ съ этимъ, они готовились разорвать центръ противника, но атака эта была нѣсколько остановлена нападеніемъ бургундской кавалеріи праваго фланга на швейцарскую противъ ней стоявшую конницу. Швейцарцы, мужественно атакованные и опрокинутые Бургундцами, едва собрались подъ покровительствомъ какого-то пѣхотнаго резерва, который держалъ въ готовности Галлвиль для подобнаго случая, и при вторичной атакѣ опрокинули непріятеля. Вслѣдъ за тѣмъ и пѣхота Швейцарцевъ вступила въ бой, но Бургундцы выдержали ея атаку. Сраженіе продолжалось уже нѣсколько времени

безъ рѣшительныхъ послѣдствій. Наконецъ, когда не удалась кавалерійская атака, произведенная Соммерсетомъ, съ намѣреніемъ рѣшить сраженіе на этомъ пунктѣ, эта неудача подѣйствовала столь вредно на Карла, что онъ, считая сраженіе потеряннымъ, съ отрядомъ около трехъ тысячъ всадниковъ и довольно значительною частью опрокинутой пѣхоты обратился въ бѣгство къ Виблисбургу, по единственному пути, который оставался для него открытымъ. Гартенштейнъ только послѣ его бѣгства достигнулъ Пфауэна, откуда могъ препятствовать его отступленію.

Между тѣмъ какъ это происходило на правомъ флангѣ и въ центрѣ, Бубенбергъ сдѣлалъ вылазку изъ Муртена противъ лѣваго непріятельскаго фланга. Хотя онъ и встрѣтилъ здѣсь мужественный отпоръ, однако жъ, когда побѣдоносныя войска центра Швейцарцевъ атаковали это крыло съ фланга, то и на этомъ пунктѣ побѣда перешла на ихъ сторону. Незначительная только часть враговъ спаслась бѣгствомъ отъ гибели; прочіе же, по словамъ швейцарскихъ лѣтописцевъ, въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ нашли смерть въ волнахъ муртенскаго озера. Окончивъ это, главныя силы Швейцарцевъ начали преслѣдовать самого герцога, бѣжавшаго къ Виблисбургу, но преслѣдованіе ихъ не простиралось далеко, потому что на полѣ сраженія оставался еще корпусъ графа Ромона. Если бы онъ во время сраженія произвелъ быструю и рѣшительную атаку противъ праваго крыла Швейцарцевъ, то могъ бы, если не рѣшить бой, по крайней-мѣрѣ уменьшить пораженіе; но онъ остался въ бездѣйствіи, и когда наконецъ Швейцарцы обратились противъ него, онъ, не дожидаясь встрѣчи, побѣжалъ со своимъ отрядомъ черезъ Кюдрезинъ и Иффертинъ, бросивъ въ лагерьъ всю свою артиллерію и обозъ.

Побѣдители утверждаютъ, что уроль, претерпѣнный Карломъ, простирался до тридцати тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ тысяча пять сотъ графовъ и рыцарей

бургундскихъ, англійскихъ, италіянскихъ и нидерландскихъ. Трофеями этого дня были двѣсти малыхъ и большихъ орудій, множество знаменъ и двѣ тысячи палатокъ. Союзники считаютъ свою потерю до четырехъ или пяти сотъ человѣкъ убитыми и около шести сотъ ранеными. Кучи костей погибшихъ Бургундцевъ оставались въ Муртенѣ до 4-го марта 1798 года, и воспоминаніе объ одержанной побѣдѣ, сдѣлавшись народнымъ, переходило изъ рода въ родъ.

Разсматривая внимательно это сраженіе, нельзя не удивиться искусству швейцарскихъ полководцевъ. Хоть бы предположить, что ослѣпленіе Карла Бургундскаго значительно облегчило Швейцарцамъ одержаніе надъ нимъ поверхности, всё еще планъ этой битвы, окончившейся истребленіемъ противника, останется замѣчательнымъ для всѣхъ временъ. Если судить эту битву по повѣйшимъ теоріямъ, то Швейцарцамъ, кажется, слѣдовало атаковать лѣвый непріятельскій флангъ. Этимъ распоряженіемъ можно было тотчасъ выиграть непріятельскую линію отступленія, то есть, дорогу къ Вифлисбургу, и противникъ былъ бы тогда отброшенъ на Фрейбургъ или ручей Шацонъ, находившіися въ его тылу; но пораженіе его, безъ сомнѣнія, не было бы столь рѣшительно. Независимо отъ того что тогда слѣдовало бы прежде всего атаковать корпусъ графа Ромона и разбить его, Швейцарцамъ предстояло еще частями вступать въ бой съ бургундскою кавалеріею на мѣстности довольно удобной для ея дѣйствія. По своему же плану они имѣли въ виду обогнуть правое непріятельское крыло, смять его и опрокинуть на муртенское озеро. Дѣйствительно, имъ удалось исполнить этотъ планъ, и цѣлый лѣвый флангъ погибъ въ волнахъ озера. Если главная атака была обращена противъ центра, то это потому что правый непріятельскій флангъ былъ весьма силенъ. Пренебреженіе двѣнадцати-тысячнаго корпуса графа Ромона останется всегда смѣлымъ и образцовымъ соображеніемъ. Швейцарскій полководецъ въ-

роятно весьма хорошо зналъ графа Ромона, если онъ рѣшился показать такое презрѣніе къ его уму, расположивъ слабый только отрядъ для наблюденія за нимъ. Обходъ праваго фланга равно достоинъ одобренія, и хотя Гартенштейнъ поспѣлъ къ мѣсту тогда только, когда герцогъ уже ушелъ, должно замѣтить, что раньше самъ онъ подвергнулъ бы себя опасности. Сколько некусны были распоряженія Швейцарцевъ, столько дѣйствія Карла достойны порицанія. Независимо отъ того что онъ совершенно не понималъ своего положенія и передъ слабымъ постомъ (*visoque*), для блокады котораго достаточно было нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, оставался одиннадцать дней, со всюю арміею, самая позиція его была дурно избрана. Швейцарцы имѣли въ своей власти всѣ дороги, ведущія къ Муртену, и безопасность Карла была такъ велика, что онъ и не озаботился даже собрать свѣдѣніи о непріятелѣ. Этимъ только обстоятельствомъ можно себя объяснить, какимъ образомъ Швейцарцы успѣли сосредоточить свои силы и утвердиться на его правомъ флангѣ. Если оставить даже и это, то еще ничѣмъ нельзя оправдать его въ томъ, что онъ для послѣдняго расположенія своего, выбралъ глухое пространство (*cul de sac*), на которомъ многочисленная и хорошо управляемая его кавалерія осталась почти бесполезною. Вообще, въ походахъ противъ Швейцарцевъ, Карлъ является дурнымъ полководцемъ²⁶, хотя впрочемъ ему нельзя отказать въ томъ, что онъ въ свое время далъ войскамъ самое лучшее устройство. Должно, однако, замѣтить, что если бъ Карлъ обращалъ болѣе вниманія на нравственную силу чѣмъ на число войскъ, онъ бы лучше понималъ достоинство кондоттиеровъ, которыхъ измѣнникъ Кампо-Бассо приводилъ ему такъ много изъ Италіи, и, вмѣсто того чтобы ихъ содержать столь дорогою цѣною, набралъ бы себя честныхъ Нѣмцевъ или Нидерландцевъ. Ни одинъ полководецъ не оправдалъ такъ мало той увѣренности, которую всѣ имѣли въ его воинскихъ дарованіяхъ. Госу-

дарь, котораго, во время похода противъ Швейцарцевъ, называли мечемъ Господа и Гедеона, и храбрѣйшимъ изъ смертныхъ, — для представленія его мужества и славы, выбирали всѣ темы изъ Священнаго Писанія²⁷, — претерпѣлъ потомъ постыдное поражение отъ Швейцарцевъ и ихъ союзниковъ. Впрочемъ Карлъ слишкомъ мало зналъ людей, и не умѣлъ ихъ выбирать въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ напримѣръ на полѣ сраженія. Этимъ только можно объяснить себѣ, какимъ образомъ онъ могъ Герикурскому бѣглецу графу Ромону вѣрить отдѣльный корпусъ подъ Муртеномъ и до послѣдняго времени слушаться совѣтовъ измѣнника Кампо-Бассо. Мужескія доблести, которыя вмѣстѣ съ другими обстоятельствами дѣлали Карла по вѣрецамъ замѣчательнымъ лицомъ, были парализованы множествомъ женскихъ слабостей, обнаруживавшихся весьма часто въ его жизни и вовлекшихъ его наконецъ въ гибель.

У Швейцарцевъ видимъ мы совершенно другое. Хотя и должно согласиться, что лѣтописцы ихъ паподобіе всѣхъ повѣствователей геройскихъ временъ преувеличиваютъ нѣсколько числа непріятелей сражавшихся, убитыхъ, раненыхъ, и прочая, однако жъ нельзя не согласиться, что военныя дѣйствія этого народа были весьма хорошо обдуманы²⁸.

Послѣ этихъ войнъ, военное искусство находилось у нихъ на высшей, чѣмъ у другихъ современныхъ народовъ, степени. Военная организація ихъ можетъ быть разсматриваема какъ образецъ (type) общаго устройства армій того времени, и потому мы рассмотримъ нѣсколько подробнѣе состояніе ея въ концѣ XV-го вѣка. Законъ обязывалъ всякаго Швейцарца, безъ исключенія, служить въ ландштурмѣ и выступать въ походъ, но условія этого закона не были одинаковы во всѣхъ кантонахъ. Въ городахъ, всѣ мужчины, способные носить оружіе, строились по цехамъ, а жители селеній по фохтствамъ, отчинамъ и приходамъ. Въ военное время, вмѣсто каждаго знамени выступив-

шаго въ походъ, формировалось тотчасъ другое резервное. Если можно было опасаться гдѣ нибудь вторженія въ родную страну, то всѣ граждане, вооружившись, спѣшили къ главному знамени. Особенныя лица (*Lärmmacher*) алармировали жителей во всякой деревни. Съ вершины башень раздавался звукъ набата, въ горахъ охотничій рогъ призывалъ гражданъ къ оружію, всюду закигались костры, гохвахты, и другіе сигналы.

Послѣ сбора всего воинства, начальники и подчиненные давали клятву въ преданности отечеству и точномъ исполненіи всѣхъ обязанностей. Войска присягою обязывались повиноваться начальникамъ, защищать знамена и быть всегда готовыми къ защитѣ церкви, священниковъ и прекраснаго пола. Начальникъ съ своей стороны клялся по возможности лучше управлять своими подчиненными, наказывать непокорныхъ тѣлесно и на имѣніи. Наконецъ знаменщикъ давалъ присягу въ томъ, что онъ безъ крайней необходимости не обратитъ тыла непріятелю.

Главнѣйшее оружіе Швейцарцевъ была пика, а иногда лукъ и арбалетъ. Къ бою они строились обыкновенно въ густыя массы, иногда въ видѣ клина (*cuscus*). Впрочемъ каждый отрядъ раздѣлялся на авангардъ, главныя силы (*corps de bataille*) и арріергардъ, составлявшіе въ сраженіи правое крыло, центръ и лѣвое крыло. При распредѣленіи боеваго порядка, кантоны обыкновенно чередовались между собою. Охотники (*Freiknechte, enfans perdus*) употреблялись для развѣдыванія о непріятелѣ, и вообще замѣняли легкую пѣхоту. Весьма часто однако въ частныхъ предпріятіяхъ встрѣчались цѣлыя отряды охотниковъ (*Freifahnen*), состоявшіе изъ всякаго рода сволочи, въ особенности изъ такъ называемыхъ зажигателей (*Verbrenner*), о которыхъ можно судить по самому ихъ названію.

Первыя четыре шеренги боеваго порядка Швейцарцевъ были вооружены пиками, двѣ среднія алебарда-

ми, а двѣ или три послѣднія опять пиками. Но эта незначительная глубина строя употреблялась вѣроятно рѣдко въ войнахъ съ Карломъ Бургундскимъ, потому что въ описаніяхъ сраженій того времени, хоть и довольно темныхъ, упоминается всегда о глубокихъ массахъ. Весьма долго на тысячу человѣкъ пѣхоты полагалось достаточнымъ имѣть сто человѣкъ стрѣлковъ, вооруженныхъ, прежде арбалетами, а потомъ ружьями. Они располагались по флангамъ большихъ отдѣленій войскъ и стрѣляли не только каменными, но и свинцовыми, пулями. По мѣрѣ усовершенствованій огнестрѣльнаго оружія, распространялось и его употребленіе, пока наконецъ (но гораздо позже того времени) оно взяло верхъ надъ всѣми другими родами оружія.

Когда народъ выходилъ на войну, то старѣйшины были вмѣстѣ и военачальниками; со всѣмъ тѣмъ главное начальство и баннереты назначались мѣстными властями кантоновъ. Высшіе военные чины составляли всѣ вмѣстѣ военный совѣтъ, который въ важнѣйшихъ дѣлахъ обязанъ былъ однако относиться къ общему собранію воинства и нерѣдко подчинялся его рѣшеніямъ. Выборъ начальниковъ для частей, силою отъ двадцати до тридцати человѣкъ, зависѣлъ единственно отъ нижнихъ чиновъ, но назначеніе оберпушкарей, фельдшеровъ, военныхъ священниковъ, писарей, артельщиковъ и герольдовъ, производилось не иначе какъ собраніемъ приходовъ. Главнокомандующаго вообще выбирали только тогда, какъ войска нѣсколькихъ кантоновъ соединялись для дѣйствія. Такимъ же образомъ поступали вѣроятно при выборѣ начальниковъ для пикинеровъ, стрѣлковъ и большихъ орудій, о которыхъ часто упоминается въ лѣтописяхъ того времени.

Относительно боеваго порядка должно замѣтить, что нынѣшнія дробныя подраздѣленія армій, способствующія такъ много ихъ подвижности, были тогда вовсе неизвѣстны. Контингенты (знамена, роты) кантоновъ, образовали обыкновенно три большія боевыя массы,

которыхъ почти половина войскъ составляла главныя силы (*corps de bataille*); другая половина распредѣлялась для составленія авангарда, аррьергарда и боковыхъ отрядовъ. Когда армія строилась въ боевой порядокъ, впереди ея справа и слѣва располагались такъ называемые отряды охотниковъ (*Freischaaren*), которыхъ сила зависѣла отъ общей силы арміи. Внутренніе фланги этихъ отрядовъ обезпечивались орудіями, поставленными на оконечностяхъ центра (*corps de bataille*). Самый центръ строился вѣроятно безъ интерваловъ, обыкновенно въ десять рядовъ глубины, и былъ столько отодвинутъ назадъ, что онъ вмѣстѣ съ отрядами охотниковъ образовалъ роль тенальной линіи. Направо и налѣво, позади главныхъ силъ, располагался авангардъ и аррьергардъ, сила которыхъ простиралась отъ одной трети до половины всей арміи. Атакую начинали отряды охотниковъ; потомъ авангардъ и аррьергардъ (правый и лѣвый флангъ) вступали въ бой; наконецъ главныя силы. Часто однако первые употреблялись для отдѣльныхъ дѣйствій, какъ мы это видѣли при Грансонѣ и Муртенѣ. Тогда главныя силы атаковали однѣ, производя обыкновенно рѣшительный фронтальный натискъ. Важнѣйшимъ оружіемъ при такихъ атакахъ была пика. Длина ея простиралась отъ пятнадцати до осемнадцати футовъ, а дѣйствіе производилось обѣими руками. Второе оружіе составляла галебарда, или пертуизана. Древяно ея было короче чѣмъ у пика, но зато крѣпче оковано желѣзомъ. Люди, вооруженные пиками и галебардами, имѣли сверхъ того сѣкиру или мечъ, для близкаго рукопашнаго боя. Утреннія звѣзды (*Morgensterne*) и большіе мечи, прославивъ первыя дѣла Швейцарцевъ, начали въ это время выходить изъ употребленія, и на мѣсто ихъ ввелись кинжалы и ножи. Арбалеты и луки, къ которымъ Швейцарцы никогда не имѣли особеннаго расположенія, были постепенно вытѣснены огнестрѣльными орудіями (*Nacken, Handbüchsen*). Новое это оружіе было у нихъ такъ же

тяжело и мало удобно какъ и у другихъ народовъ того времени; со всѣмъ тѣмъ упражненія въ стрѣльбѣ, введенныя правительствомъ, сдѣлавшись вскорѣ любимымъ занятіемъ Швейцарцевъ, весьма много способствовали образованію изъ нихъ хорошихъ стрѣлковъ, а потомъ и главнѣйшимъ ихъ побѣдамъ.

Изъ оборонительнаго оружія, Швейцарцы имѣли въ это время обыкновенно одни только кирасы, грудныя латы и шишакъ. Употребленіе щитовъ было уже прежде оставлено. Впрочемъ одежда ихъ была проста, но по величественному росту народа приобрѣтала воинственный видъ²⁹. Начальники незначительныхъ частей войска ходили пѣшкомъ и отличались отъ простыхъ воиновъ одними только перьями на шишакѣ. Трубы, флейты и охотничіе турьи рога составляли военную ихъ музыку и сопровождали войска въ атаку. Бранный знакъ ихъ бѣлый крестъ, къ которому внослѣдствіи былъ присовокупленъ такого же цвѣту ключъ, и оба они носились на груди, рукавахъ, плечахъ и шенкеляхъ. Въ поле высшіе воинскіе чины Швейцарцевъ выѣзжали всегда на лошадяхъ и отличались богатствомъ своего вооруженія. Каждый Швейцарецъ былъ обязанъ нести о своемъ оружіи и другихъ военныхъ потребностяхъ, за исключеніемъ однако бѣдныхъ гражданъ, которые получали вспоможеніе отъ казны. Наказы штабовъ часто опредѣляли даже, какимъ образомъ должно было вооружаться на войну. Передъ швабскимъ походомъ каждому воину было приказано запасти парю башмаковъ и овсяною мукою на четырнадцать дней (откуда произошло нѣмецкое названіе Habersack). Часто однако за арміею слѣдовали возы съ продовольствіемъ.

По словамъ полковника Виланда (*Schweizerisches Militärbuch*), швейцарская армія того времени состояла изъ сбора гражданъ, обязанныхъ не только о собственномъ содержаніи, но и о существованіи оставшихся на родинѣ семействъ. Это обстоятельство лучше

всего можетъ объяснить причины возрастанія и упадка ихъ могущества. Сила ихъ армій была основана на духѣ времени, и должна была потерять свою важность, коль скоро она не могла болѣе развиваться соотвѣтственно общему возрастанію могущества европейскихъ государствъ.

Прежде чѣмъ пристуимъ къ разсмотрѣнію поліорцетнки того времени, скажемъ нѣсколько словъ объ изобрѣтеніи пороха, измѣнившемъ духъ всего военного искусства. Оставляя множество предположеній и памѣвокъ, имѣвшихъ цѣлю доказать, что порохъ въ древности еще былъ извѣстенъ въ Азіи, Африкѣ и Европѣ, начнемъ съ того времени, когда впервые упоминается объ немъ въ ученомъ отношеніи, потому что за этимъ послѣдовало тотчасъ употребленіе его для военныхъ цѣлей. Въ то время, когда христіане въ Азіи и Африкѣ сражались противъ мусульманъ, существованія пороху нельзя еще ни доказать ни опровергнуть, однако жъ не подвержено сомнѣнію, что, учеными изслѣдованіями въ Европѣ, былъ уже открытъ составъ изъ селитры, угля и сѣры, и что, онъ оказался годнымъ, какъ для разрушенія городовъ, такъ и для пораженія людей. Изъ сочиненій Роджера Бекона⁵⁰ можно удостовѣриться, что онъ имѣлъ довольно точное понятіе о силѣ и свойствахъ новаго состава. Трудно было бы доказать, что порохъ (*pulvis nitratus*), о которомъ упоминается въ арабо-испанской бібліотекѣ Касири (1249), дѣйствительно походилъ на нынѣ употребляемый составъ, но, какъ бы то ни было, въ лѣтописяхъ не упоминается нигдѣ, чтобы раньше XIV вѣка порохъ служилъ для достиженія военныхъ цѣлей. Но зато послѣ того времени, свѣдѣнія объ его употребленіи встрѣчаются всё чаще и чаще, и лѣтописи всѣхъ почти народовъ доказываютъ, что раньше половины XIV вѣка порохъ былъ уже повсемѣстно введенъ въ Европѣ. По словамъ Іосифа Конде (въ его исторіи Аравитянъ въ Испаніи⁵¹), король кастильскій Фердинандъ IV уже въ 1308 году употре-

блялъ орудія (*maquinas de truenos*) при осадѣ Гибралтара. Если бъ это казалось кому нибудь мало достовѣрнымъ, то, при описаніи осады Басаса (1311), объ употребленіи этихъ машинъ упоминается слишкомъ положительно, чтобы могло оставаться какое либо сомнѣніе. Въ описаніи этомъ сказано, что Исмаиль атаковалъ городъ день и ночь машинами съ ужаснымъ громомъ, извергавшими огненные шары и причинявшими городскимъ стѣнамъ и башнямъ величайшій вредъ⁵². Если это сличитъ съ другими извѣстіями, сохранившимися съ этихъ временъ, то можно съ достовѣрностью принять, что порохъ уже тогда былъ употребляемъ для огнестрѣльныхъ орудій⁵³. Орудія эти однако жъ долго еще служили только для обороны крѣпостей, потому что все, что встрѣчается объ употребленіи ихъ въ полѣ во время англо-французскихъ войнъ, весьма сомнительно. По нашему мнѣнію должно полагать, что орудія впервые были употреблены въ битвѣ при Розабекѣ (1382); по крайней мѣрѣ Фроассаръ говоритъ, что вся боевая линія Фламандцевъ была устѣяна *артиллерією*⁵⁴, слово, употребляемое имъ исключительно для означенія огнестрѣльныхъ орудій. Иначе какимъ образомъ согласить, что въ Браунѣ одинъ гражданинъ изобрѣлъ стрѣльбу изъ ружей раньше 1330 года, когда по обще принятымъ догадкамъ Бертольдъ Шварцъ (Константинопольскій Анклицентъ) открылъ порохъ только въ этомъ же 1330 году? Впрочемъ обстоятельство это не имѣетъ большой важности, потому что военное искусство оставалось послѣ того, почти два столѣтія, на прежней еще степени. Къ усовершенствованію его способствовали не открытіе этого состава, но другія важнѣйшія причины, и потому изслѣдованія по этому предмету могутъ быть занимательны для однихъ только антикваріевъ.

Даже при осадахъ городовъ древнія машины удержали первостепенную важность и во второй еще половинѣ XIV-го вѣка. По-временамъ только, когда великіе государи лично предводительствовали арміями,

войска имѣли при себѣ артиллерію въ новѣйшемъ смыслѣ, но она находилась еще на столь низкой степени совершенства, что часто должно было возвращаться къ древнимъ средствамъ. Подвижныя башни (belfredi), копки (gatti), тараны (arieti), манги (mangani), каменометы (pétrière), и другія машины, извѣстныя у техниковъ того времени подъ названіемъ Artemonic, долго еще составляли осадный паркъ арміи.

Поліорцетика долго оставалась на прежней степени. Изобрѣтеніемъ траншей былъ сдѣланъ довольно важный шагъ впередъ, но тогда нельзя было и предвидѣть, до какого совершенства должна дойти впоследствии фортификація. Отличительную черту этого времени составляетъ какая-то особенная осторожность въ поліорцетическихъ предпріятіяхъ. Замѣчательный примѣръ того представляетъ осада Кале, начатая Эдуардомъ III послѣ битвы подъ Кресси. Французы, зная всю важность этого поста, снабдили его всѣмъ нужнымъ, построили новыя укрѣпленія и назначили комендантомъ Іоанна де Виеннъ, полководца, который одинъ стоилъ арміи. Эдуардъ для взятія этого города, не желая подвергать себя сомнительному жребію сраженія, или начинать продолжительную осаду, предпочелъ путь нѣсколько длиннѣй, но болѣе вѣрный. Расположась между городомъ, рѣчкою Мё и мостомъ, онъ началъ тщательно укрѣплять свой лагерь. Одна часть его людей строила мазанки съ тѣмъ, чтобы провести въ нихъ зиму, а между тѣмъ другая часть была употреблена для окруженія лагеря земляными насыпями и рвами. Въ короткое время, какъ городъ такъ и лагерь, были такъ опоясаны небольшими отдѣльными укрѣпленіями (редутами), что всякій доступъ къ нимъ сдѣлался невозможнымъ. Эдуардъ успѣлъ усилить свой станъ до такой степени, что потомъ, когда шпіоны короля Филиппа были пойманы при производимомъ ими обзорѣ позиціи, Эдуардъ велѣлъ имъ показать все. Съ удивитель-

нымъ постоянствомъ англійскій король простоялъ подѣ Кале, почти цѣлый годъ, но только тогда, какъ не достало уже и самыхъ отвратительныхъ предметовъ, могущихъ служить для пищи, храбрый Віеннъ соизволилъ на капитуляцію. Достоинно замѣчанія, что этотъ же самый городъ въ послѣдствіи находясь уже двѣсти лѣтъ въ рукахъ Англичанъ, былъ атакованъ въ 1558 году Гвизомъ, прежде того такъ храбро защищавшимъ Мецъ противъ Карла, и оборонялся не болѣе осьми дней.

Обыкновенно принимается, что во Франціи огнестрѣльные орудія были впервые употреблены при осадѣ Роморантена. Городъ этотъ былъ обороняемъ только тремя французскими рыцарями съ ихъ прислугою. Герцогъ Валлійскій незадолго до битвы подѣ Мортюи, имѣлъ намѣреніе взять его приступомъ, и вѣроятно бы прошелъ мимо, если бы при первой атакѣ, предшествовавшей еще требованію сдачи города, онъ не потерялъ короткаго друга. Лѣтописи говорятъ только, что послѣ того онъ зажегъ замокъ греческимъ огнемъ (*feu grégeois*), а стѣны разрушилъ орудіями. Осада Гарфлёра (1415), которою начинается военное поприще Генриха V во Франціи, гораздо замѣчательнѣе предъидущей. Мѣсто это было окружено землянымъ валомъ, съ исходящими углами и сухими рвами. Валъ былъ усиленъ въ различныхъ мѣстахъ высокими башнями, передъ которыми находились земляные верки, связанные другъ съ другомъ посредствомъ палисадовъ, называемыхъ иногда *barbican*, отъ чего постепенно произошли слова «бульверкъ», «больверкъ» и «бастіонъ». Противъ этой крѣпости впервые были построены правильные апроши и траншеи, въ которыхъ находились батареи, имѣвшія впереди себя глубокіе рвы. Англичане производили весьма скорую стрѣльбу. Они подступали, приближались къ самому городу, и, кажется, успѣли даже подложить мины, для взрыва нѣкоторыхъ частей неприятельскихъ верковъ; однако же свѣдѣнія, оставшіяся

*

объ этомъ, слишкомъ общи и недовольно удовлетворительны; по-крайней-мѣрѣ столь искусныя распоряженія, въ отношеніи къ непріятелю, довольно несогласны съ тѣми, которыя были сдѣланы касательно собственныхъ войскъ. Излишество продовольствія для однихъ, и недостатокъ его для другихъ, произвели множество болѣзней, истребившихъ столько войска, что Генрихъ V, послѣ пяти недѣль осады, овладѣвъ городомъ, славшимся на капитуляцію, нашелъ свою армію уменьшенною почти до половины.

Дѣйствія обѣихъ еще армій болѣе замѣчательны во время осады Орлеана, сдѣлавшейся достопамятною по участію въ ней Орлеанской Дѣвственницы. Англичане, подъ начальствомъ графа Салисбери, въ числѣ десяти тысячъ, подступили къ городу (12-го октября 1428), слѣдуя отъ Мена и Божанси, черезъ солонскую равнину, внизъ по теченію Лоары. Недостатки вооруженія и снабженія города богато вознаградились искусствомъ хорошихъ воеводъ, тамъ находившихся, какъ-то, Гокура, Дюноа, Лагира, Сентраля, и другихъ. Первыя усилія Англичанъ были обращены противъ предместнаго укрѣпленія, передъ которымъ Французы построили укрѣпленіе съ редюитомъ, образовавшемъ фортъ les Tourelles. Этотъ фортъ соединялся съ другимъ берегомъ Лоары посредствомъ каменной дугообразной постройки и подъемнаго моста. Французы, чтобы замедлить атаки Англичанъ, зажгли всѣ форштаты, и окружили себя огненнымъ моремъ, но, несмотря на это, Англичане, утвердись на развалинахъ, продолжали осадныя работы. Обѣ стороны старались обезпечить себя постройкою бастій и больверковъ, состоявшихъ обыкновенно изъ горизонтальныхъ бревенъ, связанныхъ между собою и прикрѣпленныхъ къ большимъ вертикальнымъ бревнамъ. Порожнее между ними мѣсто наполнялось землею. Послѣ того валъ обдѣлывался въ видѣ терассы и усиливался сверху брустверомъ, въ которомъ находились амбразуры для орудій. Такія постройки были обыкно-

венно четыре-угольные и вмѣщали въ себя отъ пяти до шести сотъ человѣкъ. Англичане, обстрѣливая городъ нѣкоторое время (говорятъ, что они бросали туда сто-шестнадцатя-фунтовые камни), сочли наконецъ нужнымъ приступить къ атакѣ виѣшней постройки, находившейся впереди предмостнаго укрѣпленія; но смѣлость ихъ должна была уступить мужеству оборонявшихся. Въ то время, какъ съ вершины бреша скатывались на нихъ камни огромной величины, Французы обливали ихъ еще кипящимъ масломъ и осыпали горячею золою. Претерпѣвъ большой уронъ, Салисбери далъ сигналъ къ отступленію, и открылъ подземную войну, но когда должно было уже взорвать мины (*à les mine jouer*, какъ выражается Карно), Французы вдругъ оставили укрѣпленіе, зажгли его и отступили въ Башни (*Tourelles*). Хотя они тутъ употребили всѣ средства къ усиленію обороны, однако же наконецъ должны были сдать и этотъ постъ непріятелю. Большой уронъ, претерпѣнный Англичанами, заставилъ графа Салисбери, для избѣжанія еще большихъ потерь, превратить осаду въ простое oblegation.

Въ то же самое время какъ осажденные теряли фортъ *les Tourelles*, они получили подкрѣпленіе, въ составѣ котораго находилось много арбалетчиковъ, стрѣлковъ и хорошей италіанской пѣхоты. Это обстоятельство, и смерть искуснаго непріятельскаго полководца графа Салисбери, воспламенили ихъ мужество до высокой степени. Англичане, согласно послѣднимъ наставленіямъ умершаго вождя, предприняли блокаду города. Соффолькъ, принявшій послѣ него начальство надъ войсками, перешелъ снова Лоару при Сень-Привъ, недалеко отъ Орлеана, и, ввѣривъ оборону форта *Tourelles* опытному и храброму Гласидасу, съ востока и сѣвера окружилъ городъ. Для усиленія блокады онъ велѣлъ, по всѣмъ главнымъ путямъ, построить большія бастиліи, и соединить ихъ шестьюдесятью малыми редутами. Въ то же

самое время Англичане начали сильнѣе обстрѣливать городъ со стороны Боса. Праздникъ Христова Воскресенія прекратилъ только на время бой, вылазки и разрушеніе.

Послѣ праздника Англичане, желая тѣснѣе запретъ городъ, овладѣли мѣстечкомъ Сепъ-Лоранъ, отстоявшемъ отъ Орлеана не далѣе пушечнаго выстрѣла. Укрѣпленія ихъ все болѣе и болѣе стѣсняли городъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ были усиливаемы, соединяемы другъ съ другомъ посредствомъ рововъ, обезпечиваемы палисадами отъ первой атаки и рогулками отъ нечаянныхъ нападений. Новыя укрѣпленія, построенныя на обонхъ берегахъ Лоары, имѣли цѣлью запретъ рѣку и прекратить всякое сообщеніе города съ окрестностью, но все это оказалось недостаточнымъ, и взаимное противодѣйствіе обѣихъ сторонъ вело ежедневно къ множеству стычекъ, въ которыхъ войска доходили почти до такого же ожесточенія, какъ нѣкогда въ крестовыхъ походахъ⁵⁶. При этомъ наиболѣе замѣчательно то, что войска осажденныхъ, во время своихъ вылазокъ, не рѣдко выводили съ собою орудія, и употребляли ихъ съ большимъ успѣхомъ. Въ стычкахъ, случавшихся близъ города, Французы имѣли обыкновенно поверхность, а въ предпріятіяхъ нѣсколько отдаленныхъ Англичане. Последнее именно случилось при Руврѣ, гдѣ Французы, сдѣлавъ нападеніе на англійскій вагенбургъ, испытали значительный уронъ. Хотя планъ Англичанъ, рядомъ укрѣпленій болѣе и болѣе стѣснять городъ, сохранявшій всегда нѣкоторое сообщеніе съ окрестностью, казался довольно неудобноисполнимымъ, однако жъ, при замѣчательной связи въ ихъ дѣйствіяхъ и единствѣ въ начальствованіи, они, вѣроятно, успѣли бы наконецъ въ своемъ намѣреніи, если бъ появленіе Орлеанской Дѣвственницы не произвело рѣшительнаго переворота въ этой борьбѣ. Независимо отъ того что ей сопутствовало подкрѣпленіе, въ которомъ находилось много отличныхъ рыцарей, появленіе ея воспламени-

ло защитниковъ Орлеана духомъ, который при искусномъ его направленіи, долженъ былъ даровать имъ побѣду. Французы, съ 12-го октября 1428 года, довольствуясь одною обороною, съ прибытіемъ Дѣвственницы (29-го апрѣля 1429 года), перешли сами къ наступленію. Сперва, при содѣйствіи прибывшаго извѣстнаго корпуса, они разорвали лишнюю непріятельскихъ укрѣпленій; потомъ устремились на ихъ верки, взяли ихъ одинъ послѣ другаго, и наконецъ, когда даже и фортъ les Tourelles былъ обратно отнятъ у непріятеля, Англичане, оставивъ своихъ больныхъ, багажи, продовольствіе и часть артиллеріи, и потерявъ около пяти тысячъ убитыми, сняли осаду города. Осмаго мая, послѣ семи мѣсяцевъ осады, Англичане, прождавъ непріятеля нѣсколько часовъ впереди своего лагеря, и потомъ превративъ въ пепелъ бастиліи, построенныя съ такимъ трудомъ, отступили съ развернутыми знаменами, Тальботъ къ Мёну и Божанси, а Соффолькъ къ Жарго.

Осада этого города представляетъ въ нѣкоторой мѣрѣ переходъ отъ прежней поліорцетки къ новѣйшей фортификаціи. Подобно какъ подъ Троею, Фивами, Іерусалимомъ и Антиохіею, мы видимъ осаждающую армію, расположенную на главнѣйшихъ пунктахъ лагеремъ, обезпечивающую себя посредствомъ укрѣпленій отъ нечаяннаго нападенія непріятеля. Обороняющіеся прибываютъ и отходятъ по произволу. Частныя поединки рѣшаются не рѣдко большія сраженія. Къ новѣйшему уже времени принадлежатъ бастиліи, соединеніе ихъ посредствомъ траншей, палисадированіе, обезпеченіе посредствомъ рогулекъ, и наконецъ постройки новыхъ укрѣпленій взамѣнъ старыхъ, отнятыхъ непріятелемъ или разрушенныхъ его орудіями. Отличительную черту этого періода составляетъ уже употребленіе артиллеріи при вылазкахъ и большая степень вѣрности при стрѣльбѣ, неподлежащая сомнѣнію, по многимъ историческимъ фактамъ. Впрочемъ должно замѣтить, что какъ Англичане, такъ

и Французы, во все продолженіе осады не испытывали ни какого недостатка въ продовольственныхъ запасахъ, что свидѣтельствуесть хорошо обдуманную систему снабженія войскъ.

Вскорѣ потомъ (1449), братья Іоаннъ и Каспаръ Бюро, французскіе инженеры, ввели правильную методу осады, и съ тѣхъ поръ редуты, анпроши, траншеи, мины (*des boulevards, des approchemens, des fosses, tranchées et mines*) представили осаждающему множество средствъ къ ускоренію осадныхъ работъ. Искусству и дѣятельности этихъ инженеровъ Франція была обязана постепеннымъ отнятіемъ у Англичанъ почти всѣхъ крѣпостей, которыми они обладали еще внутри государства, и самаго Калѣ. Впослѣдствіи мы покажемъ, какимъ образомъ кругъ дѣйствій поліорцетики расширялся постепенно, хотя это и видно изъ самаго разсмотрѣнія осады Гарфлёра (1439), Повтоаза (1441), Руэна (1449), и другихъ крѣпостей.

Въ этомъ періодѣ, къ полевымъ укрѣпленіямъ, арміи прибѣгали весьма рѣдко. Тѣ, которые были построены Принцемъ Чернымъ при Поатіе, служили менѣе для обороны доступа къ его позиціи, чѣмъ для ея укрѣпленія. Обыкновенно для обезпеченія себя отъ нечаянныхъ нападеній употребляли палисады. Генрихъ V, подошедъ къ броду Бланштакъ, нашелъ его закрытымъ посредствомъ палисада. Бокингемъ, желавшій перейти рѣку Сарту близъ ея впаденія въ Лорару, нашелъ такое же затрудненіе (16-го сентября 1380 года), и сверхъ того противоположный берегъ былъ также укрѣпленъ палисадами. Въ поліорцетикѣ этого періода деревянныя постройки играли вообще весьма значительную роль. Извѣстныя въ XII и XIII вѣкахъ *Chats, chats-châteaux*, встрѣчаются еще при оборонѣ, какъ малыхъ, такъ и большихъ постовъ. Въ 1386 году, когда Карлъ VI хотѣлъ произвести высадку на берега Англіи, Французы, для обезпеченія короля отъ

нечаянныхъ пападеній непріятеля, построили цѣлый деревянный городъ, матеріалъ для котораго, по приказанію коннетабля Криссона, былъ срубленъ въ лѣсахъ Бретаніи и сплавленъ въ Трсг'е. Городъ, окруженный со всѣхъ сторонъ палисадами, имѣлъ видъ четырехъ-угольника, котораго поперечникъ составлялъ около трехъ сотъ шаговъ. Всѣ дома были складныя. Для перевозки ихъ требовалось не болѣе семидесяти двухъ кораблей. Этотъ городъ имѣлъ еще назначеніе вмѣстить въ себя продовольственные запасы для арміи; но если разсмотрѣть въ сочиненіи Фроассара огромное количество вина, копченаго мяса, овса, соли, сухарей, муки и сала ³⁷, которые назначались въ дорогу, то должно полагать, что дома этого города имѣли довольно значительную величину. Безъ большой погрѣшности можно принять, что полевая фортификація находилась въ этомъ періодѣ во Франціи почти на той же самой степени, какъ при Вильгельмѣ Завоевателѣ и Людовикѣ Святомъ ³⁸.

Послевыя укрѣпленія имѣли гораздо болѣе важности въ бургундскихъ войнахъ. Карлъ Смѣлый укрѣпился при Грансонѣ и при Муртенѣ, но постройки его являли видъ линій, долженствовавшихъ въ послѣдствіи играть столь значительную роль. При Муртенѣ, однако, впереди праваго фланга Бургундцевъ находилось сомкнутое укрѣпленіе, окруженное рвомъ и засѣкою? (Grünbag?), и оно одно почти оказало довольно сильную оборону. Если бъ Карлъ еще во время осады не потерялъ почти всѣхъ канонировъ, и если бъ самое укрѣпленіе на разстояніи ружейнаго выстрѣла, не было командуемое мѣстностью, то при всемъ мужествѣ Швейцарцевъ они вѣроятно потеряли бы это сраженіе.

Такъ называемыя *послѣднія стѣны* (Letztemauern) или укрѣпленія, о которыхъ мы упомянули при разборѣ Швейцарскихъ войнъ, оставались еще съ прежнихъ временъ, и совершенно соотвѣтствовали характе-

ру страны. По настоящему они принадлежатъ къ долговременной фортификаціи. Тамъ же, гдѣ Швейцарцы предполагали утвердиться на-время, тамъ и они употребляли деревянныя постройки, а башни свои и другіе посты усиливали посредствомъ палисадъ.

=

VI.

Нѣмцы въ XIV и въ первой половинѣ XV столѣтія.

Не принимая въ соображеніе особенныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ начало въ характерѣ этого народа, мы находимъ, что военное устройство было то же самое какъ у Французовъ и у Англичанъ, а именно, оно представляло борьбу системы арміи, содержимыхъ на жалованьѣ и системы ленныхъ войскъ. Но здѣсь борьба эта кончилась не такъ скоро, потому что народонаселеніе Германіи не имѣло ни какого средоточеннаго узла, и если по-временамъ Императоры, одаренные твердымъ характеромъ успѣвали элементамъ общественной жизни дать направленіе къ централизаци, то съ кончиною ихъ все приходило снова въ разстройство.

Страсть къ корпораціямъ, отличавшая Нѣмцевъ того столѣтія, и послѣ упадка имперіи явившаяся въ формѣ совершенно систематической, обнаруживалась наиболѣе въ военномъ устройствѣ: всюду видно большіе и малые союзы, въ особенности заключаемые городами между собою или съ князьями для защиты себя отъ насильствъ, разбоя, грабежа, или же для охраненія общественнаго спокойствія вообще. При этомъ, однако, государственная военная служба, сохраняя въ этомъ періодѣ прежнія основанія, походила на ландверъ, или поголовное ополченіе. Мѣрою обязанности нести военную службу считались прежнія отношенія леннаго устройства, и потому кавалерія долго еще сохраняла преимущество передъ другими родами войска. Освобожденія отъ службы мало-по-малу умножились до такой степени, что къ императорскому знамени вассалы собирались уже въ весьма незначительномъ числѣ, и, вооружившись даже, умѣли различными притязаніями сдѣлаться въ арміи почти независимыми. Государственные штаты, сохранивъ въ подобныхъ обстоятельствахъ важнѣйшую еще роль, перѣдко рѣшали судьбу императора. Независимо отъ этого, число ленныхъ войскъ было всегда недостаточно, и слѣдовательно система наемныхъ войскъ должна была постепенно вытѣснить древнее военное устройство. Измѣненія, происшедшія въ системѣ милиціи смежныхъ съ Германіею державъ, а и постепенное усовершенствованіе организаціи войскъ городскихъ общинъ, должны были имѣть существенное вліяніе на военное устройство Германіи. Наконецъ войны противъ Гусситовъ рѣшительнымъ образомъ ускорили этотъ переворотъ. Чтобы противоборствовать набѣгамъ и опустошеніямъ столь хищныхъ непріятелей, должно было имѣть постоянно войска въ сборѣ, и потому мы видимъ, что въ 1427 году государственные штаты постановили содержать на богемской границѣ родъ постоянныхъ контингентовъ¹, для такъ называемой *дневной войны* (tägliches Krieg). Но такъ какъ это число войскъ оказалось недостаточнымъ, то вскорѣ сдѣланъ

былъ планъ, посредствомъ общаго въ государствѣ налога платить впередъ жалованье войскамъ, которыя должны быть выставляемыми отъ каждой области. Предположенный для этой цѣли налогъ (*gemeiner Pfening*) никогда не былъ собираемъ какъ слѣдуетъ. Гусситы все по-прежнему разоряли Германію. Чтобы дѣйствительнѣе искоренить зло, было постановлено, что области, ближе лежащія къ Богеміи, выставятъ противъ Гусситовъ двадцатаго, отдаленныя двадцать пятаго, а города пятидесятаго человѣка. Такимъ образомъ имперія для обороны богемской границы, опредѣлила содержать на жаловань четыре тысячи глефовъ, или полныхъ копій по три человѣка каждое. Вслѣдствіе этихъ постановленій война получила двойной характеръ, оборонительный и наступательный (*Landwehr und Heerfahrt*), но это вовсе не сокрушило силы Гусситовъ, предводительствуемыхъ лучше и одушевленныхъ особеннымъ энтузіазмомъ. Со всѣмъ тѣмъ, что разъ было начато, то должно было развиваться въ послѣдствіи болѣе явственнымъ образомъ. Допущеніе всѣхъ сословій къ военной службѣ, за жалованье, мало-помалу произвело рѣшительный переворотъ въ существовавшемъ тогда военномъ устройствѣ; дворянство потеряло прежній воинственный духъ; люди всѣхъ сословій, желавшіе отличиться, опредѣлялись, по собственной волѣ, въ военную службу, и такимъ образомъ совершилось преобразование, которое, въ связи съ происшедшими отъ того необходимыми перемѣнами въ устройствѣ финансовъ, доставило германскимъ владѣтелямъ средство сдѣлаться независимыми отъ ненасытныхъ своихъ вассаловъ².

Жалованье этихъ войскъ было весьма значительно. Обыкновенно пѣхотинецъ получалъ четыре, а кавалеристъ осемь, гульденовъ въ мѣсяць, но при этомъ каждый изъ нихъ долженъ былъ своекоштно одѣваться и вооружаться. Начальники получали жалованье соотвѣтственно занимаемымъ должностямъ. По закону, до первой встрѣчи съ непріателемъ, войска должны были продовольствоваться собственными средствами, впо-

слѣдствіи же полководецъ старался только, чтобы покупка провіанта обходилась имъ какъ можно дешевле, а если этого нельзя было сдѣлать, то солдатъ имѣлъ право добывать себѣ продовольствіе, что обыкновенно и случалось, особенно въ негористыхъ странахъ. Арміи подобныя были весьма мало дисциплинированы. Если жалованье не было имъ заплачено, то и повиновеніе ихъ прекращалось; но когда они были удовлетворены, законы дисциплины писались кровью, по-необходимости. Напримѣръ, за грабежъ, отсѣкали руку; за клятву или ругательство сѣкли у позорнаго столба; за обнаженіе меча, ножа или другаго оружія противъ кого нибудь, лишали руки; за нанесенную рану отсѣкали голову. Такой же казни подлежалъ игрокъ.

Войска городскихъ общинъ были совершенно иначе устроены. Города, въ особенности населенные ремесленниками, не могли постоянно находиться подъ оружіемъ, и съ давнихъ уже поръ начали нанимать себѣ защитниковъ за деньги. Эти дружины увеличивались еще отрядами цеховъ, и такимъ образомъ нѣкоторые города, напримѣръ, Страсбургъ, Аугсбургъ, и другіе, имѣли всегда довольно значительную милицію. Мѣстами сбора были опредѣленныя площади, а для самаго сбора въ случаѣ опасности били въ набатъ. Тогда ремесленники выступали съ своими знаменами, которыя однако возвращались на свои мѣста, коль скоро городское знамя было развернуто. Частыми упражненіями, особенно въ стрѣльбѣ изъ лука (въ Ганноверѣ и въ Магдебургѣ эта стрѣльба производилась въ 1394 въ «попугая» или въ «дѣвицу»), приготавлились къ войнѣ. Главное знамя города находилось въ квартирѣ городничаго или бургомистра, который носилъ его во время сраженія самъ, или кому нибудь поручалъ нести. Въ военное время знамя это охраняла отборная дружина.

Города постепенно успѣли освободиться отъ того неудобства, чтобы войска ихъ были подъ командою коронныхъ фохтовъ, или бургграфовъ. Мало-по-малу они

перекупили или взяли въ залогъ всё фогства, а слѣдственно и должность эта сдѣлалась достояніемъ городскихъ властей. Для управленія военныхъ вѣдомствъ, во всякомъ городѣ находилась коммиссія изъ извѣстнаго числа гражданъ, которой уполномоченные члены назывались *Kriegs Obersten* (военными полковниками). Перѣдко они выбирались поровну изъ всѣхъ цеховъ. Начальники войска были назначаемы совѣтомъ, изъ его членовъ, обыкновенно изъ знатнѣйшихъ гражданъ города. Главнокомандующимъ вообще былъ бургомистръ, а знаменщикъ заступалъ его мѣсто. Въ самомъ городѣ отдѣленіями войска управляли квартальные и начальники улицъ, назначаемые отъ совѣта. Они осматривали оружіе, пока эта обязанность не перешла къ начальникамъ цеховъ, и составляли списки лицъ, способныхъ носить оружіе. Перѣдко однако иностранные рыцари или дворяне, имѣвшіе славу опытныхъ воиновъ, были приглашаемы начальствовать войскамъ. Въ подобныхъ случаяхъ особенными договорами опредѣлялись, обыкновенно, взаимныя обязанности обѣихъ сторонъ, хотя этимъ не избѣгалось нисколько необходимыхъ по сущности самаго дѣла недоразумѣній.

Войну рѣшало городское начальство, не выключая однако изъ своего совѣта другихъ гражданъ. Продовольствіе войскъ, выступавшихъ въ походъ, производилось изживеніемъ городской казны, для чего обыкновенно налагалась новая подать; а если она оказывалась недостаточною, то отдавались подъ залогъ городскія имѣнія или дѣлались займы. Къ тому же средству прибѣгали, когда надобно было чинить городскія стѣны или закладывать новыя верки. Опредѣлительность военныхъ постановленій давала городамъ значительный перевѣсъ въ войнахъ съ сосѣднимъ дворянствомъ, сопротивлявшемъ развитію ихъ свободы и торговли. Весьма часто, когда число наемныхъ войскъ оказывалось недостаточнымъ, граждане сами становились въ ряды. Воинственный духъ вознаграждалъ недостатокъ военного опыта, и профессоръ Штенцель весьма справедли-

во утверждаетъ (смотри его Опытъ военнаго устройства Германіи), что города въ борьбѣ съ дворянствомъ уравнивали его опытность и непроницаемое вооруженіе истиннымъ остроуміемъ Грековъ и мужествомъ Римлянъ.

Посредствомъ союзовъ и небольшихъ города приобрѣли нѣкоторую степень важности, и сдѣлались независимыми отъ государства и отъ прежнихъ своихъ ленныхъ владѣльцевъ. Войска городскія собирались уже не для истребленія разбойниковъ, прекращенія грабительствъ и прочая: предпріятія ихъ, по мѣрѣ числа участвовавшихъ лицъ, становились важнѣе, и было даже время, когда сила оружія рѣшала кому имѣть первенство въ Германіи, князьямъ или городскимъ общинамъ. Противъ нихъ образовались особенныя военныя общества, какъ то, Розоваго вѣнка (Rosenkranz), гривы (Roszkamm), и Знамени Святаго Георгія, которыя по духу того времени составляли корпораціи, и имѣли особенныя свои законы. Два послѣднія служили государству. Организациія эта, проистекшая изъ общественнаго состоянія Германіи, приняла другое направленіе только въ половинѣ XV вѣка, когда Турки съ одной, а Французы съ другой стороны, начали угрожать независимости германскихъ народовъ, и когда началась трехъ-сотъ-лѣтняя борьба Габсбургскаго дома съ Франціею. Раздѣленіе государства на четыре Союза общественного спокойствія (Landfriedensbündnis) въ 1438 году, сдѣланное императоромъ Альбертомъ, за которымъ послѣдовало вскорѣ и раздѣленіе на округа, подавило скопившіяся уже повсюду враждебныя элементы. Этимъ средствомъ однако военное устройство не только не пришло въ порядокъ, но, напротивъ того, общая въ государствѣ тишина, медленно, но рѣшительно, подѣйствовала на упадокъ рыцарскаго сословія, въ особенности когда уничтоженіе турнировъ отняло у нихъ всякую возможность оружіемъ рѣшать взаимныя споры. Введеніе орудій болѣе всѣхъ поставовленій упрочило общественное спокойствіе гражданъ и ихъ имѣній, освободивъ города отъ необходимости имѣть

войска всегда подъ оружіемъ. Воинственный духъ, не находя нигдѣ пищи, долженъ былъ подчиниться развивавшимся тогда условіямъ общественнаго порядка.

Все вкратцѣ здѣсь сказанное о военной организаціи Германіи не должно быть принимаемо общимъ и безусловнымъ: ничего общаго нельзя было и требовать въ странѣ, раздробленной на множество владѣній, не имѣвшихъ между собою ни какой связи, и гдѣ все стремилось къ отдѣльности.

Дисциплина войскъ городскихъ общинъ состояла болѣе въ томъ, чтобы охранять церкви и монастыри, и жить по правиламъ религіи, чѣмъ въ какой либо обязанности охранять собственность гражданъ. Специально о военной дисциплинѣ говорится только въ военныхъ законахъ того времени, сохранившихся до нынѣ. Впрочемъ при колеблющихся, и между тѣмъ преувеличенныхъ, понятіяхъ о свободѣ, едва и можно было больше требовать.

За оставленіе знамени только полагалась смертная казнь или изгнаніе. То и другое по жестокимъ понятіямъ вѣка распространялось на жену и дѣтей виновнаго. Между-тѣмъ какъ военными законами строго запрещалось ругаться, пьянствовать, пѣть неблагопристойныя пѣсни, и прочая, каждое отдѣленіе войска имѣло своего брантмейстера, который мѣста, назначенныя совѣтомъ къ сожженію, велѣлъ зажигать. Лѣтописи представляютъ множество примѣровъ, доказывающихъ, съ какимъ жестокосердіемъ подобныя приказанія были исполняемы. Если города или дворянскіе союзы дѣлали завоеванія, то земли раздѣлялись между участвовавшими въ предпріятіи соотвѣтственно числу выставленныхъ ими воиновъ. Такимъ же образомъ производилось раздѣленіе добычи и плѣнныхъ. Плѣнные содержались соотвѣтственно тогдашнимъ военнымъ обыкновеніямъ, и безъ общаго согласія не могли быть убиваемы. Миръ заключался также не иначе какъ по общему согласію всѣхъ участвовавшихъ въ предпріятіи. Нерѣдко наступающій, въ особенности если опъ

былъ совершенно побѣжденъ, для заключенія мира долженъ былъ дать присягу, залогъ или подписку. Часто къ этому присоединялось множество тяжелыхъ условій, какъ это впрочемъ случается во всѣ времена. Въ большей части случаевъ значительный денежный выкупъ былъ единственнымъ средствомъ возстановить потерянное довѣрiе, и должно удивляться, до какихъ большихъ суммъ доходили иногда требованiя.

Тактическое устройство армiй этого времени извѣстно намъ только въ общихъ очеркахъ. Главнымъ родомъ войскъ оставалась всегда кавалерiя. Хотя войска городскихъ общинъ состояли большею частью изъ пѣхоты, однако жъ кавалерiя сохраняла въ полѣ перевѣсъ надъ этимъ оружиемъ. Она раздѣлялась обыкновенно на *эсводы* (*schaar*) каждый въ тридцать два тяжело вооруженныхъ всадниковъ, съ пиками, имѣвшихъ при себѣ небольшую особую хоругвь, называемую *Ran-ner*, *Banier*, *Panier*, *Wappzug* или *Vahn*. Пять такихъ хоругвей составляли роту, *дружину* (*Kumpaney*)³, изъ которыхъ каждая имѣла своего ротмистра (*Rillmeister*, *Retmeister*), фенриха (корнета), вахтмистра, извѣстное число маршаловъ и одного писаря⁴; четыре такихъ роты составляли *эскадронъ* (*Schwader*), начальникъ котораго полковникъ назывался *Uverster Gebietiger*. Рыцари, служившие въ эскадронѣ, равно какъ находившиеся при нихъ конюшіе и слуги имѣли, изъ предохранительнаго оружія, латы, передники, желѣзные брюки и подбородки. Съ половины XIV-го вѣка цѣльные панцири начали выходить изъ употребленія, а на мѣсто ихъ были введены чешуйчатые латы и шпашки. Одежда довольно узкая была обшиваема таковою же желѣзною чешуею (*Mussreisen*) и еще болѣе способствовала удобному движенію. По закону требовалось, чтобы рыцарь имѣлъ хорошую лошадь, по-крайней-мѣрѣ средняго росту, хотя по настоящему онъ долженъ былъ имѣть боеваго коня (*Rideperd*). Рыцарскіе кони назывались *Herperde* (*heriperedum*). Во время похода въ случаѣ надобности рыцарь могъ сѣсть на легкаго

копя (Ors) клеппера или хлѣппера. Цельтеры, или тельтеры, употреблялись для скорыхъ поѣздокъ.

Впрочемъ предохранительное оружіе этого періода сходствовало съ прежде употребляемымъ, съ тою разницею, что оно было легче. Эти рыцарскія дружины, по древнему германскому обыкновению, строились большею частью въ весьма глубокія массы. Авангардъ почти всегда состоялъ изъ нѣсколькихъ легкихъ всадниковъ, обыкновенно наемныхъ Венгровъ или Славянъ. Если они были опрокинуты, тогда только тяжело вооруженные рыцари двигались въ атаку. Послѣ того какъ цѣльные панцыри были оставлены, пика начала играть довольно важную роль. Не ломаясь уже при первомъ ударѣ (сhoc), она начала быть чаще употребляема, въ особенности легкою кавалеріею. Кажется, что интервалы оставлялись между одними только эскадронами, но это не совершенно достоверно. Послѣ успѣшной атаки рыцарей, легкая кавалерія преслѣдовала опрокинутаго непріятеля, а между тѣмъ во время самага боя нерѣдко была употребляема она для угроженія флангомъ противника. Впрочемъ вся эта тактика зависѣла отъ опытности и военныхъ дарованій начальника.

Пѣхота въ это время раздѣлялась на *сотни*, называемыя *Hundschaften*, такъ каждая изъ нихъ имѣла свое знамя (*Van*), то они въ послѣдствіи получили наименованіе *fahnen* или *Kumpaneuen*. Начальникъ такой части, называемый *Hovetman* (*Hauptmann*) имѣлъ подъ своими приказаніями и для содѣйствія въ управленіи унтеръ-гауптмана (поручика), фекриха, фельдфебеля, глефенмейстера, ефрейтора и писаря. Осемь такихъ ротъ образовали *гуфъ* (*Hauf*), имѣвшій свое знамя. Главное оружіе этой пѣхоты составляло десять футъ длинная пика, называемая глефе⁵. По закону вся пѣхота должна была имѣть кирасы или чешуйчатые панцыри. Строй пѣхоты имѣлъ обыкновенно десять человекъ глубины, а боевой порядокъ состоялъ изъ небольшихъ частей, силою около двухъ сотъ человекъ

*

каждая. На одного человѣка полагалось два фута ширины въ строю. По словамъ лѣтописцевъ, при войскахъ городскихъ общинъ находился въ это время родъ телѣгъ, на которыхъ они перевозили свою тяжелую пѣхоту. Онѣ назывались *Vorstevagen*, потому что воины сидѣли на скамьѣ (*Vorst*). Обыкновенно одинъ возъ назначался для шести людей (бюргерлефовъ); многіе города имѣли отъ шестидесяти до осмидесяти такихъ возовъ въ готовности. Независимо отъ нихъ, были два рода другихъ телѣгъ, *Rüstwagen* и *Heerwagen*, совершенно различныхъ. Къ первымъ полагался погонщикъ съ желѣзными кнутами, шуфлами и другими потребностями. Ко вторымъ одинъ *Nakenbüchse* два топора, двѣ шуфлы, два тормазы, двѣ лопаты, двѣ косы, два сѣрпа, нѣсколько подковъ, гвоздей, кольявъ дубовыхъ, окованныхъ желѣзомъ, и множество продовольственныхъ запасовъ.

О тактикѣ этого періода лучше всего можно судить изъ описанія нѣсколькихъ сраженій. Разсмотрѣніе ихъ мы начнемъ съ битвы подъ Мюльдорфомъ на равнинѣ, называемой *Vehenwiese*, близъ Амфингена (28-го сентября 1322 года). Фридрихъ Австрійскій, съ восемнадцатью тысячами человѣкъ пѣхоты, четырьмя тысячами стрѣлковъ и семью тысячами лошадей, въ числѣ которыхъ находилось много легкой венгерской кавалеріи, по совѣту опытныхъ полководцевъ рѣшился въ укрѣпленіи на Блафельдѣ (между Мюльдорфомъ и Этингенномъ) дожидаться прибытія брата своего Леопольда, находившагося близъ боденскаго озера, и потомъ соединенными силами двинуться на встрѣчу противнику своему Людовику Баварскому. Людовикъ, съ своей стороны и имѣя не болѣе тридцати двухъ тысячъ человѣкъ, желалъ вступить въ бой съ непріателемъ прежде соединенія двухъ братьевъ, которыхъ перевѣсу въ силахъ онъ безъ-сомнѣнія долженъ былъ бы уступить. Увлеченный самоувѣренностью молодости, и полагаясь слишкомъ какъ на мужество своихъ войскъ такъ и на свое собственное, Фридрихъ радовался слу-

чаю разбить непріятеля до прибытія брата своего Леопольда, тѣмъ болѣе, что такая побѣда могла быть для него весьма полезною при дальновидныхъ его планахъ⁶. Онъ раздѣлилъ для боя свою армию на четыре части. Самъ онъ предводительствовалъ среднею изъ нихъ, при которой находилось государственное знамя. Одушевленный рыцарскою смѣлостью, и увѣренный, что особа его во время боя должна быть сборнымъ сигналомъ для войскъ, Фридрихъ надѣлъ блестящее вооруженіе, украшенное австрійскимъ орломъ, и голову свою покрылъ шишакомъ съ золотою короною, по которой издали можно было узнать его. По правую его сторону, Генрихъ Австрійскій, братъ его со знаменемъ своего дому, предводительствовалъ небольшимъ отрядомъ кавалеріи. Третья часть арміи также по правую сторону находилась подъ начальствомъ барона фонъ Вальдзее. По лѣвую сторону отъ главныхъ силъ находилась четвертая часть подъ предводительствомъ епископа Зальцбургскаго. О тактическомъ распредѣленіи обоихъ оружіи ничего неизвѣстно. Венгерскія и куманскія легкія войска были разсыяны передъ фронтомъ и прикрывали флаги.

Въ помощь Людовику поспѣшило множество пѣмекскихъ князей и графовъ. Отданіемъ Лузаціи и части бранденбургскаго наслѣдства, въ видѣ лена, онъ купилъ себѣ даже содѣйствіе богемскаго короля. Но важнѣйшимъ его союзникомъ былъ бургграфъ шпирембергскій, Фридрихъ, котораго отецъ передъ пятьюдесятью годами облегчилъ Рудольфу Габсбургскому путь къ престолу, и который въ этотъ день долженъ былъ также рѣшить побѣду въ пользу главы государства. Онъ поспѣшилъ императору въ помощь, съ франконскими рыцарями. Предводительствованіе арміею, сила которой простиралась до тридцати тысячъ человѣкъ пѣхоты и тысячи пяти сотъ лошадей, Людовикъ ввѣрилъ опытному рыцарю, осѣдлому въ окрестностяхъ Нюрнберга, Зейфриду Швепперману.

Коль скоро этотъ рыцарь замѣтилъ, что Австрійцы,

перешедши черезъ рѣку Иннъ при Мюльдорфѣ, начали на высотахъ, окружающихъ мѣстечко, откуда внизъ видно и Амфингенъ, строиться въ боевой порядокъ, то и онъ построилъ императорскую армію къ сраженію. Австрійскому отряду онъ противопоставилъ короля богемскаго, а другимъ тремъ столько же отдѣльныхъ частей, состоявшихъ подъ начальствомъ герцога Генриха Нижнебаварскаго, Альберта Риндмауля и Курта фонъ Байербрунъ. Бургграфу нюрнбергскому было поручено съ отрядомъ шести сотъ рыцарей обойти непріятеля.

Съ особеннымъ самоотверженіемъ императоръ Людовикъ предоставилъ Швепперману, не только построение арміи къ бою, но даже командование ею во время самаго сраженія. Одѣтый въ синемъ кафтанѣ, безъ всякихъ знаковъ верховной власти, онъ находился на хорошей лошади, почти въ серединѣ арміи, близъ государственнаго знамени.

Сраженіе началось съ разсвѣтомъ. Венгерскіе стрѣлки, служившіе въ войскахъ Фридриха, причинили значительный уронъ стоявшимъ противъ нихъ Богемцамъ. Многія атаки Австрійцевъ были довольно успѣшны. Фридрихъ, сражавшійся съ отличнымъ мужествомъ, казалось, хотѣлъ самому себѣ быть одолженнымъ побѣдою. Значительная часть баварскихъ рыцарейшла уже кончину, и богемскій король Іоаннъ измѣною только спасся отъ плѣна. Фридрихъ могъ всего надѣяться. Швепперманъ съ своей стороны искусными движеніями старался продлить сраженіе до тѣхъ поръ, пока предполагаемый имъ обходъ не будетъ оконченъ. Онъ согласился съ бургграфомъ нюрнбергскимъ, чтобы тотъ съ шестьюстами челоуѣками отборной конницы перешелъ рѣку Изенъ и, обойдя непріятельскую армію, атаковалъ ее съ тылу. Ему были даны нарочно австрійскія знамена, чтобы обманутый этимъ противникъ принялъ его за отрядъ Леопольда, спѣшившій къ нему на помощь. Впослѣдствіи, онъ и разувѣрился въ этомъ, но уже не оставалось ни какого

средства къ спасенію. Отрядъ герцога Генриха былъ первый разбитъ, а онъ самъ взятъ въ плѣнъ. Раненая лошадь сбросила Фридриха къ ногамъ Риндмауля, но онъ не хотѣлъ ему сдаться, и требовалъ, чтобы его представили бургграфу нюрнбергскому, которому и вручилъ свой мечъ. Бургграфъ представилъ его императору, который принялъ его словами: — «Любезный племянникъ, я весьма радъ васъ видѣть,» и началъ даже ласковыми словами утѣшать его. Швепперманъ довершилъ поражение непріятели, которое было столь значительно, что одного австрійскаго и стирійскаго дворянства погибло около 1300 человекъ, а сто человекъ зальцбургскаго попались въ плѣнъ. Все пространство между рѣками Изеномъ и Инномъ было покрыто мертвыми и ранеными. По обыкновеніямъ этого времени (Heereszugsrecht), Людовикъ стоялъ еще три дня на костяхъ, на полѣ сраженія, но вскорѣ недостатокъ денегъ и продовольствія заставилъ его отступить⁷. Армія Леопольда, узнавъ о развязкѣ сраженія, разбѣжалась, что впрочемъ обыкновенно случалось въ тогдашнее время. Фридрихъ былъ переведенъ въ Траусницъ и заключенъ въ темницѣ⁸. Описаніе этого сраженія, какъ и многихъ другихъ битвъ того вѣка, довольно темно, не подвержено сомнѣнію только то, что обходъ, совершенный бургграфомъ нюрнбергскимъ, рѣшилъ дѣло въ пользу Людовика. Англичанинъ Голлемъ въ своей «Исторіи среднихъ вѣковъ», принимаетъ это сраженіе за начало новѣйшаго военнаго искусства, и хотя описанія его не украшены перомъ Фроассара или Монстрелета, придавшихъ столько славы англо-французскимъ войнамъ, однако жъ самыя дѣйствія достаточно свидѣтельствуютъ о военныхъ дарованіяхъ бургграфа нюрнбергскаго, котораго родъ потомъ втеченіи пяти вѣковъ отличался всегда хорошими полководцами.

Самыя замѣчательныя военныя дѣйствія того времени встрѣчаются безъ сомнѣнія въ гусситскихъ войнахъ, которыя мы рассмотримъ вкратцѣ, потому что

они имѣли весьма важное вліяніе на успѣхи военнаго искусства въ Германіи. Независимо отъ того что начало этихъ волненій не всегда проистекало изъ озлобленія нововѣрцевъ противъ римской Церкви или изъ вражды Богемцевъ противъ Нѣмцевъ, но болѣе еще изъ вражды средняго сословія противъ высшаго дворянства, должно еще замѣтить, что, въ самомъ началѣ этой борьбы, дѣйствовалъ человекъ, образовавшій себя въ лучшей школѣ того времени, а именно, въ войнахъ Поляковъ противъ нѣмецкихъ рыцарей; человекъ, обладавшій всѣми качествами, нужными какъ для предводительствованія арміею, такъ и для того чтобы играть первую роль въ собраніи демагоговъ. Иоаннъ Зиска, изъ Трочнова, одушевилъ свою армію необыкновеннымъ энтузіазмомъ, придалъ ей бодрость и самоувѣренность, которыя ручались за побѣду, которыя они сохранили до самаго окончанія этой опустошительной войны, и которыя доставляли имъ всегда столь рѣшительный перевѣсъ во всѣхъ встрѣчахъ съ непріателемъ. Г. Вольманъ говоритъ, что Зискѣ по справедливости нельзя отказать въ удивленіи, если только принять въ соображеніе, какою отличною арміею онъ образовалъ изъ еваторитскихъ фанатиковъ. Его крѣпостныя постройки, его подвижные форты, вагенбургъ, боевой порядокъ, и тринадцать выигранныхъ сраженій, напоминаютъ намъ славнѣйшихъ героевъ древности и новѣйшихъ временъ и на дѣянія его кладутъ печать высокой степени совершенства. Гусситы, чтобы не быть повѣшенными, сожженными или изуродованными, вынуждены были сражаться всю жизнь, и ввели въ употребленіе два оружія, которыя по своей новосте должны были доставить имъ большой перевѣсъ надъ врагами, — кнутъ⁹ и колесницы. Первый они употребляли столь искусно, что въ минуту могли производить имъ отъ двадцати до тридцати ударовъ, всегда вѣрныхъ. Независимо отъ него, они употребляли еще длинныя жерди съ крючьями, для стягиванія всадниковъ съ лошадей¹⁰. Если къ тому присовокупить, что

этими орудіями дѣйствовали фанатики, видѣвшіе всегда огненные кресты на небесахъ, люди, которыхъ орошала кровавый дождь, которые жили въ сферѣ чудесъ, то весьма понятно, что они нападали на своихъ противниковъ какъ голодные волки (такъ выражаются лѣтописи) и были непобѣдимы.

Въ пѣхотѣ ихъ достойны замѣчанія особеннаго рода щиты, Павенжи, которыми они защищались противъ кавалеріи. Щиты эти, имѣвшіе снизу накопечники, втыкались въ землю: образовавъ передъ собою родъ барріеры, позади ея люди спокойно ожидали атаки кавалеріи, нагнутые и почти совершенно закрытые.

Колесницы придавали образу ихъ дѣйствія совершенно особенный характеръ. Съ нихъ, связавшись двойными желѣзными цѣпями, дѣйствовали лучшіе стрѣлки, а позади ихъ стояла тяжело вооруженная пѣхота. Расположеніе ихъ было столь искусно, что повсюду представляло одинаковую силу. Кромѣ того, оставляемые между ними въ нѣкоторыхъ мѣстахъ интервалы доставляли возможность производить вылазки противъ наступавшаго непріятеля. Когда непріятельскій отрядъ приближался къ такому вагенбургу, или если при наступленіи часть его была разстроена, то желѣзный кнутъ Богемцевъ дѣйствовалъ обыкновенно столь успѣшно, что уже навѣрное атака не повторялась. Число подобныхъ колесницъ бывало весьма значительно, напримѣръ въ битвѣ подъ Тадхау оно доходило до трехъ тысячъ шести сотъ. Онѣ не только замѣняли укрѣпленія, но и во время самаго похода служили для прикрытія фланговъ колонны. Зиска, окруженный близъ Куттенберга, видя, что ему не остается какъ умереть или сдаться, размѣстилъ лучшія войска на колесницахъ и, прикрывъ ими свои фланги, сошелъ съ горы и проложилъ себѣ дорогу среди изумленныхъ враговъ, которые едва къ вечеру замѣтили его бѣгство. Лѣтописи съ такою же достовѣрностью исчисляють колесницы у Гусситовъ, какъ мы орудія

при нашихъ арміяхъ. Большой подвижности гусситскихъ армій весьма много способствовало довольно дробное ихъ подраздѣленіе. Самая большая часть, какъ въ пѣхотѣ такъ и въ кавалеріи, не превосходила шестидесяти человѣкъ. Въ конницѣ отъ четырехъ до пяти всадниковъ составляли одинъ полный прапорець.

Какъ нѣкогда Магометъ бѣжалъ съ нѣсколькими человѣками, чтобы потомъ возвратиться въ головѣ непобѣдимыхъ дружинъ, такъ Зиска, въ началѣ своего поприща, выступилъ изъ Праги съ четырьмястами только воинами, девятью всадниками и двѣнадцатью военными колесницами, а между тѣмъ начатая имъ война должна была охватить всѣ народы германскаго нарѣчія.

Дружины, грабившія и разорявшія страны, прибрежныя Рейсу, Дунаю и Майну, съ торжествомъ принесли на родину воду, почерпнутую въ Балтійскомъ Морѣ. Нынѣ даже, по прошествіи четырехъ сотъ лѣтъ, равнина близъ Пржибислава, гдѣ нѣкогда при кончинѣ Зиски стояли шатры его лагеря, лежитъ все неспаханная среди обильныхъ жатвою полей! Такъ страшно еще донинѣ воспоминаніе его подвиговъ!¹¹

Несогласія ослабили гораздо болѣе Гусситовъ, чѣмъ все могущество императора и имперіи. Сначала, дѣйствуя всегда совокупными силами для защиты свободы своего отечества и своей вѣры, они потомъ раздѣлились на Фаворитовъ, Сиротъ, Орбитовъ и Пражанъ, и сражались другъ противъ друга. Съ побѣжденіемъ двухъ первыхъ сектъ близъ Каурцима войсками городскихъ общинъ (30-го мая 1434 года), могущество этихъ фанатиковъ было уничтожено, спокойствіе и порядокъ возвратились опять въ Богемію.

Замѣчательно, что самыя большія сраженія Гусситовъ были всегда оборонительны. Утвердясь въ укрѣпленномъ своемъ вагенбургѣ, они старались вначалѣ только отражать атаки непріятеля. Если у нихъ случались орудія, то они всегда располагали ихъ весьма искусно. Стрѣлки ихъ (изъ ружей и луковъ) размѣщались ли-

бо на колесницахъ, либо позади ихъ, а люди, вооруженные кнутами и палицами, повсюду въ видѣ резервовъ. Коль скоро наступленіе непріятеля ослабѣвало или замѣтенъ былъ упадокъ духа въ его рядахъ, то вдругъ размыкались ряды колесницъ, и войска, до тѣхъ поръ укрытыя, устремлялись съ такою яростью, что нападенію ихъ ничто не могло противиться.

Посредствомъ подобнаго образа дѣйствій, который устранялъ отъ дѣла главныя силы Нѣмцевъ, состоявшія въ кавалеріи, Гусситы сдѣлались тѣмъ опаснѣе, что имъ въ это время нельзя было противопоставить ни какой (по крайней мѣрѣ хорошей) пѣхоты. Увѣренность въ непобѣдимости Богемцевъ, утвердившаяся въ самомъ началѣ борьбы, была причиною того, что впоследствии почти всѣ битвы противъ нихъ оканчивались паническимъ страхомъ, — явленіе, которое въ подобныхъ обстоятельствахъ повторялось всегда и всюду.

Поліорцетическія отношенія того періода весьма мало замѣчательны, потому что всюду еще простая физическая сила рѣшала судьбу крѣпостей. Укрѣпленія городовъ состояли изъ высокихъ стѣнъ, часто двойныхъ (Twingmauern), и башенъ. Въ случаѣ надобности присовокупляли къ нимъ палиссадированныя рвы и деревянные брустверы. Ворота, оставшіяся все главными пунктами атаки, были также предметомъ особенной заботливости. Обыкновенно они защищались башнею, воздвигнутою впереди ихъ, и стѣною съ бойницами. О фланговой оборонѣ, кажется, тогда не имѣли еще ни какого понятія.

Въ отношеніи къ укрѣпленіямъ, было принято, что они безопасны отъ осады, потому что нечаянныя нападенія, и атака посредствомъ лѣспицъ, предпочитались всегда продолжительнымъ работамъ. Сила армій не имѣла ни какой важности при осадахъ, потому что всѣ выгоды находились на сторонѣ обороняющагося. Если осаждающій хотѣлъ выиграть время, то долженъ былъ жертвовать кровью людей, и обратно. Часто также голодъ заставлялъ его разойтись. Рѣшившись

разъ на осаду какого либо города, надобно было прежде окружить его, потомъ укрѣпиться какъ со стороны города такъ и съ поля, и построить разные верки и бассейны. Для прорванія этихъ линій, оборонявшіеся производилъ частыя вылазки, правильно иногда поддерживаемыя извнѣ; и происходившія по этому случаю стычки обыкновенно рѣшали судьбу крѣпости. Подобныя предпріятія продолжались часто отъ четырехъ до шести мѣсяцевъ. Сильный приступъ предшествовалъ всегда даже начатію правильной осады. Не разрушивъ прежде стѣнъ, войска приближались къ нимъ для атаки. Стрѣлки прогоняли защитниковъ съ вершины стѣнъ, а слѣдовавшія за ними войска представляли въ какомъ нибудь мѣстѣ лѣстницы, и, ворвавшись по нимъ въ городъ, отворяли ворота для арміи, которая въ городѣ истребляла всѣхъ жителей и грабила ихъ имущество. Только послѣ неудачи подобныхъ предпріятій, приступали къ правильной осадѣ. Тараны употреблялись рѣдко для пробитія бреши, и вмѣсто того часть стѣны подрывалась посредствомъ минъ, или же осаждающій, подкапываясь подъ самую стѣною, врывается въ городъ. Для этого онъ старался какъ можно ближе подступитъ къ стѣнѣ и ввести непріятеля въ заблужденіе касательно предполагаемаго направленія атаки. Лучшее къ тому средство было начать работу съ разныхъ сторонъ, отъ чего обыкновенно передъ атакуемымъ фронтомъ видно было нѣсколько бугровъ (Katzen, кошекъ), образовавшихся изъ земли выкопанной для минъ, которые потомъ связывали другъ съ другомъ посредствомъ рвовъ, укрѣпленій и палисадовъ (Häckelwerk). Если осаждающій имѣлъ довольно средствъ подъ рукою и хорошихъ архитекторовъ, то эти насыпи продолжались далѣе, на нихъ строились башни и машины (манги, блейды), изъ которыхъ до тѣхъ поръ бросали въ городъ бревна, камни, даже мертвыя тѣла и всякую нечистоту, пока предположенная цѣль не была достигнута. Независимо отъ этого, старались зажечь городъ, не только

горящими стрѣлами, но даже посредствомъ птицъ или кошекъ, къ хвостамъ которыхъ были привязываемы зажженные свѣтильники; и нерѣдко успѣвали сдѣлать большой пожаръ.

Современпо съ этимъ, подвигались подземныя работы. Общій приступъ производился тогда, какъ часть стѣны была обрушена, и рѣшалъ судьбу города. Рѣдко случалось, чтобы осажденные строили на скоро новую стѣну (ретраншаментъ), или употребляли другія фортификаціонныя средства. Иногда они защищали брешь, сваливая зажженныя связки, а для заложенія, наскоро, обрушенной стѣны употребляли порожнія бочки (1318 въ Генуи). Обыкновенно, для защиты своей свободы и жизни, прибѣгали только къ мужеству при оборонѣ бреши: это впрочемъ и есть самое надежное средство къ успѣху. Изъ множества особенныхъ машинъ и снарядовъ, употребляемыхъ при осадахъ, дошли до насъ одни только названія, но объ этомъ предметѣ будетъ говорено впоследствии.

Изобрѣтеніе пороху, и первое введеніе огнестрѣльныхъ орудій, не произвели важной перемѣны въ поліорцетикѣ этого періода. Старое и новое оружіе, долгое еще время, употреблялось безъ разбора вмѣстѣ, пока преимущество новаго не сдѣлалось ошутительнымъ. Важность этого изобрѣтенія становилась замѣтною только при осадѣ малыхъ городовъ, потому что для взятія ихъ довольно было нѣсколькими выстрѣлами разрушить ворота. Искусство, необходимое для литія, сверленія и отдѣлки орудія, трудность изготовленія пороху, и наконецъ дороговизна того и другаго, весьма много останавливали повсемѣстное введеніе новаго изобрѣтенія, и потому не удивительно, что оно въ своей родинѣ (въ Германіи) столь медленно входило въ употребленіе, и впоследствии даже скупю было примѣняемо. Къ этому присоединились еще затруднительная перевозка, укладка и медленность самой пальбы. Гусситы, въ отношеніи къ военному искусству имѣвшіе въ этомъ періодѣ первенство передъ

другими народами, при осадѣ Мисса (1427), изъ всѣхъ своихъ орудій успѣли въ день дать не болѣе семидесяти выстрѣловъ, изъ которыхъ одинъ только былъ удаченъ. Говорятъ, что Швейцарцы, при видѣ орудій, присланныхъ имъ Людовикомъ въ 1499 году, вскричали отъ удивленія: «Изъ такихъ отличныхъ пушекъ, съ желѣзными бревнами, можно надѣяться выстрѣлить въ день тридцать разъ!» Неимѣвшее значительной важности, и даже пренебрегаемое въ началѣ, по прошествіи почти ста пятидесяти лѣтъ, разсматриваемое еще сомнительными глазами, изобрѣтеніе пороху должно было, однако, способствовать болѣе всего развитію военнаго искусства, дать совершенно другое направленіе общественной жизни народовъ, упрочить свободу и существованіе государствъ, возвысить быстро цѣну ихъ промышленности, и утвердить власть государей. Достойно замѣчанія, что, въ гусситскихъ войнахъ, орудія нѣкоторое время употреблялись въ довольно значительномъ количествѣ. Напримѣръ, Прага не потеряла при Брюксѣ (Brux) два большія мѣдныя орудія, двѣ мортиры и двадцать четыре среднихъ полевыхъ орудій (какъ ихъ называетъ Теобальдъ), а Нѣмцы при Ризенбергѣ сто пятьдесятъ большихъ орудій на колесахъ (Теобальдъ).

Въ фортификаціонномъ отношеніи Гусситы равно замѣчательны. Независимо отъ того что Зиска приписуютъ первое начертаніе бастіоновъ, онъ отличался искусствомъ усиливать посредствомъ укрѣпленій и разныхъ построекъ отдѣльные посты, лагеря, и тому подобное. Укрѣпленіе горы Витковъ подъ Прагою (близъ Поржицкихъ Воротъ), въ 1420 году, было главнѣйшею причиною неудачи осады, предпринятой Сигизмундомъ съ арміею, простиравшеюся до ста пятидесяти тысячъ человѣкъ и расположеніемъ своимъ занявшей всю равнину между деревнею Овенгъ, рѣкою Бруска и пражскимъ звѣринцемъ. Два укрѣпленія, построенныя имъ на скорую руку, выдержали атаку около тридцати тысячъ человѣкъ, хотя Зиска защищалъ ихъ неболь-

шимъ числомъ воиновъ. По сказаніямъ лѣтописцевъ, не безпокая много непріятеля, онъ позволилъ ему перейти даже ровъ и подступить къ самому валу, но тогда, со сбереженными войсками, быстро двинулся въ атаку, и кнутами причинилъ противнику ужасное поражение. Послѣ отбитія непріятеля, онъ приказалъ тотчасъ починить укрѣпленіе, исправить находившіеся передъ нимъ заборы, и особенно углубить ровъ. Заборы и плетень впереди укрѣпленій, кажется, были имъ устроены нарочно для того чтобы напасть на непріятеля въ то время, когда тотъ будетъ занятъ очищеніемъ себѣ дороги. Въ этомъ случаѣ Пражане весьма искусно употребили орудія, поставленныя ими впереди воротъ. Въ память этого поражения гора Витковъ получила тогда названіе Ziskaberg (Гора Зиски), которое и сохранила до нынѣ. Въ этомъ же самомъ году, Пражане заперли рѣку Молдаву посредствомъ цѣпей и бревенъ, что впервые встрѣчается въ военной исторіи этого періода. Тутъ же лѣтописцы упоминаютъ о первой письменной диспозиціи къ штурму, отданной Сигизмундомъ по войскамъ. Довольно странно, что сигналомъ для начатія атаки главной колонны должно было считаться поднятіе меча самимъ императоромъ.

Нѣмцы и Богемцы въ этомъ періодѣ еще болѣе ознакомились съ полевою фортификаціею, и укрѣплялись почти всегда. Напримѣръ, когда въ 1438 году Альбрехтъ Ахиллъ хотѣлъ осадить Фаворъ, Богемцы утвердились около города; на рѣкѣ Лушницѣ были построены многіе мосты, укрѣпленные по обоимъ берегамъ (двойные тетъ-де-поны). Альбрехтъ тщетно вызывавшій Богемцевъ на бой черезъ герольда, послѣдовалъ наконецъ ихъ примѣру. Впереди этихъ лагерей ежедневно происходили стычки, пока, наконецъ, вторженіе Поляковъ въ Силезію не отозвало туда императора, котораго военнымъ дарованіямъ исторіографъ Гусситовъ (Теобальдъ) отдаетъ въ этомъ случаѣ полную справедливость. Битва подъ Фрастеномъ,

случившаяся нѣсколько позже (1499), доказываетъ успѣхи, сдѣланные Нѣмцами. Тутъ Австрійцы укрѣпили фронтъ свой такъ искусно, что атака съ этой стороны не обѣщала ни какого успѣха. Дорога изъ Хура въ Тироль, проходящая черезъ Фрастенцъ, была преграждена длинною линіею укрѣпленій, обороняемыхъ восемнадцатью орудіями. Двѣ горы, господствовавшія надъ этою дорогою, были также укрѣплены, и верки построены такимъ образомъ, что они прикрывали фронтъ обороняемой линіи. Доступъ къ этимъ веркамъ былъ перегороженъ засѣками, занятыми тирольскимъ войскомъ. Отдѣльныя укрѣпленія, построенныя впереди Фрастенца, обеспечивали сообщеніе съ Тиродемъ. Всѣ верки состояли изъ земныхъ насыпей, обложенныхъ обломками скаль, и всѣ доступы были прикрыты засѣками.

Верки, обеспечивавшіе лагеря, устроиваемые для блокады городовъ, имѣли обыкновенно четыре-угольный видъ, а иногда бѣвали круглые. Четыре-угольные эти были вначалѣ простыми только убѣжищами (*Zufluchtsort*). Такого же виду укрѣпленій множество находилось въ Пруссіи и Польшѣ, о которыхъ по лѣтописямъ извѣстно, что они были построены раньше того времени, о которомъ мы говоримъ. Они имѣли обыкновенно сильную профиль, и отлогости болѣе крутѣе чѣмъ тѣ, которыя нынѣ даются веркамъ. Земляныя насыпи не столько служили для защиты обороняющихся противъ весьма слабыхъ выстрѣловъ метательныхъ орудій того времени, какъ для того чтобы съ вершины ихъ можно было съ успѣхомъ отразить атакующихъ. Разсматривая остатки подобныхъ укрѣпленій, видно, что рвы ихъ были гораздо болѣе удалены отъ насыпей чѣмъ въ наше время. Въ южной Германіи, Италіи и Венгріи, это рѣже встрѣчалось чѣмъ въ другихъ странахъ, потому что тамъ метательныя орудія всѣхъ родовъ усовершенствовались раньше, привели атаку и оборону нѣкоторымъ образомъ въ равновѣсіе, и потребовали, чтобы валъ за-

щищаль людей, стоявших позади его, отъ выстрѣловъ противника, и, въ тоже время, чтобы онъ былъ обезпеченъ отъ приступа. По этой причинѣ видно вездѣ деревянныя постройки, палисады или каменные верки, даже въ полевыхъ укрѣпленіяхъ. Сверхъ того подобныя постройки имѣли обыкновенно валгангъ, а слѣдственно и сильнѣйшую профиль. Впрочемъ вообще постройки укрѣпленій всегда зависѣли весьма много отъ народнаго характера, и измѣнялись притомъ соотвѣтственно его образованности, какъ это видно въ фортификаціонныхъ постройкахъ и нашего времени ⁴².

==

VII.

Состояніе военнаго искусства у Венгерцевъ.

Храбрый этотъ народъ втеченіи трехъ сотъ девяноста пяти лѣтъ составлялъ оплотъ Европы противъ Турковъ и счастливо противился ихъ напору. Самоотверженію, мужеству и геройскому его постоянству, Нѣмцы одолжены, конечно, спасеніемъ своимъ отъ нашествія варваровъ, которые съ востока устремяся на Европу, и поглощая самостоятельность народовъ, истребляли вмѣстѣ и послѣдніе слѣды всего, что Греческая Имперія сохранила еще изъ образованности древняго міра.

Венгерскія военныя учрежденія въ самой глубокой старинѣ имѣли совершенно особый характеръ. Они принадлежатъ къ лучшимъ соображеніямъ святыхъ коро-

*

лей этого народа, и имѣютъ довольно тѣсную связь съ гражданскими его законами, которые при всѣхъ своихъ недостаткахъ были издревле хорошо обдумань ¹. Раздѣленіе на волости (Gespannschaft), участки земель, пользовавшіеся правами и причисленные къ королевскимъ замкамъ, было вмѣстѣ основаніемъ и военной организаціи. Жители ихъ раздѣлялись на поселянь (coloni) и воиновъ (milites), называемыхъ обыкновенно собирательнымъ именемъ «провинціаловъ» или «кондиціонаріевъ». Первые назывались также *замковыми служителями* или приписанными къ замкамъ, а послѣдніе *замковыми іоббадами* (Jobb агу значило свободнаго, хорошей фамиліи человека). Графъ (comes castrensis, или ragochiarius, впоследствии comes supremus) управлялъ во всякой волости гражданскимъ и военнымъ вѣдомствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ верховнымъ судіею. Въ обязанностяхъ, относящихся къ замку и къ экономическимъ предметамъ, помощникомъ его былъ *кастелланъ* (castellanus, vagnagy). Земли, принадлежащія замковымъ іоббадамъ и жилия ихъ мѣста, находились непосредственно подлѣ нихъ или были разбросаны вокругъ.

Эти воины или замковые іоббады раздѣлялись на *сотни* и *десятки*, командуемые полковниками и капитанами. Кастелланъ, полковникъ, капитаны, и всѣ свободные граждане со временъ Стефана святаго составляли высшій классъ въ волости, между тѣмъ какъ другіе свободные, отпущенники, иностранцы, королевскіе дворовые люди (udvarnik) и приписанные къ замку, хоть и стояли нѣсколько выше другихъ гражданъ, не принадлежали къ замковымъ іоббадамъ и составляли нижній классъ народа. Между замковыми іоббадами, натуральные, то есть, получившіе свои имѣнія еще отъ святыхъ королей, пользовались большимъ уваженіемъ, чѣмъ экзимированные, или тѣ, которые получили ихъ впоследствии, но права и обязанности ихъ были совершенно одинаковы. Черезъ заслуги замковые іоббады могли сдѣлаться королевскими кавалерами (serventes regis), даже придворными кавалерами, или получить названіе королевскихъ

приближенныхъ (*equites aulici, familiares reges*): черезъ это имѣнія ихъ въ волостяхъ получали наименованіе дворянскихъ владѣній, а они сами освобождались отъ судебной власти графовъ и подлежали трибуналу (*szolga biro*). Этимъ однако отношенія ихъ къ королю вовсе не измѣнялись; они оставались его ленниками (*beneficiarii regis*) и не пользовались своими имѣніями безусловно, а только доходами съ нихъ и правомъ наслѣдства. Въ извѣстные сроки графъ производилъ этимъ дружинамъ смотры, а въ случаѣ надобности, подъ знаменемъ волости велъ ихъ на войну. Если они выступали за границу, то король обязанъ былъ содержать ихъ, и во время походовъ въ самомъ государствѣ они продовольствовались изъ королевскихъ же магазиновъ. Знакомъ къ возстанію народа было либо письменное повелѣніе, либо обношеніе по селамъ окровавленнаго меча. По этому сигналу всѣ семьдесятъ двѣ волости могли выставить въ поле сто десять тысячъ человѣкъ, къ которымъ потомъ присоединялось сорокъ тысячъ дворянства, обязаннаго своекоштно слѣдовать за королемъ на войну. Со временъ Бель IV предѣлы государства охранялись родомъ пограничной милиціи, называемой *speculatores* (*eögallok*), регулярно размѣщенной по границамъ, надѣленной казенными землями, и обязанной за то защищать государство отъ набѣговъ Монголовъ. Они находились подъ начальствомъ капитана (*eöghiagy*) и были впрочемъ организованы на подобіе замковыхъ юббадевъ.

Эта отличная система обороны предѣловъ, при своей корысти вельможъ, не могла долго удерживаться. Уже при Андреѣ II († 1235) дворянство освободилось отъ обязанности лично выступать въ походъ. Волостные графы, кавалеры (*servientes*) и даже юббады не выходили иначе за предѣлы государства какъ за жалованье. Одно только вторженіе непріятеля обязывало еще всѣхъ помѣщиковъ и кавалеровъ вооружаться вмѣстѣ со своими людьми (*praediales, populi*) и въ случаѣ надобности преслѣдовать непріятеля даже внѣ предѣловъ государства. Во время внутреннихъ распрей, хищ-

ные вельможи, овладѣвъ обширными казенными имѣніями, мало-по-малу освободились отъ обязанностей, первоначально на нихъ лежавшихъ. Расточительность королей въ пожалованіи земель увеличила еще безпорядокъ, и такимъ образомъ постепенно уничтожилось это устройство по комитатамъ, хотя и остались наружныя его формы. При Карлѣ I Робертѣ (* 1342) измѣнилась вся военная организація. Государь этотъ, во время царствованія своего въ Неаполѣ, ознакомился съ военнымъ искусствомъ римско-германскихъ народовъ, и естественнымъ образомъ хотѣлъ все хорошее изъ него ввести въ Венгрію, тѣмъ болѣе что война, веденная имъ противъ могущественнаго графа Тренкшина, показала ему, чего онъ могъ надѣяться и опасаться отъ существовавшей тогда въ Венгріи военной организаціи народа. При этомъ, для достиженія предположенной цѣли онъ употребилъ въ свою пользу честолюбіе вельможъ и прелатовъ. Возстановивъ строгостию прежде лежавшія на нихъ обязанности, онъ повелѣлъ, чтобы каждый бывшій въ состояніи выступить въ походъ болѣе чѣмъ съ тысячею человекъ, дѣйствовалъ отдѣльно подъ своимъ собственнымъ знаменемъ. Одно названіе *Banderia*, *Banderium*, принесенное имъ изъ Италіи, одушевило честолюбивыхъ вельможъ, и съ тѣхъ поръ каждый изъ нихъ старался вооружать на войну побольше людей. То, что они дѣлали вначалѣ изъ пышности и честолюбія, король превратилъ потомъ въ обязанность, позволилъ имъ собирать со своихъ подданныхъ кромѣ десятой и девятой долю полевыхъ плодовъ, и повелѣлъ навсегда вооружать на войну разъ ими выставленное число людей. Людовикъ Великій, сынъ Карла, строго наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ законовъ своего родителя. Карлу I Венгрія обязана, кромѣ того, организаціею своихъ легкихъ войскъ, Секлеровъ и Куманцевъ, которыя до него дѣйствовали въ неустроенныхъ толпахъ, возлѣ замковыхъ-юббадьевъ, самовольно прибывая и отбывая изъ арміи. Онъ раздѣлил ихъ на два отряда, изъ которыхъ первый называлъ *языгами*,

лучниками (Jaszig, Jazon), а другой баллистаріями (впослѣдствіи неправильно называемыхъ Philistär) и назначилъ имъ въ строю мѣста, смотря по ихъ вооруженію. Въ отношеніи къ службѣ Секлеры раздѣлялись на Primores (Fö Nèpek), Primipiles (Lofèjek) и Plebei (Kögnèpek). Пограничныя войска, почти совершенно уничтоженныя, были при немъ вновь устроены. Многие воины оставили данныя имъ отъ казны имѣнія, и границы были открыты; но строгій королевскій приказъ повелѣлъ всѣмъ возвратиться, и съ тѣхъ поръ предводительствовалъ ими особенный начальникъ (Eöc-Nagysàg), разъ навсегда причисленный къ разряду королевскихъ кавалеровъ.

Жадность, своекорыстіе и строптивость, которыхъ вовсе нельзя было удовлетворить во время смутъ, раздиравшихъ Венгрію, погребли вскорѣ и эти постановленія. Король Сигисмундъ († 1437), столь горькимъ опытомъ удостовѣрившійся въ выгодахъ и недостаткахъ этихъ учрежденій², увидѣлъ себя вынужденнымъ принять новыя мѣры для безопасности государства, и оттого въ 1431 году издавъ въ Сіенѣ свой Военный Реестръ (Regestrum), поручилъ его Венгерцамъ обдумать и исполнять. Число волостей уменьшилось уже до шестидесяти, а между тѣмъ надобны были рѣшительныя мѣры, чтобы сопротивляться Туркамъ. Бандеріи вѣроятно оказались недостаточными, и потому онъ старался возстановить прежнюю военную организацію, въ другой только формѣ, которая впрочемъ была по настоящему простымъ подражаніемъ германскому матрикулярному военному устройству. Согласно Военному Реестру, каждый дворянинъ остался обязаннымъ защищать государство; вельможи и прелаты, равно какъ и самые мелкіе помѣщики, обязаны были нести предписанную военную службу, но имъ позволялось денежною платою замѣнить личное свое участіе въ походѣ, а волости въ этомъ случаѣ были принуждены соотвѣтственно своему населенію и богатству выставять извѣстное число всадниковъ. Каждый дворянинъ, смотря по

своимъ средствамъ, долженъ былъ способствовать собранію денегъ, для вооруженія и содержанія этихъ всадниковъ. Бѣдные, больные и старцы, складывались; далѣе было опредѣлено, сколько богатые помѣщики должны выставять іоббадьевъ, а волости людей. При поголовномъ вооруженіи однако, каждый помѣщикъ былъ обязанъ лично участвовать въ походѣ, на конѣ, и сверхъ того выставить изъ тридцати трехъ своихъ іоббадьевъ, подлежащихъ набору, одного, или изъ ста трехъ, вооружить ихъ и снабдить хорошимъ лукомъ, колчаномъ и мечомъ. Противъ набѣговъ и неповиновенія были приняты строжайшія мѣры. Наконецъ король обязывалъ себя выставять и содержать корпусъ войскъ для обороны границъ (противъ Гусситовъ), а прелаты и епископы должны были содѣйствовать ему въ томъ. Кромѣ того король имѣлъ намѣреніе возстановить древнее государственное учрежденіе, называемое *portalis insurrectio*, то есть ополченіе по дымамъ (*ros-polite ruszenie* у Поляковъ).

Люди, набранные съ дымовъ, должны были выступать подъ предводительствомъ волостныхъ графовъ, къ которымъ присоединялись дворяне, не имѣвшіе іоббадьевъ, съ вооруженными дворовыми людьми. Въстѣ съ тѣмъ король опредѣлилъ, чтобы срокъ службы простирался смотря по обстоятельствамъ, а не пятнадцать дней, какъ было прежде; чтобы войска собирались не раньше и не позже назначеннаго времени; и наконецъ раздѣлилъ пограничную полосу на семь округовъ, и всю вооруженную силу государства на столько же армій. Но изъ всѣхъ этихъ постановленій ни одно не было приведено въ исполненіе: они остались только мертвыми законами на бумагѣ, памятникомъ разстройства общественнаго порядка въ народѣ, какъ говоритъ глубокомысленный историкъ Венгріи, и наставленіемъ для будущихъ временъ. Въстѣ съ приближеніемъ грома оттоманскихъ орудій къ границамъ, приближался и упадокъ государства. Въ 1439 году король Альбрехтъ долженъ былъ даже обѣщать

сейму не предпринимать ничего для обороны границъ безъ его соизволенія. Онъ успѣлъ собрать противъ Турковъ не болѣе тридцати четырехъ тысячъ чело-вѣкъ. Впослѣдствіи храбрый Гувьядъ былъ брошенъ на произволъ судьбы въ то время, какъ полу-мѣсяцъ невѣрныхъ блисталъ уже подъ стѣнами Се-гедина и Буды, хотя не задолго передъ тѣмъ онъ съ согласія сейма опредѣлилъ, чтобы всѣ помѣшники и го-рожане сѣли на коней противъ Турковъ и чтобы бан-деріи прелатовъ и бароновъ прибыли во время къ мѣ-сту сбора.

Въ этомъ періодѣ Венгерцы оставили тотъ родъ боя, которымъ они нѣкогда сдѣлались столь страш-ными для Нѣмцевъ. Въ борьбѣ съ восточными и за-падными своими сосѣдями, они весьма скоро переня-ли ихъ образъ дѣйствія, и стали, по тяжелому своему вооруженію, неповоротливыми всадниками и пѣхо-тинцами. Такими по-крайней-мѣрѣ они являются уже въ XII вѣкѣ. Кони ихъ даже имѣли голову, шею, грудь и переднія ноги, совершенно покрытыя желѣ-зомъ. Въмѣсто страшнаго ихъ боеваго крика, была вве-дена полевая музыка, удивившая союзниковъ ихъ, По-ляковъ, съ которыми они вмѣстѣ сражались.

Къ сожалѣнію, о тактическомъ ихъ устройствѣ въ этомъ періодѣ остались свѣдѣнія весьма неудовлетвори-тельные. Даже вѣкъ Людовика Второго (1342 до 1382), столь обильный великими дѣяніями и результатами, представляетъ весьма мало поучительнаго въ военномъ отношеніи. Можно догадываться, что онъ первый далъ правильную организацію, потому что, по словамъ лѣто-писцевъ, на походѣ въ Далмацію (1344), онъ къ славон-скому бану присоединилъ четыре тысячи тяжелой пѣхо-ты. Увлеченный духомъ вѣка, онъ ограничивался упо-требленіемъ почти одной только кавалеріи. Въ походѣ въ Неаполь онъ имѣлъ пятнадцать тысячъ венгерской и восемь тысячъ нѣмецкой конницы, а только четыре ты-сячи ломбардской пѣхоты. Въ походѣ въ Сербію армія его состояла изъ пятидесяти тысячъ конницы и тридца-

ти тысячъ пѣхоты, Во время марша авангардъ составляли легкія войска (Секлеры и Куманцы, вооруженные обыкновенно луками и стрѣлами, — сосѣдніе охотливѣе на рѣкѣ Тейссѣ Печенѣгамъ), и были поддерживаемы тяжело вооруженными всадниками. Главныя силы состояли изъ тяжелой кавалеріи въ латахъ, высшаго дворянства прелатовъ и прочихъ дворянъ; арріергардъ, смотря по обстоятельствамъ, набирался изъ легкихъ или тяжелыхъ войскъ. Въ сраженіи, которое обыкновенно завязывали Секлеры и Куманцы, кавалеріи составляла *corps de bataille*. Пѣхота употреблялась почти какъ вспомогательное войско, большею частью для засадъ, для занятія лѣсовъ, высотъ, или наконецъ располагалась позади конницы. Хотя Людовикъ довольно неудачно началъ военное свое поприще походомъ противъ Ядры (1346), однако жъ въ отношеніи къ искусству, Венгерцы превосходили своихъ западныхъ сосѣдей. Того же самаго Людовика потомъ мы видимъ отличнымъ полководцемъ въ экспедиціи противъ Булгарскаго Вланки: съ неутомимою дѣятельностью онъ отыскалъ непріятеля, преслѣдовалъ его осторожно и атаковалъ стремительно. Перешедъ Дунай (1369) при Виддинѣ, въ виду непріятельской арміи онъ выбралъ мѣсто для переправы по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, занялъ противный берегъ частью войскъ и приказалъ имъ тщательно укрѣпиться. Непріятель, удивленный этимъ и захваченный въ расплохъ, отступилъ въ свои лѣса и преградилъ доступъ къ нимъ засѣками. Но Секлеры проложили дорогу войскамъ, и Людовикъ въ головѣ своей арміи принудилъ храбраго противника заключить миръ. Не менѣе искусства видно въ походѣ его противъ Венеціанцевъ, хотя въ этотъ разъ счастье не столько ему благоприятствовало. Хитрые республиканцы весьма удачно пользовались мѣстностью, и защищали ее самымъ упорнымъ образомъ; каждый оврагъ, каждое возвышеніе, было занято венеціанскими арбалетчиками, лучшими тогда въ Европѣ. Храбрость Вен-

герцевъ не имѣла ни какого успѣха противъ укрѣпленій близъ Piave de Sacco; а при Тревиго, близъ котораго непріятель построилъ линіи (слѣды ихъ видны донынѣ), счастье совершенно оставило Людовика. Кратковременное царствованіе Карла Малаго, въ военной исторіи ничѣмъ не замѣчательно; лѣтописи упоминаютъ только о королевской гвардіи, состоявшей подъ начальствомъ какого-то Альбериха и отличавшейся великолѣпіемъ. По всей вѣроятности она была образована изъ иностранцевъ, или Венгерцевъ, служившихъ прежде въ бандеріяхъ (отрядахъ охотниковъ, *Freibeuter Heer*) въ Италиі. Въ царствованіе Людовика Венгрія была съ ними уже ознакома. По словамъ лѣтописцевъ, Гансъ Бонгардъ, Петръ Чударъ, а впоследствии Джонъ Гавквудъ, Честорре де Манфредо и Мостоце были начальниками этихъ шаекъ. Объ нихъ и о бандѣ della Stella други и недруги упоминаютъ съ ужасомъ.

Продолжительное царствованіе Сигисмунда представляетъ борьбу повѣйшаго военнаго искусства съ древними формами. Тогда употреблялись безъ разбору ядовитыя стрѣлы, арбалеты, сѣкиры, колесницы, пушки и ружья. Частыя сношенія съ иностранцами, стекавшимися въ Венгрію противъ Турковъ, которыхъ могущество годъ отъ году возрастало, имѣли весьма важное вліяніе на образъ дѣйствія и вооруженіе Венгерцевъ. Такъ напримѣръ, въ 1396 году прибыло изъ Франціи и Бургундіи двѣнадцать тысячъ совершенно покрытыхъ латами воиновъ подъ начальствомъ Іоанна Бургундскаго, графа д'Э и Куси и славнаго Бусико (*Boucicaut*). При Большомъ Никополѣ (26 февраля 1396), гдѣ рѣшилось, должны ли Турки оставаться въ Европѣ, мы видимъ, что Венгерцы были тщательно укрѣплены, но, уступая энтузіазму иностранцевъ, они оставили свое безопасное мѣсто, чтобы однимъ мечомъ пріобрѣсти то, для достиженія чего потребно было всего напряженія какъ умственныхъ такъ и физическихъ силъ. Христіане, силою около ста тридцати шести тысячъ, подъ предводитель-

ством Сигисмунда, расположились въ трехъ линияхъ: въ первой Французы, Англичане и Итальянцы, во второй Венгерцы, въ третьей Нѣмцы, Богемцы, Босняки и Валахи. Лѣсъ, находившійся на правомъ флангѣ, былъ занятъ нѣсколькими бацдеріями, чтобы на случай наступленія Турковъ напасть на нихъ съ фланга. О другихъ тактическихъ подробностяхъ лѣтописи умалчиваютъ. Баязеть съ особеннымъ искусствомъ принялъ мѣры противъ распоряженій своего противника. Замѣтивъ войска, расположенныя въ лѣсу, онъ удержалъ ихъ дѣйствіе постановленнымъ вблизи сильнымъ отрядомъ. Одну половину своей арміи, по силѣ неуступавшей противнику, и десять тысячъ отборнаго войска, называемаго Воротами (Капу), онъ расположилъ въ видѣ резерва, а съ другою половиною (Азабами), занимая противника, поддерживалъ бои. Подкрѣпленія, высылаемыя во-время отъ главнаго резерва, долго останавливали напоръ христіанъ; но когда эти послѣдніе начали наконецъ брать поверхность, а Франки спѣшились уже, чтобы съ мечомъ въ рукѣ атаковать турецкую пѣхоту и довершить пораженіе противника, тогда Баязеть выдвинулъ свѣжія свои войска. Побѣда не долго оставалась нерѣшенной, и сорокъ тысячъ христіанъ, частью убитыхъ, частью взятыхъ въ плѣнъ, сдѣлались жертвами этого дня.

Частныя стычки, какъ противъ Турокъ такъ и между собою, продолжавшіяся до самой гусситской войны, и даже самая эта война, ничѣмъ не замѣчательны въ отношеніи къ военному искусству. Грабежъ, пожары и разореніе были отличительными явленіями этого боя, въ которомъ Богемцы и Венгерцы соперничали другъ съ другомъ въ жестокости. Однако жъ Венгерцы, болѣе чѣмъ другіе народы, способствовали побѣжденію Гусситовъ. Должно замѣтить, что въ этомъ бою, они въ битвѣ при Острау (1423) впервые употребили полевые пушки.

Въ военной исторіи этого народа дѣятельная и счастливая жизнь Гуньяда составляетъ весьма замѣчатель-

ный периодъ. Этотъ первый герой своего времени, одушевленный благородною любовью къ отечеству, мужествомъ и предприимчивостью, съ малыми средствами совершилъ весьма много. Сдѣлавшись ужасомъ Турковъ, онъ съ непостижимою силою дѣйствовалъ даже на ихъ духъ³. Разбивъ мусульманъ во многихъ незначительныхъ стычкахъ, онъ побѣдилъ ихъ при Батта близъ Семендрин (1441), потерялъ сраженіе при Эммериксдорфѣ, обманутой хитростью Мезидъ-Бея, но зато одержалъ блистательную побѣду при Желѣзныхъ Воротахъ или, лучше сказать, у подножія хребта Магуры, между Гоздо и Топлицей, надъ Абединомъ, первымъ полководцемъ Мурада II, послѣ кончины Мезидъ-Бея. Въ этомъ достопамятномъ сраженіи первую линію мусульманъ составляли легкіе кавалерійскіе отряды. Центръ второй состоялъ изъ янычаръ, а фланги изъ европейской кавалеріи, сражавшейся подъ турецкими знаменами и перемѣшанной съ пѣхотою; наконецъ самыя старыя и опытыя воины образовали резервъ. Въ арміи Гуньяда Секлеры образовали авангардъ по флангамъ; они были поддерживаемы двумя линіями тяжело вооруженныхъ рыцарей, а тѣ въ свою очередь конными стрѣлками баллистаріевъ, или филистаріевъ. Двѣ линіи тяжелой кавалеріи, построенной въ густыхъ рядахъ и перемѣшанной съ тяжелою пѣхотою, занимали центръ боеваго порядка. Позади ихъ были расположены пикиеры и стрѣлки изъ лука. Фланги Гуньяда обезпечилъ длинными рядами колесницъ, занятыхъ стрѣлками. Едва онъ успѣлъ одушевить свои войска рѣчью, какъ началось сраженіе. Въ то время какъ Секлеры медленно развертывались, главныя силы, построившись въ видѣ клина, атаковали мусульманъ, которые разомкнулись клещеобразно, но были опрокинуты и взяты во флангъ баллистаріями. Такая же участь постигла и турецкую пѣхоту, стоявшую во второй линіи. Кавалерія ихъ однако жъ, находившаяся на флангахъ, возстановила сраженіе: она опроки-

нула всѣхъ Секлеровъ, баллистаріевъ и тяжело вооруженныхъ, и вдругъ явилась на флангахъ венгерскаго центра. Тяжело вооруженная кавалерія, послѣ упорнѣйшаго боя, должна была отступить, чтобы подъ прикрытіемъ пѣхоты вновь устроиться. Въ это время Абединъ, желая рѣшить бой, двинулся со своимъ резервомъ. Какъ прежде мусульмане, такъ теперь Венгерцы, размыкаются клещеобразно, съ намѣреніемъ охватить приближавшуюся массу. Въ то же самое время военныя колесницы праваго крыла были устремлены во флангъ наступавшему непріятелю. Турецкая армія, атакующая съ фланга и тыла, вскорѣ обратилась въ бѣгство; но одному только лѣвому ея крылу, подъ личнымъ предводительствомъ Абедина, удалось спастись: прочія войска успѣли вновь собраться только за Желѣзными Воротами. Такимъ образомъ описываетъ эту битву Бофиніусъ и Туроцъ, а по нимъ Фесслеръ. Не свѣдущіе въ военномъ искусствѣ удивляются плану Гуньяда, по знающіе дѣло понимаютъ его весьма мало. Независимо отъ того что кавалерія венгерскаго центра ожидаетъ атаки непріятеля въ глубокихъ массахъ, и потомъ, бывъ опрокинута, отступаетъ въ порядкѣ, колесницы играютъ здѣсь роль довольно непонятную. Быть можетъ, что это былъ родъ ѣдущей пѣхоты, на подобіе той, которая существовала въ Германіи. Способъ употребленія болѣе однако показываетъ колесницы, а сказанія лѣтописцевъ, что съ нихъ осыпывали непріятеля градомъ стрѣлъ и бомбардъ (?) съ фланговъ и съ тылу, дѣлаетъ это предположеніе весьма достовѣрнымъ. Распоряженіе Гуньяда, поддерживать Секлеровъ на флангахъ тяжелою кавалерією, а ту баллистаріями, достойно похвалы. Предусмотрительность его видна также въ построеніи центра, въ перемѣшаніи кавалеріи съ пѣхотою, противъ неистовыхъ атакъ турецкой конницы. Но и Абединъ не отсталъ отъ своего противника. Слѣдуя древней турецкой системѣ, онъ поддерживалъ бой нѣкоторое время, а потомъ старался рѣшить его ре-

зервомъ , — средство , которое въ наше время вопло опять въ употребленіе.

Послѣдующія побѣды Гуньяда , хотя и достославныя въ лѣтописяхъ Венгріи , менѣе однако поучительны : битвы на рѣкѣ Златницѣ , при Балканахъ , и на Яловецкомъ Полѣ ; уничтоженіе арміи Исхакъ-Бея , Касимъ-Бея , Гасанъ-Бея , и другихъ , являютъ рѣдкій примѣръ четырехъ дѣлъ и двухъ сраженій , выигранныхъ втеченіи пяти мѣсяцевъ . Одинъ только Георгій Кастріота , современникъ и часто сподвижникъ его , можетъ стать съ нимъ на ряду , потому что и онъ образовалъ правила , сохранившіяся до нашихъ временъ . Въ походѣ Владислава противъ Турковъ , предпринятомъ по совѣту воинственнаго и пылкаго кардинала Чезарини ; мы находимъ только смѣлость , но не видимъ опытности венгерскаго героя . Къ позору нарушенія клятвы сдѣлано было достойное дополненіе безразсуднымъ выступленіемъ съ ничтожными силами противъ всего могущества Мурада . Не болѣе пятнадцатитысячь венгерской конницы , поддержанныхъ какими нибудь пятью тысячами Поляковъ и крестоносцевъ , двинулись на встрѣчу превосходнымъ силамъ Турковъ . Владиславъ , ободренный нѣкоторыми успѣхами , оставилъ выгодное расположеніе на высотахъ Петреча и смѣло двинулся по лѣвому берегу Паниза , къ Варнѣ . Впереди его слѣдовалъ Гуньядъ съ Волохами , Секлерами и цѣлымъ обозомъ арміи . Умное предложеніе кардинала Чезарини , укрѣпясь на высотахъ , ожидать прибытія вспомогательныхъ и морскихъ войскъ , по настоянію Гуньяда было отвергнуто въ военномъ совѣтѣ ; битва была рѣшена и начата 10-го ноября 1444 года . Лѣвый флангъ примыкалъ къ девинскому болоту ; машины , взятыя съ собою , были употреблены для прикрытія переправы . Король занялъ углубленіе , продолжавшееся до самаго праваго фланга . Гуньядъ предводительствовалъ правымъ крыломъ , гдѣ и развѣшалось черное государственное знамя Венгріи . Вагенбургъ , состоявшій изъ двухъ тысячъ возовъ , былъ расположенъ всторонѣ

отъ города Варны. О тактическихъ подробностяхъ, особенно о пагубномъ несогласіи полководцевъ и вельможъ, не дошло до насъ ни какихъ свѣдѣній. Турки были устроены въ три массы, правое крыло подъ начальствомъ бейлербея Румилии, лѣвое подъ начальствомъ бейлербея Анатолии, а центръ подъ личнымъ предводительствомъ Мурада. Впереди его находился ровъ, усиленный кольями, и на пикѣ повѣсили мирный договоръ христіанъ, скрѣпленный присягою на Евангелии. Обозъ стоялъ въ тылу арміи. Гуньядь, напавъ на бейлербея Анатолии, опрокинулъ его и ворвался въ турецкій лагерь. Мурадъ хотѣлъ уже бѣжать съ поля сраженія, но бейлербей удержалъ его, схвативъ за узду коня. Между тѣмъ атака Гуньяда противъ янычаръ не удалась; юный король двинулся впередъ, чтобы рѣшить побѣду, и вся армія безъ приказанія послѣдовала за нимъ. Но король былъ убитъ; голова его, воткнутая на пику и обносимая съ торжествомъ по рядамъ, одушевила мусульманъ къ довершенію пораженія невѣрныхъ. Съ наступленіемъ ночи побѣда была рѣшена въ пользу Турковъ; все побѣждало въ безпорядкѣ съ поля сраженія; вагенбургъ сдѣлался добычею непріятеля на слѣдующій день, и христіане, спасшіеся въ день сраженія, погибли теперь жертвами прежнихъ своихъ жестокостей противъ Турковъ. Уже войскамъ нашего вѣка, подъ предводительствомъ воинственнаго императора, было суждено смыть позоръ этого пораженія! Странно, что въ этомъ сраженіи обѣ стороны, хотя давно уже ознакомленные съ огнестрѣльными орудіями, не имѣли ихъ при себѣ. Длугошъ, историкъ польскій, говоритъ положительнымъ образомъ: *nullus etiam (nescitur quo facto) bombardis se et tormentis instruxit.*

Хотя вскорѣ послѣ того Гуньядь, напавъ на Турковъ близъ Сарно, разбилъ ихъ на голову, однако поверхность въ полѣ оставалась всё на ихъ сторонѣ. Замѣчательный подвигъ въ воинственной его жизни составляетъ битва при Кассовѣ (по венгерски Rigo Mezö)

на Амзельфельдѣ (17-го октября 1448 года), въ который хотя и видно еще странную смѣсь стараго и новаго, однако жъ новое уже преобладаетъ ⁴. Гуньядъ, укрьпившись на возвышеніи, командовавшемъ обширною равниною, стоялъ между Копаникомъ и Скопіей, на лѣвомъ берегу рѣки Ситницы (Рашки). Онъ ожидалъ здѣсь прибытія Кастріоты, но хитрая политика Мурада не оставила ему для этого довольно времени. Возвышеніе было обороняемо тяжелыми орудіями и машинами, и армія построилась кругообразно. Центръ ея состоялъ изъ сомкнутой, тяжело вооруженной, конницы и пѣхоты, а венгерскіе и волошскіе рыцари находились на флангахъ. Съ разсвѣтомъ, не удаляясь болѣе какъ на пушечный выстрѣлъ отъ своей позиціи, онъ повелъ войска на встрѣчу противнику. Послѣ почти трехъ-часоваго сильнаго огня, поддерживаемаго съ обѣихъ сторонъ, начался бой по древнему способу. бѣлымъ оружіемъ. Турки, имѣя европейскую кавалерію по флангамъ, янычаръ въ центрѣ, а орудія впереди, расположили азіатскую конницу всторонѣ, съ намѣреніемъ употребить ее въ случаѣ надобности для обходовъ или для преслѣдованія непріятели ⁵. Бой продолжался цѣлый день съ перемѣннымъ счастіемъ. Ночь нашла битву нерѣшенною, что уже ясно показываетъ вліяніе новаго оружія. На другой день, съ восхожденіемъ солнца, бой возгорѣлся опять. Побѣдоносные Турки приблизились къ самой подошвѣ возвышенія и были уже подъ выстрѣлами Венгерцевъ, когда новая атака послѣднихъ принудила ихъ отступить. Гуньядъ намѣревался центромъ, удерживая только янычаръ, рѣшить побѣду фланговою атакою. Но центръ его, безъ приказанія начавъ наступленіе и преслѣдуя неосторожно, съ намѣреніемъ уступавшихъ Турковъ, былъ ими окруженъ, уничтоженъ, и сдѣлался причиною общаго пораженія ⁶. На слѣдующее утро вагенбургъ Венгерцевъ сдѣлался добычею побѣдителя; всѣ находившіяся въ немъ орудія были взяты, и защитники ихъ истреблены. Сраженіе про-

должалось три дня, вся равнина Кассова была покрыта мертвыми тѣлами, въ числѣ которыхъ Венгерцевъ убитыхъ полагають до семнадцати тысячъ, а Турковъ до тридцати четырехъ тысячъ. Впослѣдствіи разсмотримъ, какимъ образомъ усовершенствовалось здѣсь военное искусство.

О поліорцетикѣ этого періода можно только повторить то, что было уже сказано при разсмотрѣніи того же предмета у другихъ народовъ. Всюду еще видно болѣе храбрости и предприимчивости чѣмъ искусства. Кромѣ того, на этомъ поприщѣ, Венгерцы случайнымъ образомъ встрѣчались съ народами, превосходившими ихъ опытностью. Слѣды употребленія огнестрѣльныхъ орудій примѣчаются у нихъ весьма рано, еще въ 1376 году, а въ 1439 отливались уже разнаго рода орудія на презбургскомъ литейномъ дворѣ. Мѣдные снаряды, употребляемые вначалѣ, были потомъ замѣнены чугунами. Лѣтописцы этого времени замѣчаютъ, что при изготовленіи пороха употреблялись тогда уксусъ и винный спиртъ. Первое большое поліорцетическое предпріятіе составляетъ осада Ядры, долгое время бывшей яблокомъ раздора для смежныхъ народовъ, встрѣчавшихся на этомъ пунктѣ при постепенномъ распространеніи своего могущества (1346). Венеціанцы, не довольствуясь усиленіемъ города новыми верками, построили внѣ главнаго вала укрѣпленный лагерь и къ востоку отъ города совершенно новую цитадель. Великій король Венгріи подступилъ подъ эту крѣпость со ста тысячною арміею. Одинадцать большихъ метательныхъ машинъ, для владѣнія которыми смѣнялось осемь сотъ человекъ, день и ночь обстрѣливали городъ; огромныя тараны крушили стѣны, храбро наступали Венгерцы, и такъ же храбро защищался гарнизонъ. Флотъ, подъ начальствомъ Петра Чиврано, прибывъ съ подкрѣпленіемъ къ городу, принудилъ Людовика, несмотря на его сто тысячную армію, снять осаду. Столько же храбрости, но болѣе искусства,

оказали Венгерцы въ Италіи при Каноссѣ и Аверзѣ, изъ которыхъ послѣднюю три мѣсяца храбро защищаль Пинателли. Въ послѣдующихъ походахъ противъ Венеціянцевъ иѣтъ ничего любопытнаго въ отношеніи къ искусству, исключая, что при осадѣ Ядры (1376) Венеціянцы, подъ предводительствомъ Пизани, употребляли уже бомбы. До тѣхъ поръ для подобныхъ случаевъ служили тараны, бараны и древнія метательныя машины. Бомбарды теперь замѣняли ихъ, но тѣ долго еще удерживались; только потомъ началось общее употребленіе огнестрѣльныхъ орудій, и искусство находилось здѣсь на высшей степени чѣмъ у другихъ народовъ въ этомъ періодѣ. Въ 1395 году при осадѣ Малаго Никополя (Турцула) Сигисмундъ употреблялъ еще метательныя машины, но осаду Бѣлграда (1440) должно разсматривать уже какъ начало новаго поліорцетического искусства. Городъ этотъ защищаль врацкскій пріоръ, Іоаннъ Зовацъ Таллоцъ, весьма храбро и искусно. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи многочисленную артиллерию, пушки отъ самаго большаго до самаго меньшаго калибра, двойныя гаки (Doppelhaeken) и огромныя бомбарды. Ночью онъ успѣвалъ всегда исправить вредъ, причиненный днемъ орудіями Мурада. Мурадъ пытался наконецъ взять городъ посредствомъ минъ, но стрѣла съ запискою, пущенная изъ лагеря осаждающихъ, открыла Венеціянцамъ направленіе подземныхъ работъ, и Таллоцъ тотчасъ пошелъ минами непріятелю на встрѣчу. Турки, подвигаясь все впередъ, готовились уже къ приступу; тогда Таллоцъ, подложивъ мину и наполнивъ ее порохомъ, смолою и сѣрою, взорвалъ ее во время самой атаки. Семи-мѣсячная осада была снята. Турки потеряли около семнадцати тысячъ челоуѣкъ убитыми. Мурадъ утѣшился тѣмъ, что онъ раньше или позже, непременно возметъ Бѣлградъ. Къ сожалѣнію, дошедшія до насъ свѣдѣнія столь темны, что по нимъ болѣе догадываться можно, чѣмъ дѣлать какія либо заключенія. Вторая осада Бѣлграда Магометомъ II (1456)

*

почти замѣчательнѣе первой: сто шестьдесятъ тысячъ человекъ подступили подъ крѣпость частью водою, а частью сухимъ путемъ. Осадный паркъ состоялъ изъ трехъ сотъ орудій, въ числѣ которыхъ находилось двадцать два огромной длины, доходившей до двадцати семи футовъ. Михаилъ Орсагъ и Юаннъ Бастида, Испанецъ, подъ верховнымъ начальствомъ Михаила Силади, Гуньядова шурина, защищали городъ, пока не прибылъ самъ Гуньядъ, сопровождаемый добродѣтельнымъ Юанномъ Капистрано. Только послѣ упорнаго боя съ турецкимъ флотомъ, покрывавшимъ Дунай и Саву (двѣсти судовъ), они успѣли пробраться въ городъ. Кромѣ природной силы крѣпости, большое затрудненіе для осаждающихъ могли составлять двойные рвы и стѣны. Посредствомъ моста Бѣлградъ сообщался съ Землиномъ, подъ стѣнами котораго расположились крестоносцы, прибывшіе осажденнымъ на помощь. Оружіе ихъ состояло изъ мечей, аркебузовъ, луковъ, пращъ, косъ, кпотовъ и булавъ. Капистрано и Гуньядъ, уже въ виду непріятели обучали ихъ военнымъ эволюціямъ, и то при звукѣ церковныхъ колоколовъ. Сначала Турки окружили городъ отдѣльными укрѣпленіями, которыя были сильно вооружены орудіями; потомъ связали ихъ между собою, и наконецъ начали обстрѣливать городъ и стѣны. Производя приступъ за приступомъ, они успѣли наконецъ ворваться въ городъ, но, опрокинутые здѣсь, должны были отступить съ потерей около трехъ сотъ орудій, которыя сдѣлались добычею осажденныхъ⁷. По сказаніямъ лѣтописцевъ, сорокъ тысячъ человекъ Турковъ было убито во время осады; но Гуньядъ и Капистрано тоже скоро скончались.

При этой осадѣ, городъ, кажется, составлялъ только редюитъ венгерскаго лагеря. Сава раздѣляла обѣ арміи, но мостъ представлялъ для Венгерцевъ легкое и вѣрное сообщеніе съ другимъ берегомъ. Во время Магометова приступа брешь была весьма хорошо защищаема; кромѣ того осажденные въ то же самое время

сдѣлали вылазку и, устремясь прямо противъ его лагерь, заставили его отступить и снять осаду. Впрочемъ и здѣсь видно весьма мало успѣховъ искусства, по-крайней-мѣрѣ изъ описанія современниковъ. Осада Деренча въ долинѣ рѣки Балогъ заслуживаетъ быть упомянутою только потому, что здѣсь мы встрѣчаемъ исполнскія работы Гуньяда, который посредствомъ плотинъ заперъ рѣку Балогъ такъ сильно, что наводненіе ея заставило городъ сдать. Самая организація венгерскихъ армій достаточно показываетъ, что безусловное исполненіе приказаній начальства не могло въ ней существовать. Строптивость вельможъ, ихъ отношенія къ королю и къ полководцу въ особенности, если онъ былъ выбранъ изъ среды ихъ, дѣйствовали всегда вредно для дисциплины. Даже герой венгерскаго народа, Людовикъ Великій, встрѣчалъ подобныя затрудненія. Въ походѣ въ Неаполь, при выступленіи изъ Барлетты, Нѣмцы, подъ начальствомъ Конрада Вольфа и Гемана Маусса, взбунтовавшись, возвратились назадъ и разграбили городъ: варварскою только строгостью, а именно, приказавъ умертвить всѣхъ непокорныхъ, король успѣлъ возвратитъ порядокъ. Впослѣдствіи, кажется, однако, армія его была болѣе дисциплинирована, особенно въ Неаполѣ, потому что когда Неаполитанцы намѣревались сдѣлать нападеніе на разбросанныя по городу войска, ратники тотчасъ собрались и въ порядкѣ вступили въ цитадель. Но наконецъ исчезъ и этотъ призракъ дисциплины: вмѣсто ея ввелось какое-то условное повиновеніе, бывшее причиною многихъ безпорядковъ. При Гуньядѣ эти затрудненія скорѣе увеличились, чѣмъ уменьшились, и сверхъ того явились разбойничіе замки и форты, въ которыхъ непокорные дворяне явно сопротивлялись правительству. Предлогъ защищать страну подобными замками сдѣлалъ наконецъ позволительнымъ построеніе ихъ, чтò прежде считалось оскорбленіемъ величества. Недостатокъ дисциплины былъ причиною поражений при Варнѣ, на Амзельдорфѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Да-

же впоследствии, когда единодушный голос народа предводительствованіе арміею ввѣрилъ Гуньяду, неповиновеніе вовсе не прекращалось. Такъ напримѣръ, въ войнѣ противъ Гискры (1451), при Лосонцѣ, вторая линія вдругъ исчезла съ поля сраженія, а отрядъ, блокировавшій замокъ, отступилъ самовольно. Судя по такимъ событіямъ, Турки и другіе противники Венгріи могли полагать, что они имѣютъ дѣло не съ цѣлымъ народомъ, но съ отдѣльными партіями.

Относительно внутренней полиціи въ арміи, Регестръ Сигисмунда былъ, кажется, первымъ постановленіемъ. Воинъ, обличенный въ безвозмездномъ взятіи продовольствія во время похода, долженъ былъ безусловно возвратить все и заплатить обвинителю всѣ издержки. При большихъ насильствахъ, какъ то, при отнятій скота, лошадей, грабежѣ домовъ или транспортовъ, вредъ учиненный вознаграждался вчетверо. Судебныя мѣста были обязаны скоро и удовлетворительно рѣшать всѣ дѣла. За большія преступленія, какъ то убійство, смертельный ударъ, насильство, и прочая, виновный подлежалъ поимкѣ, а если не успѣли его взять, то господинъ его долженъ былъ заплатить пенью и сдѣлать прочее удовлетвореніе. Даже воеводъ и начальниковъ, у которыхъ преступникъ служилъ, можно было судебнымъ порядкомъ принудить заплатить причиненный вредъ.

Съ давнихъ уже поръ, дворянство было обязано за жалованье выступать въ походъ за границу. Впоследствии оно освободилось отъ этого, лѣтописцы ничего уже не упоминаютъ о жалованьи, и мы съ достовѣрностью знаемъ только то, что оно было всегда соразмѣрно количеству продовольствія, которое для избѣжанія недоразумѣній принималось по цѣнамъ, существовавшимъ на базарѣ. Большая дешевизна жизненныхъ припасовъ сдѣлалась причиною того, что жалованье можно было постоянно уменьшать. При Владиславѣ, слѣдственно уже въ періодѣ новаго военного искусства, тяжело вооруженный всадникъ получалъ

въ недѣлю одинъ венгерскій золотый или двадцать восемь грошей, а пѣхотинецъ тринадцать грошей. При такомъ жалованьи солдатъ могъ весьма хорошо содержать себя: хлѣбъ для одной трапезы стоилъ ему полъ-фенига, дневная дача сѣна для лошади одинъ фенигъ; ведро вина десять фениговъ. Говядина и даже птицы были, по соразмѣрности, еще дешевле. Вольные города вмѣсто доставки рекрутъ платили деньгами, Презбургъ (1433) за десять полныхъ копій въ годъ 1680 червонныхъ въ четыре срока; Штульвейссенбургъ за десять всадниковъ четыреста двадцать червонныхъ.

Изъ этого краткаго обзора видно, что въ томъ періодѣ военное искусство находилось у Венгерцевъ на высшей степени чѣмъ у большей части другихъ народовъ. Ни одна земля не имѣла сильнѣйшихъ противниковъ, а между тѣмъ лѣтописи доказываютъ, какъ славно Маляры окончили эту борьбу. Не много народовъ совершило столько подвиговъ какъ Венгерцы, однако жъ военная исторія рѣдко упоминаетъ, какъ объ ихъ организаціи, такъ и о побѣдахъ. Борьба ихъ съ Турками есть періодъ героизма, которому Западная Европа обязана своею независимостью.

==

VIII.

Турки Оттоманскіе въ Европѣ.

Десять первыхъ правителей, преемниковъ узскаго героя, Орханъ, Мурадъ I, Баезидъ, Сюлейманъ I, Мугаммедъ I, Мурадъ II, Мугаммедъ II, Баезидъ II, Селимъ и Сюлейманъ II, пошли всѣ по пути прямому, то есть, по смыслу Корана, безпрестанно сражались противъ невѣрныхъ. Ни одно государство въ мірѣ не можетъ гордиться столь длиннымъ рядомъ государей, дѣйствовавшихъ по правиламъ перваго основателя, и предпринятое имъ дѣло совершившихъ съ искусствомъ, системою и смѣлостью. Два вѣка съ половиною мы видимъ на престолѣ отличныхъ людей, соединяющихъ въ себѣ политическій духъ узскаго основателя съ религіознымъ энтузіазмомъ арабскаго пророка.

Мы говорили уже прежде о военномъ устройствѣ и военномъ искусствѣ Турковъ, и потому теперь будемъ продолжать разборъ, начиная со временъ Османа. Его конница (акынджи, скакуны) состояла изъ охотниковъ, служившихъ безъ жалованья, за одно только освобожденіе ихъ земель отъ подати. Они были обязаны находиться постоянно въ готовности выступить въ походъ, не знали дисциплины, сражались безъ правилъ, болѣе для добычи чѣмъ для одержанія побѣды. Орханъ первый образовалъ правильную, постоянную пѣхоту (яя, піадѣ), содержимую на жалованьи и упражняемую безпрестанно, какъ въ полевой, такъ и въ осадной службѣ. Она была раздѣлена на части, въ десять, сто, и тысячу человекъ, простиралась числомъ до двадцати пяти тысячъ человекъ, и была предводительствуема Алаэдиномъ, братомъ Орхана. Пѣхота эта, по производимымъ ею безпорядкамъ, оказалась скорѣе неудобною, и потому Орханъ, Алаэдишъ и военный судья Кара (черный) Халиль Чендереги рѣшились на планъ, по словамъ господина Гаммера, очень мудрый (!?), основанный на глубокомъ знаніи человѣческаго сердца и жестокой политикѣ, а именно, они предположили (1347) образовать войско изъ однихъ дѣтей покоренныхъ христіанъ, насильственнымъ образомъ обращаемыхъ въ магометанскую вѣру. Основываясь на словахъ пророка, что каждый младенецъ, родясь на свѣтъ, приготовленъ уже къ исламу, и что побѣжденный дѣлается рабомъ побѣдителя, они вздумали изъ дѣтей невѣрныхъ, изъ христіанъ, взятыхъ въ плѣнъ, и переметчиковъ, образовывать корпусъ войска и постоянно пополнять его такимъ же путемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ отдано было приказаніе вѣзти во всемъ государствѣ изъ пяти христіанскихъ дѣтей одно и воспитывать его для новой дружины. Войско это Хаджи Бегташъ, богословъ, извѣстный своею набожностью, назвалъ Ени-Чери (то есть, новое войско): кѣгда оно было образовано, Мурадъ послалъ нѣсколькихъ начальниковъ къ этому Хаджи-

Бегташу просить его о названіи и молить Бога о счастіи. Основатель дервишей ордена Бегташи положилъ одному изъ посланныхъ рукавъ своего валенаго плаща на голову, и сказалъ: «Вы будете называться Ени-Черри; пусть лицо ваше будетъ всегда бѣло, рука непобѣдима, мечъ всегда острый; копье ваше пусть пронизаетъ непріятелей и летитъ надъ ихъ головами; куда вы ни пойдете, да возвратитесь съ чистымъ, бѣлымъ лицомъ». Въ память этого благословенія, къ бѣлой валеной шапкѣ янычаръ былъ прибавленъ сзади родъ висящаго мѣшка, представлявшаго рукавъ монаха, а спереди, вмѣсто всѣхъ украшеній, была воткнута деревянная ложка, какъ предзнаменованіе богатаго продовольствованія этихъ воиновъ: начальники ихъ получили названія по кухоннымъ занятіямъ (чорбаджи, суповаръ, или полковникъ; ашджи-баши, главный поваръ; сакка-баши, водовозъ, и прочая). Палладіумомъ полка былъ котелъ, вокругъ котораго янычары собирались, какъ для обѣда, такъ и для совѣщаній. Полевое ихъ знамя состояло изъ серебрянаго полумѣсяца и двуконечнаго Омарова меча на хоругви кроваваго цвѣту. Корпусъ янычаръ, простиравшійся въ началѣ только до десяти тысячъ, при Мугаммедѣ IV былъ усиленъ до сорока тысячъ человекъ. По расчету господина Гаммера, число христіанскихъ дѣтей, поступившихъ въ это войско, можно положить около полу-милліона. Янычары были раздѣлены на «оды», горницы, содержались въ казармахъ совершенно отдѣльно отъ жителей. Военныя упражненія производились съ большею тщательностью, а въ религіозныхъ обрядахъ строгость была введена постепенно, потому что въ первое время при христіанскихъ дѣтяхъ находилось даже нѣсколько священниковъ. Относительно поощреній къ преданности престолу, должно замѣтить, что самыя высшія мѣста почитались доступными для храбрыхъ, и сверхъ того жалованье распредѣлялось такимъ образомъ, что при продолжительной и усердной службѣ можно было наконецъ получать семерной

окладъ. Между тѣмъ какъ надежнѣйшая часть турецкой арміи организовалась такимъ образомъ (она существовала почти пять вѣковъ), и другія войска получали новое устройство. Прежніе піяде были преобразованы въ піонеровъ, пока земли ихъ не поступили опять въ казну. Родъ иррегулярной пѣхоты (азабъ) выступалъ въ походъ безъ жалованья, въ одной только надеждѣ на добычу. Не рѣдко ставили ее въ головахъ колоннъ, идущихъ на приступъ, съ намѣреніемъ, чтобы мертвыя тѣла ихъ служили мостомъ для янычаръ.

Не менѣе вниманія было обращено на организацію кавалеріи. Уже Османъ образовалъ знаменную конную стражу изъ двухъ тысячъ четырехъ сотъ человекъ, для защиты священной хоругви. Сюлейманъ Великій усилилъ ее вдвое и назвалъ сипагами (всадниками), силгдарами (оруженосцами), улuffedжи (солдатами) и гуреба (иностранцами). Они образовали цвѣтъ арміи, и относительно организаціи соотвѣтствовали піяде, то есть, были надѣлены землями и свободны отъ податей. По этой причинѣ они назывались мусселиманъ (освобожденные). Начальники ихъ были субаша (сотники) и бинбаша (тысяцкіе, отъ тысячи человекъ) или сандшакбеи (знаменныя князья). Но при распространеніи государства число этихъ войскъ умножилось до безконечности. Земли ихъ раздѣлялись на зияметы и тимары, а владѣльцы назывались займамъ и тимаріотами. Имѣвшіе земли, приносящія двадцать тысячъ аспръ годового дохода, были тимаріотами, а кто имѣлъ болѣе того, былъ займъ. Имѣвшіе болѣе ста тысячъ аспръ годового дохода, назывались санджакъ-беями. Займъ, съ каждыхъ пяти тысячъ, а тимаріоты, съ каждыхъ трехъ тысячъ аспръ дохода, выставляли по одному всаднику. Каждый владѣлецъ такихъ земель по положенію обязанъ выступать въ походъ, а если боленъ, то долженъ приказать нести себя къ мѣсту сбора.

Эта военная организація постановленіями Мурада получила еще болѣе развитія. Онъ раздѣлилъ владѣнія на большія и малыя; сипагамъ далъ красное зна-

мя, и, по совѣту Тимурташа (Желѣзняка), образовалъ военный обозъ (войнакъ). Многіе изъ его преемниковъ прибавляли къ этимъ учрежденіямъ еще новыя отъ себя, но рѣдкіи дерзали дѣлать въ нихъ какую либо перемѣну, и только въ наше время эти соображенія деспотизма были уничтожены. О тактическомъ устройствѣ Турковъ въ періодѣ героизма можно сказать весьма не много, какъ по причинѣ недостатка свѣдѣній, такъ и по искаженію тѣхъ, которыя дошли до насъ; не подвержено однако сомнѣнію, что оно способствовало развитію той необыкновенной нравственной силы, которая одушевляла тогда мусульманъ. Уступая Грекамъ въ дисциплинѣ, въ числѣ опытныхъ офицеровъ, въ добротѣ оружія, изобиліи запасовъ и силѣ крѣпостей, они со всѣмъ тѣмъ съ самаго начала борьбы имѣли постоянно надъ ними поверхность. Чуждые утонченныхъ правилъ тактики, они долгое время сражались въ густыхъ массахъ, раздѣляясь только на центръ, гдѣ пахотились отборныя войска, и на два крыла. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, подъ Кассовою (1389) они впервые имѣли фланги, а прежде того времени сражались толпою. Личная храбрость долго рѣшала всѣ ихъ битвы. Военная организація первыхъ султановъ относилась только къ необходимымъ предметамъ, и кровавый полкъ Баезида не составляетъ изъ того изъятія. Битва подъ Анкирою (Ангорою, 1402), въ горахъ Стелла, между Виоиніею и Галатіею, освободившая Европу и Азію отъ страшнаго завоевателя, не обнаруживаетъ еще ни какого искусства, и была чисто азіятская. Позади большаго вагенбурга, Тамерланъ сражался большею частью издали.

Расположенные повсюду стрѣлки изъ лука, подкрѣпляемые хорошо устроенными засадами, издали поддерживали сраженіе до тѣхъ поръ, пока не наступило время рѣшительной атаки. Баезидъ наступалъ большими густыми массами съ мечомъ въ рукѣ, но мужество Оттомановъ должно было уступить искусству Тимурленга. Замѣчательно, что въ рядахъ ихъ

сражалось пять тысяч тяжело вооруженной пѣхоты. Во время анархін, послѣдовавшей за этимъ періодомъ, искусство не могло сдѣлать ни какихъ успѣховъ. Походы даже Мугаммеда I, простиравшіеся до Зальцбурга и Баваріи, были простые разбойничіе набѣги, исполненные безпорядковъ. Мурадъ II пытался искоренить ихъ и возстановить дисциплину. Такъ, на примѣръ, онъ удалилъ всѣхъ Турковъ, находившихся между янычарами, которые, присвоивъ себѣ большую свободу, могли сдѣлаться для него опасными; а для пополненія убыли каждое христіанское семейство должно было выставить одного человѣка. Опытные офицеры обучали ихъ военному дѣлу. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отнялъ у вельможъ захваченныя ими земли, и возобновилъ изданныя своими предшественниками въ отношеніи къ нимъ постановленія. Въ царствованіе этого знаменитаго государя случилось первое (вѣроятно усовершенствованное) введеніе огнестрѣльных орудій и, по словамъ венгерскихъ лѣтописцевъ, употребленіе минъ при осадѣ Бѣлграда (1437).

Гувьядъ и Кастріота, образовавшійся въ турецкомъ лагерѣ, были достойными соперниками Мурада, между тѣмъ какъ Палеологъ политикою старался отвлечь бурю, налетавшую уже на Константинополь. Бой Кастріоты съ Турками весьма поучителенъ. Крою, заключившую въ себѣ всѣ нужные запасы для арміи Георга, усиливъ еще новыми укрѣпленіями, онъ сдѣлалъ центральнымъ пунктомъ (pivot), и постояннымъ своимъ редюитомъ при маневрированіи. Множество отдѣльных фортовъ прикрывало ведущія туда дороги, а съ сильнѣйшей стороны городъ былъ окруженъ укрѣпленнымъ лагеремъ, котораго казался онъ простымъ передовымъ постомъ. Венеція снабжала Кастріоту деньгами; предприимчивое юношество и всѣ удалцы изъ Европы стекались къ нему. Искусныя его движенія могутъ служить образцомъ хорошаго оборонительнаго наступленія (défensive-offensive). Всякій отдыхъ, который ему оставлялъ Мурадъ, онъ употреб-

лялъ на утверждение дисциплины въ своемъ войскѣ, и этой системѣ онъ былъ обязанъ тѣмъ, что впоследствии, оставивъ бранное поприще, могъ еще къ нему возвратиться и явиться опять побѣдителемъ. Креспорѣчїе кардинала Чезарини убѣдило юпаго Владислава, противъ совѣта многихъ, нарушить миръ, запечатлѣнный клятвою. Мурадъ, оставивъ Азію, съ быстротою молніи, черезъ Адрианополь двинулся противнику на встрѣчу. На походѣ, воспользовавшись весьма искусно мѣстностью, онъ совершенно неожиданно приблизился къ непріятелю, избѣгнувъ фронтальной атаки, отступилъ по-ту-сторону горъ, черезъ кусты и овраги, примкнулъ къ горамъ правый свой флангъ, и вдругъ явился передъ Венгерцами, болѣе на флангѣ ихъ чѣмъ съ фронта. Сраженіе долго оставалось нерѣшеннымъ. Турки, *in globum prostrati*, осыпая противниковъ градомъ стрѣлъ*, и закрываясь весьма искусно большими своими щитами, отражали всѣ нападены Венгерцевъ и Поляковъ, пока, наконецъ, смерть короля не рѣшила сраженія въ ихъ пользу. Хотя Мурадъ постоянно пекся объ утверженіи дисциплины въ своихъ войскахъ, однако жъ, вскорѣ послѣ побѣды подъ Варною, мы видимъ его занятымъ усмиреніемъ возмущившихся янычаръ (1446). Бунтъ этотъ тогда уже обнаружилъ всю опасность, угрожавшую государству отъ подобной милиціи. Весьма странно! въ военной исторіи этого народа не упоминается вовсе объ употребленіи огнестрѣльныхъ орудій въ томъ періодѣ, хотя орудія играли тогда, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, уже довольно важную роль. О введеніи ихъ говорятъ едва при Мугаммедѣ II; но зато распространеніе ихъ было тогда такъ быстро, что оно, вѣроятно, много способствовало одержанію столькихъ побѣдъ въ царствованіи этого знаменитаго государя. Впрочемъ объ этомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

* *Sagittas adeo frequentes in exercitum regium emittebant, ut et aër sagittis ipsis non aliter opplebatur, quam cadente de coelo grandine supra terram* — говоритъ Длугошъ.

Конецъ II-го тома.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ГЛАВЪ ПЕРВОЙ.

1. Англійскіе и Французскіе писатели довольно согласны относительно этого обстоятельства. Они полагають, что причиною его были, болѣе или менѣе, страсть къ грабежу, духъ предпримчивости и прочее. Their first inroads, говоритъ Робертсонъ въ своемъ сочиненіи View of the State of Europe (стр. 6), составляющемъ введєніе въ исторію Карла V-го, into the Empire proceeded rather from the love of plunder, than from the desire of new settlements. Сисмонди пошелъ еще дальше. Онъ называетъ переселенцовъ просто шайкою разбойниковъ, отказываетъ имъ даже въ отечествѣ, и говоритъ, что они устроили свои завоеванія соответственно разбойничьему своему характеру. Германскіе писатели были всегда другаго мнѣнія, котораго подробное изложеніе завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Нѣкоторые, давъ волю воображенію, нашли даже связь между индѣйскими сказками о горѣ Меру и переселеніями народовъ, разныя предопредѣленія и цельности.

2. При Aquae Sextiae (102), или Verzelli, и при Веронь (101).

3. Профессоръ Луденъ (Geschichte der Völker und Staaten des Mittelalters, 1. Abth., 48.) называетъ дружиною (Gefolge) соединеніе вооруженныхъ людей, оставившихъ кругъ гражданской жизни, съ намѣреніемъ за деньги и добычу служить во внѣшнихъ войнахъ; слѣдовательно самостоятельную, предпримчивую шайку. И Робертсонъ, кажется, разделяетъ это мнѣніе. Мы полагаемъ, что предводителей комитатовъ можно считать отчасти родомъ фюлькисъ-

конунговъ, или атамановъ, выбираемыхъ у Норманновъ передъ начатиемъ разбойничаго набѣга.

4. Ни одинъ историкъ не пытался до нынѣ, изъ того какъ Римляне защищали свои границы противъ Германцевъ, развить всю ихъ оборонительную систему. Этотъ трудъ сдѣлалъ бы честь тому, кто по оставшимся донынѣ слѣдамъ древности привнесъ въ систему то, что Zschokke, Bosse, Albert Muchag, и другіе разбросали въ отрывкахъ.

5. Болота и озера заражали воздухъ холодными, нездоровыми испареніями; въ нихъ произрастало лдовитое зелье и водились змѣи необыкновенной величины, которыя даже по прошествіи тысячи лѣтъ препятствовали еще населенію многихъ мѣстъ, и по одиночкѣ часто были замѣчаемы жителями. Изъ горныхъ пропастей раздавались крики ястреба; съ дуба, обросшаго мохомъ, рысь наблюдалъ за дикою козюю, стада воющихъ волковъ гнались въ лѣсахъ за оленями, медвѣди жили въ пещерахъ, неповоротливый кабанъ исторгалъ у змѣи владѣніе болотомъ, а разъяренный дикій быкъ терзалъ всякаго, кто приблизился къ его берлогу. Между длинными ночами семи-мѣсячной зимы, едва мерцали дни среди тумановъ, дождя и снѣгу. Три мѣсяца земля была недоступна для рукъ хлѣбопашцевъ; четыре другихъ мѣсяцевъ она не имѣла еще производительной силы; наконецъ когда зерно начало расти, часто отъ почпыхъ морозовъ и продолжительныхъ дождей пропала вся жатва. Тацитъ наблюдалъ Германію стоя на другомъ берегу Рейпа, но если бы онъ путешествовалъ въ этой странѣ, то вѣрно не написалъ бы, что «Германцы селятся всегда близъ водъ и лѣсовъ.» Такъ описываетъ Германію Боссе въ своемъ сочиненіи, «Darstellung des Statswirthschaftlichen Zustandes in den deutschen Bundesstaaten» Ildefons von Arx, глубокомысленнѣйшій изъ писавшихъ о среднихъ вѣкахъ Германіи, изобразилъ нравы позднѣйшаго времени; но явленія, имъ собранныя, относятся равно и ко всему періоду Карловинговъ, Меровинговъ, до самого Кловиса. Они вовсе несогласны съ очаровательною картиною первобытной Германіи, которую намъ представляютъ нѣкоторые новѣйшіе писатели.

6. Essai sur l'hist. générale de l'art militaire, etc., par Carrion-Nisas, Vol. I, page 389.

7. Изъ этихъ соединеній можно бы, кажется, объяснить появленіе нѣкоторыхъ народовъ въ этомъ періодѣ, о которыхъ не упоминается нигдѣ, ни прежде ни послѣ того времени.

8. Не основываясь даже на словах Робертсона (3-е замѣчаніе, Proofs and illustrations), который представляет доказательства на это мнѣніе, можно также судить изъ Greg. Tur. VIII с. 30. X. с. 2, о томъ, каковы были первые походы германскихъ племенъ, если послѣдующіе, и въ собственной странѣ, имѣли этотъ характеръ.

9. Сравнить для этого «Pertz, Geschichte der Merovingischer Hausmeyer», 8, 2 и 121, и v. Savigny, Geschichte des Römischen Rechts, etc., I, 267.

10. Al-Od, дѣйствительная собственность. Alode, or Allodium, is compounded of the particle an and lot, i. e. land obtained by lot. Robertson, I, 270.

11. Такъ утверждаютъ болышею частью нѣмецкіе многоглаголющіе историки. По лѣтописямъ извѣстно девять такихъ собраний. Раздѣлъ добычи, объявленіе войны, заключеніе мира и воцареніе вновь избраннаго короля были на нихъ предметами совѣщаній.

12. Подробности объ этомъ предметѣ здѣсь неумѣстны. Если кто желаетъ многое и разное въ этомъ отношеніи читать, то мы отсылаемъ его къ слѣдующимъ сочиненіямъ: Möser, Osnabrücksche Geschichte, I Absch. I § § 20, 21. Absch. 5. § 36 и II Absch. 3 § 1. и такъ далѣе. Savigny, Geschichte des Römischen Rechts, I, 162. Eichhorn, Deutsche Staats und Rechtsgeschichte, I, 299; и наконецъ Stenzel, Geschichte der Kriegsverfassung Deutschlands im Mittelalter, 39 и 317.

13. Опасеніе потерять свои завоеванія такимъ же образомъ, какъ они были пріобрѣтены, кажется, было причиною удержанія этого древняго Германскаго обыкновенія. Self defence, говоритъ Робертсонъ (стр. 17), was their chief care, and seems to have been the sole object of their first institution and policy.

14. К. К. Barth, въ своей Deutsche Urgeschichte, 2. § 658, выводитъ Франкское Graphio отъ Grau, старшій. Graefve значило *сырецъ*, *сыроста*, старшійшина, senator. У турецкихъ племенъ *Акь-сакаль*, бѣлобородый, то же что у Славянъ *староста*, *старшина*. Можно еще сравнить Dr. Philipp's, Angelsächsische Rechtsgeschichte, nota 255.

15. Въ древнее время, званіе безъ сомнѣнія не было наследственное. Герцогъ, предводительствовалъ арміею въ качествѣ полководца, а подъ нимъ служили графы и командо-

валл полками, какъ пшѣ полковники; смотри Möser, Osna-brüksche Geschichte, I, 241.

16. Voltaire, который всегда, когда только хотѣлъ, умѣлъ для каждаго предмета найти приличное названіе, говоритъ въ Essai sur les moeurs, II, chap. XVII: le gouvernement ne fut que militaire. On ne peut mieux le comparer qu'à ceux d'Alger et Tunis, gouvernés par un chef et une milice.

17. Подъ названіемъ Фискъ разумѣлось вообще имущество государственныхъ лицъ и обществъ; естественно, что къ этому принадлежало въ особенности имущество государя, также и духовныхъ орденовъ. Geschichte des Ursprungs der Stände in Deutschland, von K. D. Hülmann, I, 76.

18. Читатель долженъ припомнить себѣ извѣстныя слова Григорія Турскаго: «nihil hinc accipies, nisi quae tibi sors vera largitur»; и месть Кловиса въ послѣдующее время.

19. Greg. Tur. IV, 13. 40. 42; и прочія названія Галловъ и Римлянъ сливаются совершенно только со временемъ Карла Великаго.

20. Слово Лепъ (Lehn) историки большею частью выводятъ отъ глагола leihen (заять въ долгъ), потому что эти земли первоначально отдавались только на извѣстное время.

21. Feodum is compounded of od possession, or state; and feo, wages, pay; intimating that it was stipendiary, and granted as a recompence for service. Robertson, I, 270. другіе думаютъ что слово Feodum, Feudum происходитъ отъ Fee или Fe и od. Первое значить плату, или жалованье, а второе (od) выражаетъ помѣстье, слѣдственно Feudum значить: жалованное помѣстье: Rossig, Alterthümer der Deutschen, 398 (2-е изданіе). По мнѣнію Лудена (I, 150) Fee-Od значить — казенное помѣстье, какъ Al-Od значило — дѣйствительную поземельную собственность. Это слово гораздо проще объясняется изъ русскаго языка, въ которомъ мы находимъ въ такомъ же значеніи *кормъ*, *кормиться*. Государя давали волости и должности своимъ служителямъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто жалованія они могли *кормиться*: такія пожалованія назывались *кормомъ*, а волости, имѣнія или званія *кормовыми*. Отсюда легко вывести происхожденіе слова Feudum: *food*, по-англійски донынѣ значить *кормъ*. У восточныхъ было то же самое, и называется донынѣ *арпалыкъ*. *Феодальныи* значить слѣдственно *кормовой*, пожалованный для корму.

22. Полагаютъ, что слово вассалъ происходитъ отъ селгтскаго слова gwas, означашаго то же самое, что слуга. Другіе выводятъ его отъ Vas, Vassus, пшшій, подчиненный.

Профессоръ Маннертъ въ своей исторіи Франковъ говоритъ что это слово перешло къ Франкамъ изъ Италии, присовокупляя, что онъ впервые встрѣтилъ его въ письмахъ папъ. Но крайней мѣрѣ раньше того времени оно не было извѣстно Франкамъ, а у Бойаровъ и Аллемановъ находится уже въ позднѣйшихъ законахъ. Происхожденіе слова Лейдт (Leute, Leod, Levdes) выводятъ отъ leiten и полагаютъ, что оно значило «членъ Гелейта.» Генрихъ Лео (Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik, Januar, Heft, S. 155.) несогласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Онъ говоритъ, что Lidi слово, встречающееся уже въ Исландскихъ лѣтописяхъ, гдѣ Lid или Lith значило *люди*, «прислуга», и вѣроятно дало начало словамъ Lidi и Lith. Lid есть вѣрный переводъ слова Familia, въ смыслъ среднихъ вѣковъ; а такъ какъ выраженіе Lid или Lidus значило во время Карловниговъ, преимущественно, владѣльца, зависящаго отъ церкви и замѣнялось чисто словомъ Familia, то мнѣніе это кажется довольно справедливымъ. Кроме того можно читать: Hüllman's Geschichte des Ursprungs der Stände in Deutschland, I, 14. Traute или Antrustionen значило тѣхъ, которые суть in truste regia seu dominica. Старинное Truste (Frost) значитъ то же самое, что нынѣ Ge-trauthheit. Antrustio значило то же самое что бранный, товарищъ, обязавшійся клятвою быть всегда вѣрнымъ своему другу. Schmittenhener, Geschichte der Deutschen, S. 52.

23. Неужели это обыкновеніе, что придворные завися совершенно отъ своенравія владыки, подвергались даже тѣлесному наказанію, доказываетъ что нибудь о происхожденіи Германцевъ, какъ сходство нѣсколькихъ десятковъ словъ съ азійскимъ нарѣчіемъ? Присовокупимъ сюда и постановленіи относительно убійства по тайному повелѣнію короля (Leges Rotharis regis § 2.)

24. Il ne faut par croire que ces barbares fussent sans politique, ils en avaient beaucoup. Voltaire, Essai, etc., II, chap. 11.

25. Stabiler conservetur, — и cum securitate possideat, сказано у Greg. Turon. I. L. IX. c. 20, foedus Audelicum.

26. Hallam, Geschichtliche Darstellung des Zustandes von Europa im Mittelalters, etc., переводъ съ англійскаго, Галема, I, 128.

27. Какъ разнообразны были должности палатныхъ меровъ, лучше всего видно изъ того уже, что они въ современ-

ныхъ лѣтописяхъ имѣють 21 различныхъ названій, по обязанности. Профессоръ Луденъ ошибочно называетъ ихъ инспекторами фискальныхъ земель (которыя онъ разсматриваетъ какъ общую собственность побѣдителей), обязанными наблюдать, чтобы король не присвоивалъ себѣ леновъ и не моталъ ихъ (смотри его *Mittelalter*, I, 179.)

28. *Quorum genus infestum et improbum tempore ejus sumsit, initium*, говорить *Chron. Verdunense*, у *Bouquet*, III, 364.

29. *De ducum Germanorum post Caroli magni tempora origine.*

30. Уже король Хильдерикъ I говорилъ: «Наша государственная казна бѣдна, наше богатство перешло къ духовенству.»

31. Мы припоминаемъ здѣсь книгу Маркульфа, изъ которой *Voltaire* приводитъ слѣдующія слова: «*Moï, pour le repos de mon âme, et pour n'être pas placé après ma mort parmi les boucs, je donne à tel monastère, etc.* Общій образецъ, по которому дѣлались завѣщанія и дарственные записи въ это время.

32. Такъ напримѣръ *Зигибертъ I*, король Австразіи, на пятнадцатомъ году своей жизни присутствовалъ уже въ одномъ сраженіи, а сынъ его *Хильдебертъ* четырнадцати лѣтъ отъ роду перешелъ съ арміею черезъ Альпійскія горы.

33. По словамъ *Агатіаса*, простой случай былъ причиною того, что въ центрѣ находился промежутокъ, въ который ворвались Франки, а именно, Герулы объявили Римлянамъ, что они отказываются имъ содѣйствовать, но потомъ снова раздумали и присоединились къ нимъ. *Нарсесъ* узналъ объ этомъ въ то время, когда онъ устроивалъ уже войска въ боевой порядокъ, и потому оставилъ для нихъ мѣсто. Но еще до прибытія Геруловъ, Франки начали атаку, и наткнулись на нихъ уже въ то время, когда имъ казалось, что сраженіе было рѣшено въ ихъ пользу.

34. По лѣтописи *Исидора*.

35. Слѣдовательно все такъ же какъ и во времена *Тацита*, *acies per cuneos componitur.*

36. *Tudites enim mallei dicuntur fabrorum, quorum ictibus cuncta atteritur durities.*

37. *Möser* въ своей *Osnabrücksche Geschichte*, I, 205, принимаетъ мѣстомъ битвы *Amt Voerden* окрестности нынѣшняго *Stickdeich*. Впрочемъ для объясненія многихъ ге-

ографическихъ недоразумѣній въ походахъ Карла Великаго полезно читать: Leopold's von Ledebur, Kritische Beleuchtung einiger Punkte in den Feldzügen Karls des Grossen gegen die Sachsen und Slaven (1829).

38. Вѣроятно 23, 26, 28 июля 783 года, потому что папа Адрианъ въ эти дни трехдневный молебень. (Menzel, I, 463). Но это предположеніе трудно согласить съ мнѣніемъ Боссе и другихъ, утверждающихъ, что тогда въ Германіи, какъ впоследствии въ Пруссіи (Kotzebue, Geschichte Preussens) война велась зимою, потому, чтобы на снѣгъ лѣственнѣе можно было видѣть слѣды непріятельскихъ движеній, и потому, что замерзшія болота, топи, и прочая, дѣлались удобопроходимы.

39. Edward Gibbon History of the Decline and Fall of the Roman Empire, IX, 51.

40. Въ капитуляріяхъ онъ строго запретилъ доставлять оружіе Саксонцамъ, и вообще непріятелю.

41. Въ области Auxerre (in pago Altiodorensi) при Fontenaille (Locus fontaneus s. Fontanidus).

42. Сколько извѣстно есть пять Fontenais; въ окрестностяхъ одного изъ нихъ вѣроятно происходило это сраженіе. Мы послѣдовали сочиненію аббата Lebeuf, «Dissertation sur le lieu où s'est donnée la bataille de Fontenoy l'an 841; dans la quelle sont détruits les differens sentimens qu'il y a en sur la position de ce lieu (въ его Recueils de divers écrits pour servir d'éclaircissements à l'histoire de France, T. I, 127 — 190).

43. Такъ напримѣръ, всѣ фрисландскіе графы обязаны были приводить кавалерію. Caroli. Mag. Cap. a. 807 c. b.

44. Изъ одного фунта серебра чеканили двадцать два шиллинга (solidos). Двѣнадцать денаріевъ ходячей монеты, имѣли цѣнность одного шиллинга. Солдъ могъ значить двадцать два Прусскихъ грошниковъ. Пропорція серебра была какъ 1 къ 12. Золото было болѣе товаромъ чѣмъ монетою, и даже серебро большею частью принималось на вѣсъ. Voltaire въ Essai, etc., считаетъ Sous d'or по новѣйшему курсу въ 15 livres 6 sous 3 deniers; a denier d'argent въ 7 sous 1²/₇ deniers.

45. Quod nos teutonica lingua dicimus Herilis.

46. Многія изъ этихъ постановленій относятся къ позднѣйшему времени періода Карловниговъ; но какъ они,

juxta antiquam consuetudinem, прежде уже вошли въ употребленіе, потому здѣсь и приложены.

47. Nithard, III, 162. — Этотъ писатель, которому мы обязаны большою частью свѣдѣній объ этомъ темномъ историческомъ періодѣ, былъ внукъ Карла Великаго отъ его дочери Берты, и Энгельберта, бывшаго впоследствии аббатомъ. Въ дружинѣ Карла Лысаго, онъ участвовалъ въ походахъ противъ Лотарія, и по его желанію написалъ сочиненіе «De dissensionibus filiorum Ludovici», lib IV.

48. Такъ напримѣръ уничтоженъ законъ, обязывавшій простой народъ продовольствовать армию, и замѣнено собственными средствами. Обязанность, называемая fodrum, была родъ реквизиціи.

49. Смотри Handbibliothek für Officiere, I, 188.

50. Также Catus, chat, называется.

51. Въ это время, башни осаждающихъ и осажденныхъ назывались falae: отсюда можетъ быть и произошло это названіе, говоритъ отецъ Дашель (Hist. de la milice française), хотя слово это встрѣчается уже въ древности.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ВТОРОЙ.

1. Въ этомъ отношеніи хвалятъ политику Конрада II-го. Онъ пріобрѣлъ приверженность непосредственныхъ вассаловъ престола тѣмъ, что не согласился брать въ казну лены, сдѣлавшіеся вакантными послѣ смерти владѣльцевъ. Онъ поступалъ такимъ же образомъ, и даже рѣшительнѣе, въ Италіи. Слѣдственно онъ былъ первый виновникъ закона о наследственности ленныхъ помѣстій. Въ отношеніи къ Германіи этотъ законъ былъ изданъ ста пятидесятью годами позже, королемъ Генрихомъ IV. У Англичаиъ эта эпоха начинается со времени *Грамоты свободы*, въ которой слабый король Иоаннъ призналъ наследственными средніе лены. Во Франціи, не существовало ни какой законодательной палаты, и объ этомъ предметѣ трудно сказать что нибудь опредѣлительное. Hüllmann, *Städtewesen des Mittelalters*, 6. 7.

2. Въ началѣ X-го вѣка за лошадь давали тридцать полевыхъ мѣръ земли (Joch); бывали примѣры, что она стоила даже одинъ талантъ.

3. Greg. Tur. VII. 35.

4. Ibid. III. 15.

5. Это можно даже заключить изъ словъ Тацита: *Principem defendere, tueri, sua quoque fortia facta gloriae ejus assignare, praecipuum sacramentum est. Jam vero infame in omnem vitam ac probosum superstitem principi suo ex acie recessisse.*

6. Это случалось даже во время самаго бол. Графъ Соффолькъ, принужденный при осадѣ Жарго сдаться Вильгельму де Рену, спросилъ у него, имѣетъ ли онъ званіе рыцаря. Узнавъ противное, онъ сказалъ: «Такъ прежде чѣмъ я сдамся въ плѣнь, я жалую тебя рыцаремъ», и вслѣдъ за этимъ исполнилъ надъ своимъ побѣдителемъ обыкновенный обрядъ и привѣсилъ ему мечъ. Брантомъ говорить: «Съ тѣхъ поръ какъ каждый рыцарь имѣетъ право возвести другаго въ это званіе, *il y a plus de chevaliers tels quels, et de dames leurs femmes, que jadis n'y avaient d'écuyers et demoiselles, tant est grand l'abus parmi la chevalerie.*»

7. Эти части вооруженія кромѣ спеціальнаго, военнаго, имѣли еще условное значеніе. Напримѣръ, перчатку съ правой руки употребляли вмѣсто самой руки при контрактахъ, ленныхъ договорахъ, вызовахъ на поединокъ, и прочая. Побѣжденный вмѣстѣ съ правою перчаткою отдавалъ и правую шпору. Шпоры должны были припоминать рыцарю, что честь и храбрость должны быть главнѣйшими его побужденіями къ великимъ подвигамъ; что неутомимость и быстрота составляютъ необходимыя качества всякаго воина. Въ слѣдствіе этого условнаго значенія шпоръ, существовала во Франціи пословица *que le chevalier commence à s'armer par les chausses.* Наконецъ шпоры клали вмѣстѣ съ рыцаремъ въ гробъ.

8. Во Франціи существовало ихъ два разряда. Названіе *chevalier banneret* встрѣчается не раньше времени Филиппа-Августа. По словамъ Фроассара, оно означало рыцаря, имѣвшаго пятьдесятъ вооруженныхъ ратниковъ, съ принадлежащими къ нимъ стрѣлками, слѣдственно около ста пятидесяти человекъ подъ своимъ начальствомъ. По мнѣнію другихъ, чтобы быть *chevalier banneret* достаточно было вывс-

сти въ поле 4 до 5 рыцарей и около шестнадцати лошадей. Баннереты (баннергеры) имѣли собственные знамена.

9. По цѣли сочиненія, авторъ помѣстилъ въ этой главѣ только краткій очеркъ сущности военного искусства римско-германскихъ народовъ, безъ строгаго хронологическаго порядка. Вниманіе сочинителя было обращено преимущественно на учрежденія, существовавшія въ X, XI, XII и XIII вѣкахъ. Строгое распредѣленіе обзора по народамъ и государствамъ въ этомъ періодѣ еще невозможно.

10. У сѣверныхъ народовъ для этого существовало названіе *Land eyda Land-oede* (разорительница земли): оно безъ сомнѣнія довольно выразительно.

11. *View of the state of Europe during the middle age*, by Hallam, I, 221.

12. *Proceri corpore, praestantes robore*, говорятъ лѣтописцы.

13. У Французовъ лошади послѣ ихъ оцѣнки клеймились, такъ, что стоимость ихъ не подлежала сомнѣнію. По этому считалось и возмездіе въ случаѣ ихъ потери.

14. Другіе выводятъ это названіе отъ *ab agnum rumpendo*.

15. Оруженосцы имѣли меньшіе и болѣе легкіе щиты (*haubergeon*).

16. Генуэзцы въ 1120 году имѣли уже двадцати двухъ тысячную армію, въ составѣ которой пять тысячъ человекъ носили желѣзные латы и шлемы. Въ 1113 году подъ Кельномъ въ арміи Генриха V-го одна дружина имѣла роговые непроницаемые панцири.

17. У многихъ народовъ, напримѣръ у Саксонцевъ, на этомъ горбу находилось еще длинное копье, чтобы щитъ можно было употреблять также какъ наступательное оружіе. На сѣверѣ щиты назывались *buklage*: не происходитъ ли отъ этого слово *bouclier*?

18. Въ 1175 году, въ Саксоніи, шестнадцать рыцарей лишилось жизни. На одномъ турнирѣ въ Нунсѣ сорокъ два рыцаря и столько же пажей остались на кровавой аренѣ.

19. Изъ времени Карла V-го дошло до насъ одно сочиненіе, «*L'Arbre des batailles*», въ которомъ употребляются слова *legion, compagnie, cinquantaîne*. Сочинитель однако присовокупляетъ: «*toute fois pour le temps présent toutes les manières de les appeler et nommer ainsi sont du tout délaissées et oubliées, car on les appelle tout commune-*

ment batailles, et les font les capitaines et gouvernemens telles qu'il leur plait, grandes ou petites.

20. Это мнѣніе принадлежит автору известной статьи «Sur la tapisserie de Bayeux», въ Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres. Tome VIII p. 602.

21. Par ma foi, dit Hérault, je ne détruirai pas le pays que j'ai à garder. Chronique de Normandie, въ двѣнадцатой части du Récueil des hist. de la France, p. 229.

22. Ригорть называетъ его regis Philippi magnanimi specialem amicum.

23. Vexillum floribus lilii distinctum. Объ нихъ въ первый разъ упоминается въ исторіи этого народа.

24. Такъ говорятъ Нѣмецкіе писатели. Французы утверждаютъ, что онъ ускокалъ по своей собственной трусости.

25. Chronicon de Mailloos apud Scheidium, Origines Guellicae p. 351.

26. На правомъ берегу рѣки Ольво, близъ того мѣста, гдѣ дорога изъ Кремоны въ Брешию просѣкаетъ эту рѣку.

27. Побѣжденные Сарацины были переселены въ 1223 году изъ Сициліи въ Луццару, и образовали тамъ втеченіи вѣка небольшое, самостоятельное государство. Они весьма хорошо стрѣляли изъ луковъ, составляли лучшую легкую пѣхоту и были неизмѣнными приверженцами Швабскаго Дому.

28. Чтобы въ военныхъ предпріятіяхъ избѣгнуть затрудненій, неотлучныхъ отъ тогдашняго образа дѣйствій, Медиоланцы сформировали семь конныхъ ротъ, каждую въ тысячу лошадей. Начальники этихъ ротъ должны были дать клятву, скорее умереть чѣмъ бѣжать. Изъ ротъ этихъ составлялась еще отборная Compagnia di forti или de gaiardi, которая обязывалась никогда не оставлять главнаго знамени.

29. Напримеръ, при осадѣ Антиохіи атаковали только трое воротъ.

30. Въ XIII столѣтіи, для производства бреши употребляли въ особенности машины Igelswehrg, состоящей изъ остроконечнаго бревна, окованнаго желѣзомъ и повѣшеннаго для удобнѣйшаго раскачиванія.

31. Авторъ имѣлъ весьма мало точныхъ свѣдѣній о машинахъ. Исключая Висской Библіотеки, ни въ какой другой мѣстѣ довольно матеріаловъ для составленія поліорцетники того времени. Blyden, Bleyden, есть общее названіе метательныхъ орудій. Mango, Petregr, были обыкновенно употребляемыя метательныя машины, устроенныя вѣроятно по образцу дров-

нихъ. Чѣмъ они отличались отъ машинъ, называемыхъ *Fugtmern, Rutten* и *Anwerk*, неизвестно. Рутты, кажется, бросали искусственные огни, а анверкъ — камни. При осадѣ Куттенберга цейхмейстеры Альберта выстрѣлили изъ одного анверка, большія, наполненыя горючимъ составомъ ядра, которыя при паденіи горѣли великимъ пламенемъ.

32. При этомъ употребляли машину, называемую «лсцою» (*Fuchs*), посредствомъ которой можно было подкапываться подъ стѣну.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ТРЕТЬЕЙ.

1. Проконій называетъ эту должность *paredre ein, symbolon einai*, быть помощникомъ, совѣтникомъ.

2. *Gibbon, VIII, cap. XLVI.*

3. Между Туинсомъ и Кароагеномъ, въ гористомъ входѣ въ полуостровъ, на которомъ лежалъ Кароагенъ.

4. Равнина Булле находится въ четырехдневномъ переходѣ отъ Кароагена; она простирается подъ городомъ Бая (въ древности *Вакка*), гдѣ нынче бываетъ великая ярмарка хлѣбомъ, и называется равниною Бусдера. Мѣсто это соединяетъ въ себя всевозможныя удобства для сбора многочисленной арміи и обезпокоиванія непріятели, запылавшаго Кароагенъ.

5. Отъ *Vandum (vexillum)*, — варварское названіе, принятое Греками и Римлянами. Греки называли своихъ знаменщиковъ *bandolarios*.

6. Объ упорствѣ этого боя можно получить нѣкоторое понятіе, между прочимъ изъ того, что одинъ готскій знаменщикъ по имени *Visandus*, получивъ тринадцать ранъ, еще не оставлялъ своего мѣста.

7. *The battlements or bastions were shaped in sharp angles*, — такимъ образомъ Гиббонъ объясняетъ Проконія.

8. Остія лежитъ на лѣвомъ берегу; ее не должно смѣшивать съ *Portus — Porto*.

9. Отъ 24-го февраля 537 до 5-го марта 538 года.

10. Phalanx perpendicularè, тактической строй, не встрѣчающійся въ предшествовавшихъ его царствованію греческихъ писателяхъ. Смотри тактику Эліана, 48.

11. Располагаясь занять зимовья квартиры, онъ искалъ совѣта въ книгѣ Евангелія. Развернувъ ее, нашелъ на первомъ листкѣ мѣсто, изъ котораго можно было заключить, что искомая имъ страна есть Албанія.

12. Она простиралась отъ Селимбрин до Диркоса и имѣла двадцать футовъ высоты.

13. Переводъ этого сочиненія докторомъ Ф. Кангиссеромъ авторъ считаетъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенно удовлетворительнымъ.

14. Дара, по мнѣнію Нибура, Кара, Дерре, по мнѣнію Киннира, Константина-Дара; городъ этотъ и нынче имѣетъ сильныя укрѣпленія.

15. «A third platform, spacious and secure was raised on the summit of the lowers», говоритъ Гиббонъ.

16. Для этой цѣли употреблялись уже тогда земляные мѣшки, а именно, при Петръ Персы нано шили пескомъ мѣшки, въ которыхъ была доставлена мука. Проконій, Перс. Достоп., I.

17. Историки называютъ ее обыкновенно Драко, но рѣки такого названія никто не знаетъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ЧЕТВЕРТОЙ.

1. Отдѣльный обзоръ военныхъ учрежденій у Сарациновъ и у Турковъ завлекъ бы автора слишкомъ далеко, и потому въ этой главѣ разсматриваетъ въ большей подробности прежде однѣ, а потомъ другія, соответственно тому какъ эти восточные народы приходили въ соприкосновеніе съ Европейцами.

2. Hist. de la dominacion de los Arabes en Espanna por. D. d. A. Conde.

3. Изъ пѣкоторыхъ частныхъ случаевъ можно усмотрѣть необыкновенное одушевленіе этихъ армій. Одинъ Сарацинъ, по имени Дераръ, почти безъ оружія, встрѣтилъ римскій отрядъ на равнинѣ акинадійской; тридцать отборныхъ воиновъ было послано взять его въ плѣнъ, но Дераръ смѣло поскакалъ имъ на встрѣчу, убилъ семнадцать человекъ, и возвратился въ свой лагерь. Тутъ онъ съ смиреннымъ духомъ сознался товарищамъ въ своемъ смущеніи, что Богъ видѣлъ его обратившаго тылъ врагамъ. Поклонники пророка ждали съ восторгомъ славной смерти въ бою, чтобы сдѣлаться достойными благъ обѣщаннаго за это рай. Среди кровавой брани, каждый мусульманинъ неустрашимо шелъ на встрѣчу смерти и завидовалъ тѣмъ, которые дѣлались ея жертвами, потому что передъ сраженіемъ воины говорили о радостномъ свиданіи въ рощахъ райа и у источниковъ, которые Богъ приготовилъ для храбрыхъ. Женщины даже не уступали въ этомъ отношеніи мужчинамъ: доказательствомъ можетъ служить трогательный примѣръ супруги Аббаса, о которой упоминаетъ Гиббонъ въ 10-й части II главъ. Marigny въ своей *Histoire des Arabes*, говоритъ: «les femmes suivaient leurs maris; c'étaient elles qui battaient le tambour à la tête de leurs tribus 1. p. 23. Въ битвѣ при Ярмукъ (656) женщины подъ предводительствомъ сестры Дерама образовали послѣднюю линію, которая упреками и даже стрѣлами принуждала отступавшихъ мужчинъ три раза возвращаться къ бою.

4. Нынче Хересь, близъ Кадикса; у Римлянъ *Asta regia*. Кардоннъ ошибочно называетъ это мѣсто *Лете*.

5. Такимъ образомъ Конде отзывается объ этомъ сраженіи. Кардоннъ, въ своей *Histoire de l'Afrique et de l'Espagne sous la domination des Arabes*, отклоняясь отъ этого мнѣнія, говоритъ, что, еще за семь дней до сраженія, Аравитяне начали распространяться во всѣ стороны, а что сраженіе было рѣшено черезъ измѣну епископа Опаса. По словамъ его король пропалъ безъ вѣсти, и неизвѣстно нашелъ ли смерть въ бою или во время бѣгства. Разсказъ Гиббона еще болѣе различествуетъ. Основательнѣйшимъ кажется мнѣнію Ашбахъ, изложенное въ его исторіи Омміадэвъ.

6. *Histoire de St. Louis*, p. 38. Paris, 1638, par Joinville.

7. Смотри императора Льва XVIII *Inst.*

8. Эта долина заключается съ сѣверной стороны горою Инъ-Энгли, съ востока селеніями Таушанлы и Гюрментъ, а съ запада селеніемъ Бинъ-Энгли, отстоящемъ не болѣе полу часоваго перехода отъ Дорилеона. Вся долина прорѣзана рѣкою, текущею по направленіи съ запада на востокъ (вѣроятно древнимъ Батисомъ). Альбертъ Аахенскій называетъ эту долину Догорганги, что, кажется, и есть настоящее ея названіе на востокъ, изъ котораго латинскіе писатели взяли слово Горгоны, потому что оно болѣе краснорѣчиво выражаетъ ужасы этого боя. Оцелись есть греческое названіе того мѣста. Смотри Мишо, Ист. Крестовыхъ походовъ, I, книга 2.

9. Не зная восточныхъ обыкновений, Робертъ считалъ себя однажды обиженнымъ тѣмъ, что все рыцари должны были стоять, когда императоръ Алексій говорилъ къ нимъ сидя. Требуя нѣкоторымъ образомъ удовольствіенія отъ императора, онъ получилъ въ отвѣтъ слѣдующее наставленіе: «Если вамъ не удавалось донынѣ найти себѣ враговъ, то теперь достойныхъ васъ встрѣтите весьма скоро. Остерегайтесь тогда находиться въ передовой или затыльной стражѣ; избирайте для себя лучше какое нибудь мѣсто въ центрѣ арміи. Опытъ научилъ меня какъ сражаться противъ Турковъ.» Съ этими словами императоръ оставилъ рыцаря.

10. Большой вѣрности въ числахъ здѣсь нельзя требовать: они взяты изъ разсказа восточныхъ писателей.

11. *Armati in novem turmis indecebant. Erant autem tres a tergo, tres a fronte, tres in medio*, говорятъ летописцы того времени. Мы послѣдовали описанію Такса и Вилькенса, которыя различествуютъ съ разсказомъ Мишо.

12. *Flagella ferrea et saevissima, quibus lorica et clypeos gravi ictu penetrabant, etc.*

13. Тутъ въ первый разъ въ военной исторіи упоминается о пѣхотѣ, какъ объ отдельномъ корпусѣ войскъ, достойномъ вниманія.

14. Самая осада продолжалась съ 24-го мая 1218 по 5-е ноября 1219 года.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВЪ

1. Обыкновенно Англичане раздѣлялись на lords, knights and bachelors.

2. Мы знаемъ два сочиненія, Т. Робертса и Мозелея, въ которыхъ находится прекрасныя свѣдѣнія о примѣненіи луковъ къ военнымъ цѣлямъ, въ особенности въ Англии.

3. Лигардъ прилагаетъ къ IV тому, страницъ 164, своей исторіи Англии, списокъ арміи, съ которою Эдуардъ III осаждалъ Кале. Такихъ списковъ арміи, съ которою Генрихъ V началъ достопамятную свою экспедицію, авторъ не могъ найти въ сочиненіи Элиса, *Original lettres illustrative of english history etc.*

4. Брантомъ называетъ ихъ, *des marauts, bellistres, mal armez, mal complixonnez, faincans, pilleurs et mangeurs de peuples.*

5. Полагаютъ, что армія его состояла изъ четырехъ тысячъ лордовъ рыцарей и служителей (lords, knights and custrels), десяти тысячъ стрѣлковъ изъ лука (archers) и шестнадцати тысячъ пѣхоты (footem, bille).

6. На картѣ Кассини это мѣсто называется *Blanche-Taque.*

7. *Ses archers traine fortement aux Français qui estaient en l'au et sur le rivage. Froissard.*

8. *Les plus bacheleureux et les mieux montés en avant. Là eut en la rivière fait mainte jouste et maint hommes renversé d'une part et d'autre. Là commence un fort butin, car Messire Godemar et les siens defendent vaillement le passage. Froiss.*

9. Виллани, о которомъ будетъ еще говорено въ послѣдствіи, говоритъ только: *Inauzi che la battaglia si cominciassse, apparono supra le dette osti due grandi corbi, gridando et grocchiando, e poi piove una picciola aqua e ristata si comincia la battaglia.*

10. На другой день они были найдены на этомъ мѣстѣ, гдѣ нашли смерть. Лошади ихъ были связаны другъ съ другомъ. Эдуардъ, видя богемскихъ рыцарей на полѣ сраженія, уда-

влялся, какъ они могли жертвовать жизнью за столь изпа-
чительное жалованье. Увидѣвъ трупъ богемскаго короля, онъ
воскликнулъ: «Этотъ долженъ былъ умереть на другой по-
стели!» Украшеніе шлема умершаго короля, состоявшее изъ
трехъ страусовыхъ перьевъ съ надписью «Я служу», пере-
шло въ гербъ принцевъ Валлійскихъ, въ которомъ нахо-
дится оно донынѣ.

11. Giovanni Villani (1348) написалъ сочиненіе *Istoria de
suoi tempi*, ст. 1286 по 1348 годъ. Въ XII книгѣ,
главъ 65, описана битва подъ Кресси. Такъ какъ это сочи-
неніе очень рѣдко, то прилагаемъ здѣсь мѣсто, относящееся
къ нашему разсказу. Послѣ описанія боеваго порядка и
стрѣлковъ обѣихъ армій вообще, Виллани говоритъ: «*che
quando, i Genovesi belestravano uno quadrillo de balestro
quelle saettavano 3 saette co loro archi che pareva in aria
uno nuvolo e non cadieno in fallo senza fedire genti e
cavalli, senza i colui delle bombarde que faceno si grande
timolto con romore, che pareva chi Iddio tonesse con grande
occisione di gente e sfondamento di cavalli. Ma quelle,
prodozzaetъ онъ, che peggior fece alloste de franceschi
si fu che essendo il luoco stretto da combattere, etc.*

12. Chap. 128 p. *Ceux le Roi fit faire un grand pare
près d'un bois derrière son ost* (боевой порядокъ) et là
*mettre tous chars et charettes, fit entrer dedans ce parc
tous ces chevaux et demeura chacun homme d'armes et
archer à pied.*

13. *Being in so great numbers, do dim the light of the
sun, darken the air, aud cover the earth with their vol-
lies of arrows,* говорятъ англійскіе писатели о дѣйстви
стрѣль въ этомъ сраженіи. Впрочемъ этотъ градъ стрѣль
они сравниваютъ *to the fall of hail aud snow, and the
motes in the sun.*

14. *Là ent grand presse et grand tirées entour le roi,
car chacun s'efforçoit de dire je l'ai pris, je l'ai pris, et
ne pouvaut le roi aller avant ni Messire Philippe son
mains né fils. Froissard.*

15. Это видно изъ Фроассара, страница 286: *ni aussi le
Roi, ni les maréchaux ne purent adonc être maître de
leurs gens, car il y avait si grand gens et si grand nombre
de grands seigneurs que chacun voulait là montrer sa
puissance. Si chevauchèrent en cet état sans arroi et sans*

ordonnance si avent qu'ils s'approchèrent leurs cunctis et qu'ils les voyoient en leur présence.

16. Apud Anglos in sagittis unica spes et praeccipua gloria crebris victoriarum proventibus parta. Любятъ присовокуплять потомъ о французскихъ всадникахъ: quo nihil acius atque vehementius olim fuit egregie sustinuerunt. Pauli Jovii Descript. Britanniae, I, 16.

17. Il entreroit au royaume de France si puissamment et il demeureroit tant qu'il aurait fin de guerre, ou bonne paix, à son honneur et plaisir, говорить, по словамъ Фроассара, Эдуардъ объ этомъ походе.

18. Государственные чины Франціи, собранные въ 1338 году Филиппомъ, опредѣлили жалованье слѣдующимъ образомъ: Le simple piéton 12 déniers tournois par jour, l'arbalétrier 15 déniers; l'écuyer 6 sols 6 déniers, le simple chevalier 10 sous; le chevalier banneret 20 sous; le simple gentilhomme servant à pied 2 sous. Но солдатъ долженъ былъ самъ стараться объ оружіи и лошади. По нашему курсу дневное жалованье пѣшаго солдата составляло шестьдесятъ копѣекъ, а рыцаря двѣнадцать рублей. Въ арміи Эдуарда графъ получалъ въ сутки шесть шиллинговъ восемь пенсовъ, баннеретъ четыре шиллинга, рыцарь два шиллинга, оруженосецъ, центенеръ и капитанъ одинъ шиллингъ, вшитенаръ и конный стрѣлокъ шесть пенсовъ, пѣшій стрѣлокъ три пенса, а валлійскій пѣхотинецъ два пенса.

19. Получивъ этотъ приказъ, Англичане стали на колѣни, и взяли сырой земли въ ротъ. То же самое сдѣлали Фламандцы въ битвѣ подъ Куртрэ (1502). Des prêtres (говорить Сисмонди объ этомъ сраженіи) avaient célébré la messe devant eux; mais au lieu de s'approcher pour recevoir la communion, chaque soldat, sans sortir de son rang, s'était baissé, avait pris un peu de terre à ses pieds, qu'il avait porté à sa bouche, et s'était ainsi voué en silence pour la defence de son pays à une mort qui paraissait presque certaine.

20. Встрѣчая подобныя отзывы о французскомъ дворянствѣ того времени, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Сисмонди: «une noblesse farouche, ignorante, avide de pillage, sans élévation d'âme, sans patriotisme, et qui dans plus d'une occasion s'était montrée même sans courage, говорить онъ во II части, стр. 435 своей Hist. des Français.

21. In vain French artillery was discharged with all the

vigour of those who served it; it injured few. The Hist. of England during the middle ages by Sharon Turner, London, 1825.

22. Здѣсь пропущено вѣщеніе нѣкоторыхъ лѣтописцевъ и писателей, будто бы Австрійская кавалерія, взобравшись на гору, атаковала засаду; потому что кавалерія того времени не могла этого сдѣлать.

23. Многіе писатели, и даже полковникъ Виландъ, въ Военной Книгѣ Швейцарцевъ, полагаютъ, что Швейцарцы употребили въ этомъ случаѣ военные колесницы; но это предположеніе отвергается другими, а именно, Галлеромъ фонъ Кенигсфельденомъ.

24. Любители сравненій могутъ здѣсь найти сходство съ извѣстною системою Бюлова.

25. Всѣ свѣдѣнія о великолѣпномъ состояніи этой арміи могли бы показаться преувеличенными въ описаніяхъ побѣдителей, если бѣ истины нельзя открыть было въ другихъ современныхъ источникахъ. Напримѣръ, довольно вспомнить встрѣчу императора Фридриха III и Карла въ Трирѣ. Но внимательный читатель легко замѣтитъ, что это великолѣпное воинство было совершенно женское: оно весьма не понравилось простодушнымъ Пѣмцамъ, составлявшимъ дружину императора.

26. Toute cette armée nouvelle, mal exercée et composée de gens mécontents ou d'étrangers soudoyés; des capitaines inquiets de l'avenir à qui tardait de quitter un service toujours aventureux et maintenant si mal favorisé de la fortune; des serviteurs las d'un maître si dur qui, dans le malheur, leur montrait moins de confiance encore et d'affection que dans la prospérité; enfin ce chef lui même n'ayant plus, à vrai dire, la plénitude de sa raison, plus incapable que jamais d'un conseil, ayant perdu son habilité guerrière, malade, et sans cѣsse passant de la colère à une sorte d'engourdissement. Такимъ образомъ Барантъ, пользуясь источниками, Комишоу и Голлютомъ, представляетъ камъ Карла и его армію.

27. On eût dit que tous les passages de la Bible où il est parlé du lion avoient été choisis pour lui donner des louanges qu'il aimait, говоритъ Барантъ въ своей «Исторіи герцоговъ Бургундскихъ».

28. Такъ полагаетъ Барантъ въ своей Histoire des ducs de Bourgogne, что при Муртенѣ армія Швейцарцевъ была

сильнѣе непріятельской. Кромѣ того онъ упоминаетъ только отъ осьми до десяти тысячахъ убитыхъ, и изъ которыхъ почти половина лишилась жизни послѣ сраженія.

29. Когда преступникъ Гагенбахъ узналъ въ темницѣ, что для суда его прибыли еще новыя лица, и спросилъ смотрителя, кто они таковы, тотъ отвѣчалъ, что онъ ихъ не знаетъ. Гагенбахъ спросилъ еще: тѣ ли это люди, довольно дурно одѣтые, большіе и сильные, съ бодрымъ взглядомъ, которые ѣдутъ на лошадахъ съ обрѣзанными ушами? Когда смотритель подтвердилъ это, преступникъ узналъ Швейцарцевъ.

30. Маркусъ Грекусъ, Марко Греко, Графосъ, по мнѣнію однихъ Еврей, по словамъ другихъ Грекъ, первый описалъ изготовленіе пороху *ad comburendos hostes*, въ своемъ сочиненіи *Liber igneum*, котораго рукопись, кажется, сохранилась донинѣ въ Оксфордѣ. Онъ взялъ для этой цѣли одинъ фунтъ сѣры (*sulph. viv.*), два фунта угля (*carb. salicis*) и шесть фунтовъ селитры (*salis nitrosi*). О дѣйствиі этого состава говорятъ подробно Беконъ. Въ VI главѣ его сочиненія *De secretis operibus naturae*, сказано объ употребленіи пороху: *quod si subito et de nocte arteificio sufficienti fierent, nec posset civitas nec exercitus sustinere.*

31. *Historia de la dominacion de los Arabes en Espanna*, etc. Madrid, 1820. Нѣмецкій переводъ — Рушмана.

32. Это мѣсто находится въ приведенномъ уже сочиненіи, въ XVIII главѣ: *Ismail combatio la ciudad de dia y de noche con maquinas y ingenios que lanzahan globos de fuego con grandes truenos, todo semejantes a los rayos de los tempestades, y hacian gran estrago en los muros y torres de la ciudad.*

33. Французы говорятъ, что они въ новѣйшее время нашли въ замкѣ Куси пушку съ надписью 1258 года. Можетъ быть, что это обстоятельство подобнаго роду какъ пушки въ Амбергѣ.

34. Глава 195. Названіе «артиллерія» существовало во Франціи долго до открытія пороху. *De Vegenère* первый переводчикъ Опосандрова «Военнаго искусства» производитъ это слово отъ *arcus* (лукъ) и *telum* (снарядъ). Allent подразумеваетъ подъ этимъ *canons et bombardes portatives*.

35. Мы предлагаемъ здѣсь италіянскія названія, потому что французскія только-что были нами исчислены.

36. Довольно замѣтить, что нази рыцарей обвѣхъ армій

сражались весьма упорно нѣсколько дней, чтобы постигнуть духъ противныхъ сторонъ. Это напоминаетъ намъ вражду двѣтъ при осадѣ Антиохіи.

37. Les pourviandes de toutes parts arrivaient et foins, d'avoines, de tonneaux de sel, d'oignons, de verjus, de biscuit, de graisses, de moyeux (jaunes) d'oeufs battus en tonneaux, et toute chose dont on se pouvait aviser ni pourpenser, que qui ne le vit adoncques il ne le voudra ou pourra croire. Froiss. с. 24.

38. Касательно полевыхъ укрѣпленій, построенныхъ Людовикомъ въ 1250 году на берегахъ Нила, смотри любопытныя записки Жоивилля (Joinville), которыхъ нельзя читать безъ удовольствія.

=

ПРИМѢЧАНИЯ КЪ ГЛАВѢ ШЕСТОЙ.

1. Это выраженіе встрѣчается здѣсь впервые. Когда спросили папскаго легата кардинала Юліана, не понимавшаго нѣмецкаго языка, знаетъ ли онъ, о чемъ говорятъ, тотъ отвѣчалъ поспѣшно: *Satis intellexi, numerum contingentim notatis*. Это выраженіе осталось, и донынѣ употребляется въ томъ же значеніи.

2. Въ это время банды и компаніи (нѣмецкіе *condottieri*) бушевали въ Германіи. Такъ какъ объ нихъ здѣсь ничего не сказано, то смотри сочиненіе Истенцеля, страница 245.

3. По словамъ Буршейда (въ Стратегіи и тактикѣ императора Льва философа) кумъ, значило прежде помощь, кумпанъ, *другъ*, помощникъ, а кумпанеу, общество, *дружина*.

4. Маршалы (*Marsckalle, Marsckalke*) начальствовали двѣнадцатю лошадыми. У Французовъ осталось донынѣ соответствующее названіе *maréchal de logis*.

5. Глефе значило обыкновенно и пять хорошо вооруженныхъ пикинеровъ. Лѣтописцы называютъ ихъ *Glevien, Gläven, Glaffen*, также *Geläne* или *Glen*. Въ славянскихъ языкахъ это называлось *прапоръ*, *пропорецъ*, то есть, пика со значкомъ, какъ у нынѣшнихъ улановъ, которыхъ коше до сихъ поръ называется у Поляковъ *proporzec. Fahne, Vau*,

ban, bannière должно переводить *хоругвь*. Отъ перваго слова происходило *прапорный*, отъ втораго *хоружий*. Подробности эти очень важны и достойны вниманія русскихъ читателей, потому что безъ нихъ нельзя понять съ точностью организациі войскъ малороссійскихъ и польскихъ, особенно во время войнъ періода Самозванцевъ.

6. По словамъ нѣкоторыхъ, Фридрихъ не имѣлъ ни какихъ извѣстій съ своего брата Леопольда, потому что у послѣдьяго монахи въ Фюрстенфельдѣ украли лошадей и воспрепятствовали имъ продолжать дорогу.

7. Въ казнѣ императора, въ день сраженія, пахондилось только одиннадцать фунтовъ геллеровъ (Heller). Вечеромъ недостатокъ въ продовольствіи былъ столь великъ, что императоръ и его свита должны были довольствоваться нѣсколькими яйцами. Когда каждый взялъ по одному яйцу и осталось еще одно, императоръ сказалъ шутя: «Всѣмъ по одному, а Швепперману два!» Это обратилось въ пословицу, которая существуетъ донынѣ въ Германіи.

8. Фридрихъ, узнавъ названіе замка, сказалъ со вздохомъ: «По справедливости онъ называется Traus nit (не вѣрь ему), потому что я бѣ никогда не повѣрилъ, чтобы меня здѣсь привели.»

9. Они называются также Drischel въ рѣдкомъ пыщѣ сочиненіи Захарія Теобальда, О Войнѣ Гусситской.

10. Neue erfundene Spiese, mit krummen Hacken damit sie di Rayssigen von Rossen rissen, говоритъ Теобальдъ.

11. Императоръ Фердинандъ I, проѣзжая черезъ Чаславъ, остановился въ церкви чтобы помолиться, но, узнавъ, что Зиска здѣсь погребенъ, закричалъ: Bestia mortua post centum annos terret vivos!, и тотчасъ отправился въ дорогу съ тѣмъ чтобы ночевать въ Куттенбергъ, хотя въ Чаславѣ все было приготовлено къ почлегу.

12. Относительно метательныхъ машинъ, употребляемыхъ въ это время (Schlenker, Schlander, Plauder, Blyde, etc.), смотри весьма извѣстныя Militärischen Mittheilungen (3 Bd., 3 Heft, 1829), въ которыхъ объ этомъ предметѣ можно найти весьма основательныя свѣдѣнія. Тамъ же находится изображеніе одной метательной машины, существовавшей еще въ 1809 году въ крѣпости Hohen Salzburg.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ГЛАВЪ СЕДЬМОЙ.

1. Уже во II-мъ вѣкѣ существовала здѣсь правильная система финансовъ, ходила почта по всему государству, и были введены многія хорошія государственныя учрежденія.

2. Въ 1421 году онъ тщетно приказалъ, въ Трансильваніи, каждому третьему дворянину и каждому десятому мужику вооружиться.

3. Янкѣ значитъ по-турецки эхо, а по-гречески — уменьшительное имя отъ Іоаннъ. Гуньядь получилъ отъ своихъ названіе Јанко, Ванька.

4. 1589 года іюня 15-го Мурадъ I былъ здѣсь разбитъ, а потомъ умерщвленъ.

5. По словамъ Гаммера, впереди янычаръ находился ровъ, потомъ верблюды и щиты, воткнутые въ землю, образовали тройную оборонительную линію. Это, кажется, былъ болѣе порядокъ разбитія лагеря.

6. По словамъ Гаммера, Турки обошли правое, а христіане лѣвое крыло своихъ противниковъ, и сраженіе было рѣшено преимущественно измѣною Волоховъ.

7. Праздникъ Пресображенія, установленный папою Каликстомъ III въ память снятія осады, служить вѣрнымъ доказательствомъ высокой степени важности, какую имѣло тогда это событіе.

